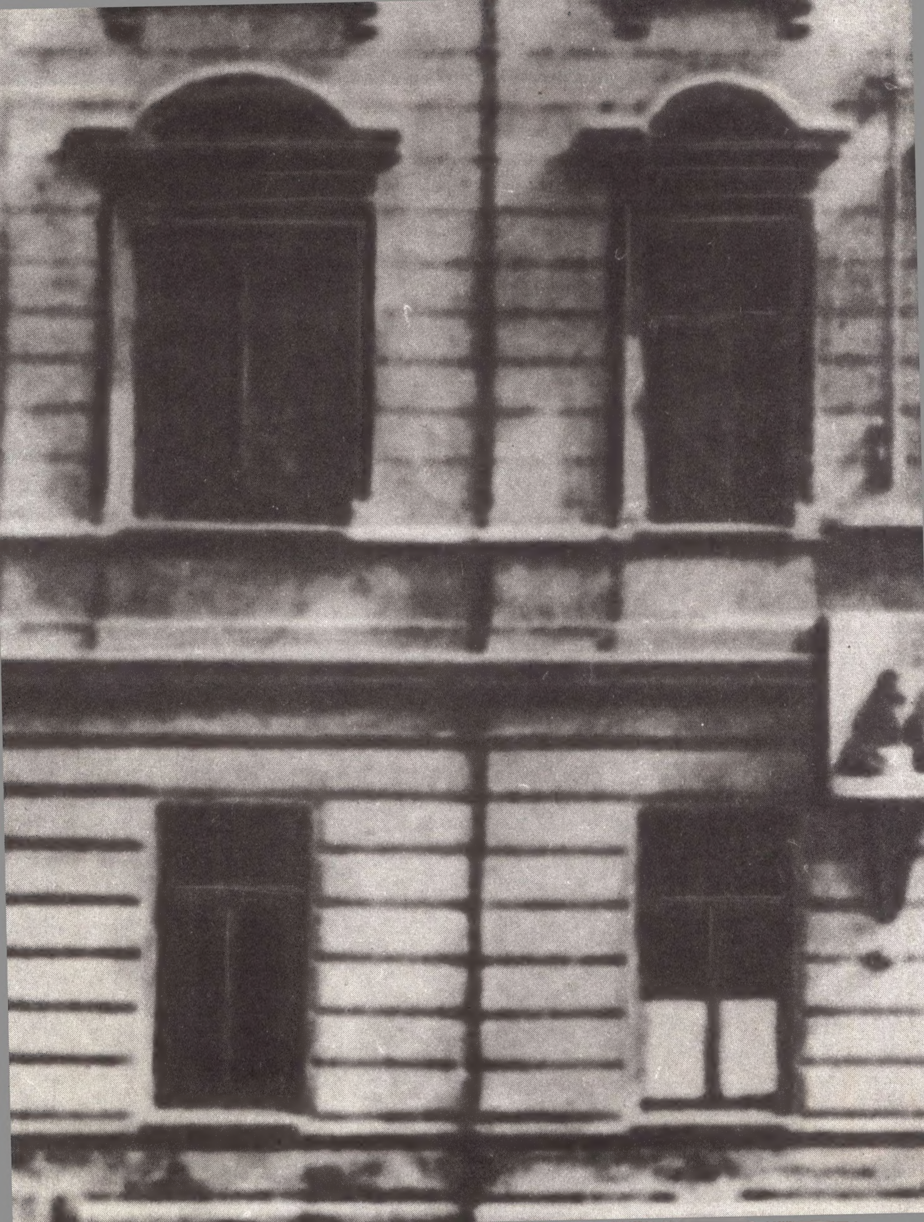
ЮЛИУС ФУЧИК

2

ПОЛИТИЗДАТ



ЮЛИУС ФУЧИК

ИЗБРАННОЕ

Книга 2

СТАТЬИ
И ОЧЕРКИ
О СОВЕТСКОМ
СОЮЗЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
О ЮЛИУСЕ ФУЧИКЕ

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

84(4Че)
Ф96

Фучик Ю.

Ф96 Избранное. Кн. 2.— М.: Политиздат, 1983.— 447 с., ил.

Во вторую книгу вошли статьи и очерки Юлиуса Фучика о Советском Союзе, а также воспоминания о Юлиусе Фучике.
Ряд материалов публикуется на русском языке впервые.
Книга рассчитана на массового читателя.

Ф $\frac{\textbf{0900000000—054}}{\textbf{079(02)—83}}$ **КБ—39—4—82** **84(4Че) + 66.61(4Че)**
И(Чехосл) + 3КИ1

Юлиус Фучик в Советском Союзе (1934 г.)

Встреча Ю. Фучика во Фрунзе (1930 г.)

Ю. Фучик среди членов кооператива «Интергельпо», Фрунзе (1930 г.)

Да здравствует союз
Рабочих и Дехкан!

Удостоверение № 189

Пред'явитель сего тов. Фучик Юлиус Кар.

является членом Фрунзенского Городского Совета Рабочих, Дехканских и Красноармейских депутатов IY созыва.

Место для фотографической карточки

Предгорсовета

Пред. Манд. Комиссии

Отв. Секретарь Горсовета

Ю. Фучик — почетный боец Киргизской конной дивизии, Фрунзе (1930 г.)

В Алма-Ате (1934 г.)

Среди врачей Самаркандской больницы (1935 г.)

Беседа с рабочими завода «Фрезер», Москва (1935 г.)

Перед отъездом из СССР в Чехословакию (1936 г.)

У памятника Ю. Фучику в Киргизии

Памятник Ю. Фучику в Брно

Памятник Ю. Фучику в Дрездене

Портрет Юлиуса Фучика художника М. Швабинского

Учащиеся профтехучилища металлургического комбината в Кунчицах (ЧССР) читают произведения Ю. Фучика

Уроки Юлиуса Фучика в чехословацком горном училище

Пионерский отряд имени Ю. Фучика, Часлав, ЧССР (1979 г.)

*Произведения Ю. Фучика,
изданные на языках
многих народов мира*

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

МЫ НАРУШАЕМ ГРАНИЦУ И ЗАКОН

События, описанные в этой книге [1], началис: в солнечный день.

Весна, апрель 1930 года. Воскресенье. Погожий день, подходящий для загородной прогулки. Солнечный луч скользнул по моему лицу и разбудил меня. Ночью я спал неспокойно, чутко, видел какие-то сны, слышал, как часы отбивали четверти, и в результате чуть было не проспал.

На пражском вокзале шумят тысячи туристов. Длинный язык поезда то и дело облизывает перрон и уносит сотни людей в леса и к рекам. Мы совсем затерялись в шумной утренней толпе, и это как раз то, что нам нужно.

Нас пятеро среди тысяч других. Как тысячи других, мы сядем в поезд, как тысячи других, будем искать свободные места и сердито коситься на тех, кто уже занял их, как и тысячи других, мы развернем свои пакеты с едой, когда повальное желание завтракать охватит весь поезд, как тысячи других, мы будем глядеть на цветущие деревья и быстрые ручьи, пробегающие за окном, и, как тысячи

[1] Речь идет о книге «В стране, где завтра является уже вчерашним днем».— *Прим. перев.*

других, выйдем из поезда, доехав до места, куда мы собрались в это чудесное апрельское утро.

Но от начала до конца нашей «прогулки» пройдет больше времени, чем у всех остальных. Между началом и концом нашего пути лежат многие сотни километров; наши лица не всегда будут веселыми и беззаботными.

Мы — туристы, которые нарушают закон.

В конце нашего пути — леса дремучее наших и реки шире тех, по берегам которых будут прохаживаться наши соседи по купе, здания прочнее и величественнее старых крепостей и замков, о которых читают наши попутчики в своих справочниках.

Мы уезжаем в Советский Союз.

И мы едем без паспортов.

Еще вчера мы прочли «мудрый» совет социал-демократического журналиста:

«Пусть те, кто восхваляет диктатуру пролетариата, поедут посмотреть на нужду и рабство в стране, где она существует. Пусть поговорят с русскими рабочими, и те им скажут — если, конечно, за спиной у них не будет стоять агент ГПУ,— как они жаждут освобождения из большевистского рая. Пусть, если им не нравится наша демократия, съездят туда и поглядят, а потом, когда вернутся, честно расскажут правду... если только они не умрут там с голоду».

Мы не из робкого десятка. И не испугались ни агентов ГПУ, ни голодной смерти. Мы получили приглашение, мы были избраны в состав делегации и решили поехать, посмотреть и, вернувшись, сделать отчет.

Труден, очень труден путь к правде из демократической республики, порядки которой нам не нравятся.

Благоразумный пожилой господин в темно-зеленой форменной одежде отрицательно покачал головой, со значительным видом снял телефонную трубку, положил ее и устало, а потом сердито повторил: «Нет».

Он не дал нам паспортов. Он даже не спросил нас, что мы хотим видеть в этой «страшной» стране, даже не пугал нас голодом и не ждал, что мы скажем, когда вернемся.

Может быть, он знал это наперед? Очевидно. Наверное, у него были и другие сведения о Советском Союзе, не такие, как у его друга-журналиста.

«Отклонить по соображениям общественной безопасности»,— написал он на нашем заявлении, и перед нашим домом теперь ходит незаметный человечек. А мы тем временем, наплевав на безопасность общества, которое боится правды, пешком топаем через границу.

Эй вы, апрельское солнце и пограничные холмы, вы радуете нас! Пять туристов шагают по весенним тропинкам, восхищаются, как и положено, красотами природы, а сами думают о том, что лежит за тысячи километров впереди.

А вот и самая большая достопримечательность — пограничный каменный столб! Этот замшелый камень множится в нашем воображении, сотни их вырастают в мощную стену, она высится над нами, она выше деревьев. Как мы перелезем через нее?

Граница.

— Незаконный переход границы карается по закону! — предостерегающе напоминает товарищ Червенка, пражский металлист, никогда не забывающий, что он земляк бравого солдата Швейка.

Мы нарушаем границу и закон. Господин начальник полиции еще не знает об этом. Но когда незаметный человек, прохаживающийся перед нашим домом в Праге, поймет, что его бдительность обманута, тогда для нас приготовят маленькую прохладную комнату с жесткой койкой. Так они нас встретят, когда мы вернемся. Но поездка стоит этого.

Мы нарушаем границу и закон. Лесная тропинка бежит перед нами. Где-то впереди, совсем не по-туристски,

выругался товарищ Штраус, каменщик из Закарпатья. Беда! Мы в чужом краю, а навстречу нам медленно и неумолило движется стражник пограничной охраны, словно живой пограничный столб с ружьем и со штыком. Он один, а нас пятеро. И мы готовы на все, чтобы преодолеть это препятствие.

Он останавливает нас.

Он задумчиво нас созерцает. Он открывает рот...

Мы напряглись, как звери перед прыжком.

Он заговаривает с нами о... погоде! Он страшно недоволен жаркой весной и скучает здесь, в этом нудном одиночестве. Мы первые туристы, которых он встретил с утра. Наконец-то есть с кем поговорить.

Мы успокаиваемся. Наши напряженные лица оживляются улыбкой. Мы восторженно соглашаемся с ним во всем, касающемся погоды. Мы мобилизуем все свои способности приятных собеседников. Мы неправдоподобно веселы, хотя это кажется неправдоподобным только нам. Стражник провожает нас по самому рискованному участку, и в таком обществе мы гарантированы от всяких неприятностей, ибо находимся под его охраной, хотя могли бы быть под конвоем. Прощаясь, он дает нам советы, где можно хорошо и дешево переночевать, и мы тщательно записываем адреса отелей и ресторанов, куда никогда не покажем носа.

Он долго смотрит нам вслед задумчивым взглядом одинокого и скучающего стража границ. На прощание мы машем рукой этому добряку, от которого ускользнула неведомая добыча.

Сумерки постепенно закрывают путь. Внизу, в долине, шумит поезд. Сколько их уже перегнало нас в течение дня! Мы следим за его тусклыми огнями и ловим затихающий звук. Он идет в ту же сторону, куда идем мы.

Но почему же он не везет нас? Почему мы шагаем по этому чудесному краю, красоты которого нас не интересу-

ют? Почему мы тратим дни, которые принадлежат Советскому Союзу? Почему мы не мчимся в поезде к его границе, почему наше путешествие не начинается там, в Негорелом, под этой ведущей в новый мир аркой, о которой мы читали и слышали от тех, кто уже побывал там? Под этой простой и торжественной аркой первой советской станции, аркой с надписями: «Коммунизм сметет все границы», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Так мы хотели бы начать наше путешествие, так мы хотели бы торжественно въезжать под арку, а вместо этого шагаем пешком через границу.

«Почему?» — спрашивают мои товарищи и сердито надевают пиджаки, ибо уже вечер и холодно.

Почему рабочим мешают познакомиться с Советским Союзом? Почему препятствуют нам, делегатам, увидеть правду и рассказать о ней? Почему мы должны ничего не знать о стране, которая стоит в центре современной истории? Почему?

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Избранные очерки и статьи. М., 1950, с. 34—37.

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСА ФУЧИКА

Фрунзе, 11 июня 1930 г.

Папа, мама и все близкие! Чувствую себя замечательно. Ем за четверых, совершенно не ощущая никакой разницы между Средней Азией и Средней Европой. Только климат здесь несколько иной. Сегодня было 48 градусов. Мой загар соответствует этой температуре. Если я проведу здесь еще месяц, то даже специалист не отличит меня от киргиза. Я абсолютно счастлив. Встречают нас прекрасно. Мы во Фрунзе уже 14 дней и пробудем еще пять, хотя

первоначально рассчитывали всего на пять. Нас не хотят отпускать, и самим нам уезжать не хочется. Когда тебе, Либуше[1], кто-нибудь будет болтать о здешних ужасах, запомни, что над тобой бесстыдно издеваются. Я тут счастлив и доволен, а главное — здесь такая свобода и покой, что мы просто расцвели.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. О Средней Азии. Ташкент, 1960, с. 53.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КИРГИЗИИ

Строителям социалистической Киргизии прощальный привет от делегации чехословацкого пролетариата, всем товарищам, которые строят социалистическую Киргизию, которые дали нам возможность увидеть своими глазами это великое дело,— прощальный привет. Мы ехали в страну, о которой буржуазные сказочники рассказывали как о дикой экзотической стране. Но мы попали в страну, темпы строительства которой значительно выше, чем в самых передовых «наицивилизованнейших» странах капиталистического Запада. Единая кровь течет в жилах пролетариата Киргизии. Единая воля и творческая сила сплачивает его своей энергией. Трудящиеся Киргизии зарядили нас. То, что мы получили здесь у вас, мы повезем всему пролетариату Западной Европы. Спасибо вам за все. Мы обещаем, что не прекратим своей работы до тех пор, пока великая стройка социализма не начнется у нас, в будущей Чехословакии.

Советская Киргизия, 25 июня 1930 г.

---

[1] Сестра Фучика.— *Прим. перев.*

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА ВОСТОКА»

Наша делегация, прибыв в Среднюю Азию, была поражена колоссальнейшим размахом строительства. В особенности мы убедились в этом, побывав в Киргизии и Казахстане, в частности во Фрунзе и Алма-Ате.

В то время как капиталистические страны поражены острой безработицей (миллионы безработных пролетариев вынуждены буквально влачить жалкое существование), Советский Союз благодаря социалистической стройке не только ликвидировал безработицу, но фактически еще больше нуждается в обученных и подготовленных кадрах. Наше пребывание в Средней Азии убедило нас еще в том, что европейское и местное население республики рука об руку, без проявлений шовинизма и национализма, строит, индустриализирует, коллективизирует этот огромный край.

Правда Востока, 30 июня 1930 г.

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСА ФУЧИКА ГУСТЕ ФУЧИКОВОЙ

Арысь, 9 июля 1930 г.

Большой привет, путница, любящая бродить по горам. Сейчас я как раз смотрю с высоты 3400 метров на долину и голые горные склоны и вспоминаю те маленькие и красивые холмики, которые называют Крконошами[1]. Здесь

---

[1] Горы на северо-западе Чехии.— *Прим. перев.*

же горы немного превышают 4600 метров, но подняться до вершины я не могу: солнце уже постепенно клонится к закату, мне пора спускаться вниз, где ждет автомобиль и вся делегация. Здесь я один, только в нескольких сотнях метров подо мной видны киргизские юрты, где два часа назад меня так славно угостили. Девочка, никогда я не чувствовал себя таким свободным, как здесь. Тут прекрасно, и то что я вижу в СССР, превосходит самые смелые мои предположения. Передай всем привет и скажи, что за то, что я здесь увидел, стоит бороться.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. О Средней Азии. Ташкент, 1960, с. 58.

ДЕЛЕГАЦИЯ, КОТОРАЯ ВОЗВРАТИЛАСЬ [1]

Прага, 18 августа 1930 г.

Четыре месяца тому назад из Чехословакии в Советский Союз выехала рабочая делегация в составе пяти человек. Неделю назад она возвратилась.

Путешествие во Францию, Англию или Америку, как правило, более или менее частное дело. И если ты не обладаешь даром совершенно нового взгляда на вещи, с твоей стороны было бы лишь более или менее нескромным, если бы вслед за поездкой появились твои «Письма из...» или какой-нибудь иной лирический репортаж, претендующий на то, чтобы превратить это путешествие в общественное событие.

Путешествие в Советский Союз, даже если это не поездка специальной делегации, еще и сегодня (а как мы

---

[1] Печатается в сокращении.— *Прим. перев.*

смогли убедиться, сегодня более, чем когда-либо) может быть всем чем угодно, но только не частным делом. И поэтому необходимо дать отчет о каждом километре, который мы проехали, обо всех впечатлениях, которые мы накопили, знакомясь — благодаря приглашению чехословацкого кооператива «Интергельпо» в городе Фрунзе — с доброй пятой частью той огромной территории, над которой реет красный флаг Советов.

Мы уезжали в пору ожесточенных нападок на Советский Союз. Это, разумеется, не слишком точное определение времени, потому что в течение 13 лет существования СССР ожесточенные нападки на него не прекращались ни на один день. Но мы уезжали в ту пору, когда кампания клеветы против Советского Союза превзошла даже антисоветскую кампанию 1918—1920 годов.

Никто также, очевидно, не забыл еще лейтмотив тогдашней антисоветской симфонии: шумиху *об экономическом крахе Советов, о крахе пятилетки.* Они писали: Пятилетка — всего-навсего мыльный пузырь, блеф, с помощью которого обанкротившийся Советский Союз пытался ослепить критический Запад. Он только пускал пыль в глаза нетерпеливым кредиторам из Германии и Америки. Успехи пятилетки? Их не было. И если то тут, то там появлялась фотография нового завода или новой железной дороги, то это Советы делали только так, для показа, все это строилось только для заграничных делегаций, то есть являлось потемкинскими деревнями, за которыми скрывались нищета, голод и разруха. Таково было содержание пропагандистских кампаний каких-нибудь четыре месяца тому назад.

Мы проехали по Советскому Союзу 16 тысяч километров. На каждом из этих 16 тысяч километров мы видели глубокие следы пятилетнего плана великих работ. Мы побывали в Казахстане, в Киргизстане, в Узбекистане, в отдаленных уголках Средней Азии, где до сих пор не была

ни одна заграничная делегация. Если бы советские рабочие покрывали потемкинскими деревнями пятилетки только эти 16 тысяч километров, чтобы ослепить фальшивым блеском чехословацкую делегацию; если бы они заложили основы индустриализации отсталой Киргизской республики и обводнили Голодную степь только ради прекрасных глаз пяти граждан Чехословакии, они проделали бы для столь незначительной цели достойную и основательную работу.

Но теперь, после возвращения, мы прекрасно видим, что излишне опровергать все эти старые «аргументы» о мыльном пузыре, блефе, обмане и потемкинских деревнях. Это значило бы убивать труп. Четыре месяца — срок, которого обычно ни одна антисоветская ложь не выдерживает.

Сейчас применяется уже совершенно новый метод борьбы против Советского Союза. Пятилетка, влияние которой в СССР вы чувствуете на каждом шагу, которая изменяет жизнь 160 миллионов советских граждан и преобразует облик отсталой аграрной шестой части земли, превращая ее в страну промышленности, не могла не оказать своего влияния и на кампании, которые ведет против Страны Советов капиталистический мир.

Пятилетка перешагнула границы Советского Союза

Перелистав немецкие, французские или английские журналы, вы найдете сегодня на их страницах новое не немецкое, не французское, не английское слово, которое — *без перевода* — вошло в журнальный лексикон. Это слово — пятилетка. Так же как когда-то слово «большевик», так же как когда-то слово «совет», оно приобрело интернациональное звучание; его в равной степени хорошо по-

нимают без всякого перевода и английский промышленник, и немецкий рабочий, причем звучание этого слова, так же как слова «совет» или «большевик», вызывает столько же воодушевления в революционном пролетариате, сколько раздражения и зависти в буржуазии.

Дело в том, что за границы Советского Союза проникло не только звучание слова, но и весь его живой и революционный смысл.

Огромные успехи строительства социализма в СССР стали достоянием всего земного шара. Они удивляют и страшат старый мир. Разумеется, не прекращают поступать «сообщения» о «кровавых убийствах», о «терроре» и «пытках» в Советском Союзе. Наоборот, ужасы все нагнетаются. Если несколько лет назад буржуазные журналисты видели, как большевистские комиссары для возбуждения аппетита глотали жареных младенцев, сейчас они уже видят на вертеле взрослых Кутеповых. Но вместе с этими актуальными обработками кровавых историй столетней давности, почерпнутых из авантюрных повестей о Буффало Билле или Джеке из Техаса, на страницах буржуазных журналов появляется и нечто другое: длинные, обширные, серьезные сообщения о том, как осуществляется пятилетний план, весьма серьезные и основанные на исключительно точных данных размышления о том, что он означает для капиталистической экономики и «какой из этого может быть выход».

В СССР приезжает очень много рабочих делегаций. Но больше, чем членов таких рабочих делегаций, в Советском Союзе различных корреспондентов заграничных буржуазных журналов и ревю, внимательных буржуазных наблюдателей, которые шаг за шагом исследуют прочность основ хозяйственного плана, находят все новые и новые подтверждения его реальности и потом с осторожностью и даже предвзятостью, но не решаясь искажать факты, вырастающие у них перед глазами, информируют свои за-

граничные органы обо всем, что их поразило. Они не решаются искажать факты. Ведь они хорошо знают, что *самое большое полотнище буржуазной газеты, называйся она «Таймс», или «Нейе Фрайе Пресс», или хотя бы «Право лиду», недостаточно велико, чтобы закрыть собою гигантский тракторный завод в Сталинграде или 1442 километра Турксиба.*

Только факты, только темпы роста, только новые и новые достижения пятилетки принуждают сотни буржуазных репортеров снабжать политических шефов своих органов информациями, вызывающими неприятные ощущения у читателя-капиталиста, которого не могут успокоить даже и кровавые сенсации фабрикуемых в Риге телеграмм.

Да!

Пятилетний план становится живой действительностью

Уже готов Сталинградский тракторострой, с его конвейера семнадцатого июня сошел первый из тех тысяч тракторов, которые он будет ежегодно поставлять советскому сельскому хозяйству; готов Ростовский сельмашстрой, выпускающий ежедневно 100 вагонов сельскохозяйственных машин; готов Турксиб, эта золотая артерия в песчаном теле степей и балхашских пустынь, по которой в одну сторону течет южный хлопок, а в другую — северное зерно и лес; небывалыми темпами растет Днепрострой, неиссякаемый источник электрической энергии; казахский совхоз Пахта-Арал гордо рапортует о 15 тысячах гектаров, засеянных хлопчатником, который даст сырье новым машинам текстильных фабрик Ташкента, Самарканда и Ферганы; 160 тысяч гектаров пшеницы волнуется на полях совхоза «Гигант»; на чашах весов пятилетки, на которые в результате создания коллективных хозяйств

должно было лечь в 1932—1933 годах 190 миллионов центнеров колхозного зерна, уже лежит 256 миллионов центнеров зерна нынешнего урожая; начинаются первые работы по эксплуатации Кузбасса, географического центра земли, который сможет удовлетворить 80 процентов мировой потребности в угле и даст миру пример самого большого угольно-литейного энергетического комбината; Самарский округ заканчивает последние работы по выполнению своего плана индустриализации и берет на себя новые обязательства в новой пятилетке, превышает в четыре раза первоначальный план; железные дороги всей Средней Азии начинают уже «шестой год пятилетки», и всему Советскому Союзу потребуется только два с половиной года для выполнения заданий, рассчитанных на пять лет; Украина, пока еще основная база СССР в области тяжелой промышленности, достигла во втором году пятилетки плановых показателей третьего года, *и во всем Советском Союзе то, что когда-то было только лозунгом и надеждой, превратилось в твердую уверенность: пятилетка будет выполнена в четыре года.*

Таковы факты, которые потрясли бы капиталистический мир, даже если бы он не был потрясен до основания собственным кризисом, но сейчас он находится в еще более жалком положении.

В тот момент, когда вы перешагнете границу капиталистических стран и вступите на советскую землю, вы увидите огромное, непередаваемое различие между страной строящегося социализма и странами разлагающегося капитализма. Но в полной мере всю бездонную глубину этого различия вы поймете по-настоящему лишь тогда, когда исчерпаете несколько месяцев свободы и вернетесь назад, в старую Европу. Широко раскрытыми глазами следили вы за всем тем ростом, непосредственными свидетелями которого вы были, и никакими приказами вас не заставят закрыть на это глаза. Их сетчатка еще хранит

картину заводской трубы нового советского промышленного гиганта — строительство его еще не было полностью закончено, а труба уже дымила, и в ее тени вращались колеса новых, едва только смонтированных станков. Но вот все это заслоняет другая картина, картина вашей капиталистической «родины»: восемь фабричных труб, и только одно-единственное облачко дыма дает понять, что капиталистическая фабрика еще живет, еще не совсем стала.

Там рост, созидание.

Здесь кризис, распад.

Мы видели труд советских рабочих на их фабриках, на их полях, мы видели их, осуществляющих свою пятилетку.

Мы видели, с каким энтузиазмом они трудились и проявляли инициативу на каждом участке социалистического строительства. (...)

Мы видели, как рабочие битком заполняют кинозалы, театры, сады и великолепные клубы.

Мы разговаривали с рабочими *в домах отдыха* в снежных горах Тянь-Шаня, в долине Волги и на берегах Финского залива...

...*И ни один* из тех нескольких десятков тысяч рабочих, с которыми мы свободно встречались на своем пути, ничего не просил нас передать чехословацким Гамплям или американским Уайлям о том, что им плохо.

Зато все эти рабочие поставили перед нами ясную и безоговорочную задачу: сказать полную правду о Советском Союзе, об их труде, о строительстве социализма, рассказать все, что мы видели, в чем мы сами убедились, не скрывая ни недостатков, ни успехов.

Такая задача — и мы полностью сознаем это — не имеет ничего общего с какой-либо нейтральной путеописательной или этнографической информацией. Такая задача теснейшим образом связана с повседневной жизнью у нас,

и ее нельзя решить в отрыве от положения, в каком находятся чехословацкие рабочие.

Ведь сказать сегодня, в эпоху, когда капиталистический мир так зловонно разлагается и когда СССР такими поразительными темпами строит все новые и новые предприятия своего пятилетнего плана, сказать сегодня *полную и подлинную правду о Советском Союзе* — это значит абсолютно ясно ответить на вопрос, каким путем пролетариат капиталистических стран может выйти из кризиса и нищеты.

Это значит сказать, что единственно возможный ответ на вопрос дали советские рабочие в октябре 1917 года[1].

Творба № 33, 1930 г.

ПЕСНЯ О ВЕЛИКОМ ДЕЛЕ[2]

История сталинградского трактора

24.III.1919 г.

«...Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. «за коммунизм») [3].

Ленин закончил свою большую речь о союзе рабочих с

[1] Набранная в разрядку часть текста была изъята чехословацкой цензурой.— *Прим. перев.*

[2] Печатается в сокращении.— *Прим. ред.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 204.

середняками, и VIII съезд восторженно зааплодировал. Это была прекрасная перспектива. В словах Ленина вырастал целый новый мир. Стены зала заседания как бы раздвинулись на шестую земного шара, и по ней шли колонны тракторов, гудящие турбины зажгли в деревнях электрические лампочки, росчерки заводских труб выводили по небосводу: социализм победил!

Заседание окончилось. Делегаты выходят.

Мартовская слякоть после сверкающего зала сразу же возвратила людей к реальности. Под стоптанными сапогами делегатов хлюпала вода на обшарпанной московской улице 1919 года. Расходились тихо и сосредоточенно. Было холодно, особенно после того, как размечтались о тракторах и стройках. Вспоминался фронт...

Ленин в Москве вынашивает великий план строительства. А что будет, если падет Царицын? Тогда Врангель и Деникин соединятся с Колчаком и образуют один большой фронт Юга и Востока, все туже и туже охватывающий Москву, чтобы разорвать, растоптать, сжечь все планы и замыслы будущего дела.

Сидит Васька на берегу реки Маныч и читает по складам набранные невыразительным шрифтом строчки газеты политотдела Десятой армии. Над ним железнодорожный мост у Великокняжеской — важный участок: могут по нему и красные на белых и белые на красных пройти, а за рекой — Врангель.

Овации делегатов съезда сюда не долетают. Но даже издалека слышны слова Ленина.

«Ес-ли бы мы мог-ли дать...» Шурка, что такое трактор?

Шурка не знает.

Васька дочитал и бережно сложил газету. Потом снял рваные сапоги и вложил ее в них. Бумага-то греет.

До вечера мучает он всех вопросом: «Что такое трактор?» Все строят догадки. Пожимают плечами. «Эх! — сердится Васька,— уж такого слова не знают!» И скребет затылок.

Появляется ординарец командира дивизии, шестнадцатилетний мальчишка, студент из Самары, добровольно вступивший в Красную Армию. Васька — к нему: «Что такое трактор?» Усталый, измученный студентик торопливо объясняет, наклонясь с седла.

Вечером Врангель потревожил правый берег Маныча. Васька с Шуркой уже дрались за советский трактор, которого у них в Ельшанке еще никогда не видели.

Шурка погиб несколько недель спустя у Сарепты, Васька пережил и Сарепту, и Царицын...

Сегодня он сидит с нами в сталинградском клубе железнодорожников с орденом Красного Знамени на груди. Подстриженные волосы уже поредели, и через блестящий лоб до самого затылка тянется длинный темный шрам.

Это он — один из очевидцев тяжелых боев за Царицын...

...Директор сталинградского музея, человек еще не старый, но большевик со стажем, напоминающий учителя, влюбленного в свое дело, который из нескольких фактов зачастую умудряется сочинить целый доклад. Он ведет нас по своему музею. Вдохновенно рассказывает о северных оленях, которые водились в этих краях, о костях мамонта, найденных тут, о богатых сельскохозяйственных культурах, которые сегодня родятся здесь, на месте дикой степи, о старом и новом Сталинградского края. В одном углу — убогая старая соха, древнее «орало», которым пахали,— эх, черт! — которым гладили землю в старой Царицынской губернии. И очень много места не занято.

Что там будет?

Там будет стоять первый трактор, выпущенный Сталинградским тракторным заводом, когда отработает свое на колхозных полях.

От сохи — к трактору!

Васька дождался. Шурка нет. Какая это была тогда фантазия! Наступал Колчак, и белополяки, и Врангель, и Деникин, и англичане за ними! Эх, и кто бы мог подумать, что здесь впервые будет осуществлена та великая мечта, о которой тогда говорил Ленин, а Деникин бряцал металлом своих пушек и танков, чтобы отзвонить погибающему Красному Царицыну...

1. V.1926 г.

Идут годы.

У Васьки — сын.

Он только почесал за ухом, когда ему жена сказала о своей беременности, и протянул нерешительно: «Н-ну!»

Это было в те месяцы, когда с трудом преодолевали голод. Но люди любили и в это неподходящее время.

Первого мая 1926 года идут сталинградцы пыльной дорогой на север. Васька — обыкновенный, любит праздники. Его шаги более чеканны, чем в обычный день, орден Красного Знамени светится у него на груди, и он вспоминает, вероятно, и рассказывает сам себе о дороге, по которой проходят сегодня и которой проходили семь лет назад, ночью, отчаявшиеся, без сил.

Сегодня светит солнце, огромное белое облако плывет по синему морю, Волга бьет в берега, и ветер, сталинградский ветер, не знающий усталости, бежит по степи.

Сталинградцы идут длинной колонной. Улицы кончаются, последний домик пригородного поселка остается позади, минуют «Баррикады» — самый северный страж сталинградской промышленности. «Сколько тут боев бы-

ло,— думает Васька,— здесь и у Французского завода! Сколько англичан и французов смотрели на него с надеждой на хорошую прибыль, а теперь это наши «Баррикады»!» Идут непрерывно на север по высокому правому берегу Волги, идут 12 километров, идут в степь.

Степь. Трава.

Неугомонный ветер.

Над степью облака и красное знамя.

Кто-то произносит речь. Потом поют «Интернационал».

В степи закладывается первый камень.

Сын Васьки наклоняет голову направо, налево, как щенок, он не понимает и дергает отца за пиджак.

— Что это делают?

— Строят, малыш!

— А что строят?

— Завод.

— А какой завод?

— Тракторный.

— А что это такое?..

«Что такое трактор? — спрашивал он сам семь лет назад, бережно вкладывая газету политотдела Десятой армии в высокие разбитые сапоги, чтобы она грела.— Что такое трактор?»

Васька это уже знает. И не сомневается в том, что завод, который вырастет из заложенного первого камня в степи под Сталинградом, будет заводом тракторов. Ведь это машина всех машин. Она землю пашет, тащит возы, превращает старую деревню в коммунистическую. Так об этом говорил семь лет назад раньше всех товарищ Ленин. Так об этом говорил недавно товарищ Дзержинский, чекист, инженер, экономист и руководитель, который ленинские слова «если бы могли завтра...» положил в основу предложений по строительству больших тракторных заводов. Они говорили о потребностях советского земледелия, о том, как не хватает подъемных кранов на советских

пристанях, торжественно снимающих с кораблей драгоценные тракторы, привезенные из Германии и из Америки, о том, как возлагались все надежды на работу тракторных цехов «Красного путиловца», брянского или коломенского заводов, но они не могут удовлетворить потребность советской деревни в новом, более прогрессивном способе обработки земли.

Нужно строить новый завод, специально по выпуску тракторов,— сказал Дзержинский, а Васька с тихой радостью думал при этом о своем Сталинграде: «Что другое тут могло еще быть? Конечно, это мог быть только завод тракторов».

Васька забегал вперед. В Сталинграде будут новые заводы. Инженеры и геодезисты, которые ищут подходящее место, нашли его. Это степь в 12 километрах от Сталинграда. Там заложен первый камень новой сталинградской индустрии, там будет стоять новый завод Советской страны. Но какой? Нет, еще не решено какой. Может быть, завод сельхозмашин, может, автомобильный, а может быть, и тракторный. Васька опережает события, а над всеми планами стоит большой знак вопроса.

Говорим на собрании о Советском Союзе. О том, как он набирается сил, как поправляется от тягчайших ран войны, гражданской войны, эпидемий, голода. О том, как готовится строить новые заводы, как упорно работает над тем, чтобы из отсталой крестьянской страны превратиться в первейшую из промышленных стран.

Говорим о девятилетии Советской республики. Говорим в Праге, Братиславе. Говорят товарищи в Берлине, в Париже, в Нью-Йорке. Говорим в больших залах и в прокуренных трактирах, у грязно-серых столов.

Рабочие сидят, слушают, молчат.

Противник смеется.

— Планы? Говорите: будет. Но что есть? Вы хотите, чтобы мы поверили в вашу веру?

Мы верим?

Мы убеждены.

Двенадцать километров севернее Сталинграда — степь.

Степь. Трава. Неугомонный ветер.

Над степью облака.

Первое мая прошло. С флагштока сняли красный флаг, летнее солнце взошло и зашло, с далеких деревьев прилетели золотые листья осени, снег упал на одинокий камень в степи.

Васька иногда приходит в степь к заложенному камню. Ему кажется, что это надгробие. Товарищ Ленин умер, товарищ Дзержинский скончался раньше, чем его предложения выросли в осязаемые конструкции, а о заводе тракторов молчат. Ваське кажется, что он был обманут. Уже почти год пролетел над опустевшей степью. Васька готовит злые слова. Но раньше, чем он обмакнет перо в фиолетовые чернила и напишет первое слово на обрывке плохой бледной бумаги, он утешится статьей «Правды» о тракторной дискуссии. Это было в марте 1927 года. Месяц спустя Васькино удовлетворение и покой подвергаются тягчайшим испытаниям. Газеты его волнуют крайне. Есть мнение, что новый тракторный завод будет построен в Таганроге. Васька ни на минуту не сомневается, что такое решение было бы свидетельством простого безрассудства. Каждый день по возвращении с работы он суеверно просматривает новый номер и волнуется снова и снова при мысли, что такое безрассудство может победить. Разве можно, чтобы в Таганроге задымили трубы завода, создающего сверкающие тракторы, которые нужны советской деревне? Васька расстроен такими раздумьями.

Ранним апрельским утром 1927 года веселая первая страница «Поволжской правды» примирила Ваську с соперниками Сталинграда. С этого дня он охотно стал допускать, что таганрогские металлургические заводы не зря наполняют побережье дымом. И все потому, что «Поволж-

ская правда» напечатала в этот день телеграмму, оправдавшую Васькино ожидание.

«Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции постановил, чтобы тракторный завод был построен в Сталинграде. Постановление было передано на окончательное утверждение Совета Труда и Обороны».

Еще несколько дней волнуется Васька после этой чистой радости. Как решит Совет Труда и Обороны? Это уже тревога без сомнений. Через неделю появляется новая телеграмма на первой странице «Поволжской правды»:

«Совет Труда и Обороны обсуждал строительство тракторного завода имени Дзержинского и решил, чтобы он был построен в Сталинграде».

Сталинград будет давать тракторы советскому земледелию. В Сталинграде будет работать первый тракторный завод. Сталинград, награжденный орденом Красного Знамени, удостоен новой чести. Он, так доблестно воевавший, будет доблестно работать. Посреди богатых полей и нераспаханных степей. Покинув ворота нового завода, тракторы будут выезжать прямо в поля, которые поддадутся их силе и родят миллиарды колосьев. Самые большие границы мира, границы между городом и деревней, падут, и Сталинград будет первым поставщиком оружия, которое их уничтожит. Двенадцать километров севернее города — степь.

Степь. Трава. Неугомонный ветер.

Над степью облака.

Инженеры делают съемки. Глаз притиснут к теодолиту, моргает, рука, в нерешительности поднятая, опускается, приказывая помощникам, и красно-белый шест погружается в удивленную почву. Затем уже свободная рука крутит сигарету, а глаза спокойно осматриваются. Зеленое море нарушено только большой белой палаткой — первым строением будущего гиганта.

Спешить было бы неоправдано.

Нет, это вам все-таки не мелочь, такой завод! В Москве решили: 10 тысяч тракторов ежегодно — хороший завод в мировом масштабе.

Неугомонный ветер унес лето и осень. В степи дрожит палатка. Деревянный барак ежедневно выслушивает рассудительные совещания специалистов. Сейчас в нем остался сторож. И до зимних вечеров мерцает маленькое окошечко, означая, что тут будет — будет ли? — гигантский завод тракторов.

Сталинградский Тракторострой растет пока в Москве. Медленно и осторожно инженеры и ученые составляют планы, эскизы, расчеты, но вместо пневматического молота шумит только пишущая машинка, на которой стенографистка переписывает пространный протокол заседания о Тракторострое.

Весной 1929 года пишущая машинка переселяется в Сталинград, на 12 километров севернее города. В эскизах, расчетах, отзывах и протоколах работа будет продолжаться.

В степи строят. Тут уже не одинокий деревянный барак. Возле него вырос второй, третий, четвертый. Инженеры спокойно покуривают.

Васька огорченно машет рукой. Если бы такими темпами восстанавливали Рычковский мост, если бы такими темпами гнали белых и защищали Царицын, сидел бы в Кремле барон Врангель, а генерал Мамонтов подписывал бы приказы о расстреле голодных и безработных бунтовщиков в Царицынской губернии.

Васька обеспокоен.

Совет Труда и Обороны не удовлетворен темпами подготовительных работ.

А проект? Еще десять месяцев назад можно было проект на 10 тысяч тракторов считать великолепным. Но советская деревня идет вперед. Тропа коллективизации превратилась в дорогу. Десять тысяч тракторов не ускорят

коллективизации: они только на сегодня удовлетворяют ее требования.

Под двумя перекрещенными линиями погребена задача «10 тысяч». Слова проектировщиков в протоколе: «Окончательно принято». Потом подписали новый проект:

«20 тысяч тракторов ежегодно в каждой смене по 10 тысяч».

Прилежная пишущая машинка выпаливает новые протоколы, глаз геодезистов снова притиснут к теодолиту. Сигареты нервно дымят и гаснут в коротких перекурах. Кажется, что усилилось движение транспорта на магистрали Москва — Сталинград.

Но в степи над Сталинградом неугомонный ветер видит все те же четыре маленьких деревянных барака, у которых не появляется соседей.

На собраниях сталинградских рабочих начинают говорить о Тракторострое как о больном месте. Два года уже минуло с той минуты, когда в степи был положен первый камень будущего завода, год уже прошел с момента, когда красно-белые шесты отметили, что это территория будущего завода, но из нескольких шестов, там брошенных, трактор не сделаешь.

Как же догнать и перегнать Европу с такими темпами?

Комиссия рабоче-крестьянской инспекции приехала в Сталинград в июне 1928 года. Прогулялась по степи с ироническими замечаниями, а потом в здании управления началась острая критика. Инженеры раскладывали планы, ученые оправдывали свои пространные расчеты, их эскизы предсказывали великое будущее. Комиссия не заглядывала в год двухтысячный. Комиссия хотела видеть фундамент. Комиссия хотела знать, когда он будет заложен.

Инженеры молчат. Профессора пожимают плечами. Это вам не игрушка — строить завод на 20 тысяч тракторов!

Несколько специалистов было сменено. Комиссия выдвинула свои требования.

Зима этого года застала в сталинградской степи четыре деревянных барака и несколько стен кирпичных жилых домов.

Васька огорченно машет рукой, когда говорят о Тракторострое.

Советская деревня ждет.

Годы.

21.XII.1929 г.

Месяцы.

Трамвай плывет по рельсам. Мы едем на Тракторострой по той же дороге, по которой шло первомайское шествие сталинградских рабочих четыре года назад. Головы поворачиваются направо, налево, вперед, назад, вслед за энергичной Васькиной рукой.

Очень длинный Сталинград, никак не кончается. Видим «Баррикады». Васька торопливо рассказывает, боясь, что не успеет договорить всего. Это здесь единственный человек, который не допускает вопросов. На них нет времени в его рассказе, и ему кажется, что он читает вопросы на наших губах. С точки зрения истории сталинградский трамвай идет слишком быстро. Как можешь понять Советский Союз, как можешь понять все, что тут есть, если не знаешь всего, что тут было? Васька прав.

Трамвай остановился. Длинная остановка. Васька рассказывает медленнее. Замолкает. Трамвай пустеет. Один за другим каждый пассажир проделывает вот что: сначала сидит, удивляется, смотрит на часы, щурится, как бы вспоминая, потом встает и выходит. Через минуту другой справляется у соседа, который час, кивает головой и выходит. Сейчас поглядел на часы Васька и сощурил глаза.

— Ну,— говорит,— пойдемте пешком.

Не понимаю, почему здесь выходят из трамвая в зависимости от времени.

— Конечная станция? — спрашиваем.

— Да нет, путь идет на Тракторострой. Но тока нет.

— Тока нет. Хорошо. А при чем тут часы?

— Сейчас время, когда обычно не бывает тока.

Я думаю, что это неосмотрительность — сообщать делегации о неполадках, которые стали правилом. Может быть, было лучше везти нас на автомобиле? Но об этом теперь можно говорить только в шутку.

Не скрывают, что много недостатков.

Много недостатков, и к ним всегда примыкает неудовольствие или восторг, но всегда есть уверенность: будет. И Васька не исключение, когда говорит и указывает руками вокруг, чего не было, но что уже есть, и понимаешь, что его вера не наивна.

«Ну, товарищи, трудностей у нас достаточно. Взяли мы Царицын, но электростанция была взорвана. Мы взяли власть и завоевали свободу, но интервенция уничтожила все, что смогла. Да и было-то немного. Строим. Скоро будет новая электростанция, еще в этом году она начнет работать. Кого ругать? Себя? Или судьбу? Кому бы это пришло в голову? Наша судьба у нас в руках. Мы знаем: электростанция будет. Сейчас? Сейчас плохо. Сейчас хоть работает слабая вспомогательная станция. Ее было достаточно всего год назад. Сегодня ее не хватает даже заводам. Поэтому вот сидишь и зеваешь в трамвае, когда тока не хватает одновременно везти тебя и двигать конвейер на заводе с новым трактором. А когда видишь новый трактор, как тут ругаться! Тяжело! Мы должны подождать! И делать все, чтобы ждать было недолго.

Неудовлетворенности, разочарования, товарищи, не встретишь на пути вперед. Если ты сегодня голоден и видишь, что завтра будешь сыт, то ты имеешь полное

право быть спокойным. Если бы сегодня я наелся досыта и знал, что завтра зубы на полку, я бы плюнул на все это...»

Васька простодушен. Его мудрость проста и огромна, как солнце. Оно светит, хотя на языке вертятся слова в адрес грязной дороги, потому что лучше сидеть в качающемся трамвае, чем тонуть в болоте.

Наш сосед смотрит на часы, кивает головой и выходит; этот кивок не означает согласия, но спокойствие, с которым он слезает с подножки трамвая, причалившего прямо у канавы, и смех, который сердит нахмуренного водителя, обхаживающего свой потерпевший кораблекрушение корабль, дают Васькиным словам подтверждение.

Кажется, и мы им верим.

Идем пешком по размокшей дороге, а Васька рассказывает. Снова об истории, и он прав. То, что есть, видишь. Но можешь ли ты понять все это, если не узнаешь, что было?

Итак, идем пешком по раскисшей дороге, и Васька рассказывает по порядку и подробно, пока не увидит двоих мальчишек, и он перескакивает через несколько лет. Случай — а был это, как вы убедитесь, действительный случай — с двумя сталинградскими мальчишками начинался так. Мы увидели половину мальчика: ничего не видно, кроме его маленьких, босых, грязных ног. Другая его половина в длинной водопроводной трубе, брошенной в канаву около дороги, издавала энергичные вопли, которые вылетали из другого конца трубы. На расстоянии голоса мы увидели второго мальчика. По-богатырски расставив ноги, как подсказало детское воображение (этого требовала важность момента), он вбивал обломком кирпича в землю рейку. В тот момент, когда он справился со своим делом, раздался из трубы новый возглас. Кирпич брошен на землю, обе детские ручонки схватили рейку и вытащили ее, перенесли на два-три шага и принялись за то же

дело с таким усердием, что страшно было за пальцы маленького трудяги.

Я знаю, что значат занятия детей. Детские игры — зеркало общества. Я видел там, далеко, у нас, тысячи детских игр в солдат, в них заставляли слабеньких играть врагов своего народа. Я видел в пролетарских кварталах игры в демонстрацию: в них, подкидывая монету в пять геллеров, определяли, кому изображать «жандармов». Несчастные «жандармы» возвращались домой со слезами, жалуясь матерям на свои раны, полученные в игре.

Еще я видел игру в отцы-матери: в них мать всегда была чопорна, а отец был тиран; игры в железную дорогу, которая обязательно кончалась катастрофами; игры в фабрику, которые должны были кончиться увечьем одного из рабочих; игры в поиски клада; игры в разбойников, которых все уважали, но прежде всего игры в войну.

В какую же игру играют передо мной эти двое сталинградских мальчишек? Они, без сомнения, считают, что длинная водопроводная труба — отличная пушка. По каким, интересно, законам развивается игра дальше?

Я решил постучать по концу трубы, заткнутому мальчишечьим телом:

— Вы что тут делаете?

Половина мальчика удлинилась. Потом он вылез и предстал перед нами целиком, перемазанный до неузнаваемости. Я представил, что вечером это может привести к резким расхождениям между ним и матерью на предмет возможности использования сталинградской грязи. Это мог быть сын Васьки, и тогда бы это было нагляднее, да и литературная композиция этого репортажа требовала бы этого. Ему было лет восемь. Но по правде это был не Васькин сын, но есть тысячи Васек, тысячи сталинградских рабочих, которые бились за Царицын, верили в советский трактор и имеют сыновей. Один из них объявился перед нами тут. Будем думать, что он Васькин.

Он не притворялся очень любезным. Мне пришлось повторить свой вопрос.

— Во что вы играете?

Он сощурился. Приметил, может быть, по выговору, что я иностранец. Кажется, так. Поэтому я могу надеяться на ответ. Могу.

— Мы не играем.

Они не играют. Тогда что же они делают?

— Мы строим.

— А что вы строите?

— Само собой разумеется... Тракторный.

Ну конечно. И как мне могло прийти в голову, что в Сталинграде строят что-нибудь иное, кроме тракторного? Но как это делается?

Оказалось: они ведут съемку. Это два геодезиста. А я-то, твердолобый глупец, принял брошенную водопроводную трубу за пушку. Это не пушка, это теодолит, это маленькая волшебная трубка, в которую поглядывают инженеры при съемке, давая распоряжения помощникам, которые втыкают красно-белую вешку в землю. Мальчишка, который колотит рейку и свои пальцы,— это помощник. В канаве перед водопроводной трубой вырастет большой тракторный завод.

Это был деловой и убедительный доклад, и гигантские размеры детского теодолита не могли нарушить его убедительности. Мне стало ясно, что я принят за американца и только потому мне уделено столько времени, которое можно было бы употребить для работы общественно полезной.

Я сердечно поблагодарил за полезное объяснение и извинился, что злоупотребил драгоценным временем обоих восьмилетних строителей и поступил бы очень благоразумно, если бы ограничился благодарностью и извинением. Но меня жег еще один-единственный вопрос. Зачем вы строите тракторный завод? Для чего вам нужен трактор?

Зачем я об этом спросил? Мой вопрос был встречен угрюмым молчанием.

Потом мне было объявлено с нескрываемым презрением, что я обманщик, что я не американец, а кто знает, может быть, нечаянно обнаружился тайный враг Советской власти, замаскированный кулак, который думает выведать секреты строительства у двух восьмилетних пацанов.

Мои оправдания не были приняты к сведению. Только когда Васька, досыта нахохотавшись над моим конфузом, заступился за меня, я дождался ответа. Однако я потерял всякое уважение обоих мальчишек.

Ведь каждый нормальный человек, если он не семилетний ребенок, должен знать, что трактор — это машина в тридцать лошадиных сил, которая может таскать плуги целой деревни и сразу вспахать все поля, поэтому возникнет колхоз. Каждый!

Кроме того, каждый нормальный человек, если это не семилетний ребенок, должен также знать, что трактор — это машина, которая может вообще подхватить целую деревню и таким простым и безопасным способом доставить ее в социализм, без кулаков, которым никогда не согнать столько коней, чтобы повернуть деревню обратно. И каждый нормальный человек в Советском Союзе знает к тому же, что трактор — это машина, которая научит отсталого мужика читать и писать. Ведь если каждый нормальный человек в Советском Союзе знает все это, можно ли еще спрашивать, зачем нам трактор?

Я должен был признать: нельзя.

Мне надо было приберечь про себя этот вопрос, тогда бы я сохранил уважение маленьких хозяев. Я покорно отошел, оставив двух восьмилетних сталинградских мальчишек у брошенной водопроводной трубы в сомнениях, был ли я американцем вообще, а если я им был и в то же время не знаю, для чего существует трактор, стоит ли после этого догонять и перегонять Америку.

Васька смеется. Только теперь я тоже могу вызвать на своем лице подобие улыбки. Но разве я мог подумать, что буду так здорово проучен? «Мог»,— говорит Васька со смехом. Правда, мог. Я же видел прежде украинских хлопцев, играющих у потока дождевой воды. Игра у ручья — как у нас в Европе. Но все же не так, как у нас. Это не просто плотину они строили — это был Днепрострой, и в их игре разгоралась горячая дискуссия о сроках кладки бетона и об электрическом токе. Я видел также и киргизских мальчиков, играющих в железную дорогу. Они шипели, пыхтели, свистели, шумели, гудели — как у нас в Европе. И все-таки это была не просто железная дорога — это был Турксиб, и они, играя, покоряли горные перевалы, безводные пустыни, болотистые равнины, стараясь преодолеть все трудности, возникающие во время пути по таким местам.

Да, я мог предвидеть, что буду проучен. Я уже два дня в Сталинграде. И почему же я не догадался сразу, что представляют собой виденные мною детские постройки из глины и железных скоб? Это был Тракторстрой. Грош мне цена, раз я не понял того мальчика, бороздившего в саду дорожку камнем, привязанным веревкой к катушке. Это был трактор. Да, и я мог знать, что я в Сталинграде и что сталинградские мальчишки живут в темпе жизни общества, которое строит социализм.

Уже год, рассказывает Васька, игра в Тракторострой — самая излюбленная игра сталинградских мальчишек. Как раз тот год, когда проект нового завода тракторов вновь расширен и перешел из рассудительных голов инженеров и с миллиметровой бумаги планов и чертежей в жизнь целой страны.

Чтобы вы поняли, рассказывает Васька, в сталинградской степи в то время еще не многое изменилось. Была зима, начало двадцать девятого года. В Москве работали над проектами. От будущего завода в степи еще ничего

не было (с того времени прошло всего-навсего 16 месяцев). Но в деревне уже шла семимильными шагами коллективизация. Шла быстрей, чем спланировано. Сны становились жизнью, и жизнь влияла на планы стремительней, чем мечты. Это было начало рассуждений о том, что Сталинградский завод тракторов уже снова не будет удовлетворять, если построить его в плановых размерах. Но вообще одного завода недостаточно. Выясняется вот что: будет построен второй тракторный завод в Харькове, третий тракторный завод — в Челябинске, тракторный цех «Красного путиловца» в Ленинграде будет расширен. В конце пятилетки Советский Союз будет уже далеко впереди всех остальных стран не только по тракторам, но и по всем сельхозмашинам, будет далеко впереди всех, потому что так хочет земля, потому что коллективные хозяйства сами диктуют планы выпуска сельхозмашин.

И каких машин! Еще год назад плуг, привычный конский плуг, был идеальным. Еще год назад было в порядке вещей, если старое деревянное орало заменялось стальным. Но это было уже давно, очень давно, целых 12 месяцев назад. А знаете, что это значит — 12 месяцев коллективизации!

С тех пор уже не говорят о конных плугах, а уже о плугах тракторных, и, хотя еще есть нехватка простых жаток и молотилок, в то же время мечтают о комбайнах, о машинах, которые жнут, молотят и очищают зерно одновременно и сыплют его золотым потоком в подставленные ладони автомашины.

А комбайн — последнее слово техники? Нет! Думают о новых гигантских машинах, еще не изобретенных.

Советский Союз требует, требует нового непредвиденного открытия, всех чудес, так как машины, пригодные для капиталистических стран, уже недостаточно хороши для Советского Союза, когда-то самой отсталой страны на свете.

Тракторы стали лозунгом коллективизации, говорит Васька. А что сделаешь с заводом на 20 тысяч тракторов при таком темпе коллективизации? Этого будет мало. И это теперь, когда еще не начали строить.

Васьки действуют в Сталинграде. В Москве. Их действия знаменуются новой датой в истории сталинградского трактора.

21 февраля 1929 года решено:

«Даешь новый план — тракторного завода имени Дзержинского в Сталинграде с выработкой 40 тысяч тракторов ежегодно при работе в несколько смен!»

Сорок тысяч тракторов в год!

О какой фантазии говорил Ленин? О ста тысячах тракторов. Через два с половиной года один Сталинградский завод осуществит эту фантазию. Но ведь он не один. Есть Ленинград, будут Челябинск и Харьков. Каждые полгода будет воплощена мечта Ленина о 100 тысячах новых и новых тракторов.

Вот это фантазия!

Сорок тысяч тракторов ежегодно даст Сталинградский завод советским полям, когда будет работать. А когда будет работать? Васька в затруднении от этого вопроса. В сталинградской степи стоят несколько домов и заложен первый камень завода. Но это только надежда, что будет завод, а сейчас, с изменением планов, с удвоением задач, нет даже чертежей. Надо до основания переделать все расчеты и чертежи, но близится весна, а строительный сезон пройдет в кабинетах инженеров, и целый год будет потерян. Будет потеряно 40 тысяч тракторов.

Будет?

Не должно быть.

Сталинград горит энтузиазмом. На всех заводах — собрания. Обеспечьте строительный сезон двадцать девя-

того года! Говорят Васьки, голосуют Васьки. Сталинград двадцать девятого года — это город рабочих. Что хотите от нас? Мы отдадим вам все. Обеспечьте строительный сезон на Тракторострое!

Потом все утихает.

Двенадцать инженеров взяли на себя задачу переработать целый проект. Это работа на пять месяцев. Обязались выполнить за пять недель.

Удары молотов на новых стройках разбивают тишину. Но Сталинград ходит на цыпочках и прикладывает палец к губам:

— Тише! Они работают.

За пять недель пообещали инженеры сдать новый проект. Сто тысяч рабочих тихо смотрят. Сдадут ли?

Двенадцать инженеров начали с улыбкой. Мы, рассказывал мне один из них, не были полностью уверены в возможности выполнения этой задачи. Но Сталинград смотрит. В его глазах надежда и мольба. Чертежные перья мелькают по миллиметровой бумаге. Карандаш делит и умножает цифры, которые должны воплотиться в металл. После недели работы кажется, что сигареты горят плохо. В кабинетах жарко. Пиджаки сбрасываются рано утром и надеваются снова после 12 часов работы. Потом после 14. Потом после 16. К концу третьей недели свет горит в комнате всю ночь. Лица побледнели. Только улыбка осталась. Другая, нервная, но обнадеживающая.

Проект переработан. Планы нового завода готовы. Двенадцать инженеров выполнили свою задачу не за пять недель. Они ее выполнили за 25 дней.

Васька энергично хлопает ладонями по коленям.

Да, вот это работа! Как мы тогда у Рычкова.

Кто бы поверил, что сможем? Дыра в мосту была — страх глядеть. Так это было. За 14 дней справились. Так

мы победили. А Тракторострой? Это не мост у Рычкова. Это побольше, но дело, товарищи, одинаковое; поплевали мы на ладони и сказали себе:

— Даешь темпы! Ага, товарищи, темпы!

27.IX.1929 г.

Не годы, не месяцы, не недели, а дни меняют лицо степи в 12 километрах севернее Сталинграда. Город уже не ходит на цыпочках, не прижимает палец к губам, не смотрит с надеждой и волнением на строителей Тракторостроя. Сталинград снова кипит, кричит, советует, помогает, добивается. Перспектива — 40 тысяч тракторов, и 12 инженеров, сейчас бледных и веселых от своего успеха, зачеркнули идиллические сроки медленного, невозмутимого планирования, неспешных бесед, насмешек и перебранок.

Огромный тракторный завод имени Дзержинского появляется в первых лесах и первых стенах.

Телеграфной линии Москва — Сталинград будет легче. Сейчас работает кабель СССР — Америка. В Америке заказаны железные конструкции главных зданий. Только Америка может снабдить новейшими машинами для выпуска тракторов. Американский опыт может научить первых рабочих будущего Сталинградского завода работать так, как велит последнее слово техники.

Америка принимает заказ с радостью. Как же так, ведь она помогает строить промышленность стране диктатуры пролетариата, помогает строить небезопасному конкуренту, правда, с каждой тонной конструкций уменьшаются надежды на быстрое падение Советского Союза.

Но что ей остается делать? В ворота американских заводов стучится кризис. Стучится тихо, будто нищий; если топнешь на него большим заказом, может, убежит. А если

не топнешь? Вырастет, снимет отрепье нищего, наденет его миллионам, проломит ворота заводов, станет хозяином, приказы которого будут выполняться пунктуально, хозяином, который остановит машины, угасит печи, и ударит по головам их владельцев. Может быть, советский заказ поможет преодолеть тяжелые времена? Может быть, после двадцать девятого года придет новый год процветания?

Америка соглашается с радостью. Она не в состоянии понять смысл исторического развития, но хорошо подсчитывает детальные планы и чертежи сталинградских заводов. Сталинград направляет своих посланцев в Америку, в Чикаго, в Детройт. Эти инженеры наделены всей полнотой власти, они дадут заказы, распределят работу, проверят детально планы, пронаблюдают за быстрым выполнением заказов. И еще это рабочие, целая группа рабочих, которые будут учиться, чтобы стать учителями своих товарищей. Большинство цехов Сталинградского завода растет сегодня из американских механизмов и станков. Над основными проектами советских инженеров склоняются сейчас техники американских заводов — с циркулями, чертежными перьями. И Америка готовит своих посланцев в Сталинград. Специалистов-инженеров. Специалистов-рабочих.

Кабель СССР — Америка работает. Но сталинградская степь не спит в ожидании. Пусть Америка покажет свои легендарные темпы, сталинградская степь будет готова принять их результаты. Когда-то тихая, сейчас она живет тысячами голосов, шум которых глушит торопливый ветер.

Приходят новые рабочие. Приходят из деревень, впервые видят работу, которую им придется делать. И кирка нерешительно входит в землю. Их товарищи на учебе в Америке впервые снимают с вала сотую долю миллиметра — металлическую стружку, толщина которой измеряет-

ся чувствительным прибором, а они здесь учатся подавать кирпичи. Учатся каждому движению простейшей работы, их смущают новизна и необычность, и все-таки они счастливы успехами, когда их добиваются.

Удивительная стройка, этот Тракторострой двадцать девятого года. Это школа, полная трудных моментов, перемен внутри человека, который приходит без любви, ненавидит и учится любить, ничего не понимает, как иностранец, и учится понимать, умирает и снова возрождается, уже иной, новый, не наемный работник, а хозяин.

Васька сравнивает.

Так когда-то под Царицыном ковались в боях первые кадры бойцов. Так и сегодня под Сталинградом в труде рождаются первые кадры творцов.

Так под Царицыном бросались много раз в атаку против неприятеля необученные, не знающие войны — с отвагой и склонностью к панике при резком отпоре. Так и сегодня у Сталинграда бросаются в работу необученные, неопытные, может быть, отважные, но и готовые сдаться, если случится неудача.

Так тогда под Царицыном мобилизованные мужики превращались в красноармейцев, борцов с политическими взглядами и психологией руководителей. Так и сегодня под Сталинградом из наемных работников вырастают рабочие с сознанием своей силы и задач, с психологией хозяев.

Так страдали в то время под Царицыном от нехваток, часто от голода в ситуации, когда оставалось только одно — воля к победе. Так и сегодня под Сталинградом, но это сравнивать Ваське неприятно. Что сегодня под Сталинградом? Есть ли там голод? Страдают ли так, как страдали 10 лет назад? Нет! Совершенно нет! Но ведь это, простите, не войска, нынче работают, а не воюют. Тракторострой — не поле битвы. Он — строительство. Значит, что-то не в порядке.

На Тракторострое есть нехватки. Регулярно, как дни прилива, обнаруживаются прорехи в снабжении, и рабочие ходят, беспокоятся, огорчаются, жалуются. Строительство растет, а снабжение ухудшается. Поезда опаздывают. Иногда совсем не приходят. А в поездах мясо. Управление строительства вмешивается. Телефон слышит речи не слишком вежливые.

С этим наладили. Но другой недостаток: почему так малы столовые? Час тратить в ожидании обеда! А ждать тебе нельзя: каждый час, потерянный тобой для работы, включается в тысячи часов ожидания, означает задержку строительства, означает 10 будущих тракторов. Посчитай, сколько их не досчитаешься. А когда потерял час в пустом ожидании, стоит ли потом спешить в работе?

Наконец получишь обед. Пятнадцать дней одни и те же щи под 15 названиями, 15 дней одни и те же «котлеты» — рубленое мясо с пшеном.

Вечером на лекции врач рассказывает о том, что однообразие пищи отражается на здоровье. Рабочие чуть не устроили бунт. Смеются и ругаются: ни к черту, товарищи, у нас дела в этой столовой.

И тут наладили. А что за магазины! Там, где их должно быть пять, стоит один. И перед ним длиннющая очередь. За чем ты стоишь? Хочешь сахару. Сахар? Уже нет его. Но у тебя есть право на паек. Сахару нет, вправду нет. Есть конфеты. Два часа ждешь. Может быть, придется ждать завтра. Опять. Давайте хоть конфет. Ждешь три часа, а конфет нет тоже.

Так почему же тогда написали «нормы» и почему ты здесь ждешь три часа? Хочешь хлеба. 4 тысячи рабочих хотят хлеба, и его достаточно для всех. В одном магазине. Перед магазином очередь. Жди. Спокойно, без горячки берет его продавец с полок. Когда же на его голову обрушивается брань, он смотрит строго на очередь. Товарищи, спокойно. Спокойно, черт возьми, всем хватит! А ты жди!

Потом построили второй магазин. Хорошо, очереди сократились, разделились, у тебя уже пропадет не столько времени, чтобы узнать, что сахару опять нет, а конфет мало.

А как живешь? Само собой понятно, что в жилье у них нужда. А у них в деревянном бараке — душ. Роскошь какая! А что же это, если не душ, когда ночью ветер сорвал фанерную крышу и дождь лил на жильцов, на постели, на одежду, разливался на полу в грязное озеро? Это был беспорядок, товарищи, халатность, за которую рабочие платят здоровьем, а Советская власть — их доверием.

Как бы рад был Васька забыть об этом тяжелом факте!

Но хватит о том, чего не должно быть. Хватит о том добровольном самоотречении, которое каждый оценил. Каждый знает, что еще не достигли того, что делает человеческую жизнь полной. Еще далеко до комфорта жизни, на который имеют право творцы новой жизни. Но есть нормы, которые уже никто не может снижать.

Васька бы с радостью вычеркнул из воспоминаний все недостатки, все трудности, которые зависели от них самих. Они могли быть устранены не завтра, не через год, а уже сейчас. Их не должно быть, и поэтому они были особенно тяжелы. Как хотелось бы ему об этом забыть!

Но нет, говорим мы Ваське, не вырывай эту страницу из истории сталинградского трактора! Это было бы несправедливо!

И тогда Васька вспоминает.

О сезонниках из Тамбовской губернии, которые в апреле отказались от работы, так как были недовольны обедами в столовой, и прогнали техника, попробовавшего их уговаривать.

О группе инженеров, написавших в середине мая письмо в советские газеты и в нем жаловавшихся на низкие

заработки и сумасшедшие темпы работы, которые нельзя выдержать.

Васька вспоминает о самом трудном и как только начинает говорить, его память как лучом высвечивает событие за событием из календаря стройки.

Степь бушует. Нужно ждать американских планов и конструкции главных цехов, но все, что с ними не связано, будет готово раньше, чем Америка обещала. В апреле уже под крышей вспомогательные цехи. В мае закладывают основание электростанции, и каждую неделю вырастает новый жилой дом. В июне из-под деревянных лесов поднимается лаборатория и склад, и большие окна заводской школы ждут застекления. От города тянется новая трамвайная линия, железные дороги продолжены, и над орнаментом стрелок возникает новый вокзал. А когда в начале июля приходит в степь известие от сталинградских посланцев, что они возвращаются из Америки с планами самых больших цехов, это вообще уже не степь, это колоссальный цех строительных материалов, новый рабочий город, необозримая строительная площадка, перерезанная рельсами узкоколейки, с дымом маленьких и шумных паровозиков, с бубнами бетономешалок и цепями подъемных кранов.

Это уже не степь, это уже строительство первого большого завода советских тракторов, завода, который должен быть готов первого апреля 1931 года.

Да, так сказано: первого апреля 1931 года. Но сколько тут людей, которые в этой дате видят приказ себе, а в его выполнении — свою личную задачу? Пять тысяч рабочих тут работают, работают, потому что хотят заработать. Не больше. Сделал свою работу — плати, и, как говорится, будем добрыми друзьями.

Что будет в 1931 году — это нас не касается. Не будет готово — придем снова, будет — примут нас где-нибудь. Сейчас, слава богу, работы везде достаточно.

Пять тысяч рабочих уже работают тут. Есть молодые, среди них комсомольцы. Или работают хорошо, или лавируют, избегая трудностей. Тракторострой все равно растет.

Но в его глубинах растут прежде всего не стены и железные конструкции. Что-то новое, невиданное вкладывает инструмент в руки рабочих и изменяет их самих, как будто электрический ток наэлектризовал их поле и составил молекулы их душ в новом, в одном едином направлении. Оно их притягивает и связывает со строительством.

Может быть, тут начало рабочей гордости тружеников. Смотри, работает он тут, на гигантской стройке, которая будет иметь значение для целого края, на стройке, о которой пишется в газетах, а иллюстрированные журналы публикуют снимки дела их рук. На одном снимке, возле законченной стройки склада, он видит себя. И правда, это не обычная стройка, это не какой-то барак, вся земля, наверно, удивляется тому, какой растет Тракторострой в Сталинграде.

По вечерам устраивают рабочие собрания. Они называются совещаниями. Хотел бы я посмотреть, как с ними инженеры будут советоваться. А что, если однажды туда зайти? И в самом деле — совещание. Каждый может говорить, и каждый говорит, что у него на сердце. И он хочет высказаться. Слова корявые от смущения: почему же, товарищи, так плохо? Ему объясняют. Трудности, препятствия и как их можно преодолеть. Потом кто-то рассказывает о коллективизации и о задачах, которые в ней отведены Тракторострою. Уже стали называть: наш Тракторострой. Гм, в этом что-то есть. Мы строим его, без нас его бы не было, почему бы тогда не говорить «наш Тракторстрой»?

Да, это и есть начало рабочей гордости. Наш Тракторстрой, потому что мы его строим.

Наш Тракторстрой, потому что мы — его хозяева. Наш Тракторстрой, потому что мы распоряжаемся этой землей, мы — ее рабочие. Мы, крестьяне, приходим из деревень, приходим за заработком, а находим свою свободу, и силу, и ответственность.

Комсомольцы, молодые рабочие завода первыми начали вникать в план. В план своего тракторного.

В июне 1929-го собирается первая заводская комсомольская конференция. На ней выступает товарищ Иванов, директор Тракторостроя. Не хвалит, можно смело сказать, нападает.

— Вы, комсомольцы, очень мало еще сделали для нашей стройки. Вы просто работаете, а надо работать поударному. Мы, говорят многие из вас, пришли заработать, а не строить социализм. Да, товарищи, если так рассуждать, то действительно до социализма далеко. Комсомолец должен понять, что он тут не просто в общем числе, он — авангард, он должен быть примером, первым бойцом, удары которого направляет классовое сознание свободных трудящихся.

Долго обсуждали речь товарища Иванова. Выступали энтузиасты и скептики. Дискуссия перекинулась на стройку. Несколько дней слова заменяли работу.

И вот десять молодых электромонтеров начали соревнование: работаем на себя, хотим лучше хозяйствовать. Пересмотрим планы своей работы.

Заявили, что можно сэкономить 37 процентов и что они берутся сделать это.

После первой удачи в социалистическое соревнование включились молодые механики, после — молодые каменщики. Стройка меняется, работают на ней новые люди. Поезда катят со всех сторон и везут новых и новых рабочих из деревень, и сейчас Васька убежден, что это армия, новая Красная Армия строительства.

Пятнадцатого июля 1929 года рабочие принимают на заводском собрании предложение закончить строительство Сталинградского тракторного не в конце марта 1931 года, а в конце декабря 1930 года.

Это только волна. Только прилив энтузиазма. Он проходит, и возвращаются дни, когда грустно и тяжко, когда нужно биться, не видя победы, работать и предчувствовать результат далекого будущего. Пока не будет положен последний камень в строительство социализма, пока не снимут леса и во всех окнах не загорится свет, для тебя, юноша комсомолец, для тебя, товарищ коммунист, нет покоя и безмятежной жизни. Будь счастлив, что ты творец, но будь бдительным в работе и спи с открытыми глазами. Десять молодых электромонтеров не выдержали. Выполнили свои первые задачи, но на этом их подъем сменился отчаянием из-за того, что товарищи над ними смеются. Хотели показать силу и знание, а их товарищи смеются: «Эй, ударники, быстрей, еще много работы, уступим вам!» Они хотели быть примером, а над этим смеются. Невыносимый смех. Он сильней, чем их усилия, и больней, чем усталость.

Они сдаются.

Многие сдаются. Некоторые убегают с завода, потеряв веру. Но сто новых приезжают на их место. Соцсоревнованию быть! Оно должно, должно проломить стену, которую столетия поставили между тружеником и трудом.

И в самом конце чувствуешь, как она рушится, с шумом, среди ругательств и молчаливой работы, насмешек и настойчивой агитации на стройке, на собраниях, в бараках.

В столярной мастерской по инициативе комсомольцев возникает первая ударная бригада на тракторном.

Двадцать молодых рабочих. Мастерская внимательно наблюдает за их начинанием и потом присоединяется. Весь цех становится ударным и вызывает на соцсоревнование вторую мастерскую с 470 рабочими.

Это было двадцать седьмого сентября 1929 года.

В последний день этого месяца из 5597 тружеников Тракторостроя 1627 включились в соцсоревнование. Двадцать девять процентов.

I.V.1930 г.

5597 рабочих, техников, инженеров и служащих работают на строительстве тракторного весной 1929 года, 1627 из них включились в соцсоревнование.

В октябре на тракторном — 6570 работающих, 2052 из них — в соцсоревновании.

В ноябре соревнуется 2580 из 9050.

В декабре — 4398 из 9920.

В январе 1930 года — 4730 соревнующихся из 8900 работающих.

В феврале из 7550 — 6320 соревнующихся. 73 процента.

Каждые четыре из пяти — ударники.

Удивляешься цифрам стройки. Они огромны и захватывающи. Они более сильного и действенного свойства. Эти цифры живые, цифры людей, основные цифры нового общества, цифры, открывающие тайны чудес, которые без них понять невозможно.

Наследники Васек, обретших свободу, говорят в них. Наследники Шурок, павших за свободу, говорят в них. Наследники революционного подъема борцов за власть Советов говорят в них подвигами нового героизма. Десять лет назад рассказывали люди в Сальской степи и на Дону повесть об отряде товарища Ковалева, который три месяца

удерживал Мартыновку под упорным натиском белых, окруженный со всех сторон врагом в несколько раз более сильным.

Пусть во всем мире сегодня рассказывают легенду об ударном коллективе товарища Сударникова, который провел монтаж гигантской наковальни за 5 дней вместо 16 плановых. О коммунистическом коллективе товарища Килина, коллективе демобилизованных красноармейцев, которые все сроки своих работ сократили наполовину. О коллективе бетонщиков товарища Ромазанова, которые повысили свою выработку на 40 процентов. О коллективе товарища Батулина с электростанции, который работу 10 дней провел за 40 часов.

О коллективах товарищей Красавина, Диденко, Самохвалова, Спиридонова и других, без имен, о тысячах рабочих, взявших на себя смелость перечеркнуть медлительные планы и нашедших силы построить в сталинградской степи один из самых больших тракторных заводов мира на девять месяцев раньше, чем планировалось.

В летописи гражданской войны есть запись о смерти 345-го рабочего полка на Царицынском фронте.

— Сдавайтесь! — кричал враг.

— Нет! — отвечали винтовки.

Они пали, пали все там, на высоте 408, защищая революцию. Пусть в новой истории мира будет записано дело молодых рабочих тракторного, которые в самый лютый мороз монтировали конструкции и вставляли стекла в огромных цехах.

— Сдавайтесь! — кричали им мороз и усталость.

— Нет! — отвечали молотки и ножи.

Они выполнили свою задачу, победили там, в главном корпусе, в литейном цехе, в кузнице тракторного, победили в строительстве социализма.

Это были наследники Васек, воевавших за свободу.

Наследники Шурок, павших за свободу.

Наследники революционного энтузиазма борцов за власть Советов.

— Признаюсь,— говорит американский инженер на собрании в честь годовщины Октябрьской социалистической революции,— признаюсь, я не ожидал увидеть такую работу, как здесь. Я думал встретить отсталую страну, отсталых рабочих, а вы тут работаете не хуже самых лучших американских рабочих. Нет, что я говорю! Сейчас, преодолев первоначальные трудности, усвоив основы организации труда, вы работаете лучше, с большей энергией, с самоотверженностью, с увлечением. Считаю своим долгом сказать вам об этом в день, когда вы празднуете свое освобождение от жестокого ига царизма...

Дружелюбно улыбаясь, отвечает на эту речь один из рабочих. «Благодарим»,— говорит он и как бы мимоходом напоминает, что революция покончила не только с царем, но и с капитализмом, что дело не столько в организации труда вообще, сколько в новой организации труда, о которой говорил Ленин, в такой, которая пробуждает инициативу рабочих и использует их творческий энтузиазм.

Американский инженер не замечает этого намека, он еще не понимает того, что видит.

А где уж понять далекой Америке!

...Мистер Альберт Кан в Детройте терпеливо выслушивает дотошных советских инженеров. Они — крупные заказчики, и можно потратить несколько часов на этих спешащих людей, которые требуют кратчайших сроков поставок, будто свой тракторный завод они строят в Америке, а не где-то в южной России.

Когда они уезжают, Кан принимает журналистов, жаждущих узнать его мнение о советских заказчиках. Завтра в газетах появится отличный материал, не каждый день такая сенсация: Америка строит для большевиков большой завод!

Альберт Кан не жалеет слов. В статье вы найдете несколько общих фраз, несколько конкретных высказываний о проекте завода и затем оценку перспектив: разумеется, трудно строить в отсталой стране; у нас, в Америке, все эти цехи построили бы и смонтировали все конструкции за 5—6 месяцев, русским на это потребуется минимум полтора года. «Ничто,— говорю я вам,— так не тормозит работу, как отсталость».

Журналисты усердно записывают слова мистера Кана.

— Надеемся,— говорят советские инженеры при следующей встрече,— что ваши скептические прогнозы не отразятся на темпах выполнения заказов?

Альберт Кан учтиво заверяет, что не повлияют.

А сам не спешит.

Далеко за морем, на берегу Волги, начинают говорить о Детройте непочтительно. Что там копается Америка? Мы ждем. Уже заложен фундамент. Уже приготовлены краны и молоты. А американского оборудования все нет. Америка опаздывала.

Над Волгой поплыли первые туманы.

Осень.

Вот придет зима, приостановится работа. А до конца будущего года Тракторстрой должен быть сдан в эксплуатацию.

У Альберта Кана хватает терпения, но на Тракторстрое уже с нетерпением смотрят на юг, ждут телеграмм из Новороссийска о прибытии американского оборудования. Никто не может допустить, что пароход с долгожданным грузом хоть час зря простоит у пристани. В Новороссийске уже знают, что такое Тракторстрой, и также хотят участвовать в стройке.

Телеграмма пришла двадцатого сентября.

Двадцать четвертого сентября платформы с конструкциями были уже на Тракторстрое.

Двадцать пятого сентября уже поднялся каркас литейного цеха.

Альберт Кан из Детройта, возьмите свои слова обратно, пока не поздно! Сознайтесь, что вы ничего не знали об Октябрьской революции! Сознайтесь, что вы представления не имеете о людях, которые творят пятилетку. Пока есть время, откажитесь от своей оценки перспектив. Альберт Кан из Детройта! По-хорошему вам советую.

Не услышал.

Грохот ударов молота оглушителен, длинные языки автогенов шипят, завывают сирены подъемных кранов, бьют молотки, застывают раскаленные заклепки, на стальном каркасе появляются поперечные балки, воздух пахнет огнем и маслом, ты словно на дне громадного котла, по которому колотят со всех сторон, и, ошеломленный, ты бегаешь среди этого шума.

Попробуй описать эту битву, в которой никто не гибнет, но в которой растет армия вожаков и победители берут крепости одну за другой!

Пятьсот новых рабочих в ударных бригадах.

Тысяча.

Комсомольцы удлинили рабочую смену: 10 часов ежедневно. Бригады совещаются, обсуждают эту инициативу. По правде говоря, не все единодушны. Но голосуют: «Принято!» Потом зажигаются прожекторы: ночная смена. Днем и ночью будет расти тракторный завод.

Стук молотов разгоняет темную тишину над степью, и удивленная Волга спрашивает у берегов, что там происходит, на правой стороне, на крутизне, и бежит дальше, рассказывая о том, что слышала.

Ветер крутит между конструкциями, уносит обрывки разговоров рабочих, подслушивает под окнами стройуправления и уже спешит, чтобы поделиться новостями с теми, кто хочет о них слушать.

Но есть и более надежные информаторы: телеграф, ротационная машина, радио разносят весть об инициативе строителей тракторного далеко, и первые ходоки из деревень приходят поглядеть и узнать, когда же начнут делать тракторы.

— Когда начнут, а, Васька?

Это вопрос правильный, в самый корень — спрашивают не о заводе, а о тракторах.

Первый ответ дан в конце октября. Он из Москвы:

«Учитывая быстрые темпы коллективизации и растущую потребность в тракторах, установлены нормы выпуска продукции для Сталинградского тракторного завода на 1931 год — 25 000 тракторов и на 1932-й — 50 000 тракторов».

Пятьдесят тысяч тракторов в год, Васька! Много ли на свете заводов, которые могли бы потягаться со Сталинградским тракторным?

Уже через год, всего через год, выйдут с завода первые сталинградские тракторы. Разумеется, это зависит от строителей. Чтобы выполнить директивы, нужно снова сократить сроки строительства.

Торжественно пришел на Тракторострой октябрьский юбилей. На минуту затихает шумная стройка. На минуту все оглядываются на сделанное, и это — счастливая минута. Многое уже изменилось там, где была степь. Но разве есть уже в колхозах сталинградские тракторы? Взлетают руки. С ними голосуют и фермы конструкций.

Завершим строительство к первому октября 1930 года!

Альберт Кан из Детройта, еще не поздно.

Нет? Вы все еще думаете, что ваши оценки правильны. Ах, правда, я и забыл: вы рассчитываете на своего союзника.

Он уже пришел.

Это зима.

Утром встанешь и видишь: иней посеребрил все вокруг. Даже черный металл отливает серебром, и это красиво. Но попробуй брать голыми руками эти балки, склепывай ежедневно по 8 часов эти куски стального льда, подержи молоток в посиневшей руке. В тулупе не полезешь на конструкции, а «спецодежда» — рабочий костюм, который тебе дали, такой, что жгучий ветер без труда пробирает до костей.

Пока солнце еще пробивается сквозь дымку, тебе хорошо, ты словно закутан в одеяло. На стройке весело. Но как только ветер начинает хлестать по лицу колючим снегом (не верь, что снежинки мягкие), тело твое примерзает к балке или тянет книзу, таким оно делается твердым и ломким.

Работать просто невозможно.

Сезонники идут в контору за последней зарплатой. Хватит, нахозяйничались, хватит зиму пережить, дома ждет жена, маленькие окошки у горбатых избушек заткнуты мхом, мороз не пробьется в избу, там тепло.

А здесь, на Тракторострое? Эх, товарищи, зимой работать нельзя! В жизни мы такого не видывали.

Приходит следующая партия; молодой краснолицый парень говорит от ее имени, потом все вступают в разговор.

— Вчера у нас, товарищи, половина ребят отправилась домой. А мы знаем: тракторы нужны. Что же,— говорит Петька,— может, всю зиму проспим? Мы, товарищи, домой не хотим. Мы, товарищи, будем работать. И теперь, когда нас стало меньше, то мы, так сказать... собственно говоря... ну, в общем, объявляем себя ударниками.

Зима пришла лютая.

Тысяча сезонников разбежалась домой.

Новые две тысячи вступили в социалистическое соревнование.

Лютая зима. Ртуть в термометре сбилась внизу в клубок, иногда только днем она выходит оценить ситуацию, но к вечеру спешит вниз. 20, 25, 30 градусов мороза.

Но Тракторострой не свернулся в клубок.

Ударные бригады работают, поднимаясь все выше и выше по растущим конструкциям. Мороз не заглушил лязг ударов по металлу, длинные языки автогенов шипят и лижут металл, сирены подъемных кранов гудят, перекликаясь с ветром, молоты стучат, раскаленные заклепки остывают, потом нехватка заклепок заставляет хозяев стать новаторами, они переходят на цельносварные конструкции.

И, наконец, ты ошалело бегавший по дну огромного котла, по которому колотят со всех сторон, оглушен тишиной.

В чем дело?

Го-то-во!

— Альберт Кан из Детройта, уже поздно! — кричит Васька.

Вы говорили о России. Полтора года, сказали вы, потребуется на такой монтаж.

Вы говорили об Америке. За 5—6 месяцев, сказали вы, это могло быть готово у нас.

Но вы не говорили о Советском Союзе и его рабочих, не говорили о рабочей инициативе, о новых людях, об ударниках Сталинградского Тракторостроя.

Вы были правы вот в чем: работали они в стране отсталой в техническом отношении, они удивлялись машинам, на которых вы работали уже десять — двадцать лет, они совершали ошибки, о которых вы уже и думать забыли.

Но вы ошиблись вот в чем: работая на морозе, отказавшись от выходных, не слезая с конструкций даже на обед, работая по ночам не хуже, чем днем, они выполнили задание, которое сами поставили себе,— в три месяца.

17.VI.1930 г.

Утро 17 июня 1930 года.

Сталинградцы идут пыльной дорогой к северу, идут длинной процессией, идут двенадцать километров от города, и вот уже тракторный.

Идут с юга.

С севера, с востока, с запада плывет широкий людской поток и вливается в ворота тракторного. Качалинская, Иловлинская, Громославка, Бузиновка, Карповка, Мариновка, Калач и Песковатка послали своих делегатов.

Гул голосов празднично звучит в утренней тишине.

Тысячи делегатов с заводов и деревень ждали здесь, и их глаза обращены к воротам сборочного цеха.

Там, внутри, шум и однообразный стук конвейера.

Далеко в конце сборочного появился мотор. Медленно плывет он по волнам бесконечного конвейера и по мере того, как приближается, вырастает и приобретает вид трактора.

Молодые руки напряженно работают. Тысячи глаз, нетерпеливых, тревожных, влажных, смотрят на них. Борцы за советский трактор смотрят на дело рук своих наследников.

Конвейер стуком отсчитывает секунды. Конвейер опускается, и нижние большие колеса трактора отделяет от земли только тонкая лента.

На сиденье вскочил молодой рабочий.

Поворот руля.

Включает мотор.

Колесо коснулось земли.

Первый сталинградский трактор съезжает с конвейера. Первый сталинградский трактор выезжает из сборочного.

Тихо. И ветер смолк, и большие белые облака остановились. Только трактор поет свою песню. Это песня о

19-м годе, о погибших под Царицыном, о голоде и лишениях. Это песня о свободе, о великом деле и новой жизни.

Тихо. Только трактор рассказывает свою историю.

Васька уверяет, что он не плакал.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Песня о великом деле. Волгоград, 1973.

С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

— Спрашиваю вас: видели вы там истощенные лица и голодную смерть миллионов людей?

— Нет!

— Спрашиваю вас: видели вы там обобранные деревни и отчаяние крестьян, сознающих свой близкий конец?

— Нет!

— Спрашиваю вас: видели вы недовольство, которое не сломишь никаким террором? Видели вы бунты против большевистских узурпаторов?

— Нет!

— Видели вы казни? Видели вы, как голодных и недовольных людей ставят к стенке и расстреливают на глазах близких, тут же на площади или на улице?

— Нет!

— Не видели? Так я и думал. Этого вам не показали. Ничего вы не видели!

«Смотри хорошо! Ходи всюду с открытыми глазами. Ты должен увидеть у них успехи и трудности. Мы хотим учиться у них. Нам все нужно в этой школе, успехи и недостатки». Так мне писали шахтеры из Лома за два дня до моего отъезда в Советский Союз.

И я смотрел хорошо. Я всюду ходил с открытыми глазами. Я видел успехи и видел трудности. Если бы я их

не замечал, меня бы взяли за руку, привели и ткнули носом: «Вот они, наши трудности!»

Нехватки в Советской стране — это не лохмотья на тощем замерзшем теле бедняка. Это одежда ребенка, который вырос из нее. Смотришь на него: штанишки выше колен, в плечах узко, рукава до локтей... Ну, парень, плохо дело, вот-вот все на тебе затрещит, вырос ты из своей одежды...

Но...

Но как ты растешь! Как крепнешь и мужаешь, какой ты здоровый, рослый мальчик! Ты уже не ребенок, ты уже зрелый муж!

И уже незаметны на нем узкие брюки и курточка. Видна только его молодая, сильная фигура, широкая грудь и крепкие ноги.

На XVI партсъезде Сталин говорил о трудностях:

«Речь идет об особом характере наших трудностей. Речь идет о том, что наши трудности являются не трудностями упадка или трудностями застоя, а трудностями роста, трудностями подъема, трудностями продвижения вперед».

Каждый день я видел эти трудности. И каждый день я видел силу, которая, несмотря ни на что, созидала; видел, как росли темпы, видел инициативу, великую инициативу, которая ширилась и преодолевала все на своем пути.

Советский Союз — великая страна. Страна контрастов. Путешественник, проезжающий по этой стране, турист, который отправился поглядеть на нее, привезет полный блокнот заметок, их хватит на целую книгу или на рассказы по вечерам в течение года.

Я бродил там по глубокому снегу. А через неделю при семидесятиградусной жаре меня трясла малярия в Средней Азии. На протяжении двух дней мне довелось ехать на превосходной машине по асфальту большого го-

рода и на спине верблюда в песчаной пустыне. Я купался в бурном море, а на следующий день поднимался на ледники высочайших гор. Я был в краю, где воздух вечно полон сырым туманом, а потом поезд доставил меня в другой район того же края, где весь год не знают дождей.

Самый молодой город Европы Ленинград и город Шехерезады Самарканд, Днепрострой и построенную Александром Македонским крепость, крупнейший институт охраны материнства и младенчества и гробницу Тамерлана — все это я видел в одной стране.

Все это — Советский Союз.

Я не путешественник и не турист. Я смотрел на все открытыми глазами для того, чтобы увидеть тысячи контрастов, из которых складывается новая жизнь.

Успехи и недостатки...

Я зашел побриться в кооперативную парикмахерскую. Из пяти мастеров в белых халатах трое были женщины. Сидя на расшатанных стульях и прислонясь к стене, ждали клиенты,— их много. Это «парикмахерский кризис». Терпеливо прождав час или два в этой большой компании, ты будешь быстро и чисто выбрит узенькой и до невероятно сточенной бритвой, которая звенит в твоей бороде, как тонкий стальной прутик.

Уже семь лет бреет клиентов эта бритва, а новых бритв все нет. А если бы и были бритвы, не хватает парикмахеров. Люди нужны на более важных участках труда, например к домнам и мартенам, откуда придет со временем сталь для новых бритв.

Вот они, наши нехватки!

Ожидая своей очереди, ты прислушиваешься к разговорам и невольно включаешься в них. Говорят о колхозах. Давно уже перекрыт установленный процент коллективизации. Крестьянин понял выгоды коллективного хозяйства.

«Кто— кого?» — так стоял вопрос в деревне, а теперь последовал ответ: кулак будет ликвидирован как класс, начинается эпоха социалистического сельского хозяйства. Вы читали? Да, читали. Триста пятьдесят миллионов центнеров, ни килограмма меньше, дают в этом году колхозы. Триста пятьдесят миллионов, граждане! Деревня уже не отстает от города!

Вот они, граждане, наши успехи!

Мы были в Харькове, сидели в редакции газеты. Пришел каменщик, рабкор.

— Я напишу заметку. У нас две новые ударные бригады. Только дайте умыться. Не могу же я в таком виде писать,— и он показал выпачканные в известке руки.

А мыла нет. «Мыльный кризис». Только через два дня редакция получит свою норму. Вот и определяй после этого культуру народа по количеству потребляемого мыла!

А каменщик уже сидит за столом, измазав штукатуркой его лакированную поверхность, и пишет на бумаге, которая жадно впитывает чернила. Он пишет заметку о стройке нового харьковского тракторного завода и о социалистическом соревновании.

Завтра заметка появится в газете. Газета печатается почти без полей, ибо нужно экономить бумагу, ее не хватает. Тираж газет и журналов за последние пять лет возрос в двенадцать раз, а бумажный комбинат в Балахне только недавно ввел в строй новую машину. На газетном листе без полей ты прочтешь об успехах в строительстве Днепростроя и о проекте Ангарстроя, который будет в несколько раз больше, чем его днепровский предшественник. Ты прочтешь о перевыполнении пятилетнего плана на харьковском электрозаводе, о новых металлургических предприятиях в Крыму, о закладке крупнейшей шахты в Донбассе.

Не хватает гвоздей.

Но в Саратове строится завод комбайнов, которые уберут урожай со многих миллионов гектаров совхозных и колхозных полей.

Не хватает спичек.

Но в Магнитогорске задута новая гигантская домна...

Если бы я был туристом, я бы видел только горы и долины, города с миллионным населением и пустыни.

Но я видел величественную стройку и мелкие недостатки. Я видел строительство для столетий и нехватки текущего дня. И надо всем этим — радостная улыбка, энтузиазм, уверенность в себе и победная рабочая инициатива.

Вот они, наши трудности.

Вот они, наши успехи.

Баланс активен, товарищи!

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Избранные очерки и статьи. М., 1950, с. 38—41

ФЛАКОН ОДЕКОЛОНА

Возможно, что ты уснул.

Поезд — неутомимая нянька. Его колыбельную песенку слышишь даже сквозь сон; медленно и мягко, но настойчиво сон укладывает тебя на широкий диван советского вагона. Мелодия степи тиха и монотонна.

Серо-зеленая мелодия.

Возможно, что ты уснул, прислушиваясь уже десятый час к этой мелодии.

Ночь застанет тебя в пути — это естественно для недельных путешествий по советским железным дорогам. Спи!

Но мужчина на верхней полке номер два не дает тебе спать. Он тебе интересен во всех отношениях.

Разъезд Курайли — прочел ты на маленькой станции с одинокой постройкой, вокруг которой расстилалась широкая степь. На этой станции вместе с собакой в вагон вошел твой новый спутник. Если он был жителем Курайли, то разъезд вымер в ту самую минуту, как только он его покинул. А если не жил здесь, то как попал он на этот заброшенный островок в зеленовато-седом море?

По-видимому, он смертельно устал. У него ввалились глаза, а морщины разбегаются от переносицы через весь лоб, скрываясь под волосами. Он утомлен. Или болен.

Но не спит.

Через определенные промежутки времени, равномерность которых можно проследить по часам с выбитым стеклом на его руке, он встает, открывает потрепанный чемоданчик, осторожно и торопливо подносит к окну флакон из-под одеколона, наполненный какой-то диковинной жидкостью, темной и в то же время сверкающей в последних лучах заходящего солнца, предназначенных для восторгов второстепенных лириков и для спокойного отдыха простых людей.

Таинственный мужчина с таинственным флаконом.

Любопытный чужеземец, у тебя же есть язык, чтобы выведать эту тайну, и тогда ты уснешь спокойно, как это вообще полагается и уже вошло в привычку во время недельных странствований по просторам Советского Союза.

Так возникает твой вопрос:

— А что у вас, гражданин, в этом флаконе, который предназначался, как мне кажется, для жидкости совсем иного рода?

— Видите ли, это...

До сих пор казалось, что он даже не замечал твоего присутствия, а теперь вдруг отвечает, как будто мы с ним разговаривали уже в течение нескольких часов, как будто он только и ждал твоего вопроса и готов был отвечать раньше, чем ты успеешь его задать.

И в эту минуту, сам того не замечая, ты расстаешься со сном в эту первую ночь в степи.

Он из Ленинграда.

Ему тридцать лет.

Говорит он быстро. Хочет рассказать свою богатую тридцатилетнюю жизнь в первую же из тысячи и одной ночи, в которые ты мог бы слушать совсем несказочные рассказы новых героев.

Инженер-геолог, он посвятил себя поискам нефти. Как волшебная палочка, склоняется он к земле в тех местах, из которых через несколько недель начинают бить могучие нефтяные фонтаны. Он был послан в Казахстан. В те самые степи, через которые мы сейчас проезжаем. В Эмбинский район. Река Эмба дала имя пространству земли в семьдесят тысяч квадратных километров, под которым от северо-восточных берегов Каспийского моря вплоть до железной дороги Оренбург — Ташкент тянутся нефтяные месторождения.

Уже давно было известно об этом богатстве.

Когда-то, еще во времена царской России, здесь начали искать нефть. Бурили вглубь до двадцати метров. Это были геологи английской фирмы. Но англичане ушли. Ушли не по доброй воле. Сдались. Условия жизни здесь оказались слишком тяжелыми, слишком трудными!

И нефть продолжала существовать только в планах петроградских геологов.

Затем Петроград стал Ленинградом.

— Пятилетка, товарищ, это не бумажный план работ, который нельзя осуществить. Вот и вторглись мы в Эмбинский район.

Да, вторглись в Эмбинский район. Но это означало: отрекись от жизни. Отрекись от жизни на два или три года! И кто знает, вернешься ли ты?

Нельзя было просто взять и послать рабочих в такие места. Связи между отдельными пунктами, где проводи-

лось бурение, не было. Не было здесь и оседлых жителей. Только степь. И посреди нее, в шестидесяти верстах от железной дороги, нужно жить и работать. Снабжение? Да, снабжение будет трудным, очень трудным! Вероятно, порою и совсем нечего будет есть. Наперед не угадаешь, что с тобой может случиться в такой глуши. Заболеешь, а до ближайшей больницы два дня пути. Нет, нельзя было просто взять и послать рабочих в такие места.

Кто хочет поехать добровольно?

О своем желании ехать заявили несколько сот человек. Требовалось только семьдесят.

Уже второй год живут семьдесят рабочих в степи в шестидесяти верстах от железной дороги. Первое время спали под открытым небом. Не было даже палаток. Теперь есть и палатки, и даже бараки. Но вода здесь имеет привкус нефти. Хлеб черствеет раньше, чем попадает к людям. Бывали дни, когда жестокая метель налетала на палатки и холодный, острый ветер продувал их насквозь. Бывали дни, когда исчезала вода, люди испытывали жажду и припадали к грязной реке, деля ее воду с верблюдами и длиннорогими баранами. Бывали дни, когда подводы с продовольствием сбивались в степи с дороги или снежными буранами заносило поезд на Урале. Люди голодали. Свертывали в козью ножку старые газеты и сыпали в них сухую степную траву, чтобы едким дымом этой примитивной сигареты заглушить мучительный голод.

Уже второй год живут семьдесят рабочих в степи, в шестидесяти верстах от железной дороги. И ни один из них не ушел.

Степь — это таинственная земля. Говорили, что будто бы один Памир оставался еще белым пятном на картах. Нет, товарищ, и эта вот степь была изображена на картах только благодаря богатой фантазии старых топографов. Лишь теперь возникает новая точная карта несколь-

ких десятков тысяч квадратных километров степи. Там, в лагере добровольцев, когда нужно, принимая участие в бурильных работах, живут два молодых топографа. Это они своими руками создают новую точную карту, новые черты на лике земного шара.

— Завоевываем землю,— говорит мой сосед по купе как нечто само собой разумеющееся.

В прошлом году, зимой, на время отпуска он ездил в Ленинград. После долгих месяцев, как я узнал, мой сегодняшний спутник впервые держал в руках свежую газету. Читал доклад товарища Сталина об итогах первого года пятилетки и тщательно записывал в свою записную книжку все приведенные в докладе цифры.

— В этих цифрах великая сила. Не знаю, все ли это чувствуют так, как чувствуем мы, уже давно сказавшие свое слово: первый год *нашего* плана выполнен и даже перевыполнен. Поймите хорошенько: нашего плана. Хотя мы и отрезаны от остального мира, но план — это также и мы сами, мы его часть, и ничто не лишит нас этой связи.

— Я не романтическая барышня,— сказал я своему соседу и добавил, что эта самоотверженность выглядит несколько неправдоподобно.

Не зло, но довольно резко он мне возразил:

— Не понимаете? Так-таки и не понимаете? Вам кажется вполне естественным, что люди переносят лишения на войне, жертвуют своей жизнью ради того, чтобы убить. И не верите в их самоотверженность, когда они хотят созидать?..

Ты слушаешь.

Можешь сомневаться. Ведь только несколько дней, как ты в Советском Союзе.

— А впрочем, теперь мы уже не одни. У нас есть сосед. Новый совхоз. Гигант номер два. Основали его полгода тому назад, и он быстро растет. Новый участок сте-

пи завоевал советский человек. Новый кусок земли. Теперь хватит хлеба и для нас. Мы не должны будем ждать, а иногда и тщетно ждать. Если вы к нам приедете через десять лет, то не узнаете этой нетронутой степи, над которой сейчас царит только солнце. Здесь будет город человека.

За окном ночь и степь. Хорошие, неутомимые няньки. Но человек этот с загорелым, худым лицом и усталыми глазами излучает столько яркого, немеркнущего света! В его руках поблескивает флакон, который помогает мне прийти в себя.

— А что означает этот флакон, товарищ?

Теперь он радостно улыбается.

— Исключительно ради него я сегодня еду этим поездом. Благодаря этому флакону мы здесь встретились. Шестьдесят верст я проехал степью, не встретив ни одной живой души. Никому я не мог рассказать о нашей величайшей гордости...

Впервые он говорит медленно и четко:

— В этом флаконе — нефть, товарищ! Самая чистая нефть на свете!.. Сегодня утром мы ее нашли.

Сегодня утром в Эмбинской степи забил из-под земли фонтан чистейшей нефти. И именно в том самом месте, где несколько лет назад начали копать англичане.

— Глупцы! Они сдались, пройдя всего лишь двадцать метров в глубину. Отказались от самой чистой на свете нефти. Видите, а пятилетка ее нашла.

И ни слова о том, сколько собственной энергии вложено в землю, отблагодарившую их «черным золотом». Ему кажется излишним говорить, что пятилетку здесь представляют семьдесят рабочих и специалистов, которые своим самоотверженным трудом обеспечивают ее успех; что только энтузиазм этих людей позволил им найти здесь то, от чего отказались англичане, подгоняемые жаждой наживы и духом спекуляции.

Англичане сдались.

Их хватило только на то, чтобы завалить свои раскопки. На неточные карты они кое-как, чтобы никто не нашел, нанесли это место, и все-таки его разыскали. Вы должны услышать историю новой находки.

Нашла нефть собака.

Вот эта самая собака, которая лежит в коридоре вагона у дверей нашего купе, помогла разыскать нефть. Уже три года, как она сопровождает своего хозяина-инженера. Собака видела, как ее хозяин склоняется к земле и берет в руки минералы. По его приказу она приносила ему камни. Видела, что к некоторым из них он относился с явным презрением и сразу же их выбрасывал. А некоторые следовали в карман инженера: значит, они имели цену. Через несколько месяцев собака уже умела различать, на каких камнях есть следы нефти, и приводила хозяина к месту, где она их нашла. Ее морда постоянно была опущена к земле.

В один прекрасный день собака принесла камень, который привел людей к заваленным раскопкам англичан, к месторождению чистейшей на свете нефти.

— Видите, это не только собака, но и мой помощник.

Копали долго. Нефть скрывалась глубоко в земле и показалась лишь сегодня утром. Это была чистая, совершенно чистая нефть.

Взволнованный инженер оглядывался вокруг, не зная, во что собрать первые капли драгоценной жидкости. Раздумывал недолго. У него в кармане был флакон одеколона. Роскошь в степи. Роскошь, которая была ему приятна в таких условиях. Такой дешевый, даже сентиментальный знак цивилизации, если посмотреть на заросли его небритой бороды. Он забыл о сантиментах. Открыл флакон и вылил его содержимое. Раньше, чем последнюю капельку справедливо разделили между собой сухая земля и палящее солнце, во флаконе заискрилась нефть.

Вот что означает этот флакон из-под одеколона. С ним он едет в другой конец района рассказать об успехе и получить дальнейшие директивы.

Едет сам. Еще несколько дней тому назад это было бы невозможно. Он был единственным инженером во всем районе. Его помощниками были студенты. Полгода они учатся в институте в Ленинграде, полгода работают в степи. А затем опять полгода в Ленинграде, полгода на Эмбе. Сегодня здесь уже два инженера.

Все это ему пришлось поведать мне в спешке, чтобы хватило времени рассказать и о том, другом человеке.

Второй инженер, его заместитель, до мировой войны был батраком, имевшим счастье окончить три класса школы, сельской школы. Знаете, что это означало в царской России?

Потом наступила война. Он прошел сквозь огонь ее фронтов, активно участвовал в боях гражданской войны. Красноармейцем он узнал мир. Узнал, что у человека есть силы и способности, не только чтобы скосить десятину ржи. Перед ним теперь была широкая дорога. У него был талант. Он чувствовал это. Решил идти учиться.

Сто пятьдесят верст прошел он пешком и достиг городка, в котором была средняя школа. Проверили его: действительно, человек талантливый. Но выяснилось, что та сельская школа, в которой он почерпнул свои первые знания, ничем не отличалась от других школ в селах царской России. Он с трудом читал и совершенно не умел писать.

Пришлось начать все сначала. Прежде всего надо было научиться писать и читать, затем — средняя школа и только потом университет. Учился он честно, основательно, быстро. Его послали на практику в Эмбинский район. Там он зарекомендовал себя как хороший работник. О нем писали в Ленинград и просили оставить в районе, где он был нужен еще на несколько месяцев. По-

сле этого, осенью, он должен был вернуться в Ленинград заканчивать в течение полугода теоретический курс.

Но он не поехал.

Несколько дней назад посыльный казах привез ему телеграмму.

— Если будете нам писать, товарищ, не посылайте телеграмм. Они останутся на разъезде Курайли до тех пор, пока не соберется их целая куча, ради которой стоит к нам ехать. Письма и телеграммы лежат и ждут. Мы как моряки, а разъезд Курайли — наша пристань. Не посылайте телеграмм. Напрасно только загрузите линию.

Так вот, его телеграмма лежала и ждала. Он получил ее с полумесячным опозданием. Руки у него были все в нефти. Отер их о штаны с некоторым замешательством тридцатишестилетнего студента. Развернул телеграмму.

А потом долго смеялся, и его загорелые щеки еще больше потемнели от румянца.

Ему сообщали, что проделанная им работа дает ему право на звание инженера.

Два часа по московскому времени. Четыре — по местному, как показывают незастекленные часы нашего инженера. Голубые краски сменяются фиолетовыми, а затем через окно проникает слепящий красный свет. Встает солнце.

— Теперь работа у нас уже в полном разгаре. Начинаем рано, пока еще не так жарко. Днем — нестерпимая жара. Вечером снова работаем. Трудимся по десять, двенадцать часов ежедневно, иногда и больше. Мы не придерживаемся строго ограниченного рабочего дня. Никому из нас и в голову не приходит подумать об этом. Никто нас не принуждает — только наше дело. Мы знаем, что каждый метр в глубь земли, к залежам нефти,— это шаг вперед и мы на шаг ближе к социализму. Думаете, это громкие фразы? Нет, товарищ. Это наша жизнь. У нас здесь нет удобств. Нет жен, а это, товарищ, немалое ли-

шение. Но у нас есть любимая — нефть. И вот к ней у нас великая любовь, не ради нее самой, а ради того, что она дает. Вы поначалу осадили меня. Теперь я все время себя контролирую и боюсь, как бы вы не усмотрели красивого жеста в том, что составляет нашу гордость. В степи не научишься преувеличивать. В степи, наоборот, отучишься лгать самому себе. В степи мыслишь очень просто, даже слишком просто. Жизнь здесь тяжела, и, если бы вы захотели найти утеху во лжи, жизнь убила бы вас...

Ночь в степи кончается.

Короткая ночь по дороге на восток.

Станция Изембет.

Мы расстаемся. Он скрывается за тополями, бросающими единственную тень на станционное здание.

Поезд, хорошая нянька, снова начинает свою колыбельную песню.

Напрасно.

Не уснешь.

За окном бежит степь. Изредка на горизонте виднеется конус юрты. Встречные верблюды с любопытством поднимают свои головы к вагонам.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Избранное. М., 1980, с. 74—82

ТОВАРИЩ ДОГНАЛ

В нашей делегации был товарищ Догнал, крестьянин из Моравии. Я сказал: «Товарищ» — я выдал счастливый конец этого рассказа: «товарищ Догнал».

Он не был товарищем, когда мы впервые встретились в Праге, в беспокойный, но радостный канун нашего отъезда. Не был он им и тогда, когда мы впервые ступили на советский берег и его хитрая усмешка стала недоверчивой,

ее можно было бы назвать обеспокоенной, когда она появлялась при разговоре о различных успехах и недостатках.

Небольшого роста, широкоплечий, с широко расставленными ногами, словно высеченный из камня, но с округлыми формами и такой упрямый — просто беда: это и был товарищ Догнал. Он обычно ругался и большой рукой, словно лопатой, извлекал из кармана записную книжку, а потом с корректностью, которая ему явно не шла, забивал нас цифрами. Цифры были правильные. Черт его знает, откуда он их брал. Он предпринимал экспедиции на собственный страх и риск и возвращался с тысячью пазойливых вопросов. Всегда у него было наготове несколько «почему?», как у ребенка, и никогда вы не могли быть уверены, что его удовлетворил ответ. На заводах он хранил молчание любопытного зрителя, которому не хочется посвящать других в свои мысли, говорить о том, что он думает. На вопросы о его мнении он отвечал весьма уклончиво: он-де не специалист, ничего не скажешь — хорошо, но он этого не понимает. И — увидим. Впервые он обратился к рабочим в Ростове на Сельмашстрое, на заводе сельскохозяйственных машин. Мы прошли все цехи. Был полдень. В столовой нас ждали рабочие Сельмаша. Они приветствовали нас, говорили о том, что сделали, что намереваются сделать еще, и о том, чего ждут от нас.

Кто-то из нашей группы должен был ответить. Он сам вызвался.

— Товарищи,— сказал он, хрустя пальцами, как будто приготовившись к исповеди,— товарищи, я не могу понять, как это вы себе мыслите: союз города и деревни. Мы, крестьяне, не любим город. Он живет лучше, чем мы, мы всегда думаем, что он живет за наш счет, словно мы его колония. Да и верно: как там люди живут? Днем и ночью у них тротуар очищают от грязи, на работу они ездят

трамваями, а по вечерам — театры, кино, а у нас? Нам становится все хуже, мы гнем спину, как и десять лет назад, а беднеем день ото дня, и еще мы видим, что жизнь течет мимо нас. А почему она все-таки движется вперед? Наверняка благодаря нам! Если б не было городов, мы не жили бы так плохо. Лучше уж все оставалось бы так, как в старину. Вот почему мы не любим город. Его нищета не чета нашей, и нам нет до нее дела. Прямо скажу — не любим мы город. Нам до него не дотянуться. Он наш враг. И вдруг слышим: связь города с деревней. Что это за новости?.. Что еще замышляете вы против нас? Я и понятия не имел, что еще такое может быть. Поэтому я был счастлив, когда меня избрали делегатом. Посмотришь, сказал я себе, и узнаешь! Ну, вот видел я у вас колхозы. Видел совхозы. Был в Сталинграде и видел тракторный завод. Сегодня я узнал ваш Сельмашстрой. Все я видел, как следует осмотрел и теперь уж разбираюсь в этом и понимаю, что к чему. Не останется разницы между городом и деревней потому, что будут только города, будут наши земледельческие города, и в них станем жить мы, пользуясь достижениями культуры и всеми другими достижениями, которые сейчас нам недоступны. Кончится наш изнурительный труд от зари до зари, потому что на полях будут работать машины. Исчезнут наши узкие полоски земли, потому что будут созданы громадные зерновые хозяйства. Правда, мы не будем самостоятельными хозяевами, мы станем рабочими, простыми членами рабочего коллектива. Но я прямо вам говорю: плевать на такую самостоятельность, при которой я не могу жить как человек, начхать на такую самостоятельность, которая меня обкрадывает, начхать на эту самостоятельность, при которой судебный исполнитель постепенно отбирает все, что у меня еще осталось. Я научился видеть два города: ваш город и город богатых. Я знал только второй и ненавидел его. Теперь я знаю и ваш и пойду с вами. Вы дали свободу крестьянам

вашей страны. Вы им даете машины и освобождаете их еще раз, освобождаете от изнурительной работы и первобытных способов труда, которые превращали нас в рабочий скот. Собственными глазами, товарищи, собственными своими глазами я увидел, что вы трудитесь для нас.

Приеду домой — скажу всем: они работают для нас, и если мы хотим жить, то должны идти с ними.

Это была восторженная речь энтузиаста. До тех пор мы никогда не слышали от него таких речей. Он высказался. Это совершенно не соответствовало ни его длинным, с многочисленными цифрами, рассуждениям, ни его корректным возражениям, ни его вечной записной книжке; он словно излучал торжество, он говорил так, как если бы узнал давно предполагаемую правду и сейчас решил стать ее апостолом; сразу выросла его крестьянская твердость, которая всегда опиралась о землю, выросла где-то в мечтах и глядела далеко, далеко...

Не могло быть иначе.

А мы даже не удивились. Давно уже исчезла его хитрая усмешка с оттенком недоверчивости. Давно уже перестал он быть осторожным зрителем, который хранит про себя свои суждения. Давно уже не задавал он подозрительных вопросов.

Третий месяц находились мы в Советском Союзе. Позади были хлопковые совхозы Средней Азии, колхозы Поволжья и Северного Кавказа.

Там, на полях, без межей, среди бескрайних полей пшеницы, ржи и хлопка, было посеяно и взошло зерно энтузиазма крестьянского делегата.

Его «увидим» потеряло свой сдержанный и угрожающий оттенок.

Он увидел. Увидел и узнал, и познание одержало над ним победу.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Избранное. М., 1956, с. 477—480

«АБХАЗИЯ» НА СТАПЕЛЯХ

Раньше всего показывается купол Исаакиевского собора.

Потом трубы Путиловского завода.

Потом верфь.

Так возникает Ленинград перед тем, кто прибывает в него морем. Верфь он видит последней, когда пароход уже входит в порт.

При осмотре города мы решили соблюдать ту же последовательность. Сперва мы лезли по темным лестницам на вершину Исаакиевского собора и, наклоняясь над низкими перилами, смотрели на отвоеванное у моря пространство города.

Потом мы побывали на «Красном путиловце».

И наконец на верфи.

Балтийская верфь! Туда вас довозит быстрый трамвай по проспекту Пролетарской победы. Заводские ворота открыты, и мы задерживаемся у огромной доски социалистического соревнования, цифры на которой меняются дважды в день. Потом мы идем в цехи или карабкаемся по лесам, окружающим корпуса будущих кораблей.

Там, наверху, на этих лесах, мы встретили старого плотника. Он сидел, вытянув ноги, и тесал, а клюв подъемного крана проносился возле него, как ястреб, высмотревший цыпленка.

Плотник заговорил с нами. Обычный разговор. Делегация? Откуда? Потом потолковали о войне. Наконец о работе.

— Растем,— сказал он,— здорово растем. Когда двадцать два года назад я начал здесь работать...

Слышишь? Прислушайся хорошенько! Вот в чем своеобразие Ленинграда. Разве скажет тебе кто-нибудь на ростовском Сельмашстрое или на Сталинградском трактор-

ном: «Когда я работал здесь двадцать лет назад»! Двадцать, десять, пять лет назад вокруг Ростова была степь, за Сталинградом была степь, а теперь ты, пораженный, видишь стены гигантских цехов, которые словно чудом выросли из-под земли.

Но на Балтийской верфи работали и двадцать лет назад. Там работали до революции. У верфи своя история, начавшаяся еще в капиталистические времена.

— Плохо нам жилось, товарищ, до революции. Десять часов работал я тут на верфи и, смертельно усталый, приходил домой в свой сырой подвал. Дочурка у меня там померла от чахотки... и жена. Теперь я одинок, и поэтому иногда мне бывает грустно. Но я живу. Видели вы там по дороге ряды новых домов? Они наши. Теперь мы живем, как люди, работаем, отдыхаем, учимся, развлекаемся и... жаль, что я уже стар, а то сказал бы — любим. По-человечески, понимаете? Мы не урываем наши радости, они само собой разумеются, такова теперь наша жизнь. Мы не маемся, мы живем.

И управляем жизнью.

Были мы бесправными. Нами помыкали, а мы и пикнуть не смели. Нас можно было бить, а мы должны были молчать. Нас можно было выгнать с работы, и мы шли домой умирать с голоду. Если ты раскрывал рот, тебя хватали и сажали в тюрьму за то, что ты хотел жить. Стреляли в тебя. А теперь, товарищ, все переменилось. Завод — наш, мы здесь самые главные хозяева, все права в наших руках. Владельцы завода — мы. Администрация завода — мы. Государственная власть — мы. Никто нас не будет выгонять с работы. Никто в нас не посмеет стрелять. Мы не маемся, мы правим страной, мы у власти.

И работаем.

Посмотрите, как мы растем, товарищ. Было нас тут на верфи четыре тысячи, теперь восемь тысяч. Построили мы новые доки. У нас новые цехи и новые станки. Груз,

который мы раньше вкатывали по бревнам, теперь нам подносит кран. До революции мы в лучшем случае строили четыре судна в год. В этом году мы спустим на воду двенадцать судов, а в следующем — шестнадцать. Видели вы цехи там, внизу? Мы уже сами строим для себя дизели. Сами, без заграницы, своим трудом. Бережем время и деньги. И мы гордимся тем, что уже умеем это делать. Это, товарищ, революция.

Да, мы видим.

— Поэтому-то нас и не любят те господа, вон там...— Он встает и машет рукой в сторону моря.

Там — это за Кронштадтом, в Гельсингфорсе, где фашисты казнят рабочих-коммунистов, в Балтийском море, где крейсируют английские эсминцы.

— Видели вы, что они сделали с «Абхазией»?

— Нет.

— Я бы вам рассказал, да не сейчас. Сейчас рабочее время. А то, пожалуй, попадешь на последнее место в соревновании.

— Вечером?

Плотник согласен.

— Но только вы приезжайте ко мне. У меня день отдыха, понимаете, нерабочий день, и я уезжаю в Петергоф.

— Куда-а?! В царскую резиденцию?

— Да,— смеется он,— в царскую резиденцию. Там для нас отведены дворцы.

Приедем, обязательно приедем!

Черное море, шумя, облизывает берега Крыма и Кавказа. В Ялте на пристани толпятся пассажиры. Сухум готовится встретить их. Тридцать первое июля 1930 года. Сегодня в Ялте должен поднять якорь и отправиться в свой первый рейс новый теплоход «Абхазия» — один из четы-

рех серийных теплоходов, сошедших со стапелей ленинградской верфи.

Сегодня «Абхазия» должна была поднять якорь в Ялте.

Но вместо этого она — далеко на севере — стоит на приколе на балтийской верфи. Она поправляется после серьезного ранения.

Рану ей нанесли «вон те господа».

Четыре месяца назад «Абхазия» была спущена на воду. Она устремилась в море, как радостное, брызжущее здоровьем молодое существо, и покачивалась на волнах, пока оборудовали сверкающее металлом машинное отделение и обставленные мягкой мебелью каюты. Первая из четверки теплоходов, носящих имена закавказских республик, она была готова в путь.

В это время пришли визитеры: группа капиталистов с Запада, их секретари, несколько дипломатов. Официальный визит. Они прошли по цехам, поднялись на леса, осмотрели будущие корабли и, наконец, по трапу вступили на борт молодой «Абхазии». Рабочие, построившие теплоход, с восторгом показывали свою работу. Теплоход новейшей конструкции, со всеми удобствами! Рабочие были так восторжены, что забыли о бдительности. Им казалось невозможным, чтобы злоба врага не отступила перед их радостью, их энтузиазмом, их гордостью.

Но злоба врага не отступила.

В одной из кают кто-то из посетителей «забыл» горевшую зажигалку, из которой, кроме того, вытекал бензин.

Огонь был замечен через час после ухода гостей.

Сильным пламенем горели кабины и машинное отделение. По тревоге примчались пожарные команды даже из центра города, рабочие отчаянно боролись с огнем. После долгой борьбы пожар был приостановлен. Но выгорели все внутренние помещения судна, и «Абхазия» грустно легла на бок.

За несколько часов погибло то, что строилось четыре месяца. Три гордых корабля, носящие имена закавказских республик, вышли из доков, чтобы, совершив путь вокруг Европы, приплыть в порты Крыма и Кавказа. Четвертый теплоход лежал на боку, близ набережной. Его место в четверке пустовало, как место покойного за столом.

Два дня было грустно на балтийской верфи, а на третий там зазвучал лозунг, который мгновенно поднял всех на ноги!

Восстановим «Абхазию»!

Пошлем ее в Ялту!

«Абхазия» будет плавать. Вся четверка теплоходов будет курсировать по Черному морю. Серия будет полной!

Построим «Абхазию» заново!

И, разумеется, построим ее в ударном порядке — таково было добавление к лозунгу,— то есть не в ущерб всем другим работам.

Была создана «абхазская бригада». Работу ее участников на верфи разделили между собой товарищи. Восстановление «Абхазии» стало неплановой частью плана. Сверх плана. Вражеская злоба не смеет затормозить выполнение производственного задания. «Абхазию» нужно строить заново, но на это нельзя пожертвовать ни одного часа планового времени.

Прошло два месяца.

Через неделю сойдет на воду новая четверка теплоходов. Точно в срок. Без опозданий. Даже, кажется, на два или три дня раньше, чем намечено по плану.

Через неделю выйдет из балтийской верфи и «Абхазия» и отправится в рейс вокруг Европы. Теперь, гордо покачиваясь, она стоит на якоре у набережной. Веселая молодая «Абхазия», любимица балтийской верфи.

— Да, любимица,— говорит старый плотник.— Потому что с тех пор, как все стало нашим, даже вещи нам кажутся живыми.

Слушая его, мы понимаем лучше, чем когда-либо, что должно произойти для того, чтобы рабочие заводов Шкода, Сименса и Форда стали говорить так же, как он.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик.
Избранные очерки и статьи.
М., 1950, с. 50—54

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

О пожаре на «Абхазии» и ее спасении нам рассказывал (на следующий день) старый плотник, сидя на траве в Петергофе. Над нами шумели фонтаны, и в большом корабельном канале отражался царский дворец.

Плотник с Балтийского судостроительного завода проводил здесь свой выходной день.

Вчера, после обеда, закончился его пятый рабочий день. Плотник отправился домой широкими шагами, словно поперек дороги ему все время попадались балки, переоделся и, неутомимо перешагивая невидимые бревна, направился к мосту лейтенанта Шмидта, где его ждал пароход. Вместе с ним на борт парохода прибыло четыреста сорок девять рабочих и работниц с «Равенства», «Октября», «Путиловца», «Электросилы». Пароход поднял якорь и медленно двинулся по Финскому заливу к берегам Петергофа.

Четыреста сорок девять пассажиров сошли с парохода, и столько же он забрал с петергофской пристани в обратный рейс. Старый плотник с Балтийского судостроительного завода вошел в пышный французский парк, желтый песок дорожки привел его прямо к бывшему павильону придворных дам.

Когда подошла очередь, плотник отдал путевку профсоюзной организации, положил в карман билетик с номером комнаты и постели и расправил плечи, как после душа.

В приемной с него словно все смыли, и на двадцать четыре часа осталась одна забота — отдыхать.

Его рубашка белеет теперь под буками, и фонтан Евы медленно склоняется перед угасающим вечером.

Какие вечера бывали когда-то под деревьями Петергофа!

Здесь императрица Екатерина благосклонно выслушивала и шепот любовных признаний, и учение французских энциклопедистов, именем которых она рубила головы всякому вольнодумству, и непристойные анекдоты, заставлявшие ее громко смеяться.

Здесь, под шум фонтанов, доносчики шептали на ухо министру Аракчееву имена тех, кто потом спустя несколько лет умирал в Шлиссельбурге или через несколько дней — на виселице...

Здесь прогуливались генералы и светские дамы, министры, митрополиты, богатые купцы и поэты во фраках; попавшие в милость временщики и попавшие в опалу, продающиеся и покупающие; невежды, ученые, мошенники и посвященные! Вероятно, деревья до сих пор с глубокими вздохами отряхивают со своих веток усталость тех дней, когда они служили приютом дворцовых ду́хов, которые трепетали в страхе, важничали и наушничали. Вероятно, с облаками уже вернулась неутомимо льющаяся вода фонтанов, слышавшая речи волокит, сплетников, заговорщиков и пустомель, которые при звуке гонга спешили поклониться царю и с помощью лжи поживиться за счет ближнего.

При звуке гонга...

Гонг звучит.

Белая рубашка шевельнулась. Плотник с Балтийского судостроительного завода идет ужинать.

Вот он сидит в столовой, где некогда легион вымуштрованных молчаливых слуг разносил вазы со сладостями и потоки вин из бездонных бочек сваливали под стол избран-

ное придворное общество. Сегодня плотник с Балтийского судостроительного завода с аппетитом доедает здесь свой ужин.

Вот он сидит уже в гостиной, где когда-то некий господин Чубинский поставил на червонную даму и вместе с усадьбой на Украине проиграл двести душ бесправных крепостных. Плотник с Балтийского судостроительного завода играет здесь в шахматы и потом страстно спорит над передовицей «Правды» по поводу внешней политики господина Бриана.

Вот он засыпает в спальне, когда-то принадлежавшей княгине, которая днем ходила, смиренно сложив руки, а ночью раскрывала объятия для своих гостей, позволяя измерять золотым лотом глубину своей любви. Она, как говорят, накопила порядочное состояние, и, вероятно, не без ее участия совершались разные неблаговидные сделки. А теперь здесь, на белой металлической постели, спит спокойным сном плотник с Балтийского судостроительного завода.

Утром мы приехали к нему.

Он ждал нас в конце широкой аллеи, а за его спиной сиял Большой дворец, из которого он вышел, как выходит настоящий хозяин из собственного дома. Это выглядело предельно символически.

Затем мы были посвящены в историю. Главную роль в ней играли Петр Великий и Екатерина. Речь шла о постройке Кронштадта, великолепной морской крепости, и об основании Петергофа. Кронштадт поднимается из моря прямо перед нами. Здесь, на южном побережье Финского залива, Петр поселился на все время постройки крепости, чтобы не ездить каждый раз в далекий Петербург. У самого моря для царя построили кирпичный голландский домик, отделали дубом сени, кухню, спальню, кабинет — это и был Петергоф в своем первоначальном виде.

Кронштадтская крепость уже охраняла подступы к петербургскому порту, и Петр стал подумывать об украшении своей резиденции. Он мечтал о пышном дворце с позолоченными стенами, о парках с деревьями, подстриженными в форме шаров и пирамид, с каскадами и фонтанами, с респектабельной, в каждом уголке изысканной роскошью. Так на берегу Балтийского моря вырос Петергоф. После Петра Первого красоты Петергофа умножила императрица Екатерина.

Вот какой краткой умеет быть история!

И все же она еще не закончена! Большой дворец нас манит, а мы сопротивляемся. Он величественен в своих формах, его застывший взгляд устремлен на залив.

— Напрасно! — говорим мы.

— Нет, не напрасно,— отвечает плотник с Балтийского судостроительного завода,— это музей, и дворец жив.

И в самом деле! Я никогда не видел такого музея. Да, застывший дворец, утративший свое великолепие, оживает перед тобой. Он живет, воскрешенный по справедливости основателем музея. В дворцовых комнатах сверкает позолота и драгоценные зеркала, пол отражает небесные потолки, и в каждой комнате находится небольшая скромная витринка. Она раздвигает стены и поднимает тяжелые ковры. Она забирается в тайники и сдувает пыль веков.

Вот драгоценный гобелен, свидетельствующий о тонком вкусе его заказчика. А витрина показывает счет за гобелен, оплаченный жизнью пятисот рабов.

Перед этим атласным диванчиком, положив руку па сердце, стихом классической оды поэт взывал к царице счастья, киргизской Фелице. А витринка безмолвно, но настойчиво напоминает, и об этом нельзя забыть: в чопорную идиллию вторгается диаграмма горя и тяжких повинностей, лежавших на плечах подданных счастливой Екатерины.

В рабочей комнате царицы витрина из игральных карт докладывает о прошлых судьбах Европы: сегодня французский посланник выиграл арабского скакуна из царских табунов, а назавтра дипломатический курьер везет в Париж известие о напряженных русско-французских отношениях, потому что царица играет с английским посланником, который ловко сбрасывает пики, чтобы снискать благосклонность царицы и заключить новый морской договор.

И когда становится уже совсем тошно, витрина наталкивает твой взгляд на крохотный изящный флакон со сладкими духами, который болтался на груди у придворных дам, чтобы улавливать блох, бесстыдно кусавших их благородное тело.

Удивительный музей — в Петергофском дворце!

Плотник с Балтийского судостроительного завода прав: дворец жив. Это музей монет, поставленных между зеркалами. Ты одновременно видишь орла и решку. Проходя по этому музею, ты многое поймешь в прошлом и настоящем, поймешь во всей глубине.

Мы вышли из золоченых комнат в зеленый парк.

Расположились на траве. Плотник с Балтийского судостроительного завода рассказывает о пожаре на «Абхазии» и о ее спасении. А над нами шумят фонтаны. Все время меняющаяся, бесконечная игра воды и зеленая тень парка — это уже не историческая деталь. И два величественных павильона Монплезир и Марли — уже не музеи. В буржуазной стране они стали бы прекрасной парадной резиденцией для президента или приличным товаром для подкупа прожженных политиканов. В Стране Советов они используются для того, чтобы четыреста пятьдесят ленинградских рабочих могли провести свой выходной день в условиях, которые раньше были доступны только царям.

Четыреста пятьдесят человек вместе с плотником с Балтийского судостроительного завода приехали сюда

вчера вечером. Они спали во дворцах, а сейчас лежат на траве, купаются в море, катаются на моторных лодках или гуляют по песчаным дорожкам парка, за которым заботливо ухаживают. Вечером за ними придет пароход от моста лейтенанта Шмидта и высадит новые четыреста пятьдесят человек на лужайку перед дворцом и на дорожки у водоемов. Понедельник, вторник или воскресенье, любой день недели — выходной день пятой части ленинградских рабочих и работниц, и каждый день из устья Невы к Петергофу отправляется пароход, Петергоф живет.

Правительственная резиденция не утратила своей роли.

И плотник с Балтийского судостроительного завода недоволен только одним: «Нам не хватает тех дворцов, что они оставили».

Для новых хозяев с ленинградских предприятий мало Петергофского дворца, мало Детского Села, мало сестрорецких дач петербургских купцов.

— Мы столько от них вытерпели,— говорит плотник с Балтийского судостроительного завода,— мы так страдали под их властью, а только два дворца после них и остались.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик.
Избранные очерки и статьи.
М., 1950, с. 55—59

ТОВАРИЩАМ ИЗ КОММУНЫ «ИНТЕРГЕЛЬПО» И ГОРОДУ ФРУНЗЕ В КИРГИЗСКОЙ АССР

Эта книга[1] возникла благодаря вам. Вы дали возможность нам — четырем рабочим и одному журналисту,— узнать вашу коммуну и рассказать о вашем опыте рабо-

[1] Речь идет о книге «В стране, где завтра является уже вчерашним днем».— *Прим. перев.*

чим страны, откуда вы пришли и в которой для вас уже не было хлеба.

Вы дали возможность нам — четырем рабочим и одному журналисту — узнать края далекие и замечательные не только своей отдаленностью и ароматом экзотики, но прежде всего трудом. Вы дали нам возможность не только увидеть вашу жизнь и ваши дела, но и пожить вместе с вами.

Мы, пятеро иностранцев, приехали слегка растерянные и очень любопытные и стали советскими людьми. Увлеченные великой стройкой, мы на несколько месяцев сделались ее участниками. Мы срослись, сами того не замечая, с великим трудовым коллективом и глядели на окружающее его глазами.

Как быстро мы срослись с вами! Нам бывает тяжко оттого, что теперь мы так далеко от вас.

Сидя в вашей коммуне, под тополями,— их молодая листва защищала нас от жаркого азиатского неба,— мы рассказывали вам о стране, откуда приехали по вашему зову, и в эти минуты совсем забывали, что нам еще придется вернуться. Когда мы были с вами, нам казалось, что мы избавились от недоброго прошлого и что трудное завтра у нас уже за плечами.

Помню, как однажды мы сидели с приветливым и задумчивым Ашербеком у очага киргизской юрты, на склоне Александрийского хребта. Скрестив ноги, он вспоминал о царизме и нужде, а я в свою очередь рассказывал ему о нашей жизни в далекой стране Центральной Европы, о тягостной жизни без свободы. Он внимательно слушал, и то, о чем я говорил, казалось мне историей давних времен.

Но нам пришлось вернуться к этим временам.

Мы стоим на палубе. Нева уносит нас. А мы, повернувшись лицом к стройному шпилю Петропавловской крепости и к докам Балтийской верфи, еще видим грусть в

глазах товарища Бродской и старого ленинградского рабочего, помогавшего нести наш багаж. Теперь я знаю, что это было сочувствие нам, но тогда мы этого не поняли, товарищи.

И вот мы вернулись.

Мы приехали домой, словно пятеро иностранцев, полные радости и заряженные вашей энергией. Ночная улица сияла тысячью огней, в застывших реках асфальта смеялись красные, желтые и синие блики реклам, по ним неслись быстрые автомобили, в которых сидели веселые или мрачные люди; на бульварах, в полуподвальных кафе рявкали саксофоны и шаркали танцующие — западная столица переживала свои «прекраснейшие» минуты... А мы сгорбились, глубоко подавленные ее уродством.

Сумбур этого мира закрывал перед нами горизонт. Мы познали силу. Но где она? Где то ощущение свободы и силы, с которым мы ходили по Тверской и по полям близ Самары? Где тот великий поток, что нес нас и в котором мы несли других?

Здесь сталкиваются тысячи потоков, и они сжимают человека, как буфера. Тебя не несет поток, и ты не несешь никого. Ты сдавлен. Колеса будней переезжают тебя, и ты не знаешь, куда они катятся и откуда и почему ты стал их жертвой.

Таковы были, товарищи, первые ощущения человека, вернувшегося из вашей страны. Ее сила и свобода ударили нам в голову, как хмельное вино печали.

Слишком мы выросли, живя в вашей действительности, головы наши были полны вашими планами, планами, которые не только в мечтах, а которые из плоти и крови.

И вот мы вернулись.

Вернулись обратно не на несколько тысяч километров, на несколько лет назад. Тех лет, которые отделяют вас от 1917 года.

Не смейтесь над нашей слабостью. Это была слабость человека, который жалеет самого себя, держа в руке чашу горечи, которую ему предстоит выпить до дна ради собственного спасения. Это была минутная слабость.

С той минуты прошли уже месяцы, и из того, что вызывало грусть, растет теперь наша сила и уверенность. Наши стремления стали воинствующими. Ваша действительность стала для нас уже не ушедшим сном, а примером. Катятся колеса будней, но мы теперь знаем, какую стрелку надо перевести, чтобы они двинулись в нашем направлении. От городских домов и с сельских косогоров постепенно начинают стекаться ручейки, из которых возникнет единый мощный поток. Он понесет нас, и мы будем нести других. Вот почему, товарищи, эта книга, которую я вам посылаю, совсем не похожа на ту, которую я мог бы написать в первые дни своего возвращения. Мои глаза, видевшие ваш мир, с тех пор как я вернулся, на многое насмотрелись здесь, в старой Европе. И я понял закономерность.

Да, я многое видел здесь, «дома».

Я видел рабочих перед биржей труда. Они приходили рано утром и наполняли улицу шумом голосов и неловкими шутками. Проходили часы и гасили этот смех обреченных. Окошечко упорно не открывалось, спроса на труд не было. Никто не покупал рабочей силы, а ее было здесь так много! Вечером по сверкавшим огнями улицам безработные расходились на ночлег. Они ночевали в стогах, в ночлежках, редко в семье. По дороге они выпрашивали несколько крон, чтобы хоть чем-нибудь смягчить тревогу голода, которую увидят в глазах жены и детей.

Я видел безработных, лежавших на ступеньках вокзалов, носивших имена «славных освободителей». Люди, как черепахи в панцирь, прятались в куцые пиджаки с поднятыми воротниками, изо рта у них шел пар, а ночной дождь, стекая с крыш, заунывно стучал по худой

обуви тех, кто лежал на нижних ступеньках. Полицейские ходили кругом, но «не замечали»: участки и без того были забиты «лицами без определенных занятий и местожительства».

Я видел сцену, которую не прочь были бы воспроизвести сентиментальные авторы старых «социальных» рассказов: мальчик схватил булку, упавшую с лотка на грязный тротуар, и жадно ел ее; двое полицейских волокли этого несчастного, а он испуганно упирался...

Я видел человека, умиравшего с голоду. Он лежал на шатких деревянных нарах, рядом стояли три товарища, по улице спешили рассыльные с биржевыми телеграммами, в центре города кто-то чокался и пил за чье-то здоровье, а здесь лежал умирающий с голоду человек. Три товарища, бессильные и беспомощные, стояли около него и ждали, пока его увезут, чтобы самим лечь на освободившиеся нары.

Я видел утопленницу, вытащенную из реки. Она лежала на набережной, вода вспучила ей живот, разгладила морщины на ее лице и прилепила ко лбу редкие волосы. Безвестная утопленница... Ее, наверное, никто не хватится. Документов при ней не было. Только в кармане передника нашелся размокший листок, на котором с трудом можно было разобрать слова: «Если вы не внесете до шестого числа сего месяца квартирную плату...»

Я видел коммуниста-рабочего, два года пробывшего в тюрьме. Он снова стоял перед судом и снова был осужден, ибо повел рабочих на демонстрацию против голода. Он был бледен, его могучая фигура терялась в арестантской одежде, но его большие руки приветствовали нас, а улыбка, открывавшая белые зубы, без слов говорила, что он силен, что он не согнется, что он сражается и здесь.

Я видел работниц, обожженных взрывом динамита. Старый мир хочет спасти себя убийствами. Военные за-

воды — это единственные предприятия, где есть работа, работа, много работы и где работают темпом военного времени. Как во время войны, там заняты тысячи рабочих; как во время войны, там работают в три смены; как во время войны, ради выпуска продукции пренебрегают безопасностью и охраной труда. Никого не беспокоило, что эти восемьсот работниц подвергаются опасности,— работа должна быть сделана. Машина мчится, рассыпая искры войны. Восемьсот мертвых и умирающих работниц лежат перед заводом, и коротенькое сообщение в газетах — это эпитафия им. Война не считается с человеческими жизнями. Я видел трупы четырех молодых шахтеров в морге шахтерского городка. Еще несколько часов назад их сильные молодые ноги шагали по дороге. Еще вчера они сговаривались о том, куда идти искать работу. Еще вчера матери смотрели на них, твердо надеясь на помощь. Еще вчера это были четыре молодых парня, сыновья и возлюбленные. Сейчас они лежат здесь, сраженные пулями полицейских, недвижные и застывшие, словно восковые фигуры, а следственная комиссия осматривает их, как осматривают мишень. Они участвовали в демонстрации, ибо в доме у них голод, ибо без работы вся семья — отец и мать, братья и сестры. Не имея работы, они бедствовали, недоедали месяцами, но хотели жить. Винтовки полицейских «накормили» их.

Я видел, как хоронили этих четырех парней. Тысячи рабочих шли по улицам и дорогам печального шахтерского края. Падал снег и приглушал шаги. Видишь и не слышишь. Тысячи людей шли вперед, все вперед, тихо, неуклонно, с решимостью, которая несет тебя и страшит врага. Вперед, все вперед шла эта многотысячная масса, олицетворявшая возмездие.

Я видел, товарищи, безграничную нужду и отчаяние, видел смерть, видел решимость завоевать лучшую жизнь, видел борьбу и демонстрации, видел лица сотен тысяч

людей, обращенные к вам, внимательно наблюдающие ваш героический труд, видел порабощенный пролетариат, который хочет сбросить ярмо.

И, увидев все это, я пишу книгу. Она не только о том, что я видел у вас, но и том, как живем мы и что нам предстоит.

Но не бойтесь, что, живя в этой долгой ночи, я забыл о том, что вы говорили мне. Не думайте, что я не выполню вашего единственного пожелания. Вы твердили мне: «Говори правду! Расскажи обо всем, что ты видел! Расскажи о наших успехах, мы знаем, что они велики, но расскажи и о наших недостатках, о трудностях на нашем пути, не умалчивай ни о чем — молчание было бы ложью».

Нет, товарищи, не бойтесь этого, я не буду лгать ни словом, ни молчанием. Тот, кто узнал ваше строительство и вашу борьбу, не может лгать. Правда о Советском Союзе — это не легенда о райской жизни. Правда Советов — это не сказка о свете и тени. Если бы я лгал, я ни с кем бы не нашел общего языка, ибо рабочий не верит в чудеса.

Если бы наша делегация вернулась со сказками, мы бы не почувствовали уже на первом собрании, на котором мы хотели рассказать правду, полицейские дубинки на своих спинах, наши собрания не были бы разогнаны, наши статьи не были бы конфискованы и нас бы не арестовывали потому, что рассказ о стране, живущей в волшебном безвоздушном пространстве, не представлял бы опасности.

Ведь у нас, товарищи, не совсем запрещено говорить о Советском Союзе, о нем можно лгать. О нем можно говорить полуправду. И наверняка можно было бы описывать его как рай, созданный на земле таинственными, сверхъестественными существами. Потом было бы легко сказать — смотрите, рабочие и русский пролетариат до-

ждались! Они надрывались, подвергались эксплуатации, страдали и посмотрите-ка — неожиданно получили рай! Вы тоже ждите и дождетесь, будущее вам даст то, что вам принадлежит.

Мы могли бы говорить, и никто бы нас не понимал. Это никого бы не касалось. Но мы видели не дело рук справедливых богов. Мы видели нечто большее, многим большее. Мы видели советских рабочих, строящих новый мир, новое, социалистическое общество. И ничего им с неба не упало. Никто им ничего свыше не преподнес. Они сами должны были все взять, завоевать и строить.

Не таинственные сверхчеловеческие существа, а сами рабочие, не чудо, а руки, крепкие рабочие руки создают этот мир, строят его с любовью и воодушевлением. Это происходит только в Советском Союзе и больше нигде в мире, а происходит потому, что эти руки, которые сейчас сжимают рычаги машин и поворачивают штурвалы тракторов, сжимали винтовки и поворачивали колеса пушек, когда завоевывали предпосылки для сегодняшней стройки на фронтах революции и гражданской войны.

Борьбой, страданием, жизнью платили они за свое освобождение. Тяжелым трудом, жертвами платят за свое строительство. Но советские люди победили и видят сейчас результаты своего труда. Своими руками они создают свое благополучие.

Такой разговор понятен рабочему. Не о рае, а о Советском Союзе написана эта книга. Не о чудесах, а о вас, советские рабочие, о вас, кого я видел на лесах величественного здания нового общества. О вас, о людях, которые выполняют пятилетку.

Я хотел не только видеть, что происходит, но и узнать, как это достигнуто. Я читал план великих работ по вашим рукам. Я читал кривые диаграмм по лицам

женщин-работниц. Читал цифры роста на мускулах рабочих рук. И я нашел кривую, которая начинается у вас, но не кончается в этой книге.

Я отказался от мысли отразить в этой книге то, что происходит у вас сейчас, я могу говорить только о том, что было до того момента, когда мы уезжали от вас. Вашу современность может запечатлеть, да и то только на час, лишь стенографическая телеграфная запись. Все, что при мне строилось, уже вступило в строй. Я видел груды кирпичей, а теперь они уже превратились в стены зданий. То, что вчера было в идее, сегодня уже живет. Вы рассказывали мне о том, что будет завтра, а это уже стало вчерашним днем. Таковы ваши темпы.

В вашей стране завтра уже отошло в историю, а жизнь идет в послезавтрашнем дне.

Вот почему эта книга — исторический репортаж. Я сознаю это, и мне жаль, что мое слабое перо не в силах поспеть за вами.

Ваше все растущее дело я хочу запечатлеть в этой книге, хотя бы на каком-то отрезке времени. Хочу изобразить в ней кривую роста на этом отрезке, а вы продолжите ее. Она выходит за пределы моей книги, она все поднимается вверх и выше, и там, в каком-то неуловимом пункте, находитесь сейчас вы или будете находиться завтра, а может быть, уже находились вчера. Но то, что для вас уже история, для нас, товарищи, еще завтрашний день!

Я знаю, что, читая эти строки, иные скажут: «Автор — коммунист, он тенденциозно описывает Советский Союз».

Они не правы. Эта книжка ничего не искажает. И именно поэтому она тенденциозна. Ибо ее цель — сказать всю правду. Всю правду о Советском Союзе. Правду о стране, строящей социализм, о стране, постоянно растущей, о стране, где в унисон бьются сердца ста шестидесяти мил-

лионов человек. Эта правда, поведанная в странах обреченного строя, где никто не чувствует уверенности в будущем, строя, осклабившегося предсмертной усмешкой, строя, где сильные мира сего в беспомощной тревоге повторяют девиз феодализма: «После нас хоть потоп!» — эта правда, подлинная и чистая, не может не быть тенденциозной, не может не действовать тенденциозно, должна действовать, как воодушевляющий пример. За вами, к вам, к жизни!

Я сознаю этот факт. Каждая правдивая весть о Советском Союзе имеет революционизирующее влияние даже в том случае, если она не направлена на это сознательно, даже помимо воли тех, кто ее передает.

Буржуа, который говорит эту правду, бьет по собственному классу, наносит удар собственному строю. Его ошибка только в том, что, не понимая всего хода общественного развития, он полагает, что его строй может учиться у Советского Союза, что можно взять у рабочих социализм и привить его капитализму, что буржуазия пяти шестых мира может заимствовать пример рабочего класса Советской страны. Он слеп. Ибо ваш пример, пример советского пролетариата, может быть примером только для мирового пролетариата.

Есть книги с нападками на вас и книги, написанные в вашу защиту. Есть книги, авторы которых клянутся в своей объективности и нетенденциозности. Есть книги, в которых говорится лишь о ваших достижениях, и книги, претендующие только на информацию. Я не ставлю себе никакой иной цели, кроме той, чтобы написать книгу о вашем труде. Чтобы люди, с которыми я живу, увидели картину вашего труда. Точную, правильную, честно нарисованную картину. Но я знаю, как подействует такая картина. Это все равно что поставить читателя на перекрестке двух дорог, ведущих к двум разным мирам, и на дорожном столбе написать:

Путь к жизни.

Путь к смерти.

Вы идете по первому пути. Если я сумею передать это, для вас моя книга будет рассказом о вашей истории.

Для нас — призывом.

Ю. Ф.

Прага, 7 мая 1931 г.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Избранное. М., 1956, с. 453—460

О ГЕРОЯХ И ГЕРОИЗМЕ

В пражских кинотеатрах показали несколько десятков метров фильма о плавании ледокола «Челюскин».

Как только на экране появилось название, весь зрительный зал зашумел, а затем наступила напряженная тишина.

Прошло несколько минут, фильм кончился. Зрители были разочарованы.

«Ну не так уж было плохо, как писали в газетах». Правда, то, что показывали в Праге,— первая, меньшая часть документального фильма, запечатлевшего великую эпопею. Зрители видели только те кадры, когда «Челюскин», еще не потерпевший крушения, плыл Северным Ледовитым океаном, преодолевая все препятствия Северного морского пути, когда выполнял свою задачу в совершенно нормальных условиях. Да, но, когда будет показана вторая часть фильма — гибель «Челюскина», жизнь потерпевших крушение на льдинах и их спасение,— вполне возможно, что некоторые зрители уйдут не менее разочарованными. Перед ними предстанет тонущий корабль, но вместо женщин, ломающих в отчаянии руки, вместо мужчин, старающихся скрыть свой страх, они увидят сотню рабочих, заботливо и осторожно переносящих, как на

портовом складе, ящики, мешки и свертки. Увидят бесконечное ледяное пространство, а в центре кадра — на белой площадке — несколько веселых парней, играющих в футбол с таким же азартом, с каким играют пригородные ребята, зачастую и зимой не отказывающиеся от своей любимой игры. Увидят нескольких женщин, закутанных в тулупы, которые весело усаживаются в самолет. Пропеллер начинает вращаться, самолет взлетает — это кадры героического перелета Ляпидевского.

Какое же здесь геройство?

И хотя по ледяным сосулькам на бровях и длинных усах профессора Шмидта ты предполагаешь, что пребывание на льдине менее приятно, чем на Ривьере, все-таки ужаса, который ты представлял себе по газетным сообщениям, здесь нет и в помине. Более того, самые, казалось, драматические моменты воспринимаются спокойно, как вполне обычные и простые.

И это было названо геройством!

Как убедительно, совсем по-другому могли бы это преподнести в американском фильме! Вот в густой мгле летит самолет, и вдруг перед ним встает высокая ледяная преграда. Слышится голос смерти. В глазах летчика отражается ужас. Он лихорадочно переводит рычаги, крутит руль, весь его вид выражает напряжение момента, его душевное состояние передается и тебе. Но с каким облегчением ты вздохнешь, когда все окончится happy end[1]: ледяная стена исчезнет под самолетом, героический летчик с удовлетворением и счастливой улыбкой сотрет со лба пот. Еще отчетливее можно было бы представить пассажиров, которые видят опасность: они исступленно кричат, падают в обморок, забиваются в угол кабины или бросаются друг к другу в последнем предсмертном объятии.

---

[1] Счастливо. *(англ.).*

О, каким бы тогда великим выглядел герой, который их спас!

Летчик Каманин попал именно в такое положение. Кругом туман, а перед ним ледяная гора. Но если бы его в этот момент снимали для кино, то не смогли бы запечатлеть ни ужаса в глазах, ни лихорадочных движений. Его глаза внимательно определяли расстояние до ледяной стены, а рука почти механически сжимала руль высоты. Он скорее походил на водителя такси, который по желанию пассажира сворачивает то вправо, то влево, чем на героя. А если бы он отвечал распространенным представлениям о герое, то есть поступал бы совершенно не так, как на самом деле он поступал, то, возможно, он и стал бы героем, но посмертно. И если бы пассажиры позволяли себе какие-нибудь кинематографические сцены ужаса и, вместо того чтобы спокойно сидеть, нарушали бы равновесие самолета, им бы не представился случай с удовлетворением констатировать, что все обошлось хорошо.

Итак, как будто бы выходит, что настоящий герой не отвечает распространенным представлениям о героизме. Действительно, не отвечает. Не отвечает потому, что все эти представления не складываются из наблюдений действительного героизма, а насильно навязываются тем классом, который давно уже не имеет собственных героев, а тех, кого некогда имел, постарался в корыстных интересах совершенно забыть.

Действительный героизм не отвечает распространенным понятиям о героизме также потому, что класс, создавший для общественного пользования понятие героизма, боится действительных героев и поэтому должен придумывать себе эрзацы, которые его полностью удовлетворяют.

Поэтому в буржуазном обществе люди, спасшие человеческую жизнь, получают в лучшем случае благодарность, и только генералы — высокие награды.

Но героизм подлинный существует. Героизм — это не выдумка. Это что-то очень положительное в жизни.

Но что же такое героизм? Кто такой герой?

В быстрой реке тонет человек. Он зовет на помощь. По берегу бегают люди и кричат. Как это страшно, почему никто не приходит на помощь утопающему! Советуются друг с другом, как быть. Наконец один из них бросается в воду, плывет, но течение относит его в сторону. Он тщетно борется с течением. Другой подбегает к лодке, отвязывает ее, спокойно и без ненужного риска спасает утопающего. Если бы в этом случае нам пришлось устанавливать, кто же герой, то мы должны были бы высказаться за того, кто догадался воспользоваться лодкой. Мы вправе так считать, потому что он сделал именно то, что и требовалось сделать в данный момент. Если бы ему не пришло в голову воспользоваться лодкой, утопающего не удалось бы спасти. Но если бы не возникло этой идеи, то героем остался бы тот, кто тщетно боролся с течением. Он стал бы им независимо от того, что борьба его не принесла результатов. Здесь, следовательно, речь уже идет о том, насколько человек сознателен, насколько правильно он оценивает обстановку и может быстро найти правильное решение.

Итак, мы могли бы сказать: герой — это человек, который в решительный момент делает то, что он должен сделать.

Таким образом, романтическая сущность героизма становится совершенно реальной. Но это еще не точное определение. Капиталист, в руках которого находятся акции той или иной фабрики, например, узнает раньше других акционеров, что фабрика не получит ожидаемого заказа и что ее акции благодаря этому упадут. Он знает, что в течение двух часов известие распространится. Для него наступает решительный момент: он должен бросить на биржу все свои акции, продать их и быстро скупить

акции фабрики, которая заказ получила. Внезапная продажа такого количества акций и известие об ограничении производства создадут на бирже панику. Курс акций пострадавшей фабрики неизбежно падет. Это, в свою очередь, приведет к неприятным для предприятия последствиям — потере кредита, остановке производства, увольнению рабочих. А капиталист извлечет большие барыши. Он сделал в решительный момент то, что он должен был сделать, чтобы не понести убытки,— даже заработал. Но трудно было бы убедить кого-либо в героизме капиталиста. Это удалось бы нам разве только в том случае, если бы мы стали судить о человеческих добродетелях по содержимому сейфов их владельцев.

Не был бы он героем и в том случае, если бы в решительный момент не продал свои акции, а, наоборот, «спас» бы фабрику. Если бы капиталист стал владельцем всех акций, он, само собой разумеется, в возмещение своих убытков снизил бы заработную плату рабочим, понизил бы их жизненный уровень и таким образом способствовал бы распространению болезней от недоедания. А сам, конечно, заработал бы и на этом, делая в решительный момент то, что нужно.

Наше определение героизма мы, следовательно, должны уточнить: герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества.

Спасти жизнь человека, добиться новой победы над природой, освободить полезных членов общества, напрягая все свои силы, увеличить человеческие возможности — вот поле деятельности для героя.

Но как только мы таким образом определим героизм, как только исключим личную наживу из «геройских» поступков, что же тогда останется от героизма в капиталистическом обществе?

Какой «героизм» может породить капитализм? Война, война — какие это якобы героические периоды, какая возможность для рождения героических поступков! Правда ли это? Могут ли вообще в империалистической войне появиться какие-нибудь герои? Тот человек, который взорвал мост через Дрину, чтобы австрийские войска не могли отступить, или тот ефрейтор, который получил серебряную медаль за мужество, взяв в плен одного полковника, достойны, вероятно, того, чтобы войти в медицинский учебник как безумцы, но никак не того, чтоб войти в книги как герои. И не потому, что их действия служили убийству, а потому, что они служили корысти капиталистов, потому, что они были произведены не в интересах человеческого общества, а в интересах нескольких единиц, которые во время войны делили между собой власть над человеческим обществом. Если мировая война и имела своих героев, так это не потому, что был Гинденбург или маршал Фош, а потому, что был Карл Либкнехт.

И как бы мы ни искали в современной истории буржуазии героических поступков, мы их не найдем.

Там мы найдем террор, нападения на рабочие кварталы вооруженных полицейских. Встретим концентрационные лагеря, виселицы для рабочих. Гитлера, который убивал своих соратников, чтобы они не были ему опасны, национальную гвардию, которая пользуется газами, чтобы сорвать забастовку безоружных мадридских строительных рабочих, полицию, которая пулеметным огнем подавляет всеобщую забастовку безоружных рабочих в Сан-Франциско. В ней мы найдем сотни тысяч примеров проявления трусливости господствующего класса и ни одного примера мужественности и героизма.

И все-таки мы живем в героическое время. В такое время, что если будущее вместо учебника истории потребует памятника устного творчества, то эпическая песня об

одном дне современной жизни могла бы длиться целый месяц, как старая легенда о Манасе, рассказываемая в киргизских юртах. Но не нужно легенд. Герой нашего времени несравненно больше, чем Манас, о котором говорят, что там, где он оставил след, расцвели райские долины, а там, где он плакал, блестящие огромные озера. Следы современного героя создают совершенно новый мир, а его кровь смывает всю паразитическую погань.

Герой нашего времени — пролетариат. Он, и только он, создает героев. Создает их повсюду: в труде, в борьбе, в периоды испытаний и прежде всего в той стране, где труд уже свободен.

Вспомните любую страницу истории рабочего класса. Например, Парижскую Коммуну. У буржуазии был подлый и трусливый Тьер и его армия. А у пролетариата — двести тысяч героических коммунаров, которые шли на смерть и умирали, прославляя Коммуну. Вспомним Лейпциг. У буржуазии был там свой Геринг, у пролетариата — Димитров. Вспомним Сакко и Ванцетти, вспомните героических защитников венгерской коммуны, героических борцов венского восстания. Все это были герои пролетариата, которым буржуазия могла противопоставить только белый террор, порожденный страхом и местью.

В своей резиденции в Вене умирал тяжелораненый канцлер Дольфус. Его последними словами были: «Позаботьтесь о моей семье». За день до этого на венской виселице умирал молодой социал-демократ рабочий Иозеф Герль, осужденный на смертную казнь специальным распоряжением канцлера Дольфуса. Последними словами Герля были: «Да здравствует свобода!»

Не случайно, что старый буржуазный государственный деятель, любивший поговорить об интересах австрийской земли и требовавший ее именем чрезвычайных законов, направленных против рабочих, в последний час своей жизни вспомнил только о своем личном.

И не случайно, что двадцатидвухлетний рабочий, умирая, думал в последний час своей короткой жизни о лучшем будущем всего человечества.

В Берлине, на Лихтенфельде, есть стена, хранящая следы многих ружейных пуль. Там после февраля 1933 года по распоряжению одного из начальников штурмовых отрядов, Эрнста, были расстреляны восемьдесят рабочих-коммунистов. В тот момент, когда на них были направлены ружья, они запели «Интернационал» и умерли с этим революционным гимном на устах. В июле 1934 года к этой же самой стене был поставлен Герингом тот же самый Эрнст. На место казни его пришлось почти нести на руках, он звал на помощь, кричал, что все сошли с ума, просил, умолял и, наконец, раньше, чем его поразила пуля, упал от страха в обморок.

Это ведь не случайность, что ни один из восьмидесяти рабочих не проявил малодушия. Они знали, за что умирали, и твердо были убеждены, что в эту последнюю минуту они не имеют права изменить, не могут смалодушничать, потому что их мужество призовет новые тысячи к борьбе за жизнь.

Не случайно, что Эрнст, закоренелый убийца, просит о помиловании. Он не знает, за что умирает, и с его жизнью для него кончается все.

И это не случайно, что там, где пролетариат уже свободен, где он ведет героическое строительство, возможна не менее героическая эпопея спасения человеческих жизней. Спасательная экспедиция «Красина» была таким подвигом, которого бы на столетия хватило земному шару. Но уже шесть лет спустя в этой же стране появляются новые герои типа профессора Шмидта, Боброва, Молокова, Каманина, Ляпидевского.

Все эти герои не отвечают представлениям, созданным буржуазией. Герои пролетариата очень просты и обычны. Их героизм заключается только лишь в том, что

они делают все, что нужно делать в решительный момент.

Да, это тот героизм, которому мы учимся.

Для решительных моментов.

Свет праце № 8, август 1934 г.

ЗАВОД ЗАВОДОВ

Краматорский машиностроительный завод

Москва, 29 сентября 1934 г.

На холме над Краматорском около бездействующих ветряных мельниц осторожно собирались вооруженные люди. Это было в ночь на двадцать четвертое декабря 1918 года. Слово взял Яков Павлович Величко. Он был командиром отряда красных партизан, состоящего из рабочих фабрики Борзига в Краматорске. Именно его отряду было поручено освободить Краматорск от белых. Яков Павлович Величко дал приказ начинать. И прямо около мельниц завязался бой. На одной стороне было 79 красных партизан, на другой — 250 белогвардейцев, вооруженных пулеметами. И все-таки это было не донкихотство. Утром двадцать четвертого декабря 1918 года над Краматорском уже развевалось красное знамя.

Сегодня весь Краматорск в красных знаменах. Огромный завод — гигант тяжелого машиностроения — вступает в эксплуатацию. Это большой праздник для всего Советского Союза. В новый период — период обретения промышленной независимости вступает сегодня Советский Союз.

Краматорский машиностроительный завод был включен в число гигантов народнохозяйственного плана, но его нельзя назвать одним из гигантов, то есть одним из многих. Он имеет принципиально большее значение, чем мно-

жество других гигантов первой и второй пятилеток. Благодаря его пуску советская промышленность достигает небывалой технической высоты.

В Ленинградском порту, в Одессе и во Владивостоке, на больших вокзалах главных магистралей, соединяющих Советский Союз с Западной Европой, когда-то можно было увидеть целые склады ящиков. Что было в этих ящиках? «Тракторы»,— отвечали в 1929 году. «Машины для Тракторстроя»,— отвечали в 1930 году... С годами ящиков несколько поубавилось. Но что же все-таки в них находилось? Это были опять же машины — для Комбайнстроя, для автомобильных заводов, для целлюлозно-бумажной промышленности, машины для новых больших заводов и фабрик Советского Союза, ввозимые из-за границы.

Теперь порты, где пристают советские корабли, уже далеко не столь загромождены ящиками, перетянутыми металлическими лентами. Склады советских вокзалов уже не столь переполнены заграничными поставками. Через границу проходят уже последние большие партии, и это опять же самые современные, самые совершенные, самые мощные станки, *которые сами способны производить любые машины* для любых заводов следующих пятилеток. Это станки для Уралмаша и станки для Краммаша.

По широким улицам нового города тяжелого машиностроения течет десятитысячная толпа людей. Среди них находится и Яков Павлович Величко, и некоторые из тех старых большевиков, которые до революции собирались здесь для подпольной работы, когда на месте сегодняшнего богатого сада еще завывала тугая и высокая степная метель, надежно укрывавшая их от усердия царских жандармов. Среди этих людей находится также и несколько сот энтузиастов-строителей, пять лет назад слушавших в голой степи вдохновенную речь товарища Кирилкина, когда закладывали первый камень в фундамент нового завода.

Товарищ Кирилкин, сын донецкого шахтера, бывший беспризорник, затем рабочий на шахте, затем квалифицированный электротехник, теперь директор Краммаша. Сегодня его завод заводов начинает свою трудовую жизнь.

Даже он, по его собственному признанию, пять лет тому назад не мог точно себе представить масштабов нового предприятия.

Масштабы эти неизменно вызывали почтительно-недоверчивые улыбки у всех иностранных специалистов, привлеченных для консультации проекта.

Инженер Конрад Маштосс, председатель немецкой ассоциации инженеров, поглаживая бородку, весьма недвусмысленно выразил свое недоверие: «Проект огромный, но скажите... между нами... вы на самом деле думаете, что сумеете это построить? Даже Германия не могла бы себе позволить такого предприятия».

Но уже к февралю 1933 года быстро продвигающееся строительство заводских объектов и монтаж сложных машин доказали, что все эти сомнения напрасны и что Советский Союз не только может позволить себе такое строительство, но и может его завершить. Тогда генеральный директор заводов Круппа скептически выдвинул другой аргумент: «Ну, конечно, завод вы построите, но как вы введете его в эксплуатацию?! Для этого и в наших условиях потребовалось бы не менее пяти лет!»

Что же так смущало иностранных специалистов и что позволяло им высказывать столь открытое недоверие? Это был *темп,* в каком строился *столь большой* завод. Директора заводов Круппа не могли удивить масштабы производства, ведь он знал и другие большие заводы, но ни один из этих заводов не возникал столь быстро и столь стремительно, как продуманный наперед огромный промышленный комплекс, ни один не вырастал согласно плану. Все известные ему предприятия, в отличие от Краммаша,

создавались постепенно, с учетом конъюнктуры капиталистического производства.

Краматорский завод — это детище плана. Этот план учитывал и рост благосостояния всей страны, и рост советских людей. Немецкому инженеру в 1930 году казалось просто невероятным, что страна, не имеющая достаточного количества квалифицированных рабочих кадров, помышляет о заводе, где каждый рабочий должен иметь самую высокую квалификацию, должен виртуозно владеть техникой и отличаться культурой труда. Ведь в 1930 году в СССР не хватало рабочих даже для обеспечения конвейеров, а в капиталистических странах к таким станкам, как на Краммаше, подпускали рабочих только лишь с десятилетним и даже двенадцатилетним производственным стажем. Немецкий инженер реалистично и правильно оценивал трудности, которые должны будут возникнуть на таком заводе, но ему не дано было представить себе, как растут люди в Советском Союзе.

Прошло уже три четверти года, как на Краммаше начато опытное производство! В конце 1933 года было закончено строительство и монтаж станков во всех тринадцати отделениях первой очереди строительства. В первое полугодие 1934 года Краммаш уже получил свой первый план и успешно выполнил его. Сразу же, в первые дни своей работы, он выполнил такие задания, как производство одной «детали» для Харьковского турбозавода, а именно патрубка турбины мощностью 50 тысяч киловатт, весящего 80 тонн, или производство прокатных валков для Мариупольского завода, каждый из которых при длине 8 метров весит 100 тонн. Все опытные изделия Краммаша продемонстрировали способность его рабочих трудиться так, как того требует подобный завод. Рабочие Краммаша не отставали от своих зарубежных коллег с десятилетним стажем, ибо в СССР было сделано все, чтобы они могли в кратчайшие сроки освоить культуру производства.

Но как же все-таки конкретно происходило дело? Чем отличалось строительство Краматорского завода, который ежегодно должен давать Советскому Союзу оборудование для 8 доменных и 30 мартеновских печей, который ежегодно должен изготовлять 19 огромных вальцетокарных станков для прокатных цехов и подъемные краны грузоподъемностью 220 тонн каждый, который буквально *каждый год должен производить по Магнитогорску*,— чем отличалось строительство этого завода от строительства ему подобных (если вообще уместно о каком-либо подобии здесь говорить) в капиталистических странах?

Строились огромные отделения. Всего 13 отделений, каждое из которых само по себе представляет огромный завод. Был построен механический цех № 2, производящий подъемные краны грузоподъемностью 220 тонн, был построен механический цех № 1, взявший на себя снабжение всей советской черной металлургии (то есть то, что до сих пор делали все вместе взятые иностранные заводы) и начавший еще в свой предпусковой период производить оборудование для прокатного цеха Дзержинского завода весом 6 тысяч тонн, а также на территории в 10 гектаров был построен литейный цех, который может ежегодно давать 43 тысячи тонн литья (литейный цех заводов Круппа ежегодно дает 24 тысячи тонн)... Но одновременно с этими огромными зданиями заводов росли также *здания для рабочих нового завода*. Уже стоит *школа*-семилетка, уже стоит *школа*-десятилетка, уже стоит большой заводской *техникум* и работают специальные машиностроительный и строительный *институты*. А также построены и работают новый *кинотеатр, детские сады, детские ясли, бани, поликлиника, больница, четыре столовых, девять магазинов, механическая прачечная*. Уже стоят первые дома нового заводского города, в котором в ближайшие 10 лет будет 150 тысяч населения, оборудуется и отчасти уже оборудована городская канализационная сеть, уже проложено

16 743 метра водопровода и 16 940 метров великолепных асфальтовых тротуаров, и все заводские корпуса вырастают среди замечательного сада, занимающего 10 гектаров.

Разве может все это не влиять на человека, живущего в атмосфере науки, техники, культуры, красоты, комфорта и подлинного благосостояния, не разбудить в каждом здоровом человеке все его творческие силы? Разве может все это не способствовать тому, чтоб молодой рабочий в течение одного года открыл в себе достаточно способностей для того, чтобы трудиться так, как утомленный, униженный и лишенный всякой культуры рабочий капиталистических стран трудится только после десятилетнего стажа. В садах, разбитых на территории Краматорского завода, было посажено 3 миллиона цветов, для того чтоб до некоторой степени «уравновесить» десятки тысяч тонн стали, которые будут вывозиться оттуда во все города Советского Союза. И все-таки именно этим цветам отводится важная роль в производстве самых тяжелых механических молотов и самых крупных шахтных конструкций. Они предназначены для того, чтобы помогать в воспитании нового человека, развивать его духовно, окружать его красотой, обаянием, всеми прелестями совершенно нового мира, отмеченного новыми возможностями и новыми обязанностями.

Советский Союз сделал новый решительный шаг к полной промышленной независимости. Первая очередь Краматорского завода начала свою работу, и на горизонте уже видны объекты второй очереди, в результате чего возникнет самый мощный завод заводов во всем мире.

Тысячи рабочих шествуют по улицам нового завода. Тысячи красных знамен реют над городом. Развеваются они и над заводом-«старичком» — над старой краматорской фабрикой, из ворот которой когда-то, когда она еще именовалась фабрикой Борзига, вышла группа красных

партизан, чтобы навсегда отвоевать Краматорск у буржуазной гвардии.

Над Краматорском возвышается памятник — памятник рабочим — красным партизанам, павшим в ночь на 24 декабря в борьбе за победу диктатуры пролетариата. Памятник поставили рабочие нового Краммаша, отлив его в огромном литейном цехе своего завода под руководством Якова Павловича Величко, ставшего начальником цеха. Глаза всех энтузиастов — строителей Краммаша, глаза миллионов свободных советских рабочих обращены к этому памятнику с выражением благодарности тем, кто предпочел пасть, но не предать это великое и славное настоящее, которое было тогда только мечтой и недостижимым будущим.

А с каким чувством должны смотреть *мы* на этот памятник!

Вы, которые говорите, что любите СССР, вы, которые с восторгом относитесь к его строительству,— неужели вы думаете, что сегодня развевались бы знамена свободы над Краматорском, что этот новый гигант пятилетки стоял бы здесь, что его можно было бы ввести в эксплуатацию, если бы тогда, 16 лет назад, Яков Павлович Величко и 78 рабочих-партизан не выступили бы против гвардии капиталистического мира, если бы тысячи таких Яковов Павловичей не вступили в борьбу против господства русских капиталистов? Степь и дальше оставалась бы там, где сегодня стоит завод заводов, и Краматорск не ликовал бы, приветствуя новую жизнь, а страдал бы под гнетом голода и безработицы.

Вы, которые говорите, что любите Советский Союз, присмотритесь-ка к нему получше. Ведь его замечательные успехи свидетельствуют не только о его настоящем, но также и о его прошлом — ради вашего будущего.

Руде право, 1934 г.

В МОСКВЕ НАЧАЛСЯ ПРИЗЫВ В КРАСНУЮ АРМИЮ

Москва, 5 октября 1934 г.

Вам представится знакомая картина: пасмурное утро, серое помещение с голыми стенами и грудами сброшенного белья и одежды, нагие тела, худые или упитанные, вздрагивающие от холода и волнения, унылое настроение (или «веселое» у тех, кто последовал девизу: «Уходишь в армию из дома, так хлебни-ка, братец, рома»), грубые циничные шуточки, потом казенная физиономия врача, профессиональное ощупывание (скорей, скорей придумай себе какую-нибудь болезнь!), за три минуты все готово и... «маленький человек, что же дальше?» А что с тобой будет, когда ты демобилизуешься? Эх, не хочется таскать для других каштаны из огня!

Пасмурное утро действительно было и здесь, в Москве. Уже наступила осень — то дождь, то туман, и все время холодно. Но в остальном картина не совпадает. Здесь уже речь идет о своих каштанах, если придерживаться этого сравнения, которое уже, собственно, не подходит, ибо это побольше, чем каштаны,— это новые гиганты социалистической индустрии и колхозные поля, это защита социализма, защита страны пролетариата. И вот, призыв в Москве выглядит так.

В трамвае полным-полно, как всегда. Шум, возгласы, смех, как всегда. Только сегодня больше обычного видно юношеских лиц и звонче молодые голоса. Кондуктор объявляет остановку. Молодежь выходит. От трамвайной остановки до призывного пункта ведет аллея красных флажков, так что осведомляться о том, как туда пройти, нет нужды: флажки доведут тебя прямо в призывную комиссию. Но не спеши, если хочешь прочесть все плакаты и

лозунги на полотнищах, протянутых через улицу и свисающих со стен домов.

«Привет призывникам 1912 года рождения!»

Так выглядит сейчас почти вся Москва. Столица приветствует трудящихся, которые идут служить делу обороны (настоящей, а не мнимой) собственных интересов.

В конце аллеи красных флажков рабочий клуб. Он весь разукрашен портретами, фотоснимками. Здесь-то и находится призывной пункт. В здании полно молодежи, но все это непохоже на массовое производство Западом «пушечного мяса». Каждому призывнику уделено большое внимание, и прием его в армию продолжается очень долго.

Прежде чем тебя вызовут в комиссию, надо ждать. Но призывники не скучают. Для них устроена здесь библиотека и читальня, приготовлены различные газеты и журналы. Не хочешь читать, можешь сыграть в шахматы. Ах, все доски уже заняты? Тогда пройди пока в соседнее помещение, там устроена большая выставка наглядных материалов и фотоснимков по истории русского пролетариата, Октябрьской революции, гражданской войны, о создании Красной Армии, по строительству социализма. Ты увидишь, как тяжело жилось твоему отцу, как он сражался и за что сражался, и — если ты этого еще не понимаешь — сможешь понять, что дело, которое ты должен защищать,— это твое дело. Если ты ударник, можешь полюбоваться на собственный портрет, ибо здесь повсюду развешаны фотографии молодых ударников, которые призываются в этом клубе. Ты можешь, наконец, сыграть в волейбол или футбол на отличной клубной площадке, можешь послушать концерт или потанцевать в других помещениях клуба, можешь, если ты проголодался, зайти в буфет.

Потом настанет и твоя очередь.

Ты пройдешь комиссию, которая тебя зарегистрирует и направит к врачам. (Не к одному врачу, а к врачам!) За-

тем комиссия поинтересуется твоим образованием. В царской армии на призывах когда-то бывало так: «Говорите по-французски?» — «Говорю».— «Ну так пойдете чистить конюшни!» Для чего, в самом деле, царской армии образованные солдаты? Чем сознательнее и образованнее был солдат, тем он был бесполезнее и опаснее, ибо тем легче он мог понять, что своим оружием защищает чужие интересы. А Красной Армии нужны образованные, интеллигентные, способные люди.

Чем толковее и культурнее каждый призывник, тем он лучше, став красноармейцем, поймет свой долг. Не следует забывать, что в мирное время Красная Армия выполняет громадную культурную миссию, а в случае войны культура воинов будет одним из мощных родов ее оружия. Вот почему в советской призывной комиссии проверяют степень грамотности призывников. В сельских местностях и в отдаленных районах проверяют главным образом грамотность. В крупных городах требования выше. Здесь грамотность разумеется сама собой, и, если у призывника она слаба, его посылают обратно на место работы. Там должны позаботиться о том, чтобы молодой рабочий к определенному сроку выучился читать и писать; только после этого его снова посылают на призыв. От степени грамотности новобранца зависит, в каком роде войск он будет служить.

Больше всего призывники стремятся, разумеется, в авиацию. Многие из них уже сдали испытания на пилота или имеют значок парашютиста. Больше половины всех призывников явилось со значками «Ворошиловский стрелок». Инструкторам стрелкового дела в армии будет с ними мало работы, ибо такой значок получают те, кто добился отличных результатов в стрельбе.

Итак, ты призван. Решено, в каких войсках ты будешь служить. Что дальше? Ты станешь красноармейцем, а дома у тебя больная мать. Или ты сын малосемейного крестья-

нина, и в твоем лице семья теряет работника, быть может, члена колхоза. Кто поможет матери, кто поможет семье? Тебе не приходится тревожно думать об этом и рыться в статьях закона, в которых ты плохо разбираешься. Здесь же в клубе, в помещении призывной комиссии, дежурит юрист со всеми кодексами и справочниками, он даст тебе совет, объяснит все твои права и права тех, чье материальное положение осложнилось твоим уходом в армию. Закон рабочего государства заботится о том, чтобы ни один гражданин материально не пострадал из-за того, что он будет выполнять высокий долг воина Красной Армии.

И вот ты уже на призыве видишь, что рабочая армия, рабочее государство — это нечто совсем иное, чем армия любой капиталистической страны.

Руде право, 9 октября 1937 г.
под псевдонимом «Ji»

ТАМАРА ЦЕРЕТЕЛИ ЕДЕТ В САМАРУ

(Заметки и разговоры)

Оренбург, 24 декабря 1934 г.

Лучше всего можно выспаться в спальном вагоне. Он как мама. Качает тебя и напевает монотонную песенку. Нигде с таким наслаждением не закрываешь глаза, готовясь ко сну, как в спальном вагоне. А поезд дальнего следования в Советском Союзе — это целый состав спальных вагонов.

Я вошел в купе первым. Поезд № 6 Москва — Ташкент очень удобный. Выезжаешь после полуночи, ложишься, и, когда утром встаешь, ты уже далеко от Москвы и радуешься, что километры пути так быстро остаются позади.

Спутники — это важный вопрос.

Соседнее купе уже наполняется. Первые соседи — чета молодых комсомольцев. Они шумно разместились, положили багаж и... завели граммофон. Разумеется:

> У самовара я и моя Маша,
> а на дворе совсем уже темно.

Дьявольское изобретение: фокстрот, настоящий, модный фокстрот, распространение которого, несомненно, изгонит из всех заядлых танцоров страсть к фокстроту.

Первый мой соночлежник похож в своей зеленой военной гимнастерке на соседа-комсомольца. Но только заметно старше. Он отодвигает лесенку, привычным движением вскидывает свое тело на верхнюю полку, расстегивает гимнастерку, снимает валенки и сразу засыпает.

Другой мой спутник — замечательно! — человек необычайно тихий. Он слегка поправил свою постель на верхней полке, надел очки и погрузился в чтение. Остается несколько минут до отхода поезда. Меня начинает одолевать любопытство: кто же третий? Он может совершенно разрушить идиллию. Или удачно дополнит нашу пятидневную семью?

Шум в коридоре возрастает... и в купе входит женщина.

Полная, кругленькая, энергичная, в черных волосах широкая серебряная прядь.

— Видишь, купе для четырех, а не двоих,— упрекает она провожающего ее мужчину.— Места для багажа, разумеется, нет. Когда уж наконец отправят на свалку эти старые вагоны! А где мой халат? Я не могу без него...

Итак, идиллии, кажется, пришел конец.

На перроне звучит колокол: два удара.

Мужчина поспешно покидает купе.

Один час тридцать пять минут. Поезд тихо отходит от Казанского вокзала.

Нам предстоит ночь и еще пять ночей и пять дней, 3300 километров степей и песчаных пустынь.

Полная, кругленькая, энергичная спутница перестала шуметь и приятно улыбнулась нам:

— Я старый кондуктор. Не выношу, когда поезд стоит. Стоящий вагон — самая грустная вещь на свете.

Возможно, идиллия будет сохранена.

Соседи-комсомольцы ставят двадцатую пластинку. И в десятый раз звучит:

У самовара я и моя Маша...

Мы засыпаем.

Поезд оставил позади Ряжск. Нас будит свет. В купе звучит тихий, приглушенный, прекрасный альт. Смотрите-ка, вагон поет.

Но, окончательно проснувшись, мы слышим: *человеческий* голос. Поет не вагон, поет Тамара Церетели, наша полная, кругленькая спутница.

Тамара Церетели — одна из популярнейших советских певиц.

И едет она в Самару.

Мы провели день за чаем, за книгами и газетами, за театральными историями и эпизодами гражданской войны, за прослушиванием пластинок наших соседей.

Потом опять наступила ночь, и где-то под Пензой, когда перегоревший предохранитель изгнал на несколько десятков километров свет из нашего вагона, я проинтервьюировал Тамару Семеновну Церетели. Интервью в потемках.

Мы закусываем на ощупь хачапури, грузинским хлебом с запеченным в него сыром (Тамара Церетели — грузинка), и Тамара Семеновна рассказывает, почему она, которая могла бы с шумным успехом выступать в больших концертных залах Европы и Америки, едет опять в провинциальную Самару и почему она «старый кондуктор».

Ее биография, история роста ее таланта, проста. Родилась, пела, поступила в консерваторию, пользовалась со своими цыганскими романсами успехом в Тифлисе, была послана в Москву... И там это началось.

Во всем Советском Союзе живут люди, которые работают, учатся, строят... и хотят жить культурно. Культура — то, к чему здесь стремятся больше всего. Но высшие достижения современной культуры иногда очень отдалены от этих людей. Сидишь где-нибудь в совхозе в Восточной Сибири или хотя бы даже на химическом комбинате в Чапаевске, а певец, которого ты хочешь слышать, актер, игру которого ты хочешь видеть, — в Москве. Такая ситуация не огорчила бы капиталистические государства. Но пролетарское государство с ней не может мириться. Культурные ценности, доступные для 4 миллионов и недоступные для остальных 164 миллионов,— можно ли их вообще назвать культурными ценностями страны социализма?

Необходимо решить эту проблему. И в Москве была создана большая организация — Московская филармония. Ее членами являются лучшие советские артисты — чтецы, музыканты, певцы. Филармония хорошо обеспечивает их материально, а они обеспечивают культурную жизнь даже самым отдаленным уголкам Советского Союза.

Во всех областях и городах, во всех колхозных и промышленных центрах у ответственных работников культуры имеются программы и списки артистов Московской филармонии. Их «заказывают». Иногда нужно «стоять в очереди», в «очереди за культурой», приходится торговаться, настаивать, потому что потребность в культуре слишком велика; но наконец артист, талант которого позволил бы ему гастролировать по крупнейшим европейским городам, едет к *своим поклонникам* в небольшую Самару, Новороссийск или Ашхабад.

Ожила слава «кочевых артистов». Но теперь артисты кочуют не из-за нищеты и непонимания их искусства

окружающими, а благодаря пониманию искусства, культуре и благосостоянию всего общества.

Год подходит к концу. Тамара Церетели может подвести баланс своей кочевой деятельности. Она начала на Украине, вернулась на несколько концертов в Москву, а затем отправилась в далекое путешествие на Дальний Восток. С марта по июнь она ездила от станции к станции между сибирским Кузнецком и далеким Владивостоком. Она пела перед шахтерами и кузнецами, пела перед рабочими совхозов и красноармейцами в лагерях Дальнего Востока.

Вернулась в Москву усталая... и поехала на Кавказ. А теперь едет в Самару. Три дня и три ночи пути туда и обратно ради двух вечеров цыганских романсов (о которых самарцы будут говорить две недели, пока не приедет из Москвы лучший советский скрипач или декламатор).

— Немного утомительное искусство, не правда ли?

— Я не в силах себе представить иного счастья. Не могу понять тех, кто предпочел пребывание за границей. Никогда не пойму Шаляпина. Гениальный голос, но самоубийца. Как может художник отказаться от такой публики, какая есть только в Советском Союзе? Я сама была в заграничном турне, лет пять тому назад, тогда еще не свирепствовал кризис, как сейчас, мне понравились европейские города, но я тосковала. Это не жизнь и не публика для подлинного искусства. Возможно, в будущем году я опять поеду на несколько недель в Европу, но остаться там, потерять самого чуткого слушателя на свете — советского пролетария,— нет, ни за что...

Сотни лучших представителей советского искусства постоянно разъезжают по Советскому Союзу, как и Тамара Церетели. Ездят солисты, ездят целые театры, ездят большие музыкальные коллективы. Год тому назад, например, Московская филармония выезжала в Донбасс. Сто человек. Она побывала во всех шахтерских городах и

городках Донбасса — целый месяц ездила по этому горняцкому краю. И всюду шахтеры приветствовали артистов на вокзалах с красными знаменами и своими оркестрами.

«Вы понимаете, какие это слушатели?»

Тамара Церетели изъездила почти весь Советский Союз. Во многих местах она побывала по два, три раза и больше.

«Это прекрасное кочевничество. Никогда не попадаешь в знакомые места. Год назад ты был в Кузнецке, приезжаешь туда снова — и это новый, до неузнаваемости новый Кузнецк. Возвращаешься в Москву и видишь, что опять уже Москва стала иной, чем была месяц назад...»

Во тьме мы рисуем в своем воображении гигантскую страну, которую пересекает наш поезд. Растут новые города, новые фабрики, новые люди — величайшая культура человеческой истории. Грезы осуществляются на наших глазах. Открой их — и увидишь. Увидишь действительность, которая уже перестала быть грезой.

Но глаза смыкаются.

Мы засыпаем в темноте, где-то под Сызранью.

Утром — Самара.

Тамара Церетели быстро складывает багаж, хлопочет, как испуганная курица, и разыскивает халат, «без которого она не может жить».

На перроне ее ждут рабочие электростанции, пригласившие артистку к себе.

Я кричу ей вслед: «Генацвале!» — единственное грузинское слово, которое я от нее усвоил. Оно означает нечто вроде: «Все злое в твоей жизни пусть понесу я». Я становлюсь восточным человеком.

Соседи опять заводят граммофон:

У самовара я и моя Маша...

Вот это, конечно, Европа.

Руде право, 6 января 1935 г.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА И НОВЫЕ ЛЮДИ

(Заметки и разговоры в поезде)

Аральское море, 25 декабря 1934 г.

Я проезжал по этому пути четыре года назад. Уже на второй день, когда мы приближались к Чапаевску, я начал сравнивать. Четыре года назад это была деревня с едва приметным заводиком. Я помню ее. Тогда нам говорили, что здесь *будет*...

И вот он: восходящее солнце заслонено могучими зданиями, трубами, высокими водонапорными башнями, из которых в тридцатиградусный мороз валит пар. А с левой стороны пути — город с новыми жилыми домами.

Новый город — Чапаевск.

Место Тамары Церетели не осиротело. В Самаре вошел новый пассажир. И опять женщина. С ребенком, пятилетним Сашей. Саша ползает по полкам вагона и багажу, а она испуганно следует за ним глазами, прикуривает одну папиросу от другой и, приняв сентиментальную позу в углу нижней полки, жалуется на свою жизнь.

Ее муж был рабочим. Учился. Год назад стал инженером. Она пожертвовала собой ради него. Сама ничего не получила от жизни. Постарела — разве мы не видим, как у нее седеют волосы? А она еще не так стара. Двадцать девять лет. Едет в Ташкент, к брату. Не может перенести лютой самарской зимы. Она и Саша, ее единственная радость.

Мы не жалеем ее. Она милая, но отсталая при всем своем знании французского языка и отличной начитанности в русской классике.

Заметив, что мы не согласны с ней, она рассказывает о ничтожности окружающей жизни.

Через час она уже с удовольствием убирает наше купе, стараясь показать, как она при этом страдает. Мы делаем вид, что ничего не замечаем, и помогаем ей. Это раздражает ее. Мы отнимаем у нее жизненное назначение.

Это старый тип женщины в новой среде. Домашняя хозяйка, труд которой утратил свой ореол. Она, несомненно, умеет печь великолепные торты, но этим уже никого не удивишь: фабрика «Большевик» в Москве делает их еще лучше. Любая женщина на производстве значит больше, чем она. На ее глазах выросли тысячи таких женщин. Целый новый мир. А она, Елизавета Николаевна, еще не решилась осознать свою отсталость. С горечью закрывает она глаза и поет в углу купе сентиментальные песенки о безответной любви, тоске и смерти, песенки, какие уже редко услышишь в Советском Союзе.

— Что нового в Самаре?

— Ах, ничего!

— Как это ничего? Я читал в газетах о строительстве новой гигантской электростанции. Видел фотографию нового клуба. Действительно, красивое здание. А швейная фабрика?..

— Правда, правда... но, знаете, это такие мелочи...

Саша совсем другой. Это советский мальчик. Он решил исследовать функцию электрического выключателя в нашем вагоне, и только что ему удалось открутить штепсель и обжечь пальцы. Он сообщает это без плача, только весь красный от досады.

Елизавета Николаевна дрожит и закуривает папиросу. Проводник спешит ей на помощь и грозит Саше, что высадит его на ближайшей станции в степи.

Сашу не испугаешь.

— Подумаешь, пойдут другие поезда. Я сяду сзади и догоню вас. Все равно у вас опоздание.

— Не возьмут тебя, гражданин Александр Владимирович, а сзади, на буфере, ездить не разрешается.

— Не разрешается? А что же, гражданин Игнатий Серафимович, высаживать из поезда в степи маленьких детей — это разве разрешается?

Саше пять лет.

Остановка в Илецке. От станции в заснеженную степь убегает железнодорожная насыпь. Безуспешно рассматриваю карту. Это — последнее издание железнодорожной карты СССР, но новая ветка из Илецка на нее не нанесена. Трудно в Советском Союзе изготовлять карты, когда большевики изменяют течение рек и степь превращают в большие города.

Тихий читатель с верхней полки нашего купе поправляет очки, ожидая моего вопроса, и затем объясняет:

«То, что вы видите здесь, в Илецке, это не ветка. Это будущая главная магистраль. Путь из Москвы в Ташкент через Самару невозможно долог. Пять дней и пять ночей. Новая магистраль ведет из Илецка на Саратов и оттуда в Москву. В Саратове построен через Волгу первый саратовский мост». Он показывает снимок. Грандиозная конструкция из железа и бетона. Новая магистраль приблизит Ташкент к Москве на семьсот километров и сократит время пути на сорок восемь часов. За три дня и три ночи мы сможем приехать из Москвы в Ташкент. И это будет прямое сообщение.

Железнодорожная насыпь уже построена на всем протяжении пути. Теперь кладут рельсы. Первый поезд из Москвы в Ташкент через Саратов отправится 15 мая 1936 года.

Впрочем, и путь через Самару уже требует разгрузки. А нужно ведь оказать помощь и оставшемуся участку Илецк — Ташкент.

Помню: еще четыре года назад мы ехали по степи, степь напоминала зеленое море, среди которого торчали одни телеграфные столбы; сорок, пятьдесят километров мы ехали от станции к разъезду, от разъезда к станции. Теперь каждые пять, шесть или восемь километров мы проезжаем новый разъезд — новый одинокий домик, перед которым рядом с одноколейкой появляется вторая колея, способная принять состав с сотней вагонов.

К концу второй пятилетки здесь в основном уже будет две колеи.

Мой тихий информатор в очках и с курчавыми волосами — уроженец Ленинграда. Он работал там в железнодорожных мастерских, потом ездил помощником машиниста на магистрали Ленинград — Москва и одновременно учился.

Пять лет назад он уезжал из Ленинграда железнодорожным инженером-механиком. Уезжал в Ташкент, через год стал старшим инженером (ему было тогда двадцать пять лет), а сейчас он начальник паровозной службы среднеазиатских железных дорог и доцент Среднеазиатского института железнодорожного транспорта.

Биография, как видите, короткая. Из его рассказа я опустил только одну фразу, решающую фразу:

«Когда мне было десять лет, вспыхнула пролетарская революция».

Наши соседи-комсомольцы вынесли граммофон в коридор. Они заводят его третий день без остановки и сейчас вовлекли в это дело уже весь вагон. В тесном коридоре танцуют моряки-командиры, которые через Ташкент и Ашхабад попадают из Москвы в Красноводск на Каспийском море... и наши соседи.

Наконец мне представляется случай исследовать причины их граммофонного пристрастия. Я стараюсь удержать на ногах спадающие шлепанцы и оттаптываю «самовар, его и его Машу», выспрашивая у своей партнерши-комсомолки, куда они едут и зачем.

Она ветеринар, он агроном. Только что закончили учебу. Едут на свою первую станцию. В совхоз у Джусалы. У обоих радостное желание работать.

А граммофон? Это подарок от друзей. От тех, которые уже прошли испытание в степи и знают, что такое год жизни вдалеке от Москвы, от театров, от кино, от всего, чем жили эти молодые люди, будучи студентами.

Я уважаю этот граммофон.

И даже фокстрот о самоваре и Маше в его исполнении мне больше не противен.

Ведь этот соратник молодых специалистов едет в места, которые только их руки приблизят к остальному миру.

Ташкентский инженер-железнодорожник в очках и с курчавой головой уныло смотрит сквозь замерзшее окно на степь. Он ленинградец, северянин и тоскует по северному воздуху, холмам, дремучим лесам.

А здесь в окнах вагона убегает степь, степь, степь. Покрытая снегом, она напоминает замерзшее море.

Четыре года назад здесь была только степь. Теперь под снегом здесь скрыты огромные поля зерновых совхозов и пастбища скотоводческих. Снег выпал без разбору на поля, пастбища и доныне бесплодные песчаные «барханы», движущиеся складки пустыни, но ты видишь новые домики вдоль пути, новые улицы старых глиняных казахских деревень, совершенно новые поселки, новые хозяйственные постройки совхозов и новые ангары с отдыхающими самолетами, для которых два с половиной из трех миллионов квадратных километров Казахстана являются прекрасным естественным аэродромом. А потом видишь человека. Все чаще в этих бесконечных пустых полях глаза

встречают человека и его труд. Страшная, безлюдная степь превращается в мир, обжитый человеком.

Я говорю об этом инженеру-железнодорожнику. Может быть, он, здешний человек, уже не видит этого так хорошо, как я с перспективы четырех лет.

Он отвечает с улыбкой: «Вижу, вижу. И я знаю, что привыкну к этим местам только тогда, когда тут — а это обязательно будет — вырастут леса».

И он указывает на белую голую степь, на которой луна отражается, не давая тени.

Руде право, 9 января 1935 г.

ПО КОЛХОЗАМ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Материалы, заметки и разговоры)

Андижан, 30 декабря 1934 г.

Едва успеешь немного поразмяться на ташкентских улицах — и уже снова садишься в поезд. Ты не в мягком вагоне, как во время пятидневного пути по магистрали Москва — Ташкент; Андижан находится недалеко — всего день и ночь пути — и по железнодорожным колеям Ферганы не ходят экспрессы. Впрочем, твердые доски широкого деревянного ложа ощущают своими боками лишь двое в вагоне: я да еще один несчастный «европеец», молодой управляющий мясного треста из города Фрунзе. Наши спутники-узбеки входят с огромными разноцветными тюками, которые возникают так: кусок хлеба и маленький чайник завертываются в широченное стеганое ватное одеяло с цветастым или полосатым верхом. Они находят свои места, тщательно очищают деревянное ложе на «первом» или «втором» этаже нашего вагона, расстилают свое стеганое одеяло и садятся на него, предварительно сняв

грязные галоши со своих мягких высоких сапог с эластичными подошвами, какие бывают на домашних туфлях. Узбеки все еще отдают предпочтение удобству сидеть скрестив ноги. Сидеть на стуле с опущенными ногами для них в большинстве случаев столь же утомительно, как для нас сидеть на корточках. А они, которые в свободное время могут проехать на коне или верблюде сто километров по степи, чтобы навестить приятеля и выпить с ним чашку кок-чая, они любят удобство.

Теперь они уселись на своих мягких одеялах и разговаривают протяжными гортанными голосами, читают «Кзыл Узбекистан» или тихо поют монотонные песни.

Мы оставили за собой Урсатьевскую и пересекаем часть территории Таджикистана на пути к Ходженту. К железнодорожному полотну приблизились горы и с ними новые богатства Средней Азии. Выгляни из поезда направо или налево, в сузившуюся долину Сырдарьи, где вечно белые руки высокогорного хребта Терскей-Алатау, обнимающие всю Ферганскую долину, опять почти касаются друг друга. Все, что ты здесь видишь, все эти безлесные заснеженные склоны Туркестанского хребта направо и Могол-тау налево скрывают большие богатства, которые лежали мертвым капиталом, не использованные на благо человечества ни ферганским феодализмом, ни русским капитализмом.

И богатства, подземные богатства, заключены не только в этом последнем отроге Терскей-Алатау, но и во всех заснеженных горах, окружающих Ферганскую долину. Тут есть уголь, нефть, графит, асбест, железные руды, медь, никель, кобальт, сера, соль, известь, лечебные источники и грязи — все, что делает эту часть Средней Азии сложнейшим тектоническим узлом Советского Союза, все, что только теперь открывают, исследуют и оценивают советские люди. Здесь проектируются новые электрические станции, бурятся новые нефтяные скважины и закладыва-

ются новые угольные шахты, здесь, над чудесными лечебными источниками, основываются новые курорты для трудящихся Советского Союза.

Когда вы услышите более подробный рассказ об Алмалыкстрое или Шор-Сустрое, вы осознаете, что по своей экономической мощности это гиганты не меньшего значения, чем Днепрострой, и стройки *исторические* с точки зрения их политического значения, ибо они являются документами *национальной политики Коммунистической партии.* Например, шахты с угольными запасами в триста миллионов тонн — документ, без сомнения, достаточно весомый.

Придя к власти, русский пролетариат не следует по стопам уничтоженных им русских капиталистов. Для него Средняя Азия не колония, которую он имеет право эксплуатировать. Средняя Азия для него — край, населенный народами, которым он обязан помогать на пути от феодальной отсталости к абсолютной самостоятельности членов социалистического общества. Советский Союз не только строит школы для всех своих народов. Советский Союз не только издает книги на языках всех своих народов, некогда угнетенных и насильственно удерживаемых в некультурном состоянии. Советский Союз не только обеспечивает политическое равноправие граждан всех национальностей. Советский Союз знает также, что самые искренние слова о национальной самостоятельности, о самоопределении народов всегда останутся только словами, если каждый народ не будет иметь самостоятельной экономической базы. И поэтому лучшие научные силы направляются на исследование всех экономических возможностей и всех неиспользованных богатых ресурсов в землях, народы которых во время революции завоевали свободу с помощью всего советского пролетариата. Алмалыкстрой — это создание не промышленного гиганта России, а промышленного гиганта *Советского Узбекистана.*

Кзыл-кия — это богатые угольные шахты не России, а *Советской Киргизии.* Ни одно капиталистическое государство не дало бы и не могло дать столь могучее оружие в руки угнетенного народа, какие бы сладкие речи ни говорились о его национальном освобождении. Оно не дало бы ему промышленной базы и не могло бы помогать в ее создании, потому что этим оно подрывало бы основу своего существования — эксплуатацию. Вот почему также ни одно капиталистическое государство никогда не может разрешить национальный вопрос.

А проезжая по Узбекской Советской Социалистической Республике — УзССР,— ты можешь не сомневаться в том, что здесь этот вопрос разрешен.

Слишком много доказательств — от узбекских вузов (в стране, которая была почти стопроцентно неграмотной) до промышленных гигантов в стране, которая не имела промышленности,— ясно говорят о том, что культурная и экономическая отсталость Узбекистана была ликвидирована, что было разбито бремя, которое толкало узбекский народ в число несвободных, угнетенных, эксплуатируемых народов.

Было бы несправедливо, если бы я не отметил, что в Узбекистане были — и еще есть — свои националисты, которые «национальное освобождение» Узбекистана представляли себе иначе, более «по-европейски». Эти «патриоты» то здесь, то там вылезают еще на дневной свет и пытаются по примеру своих европейских братьев способствовать росту шовинизма. Они изобретают фразы, достойные Гитлера и пана Стршибрного. И, разумеется, сами они вполне достойны общества европейских фашистов. Это бывшие манапы или сыновья манапов, бывшие муллы или сыновья мулл, остатки молодой узбекской буржуазии, которые пользуются — или теперь, пожалуй, лучше сказать пользовались — националистической фразеологией для борьбы против Советской власти.

Свобода узбекского народа? Какая это свобода, если они, узбекские феодалы и буржуазия, не имеют права эксплуатировать свой народ? Свобода батраков и дехкан, колхозников и пролетариев означает для манапов, для узбекских эксплуататоров в тысячу раз большую неволю, чем гнет русского империализма.

Итак, «патриотическая» контрреволюция «действовала». Пробиралась на руководящие посты, вредительски тормозила развитие узбекской промышленности, вредительски наносила ущерб урожаю хлопка, пыталась развалить колхозы, направить по неверному пути развитие культуры, сеять недовольство, шовинистическую ненависть, агитировать против Советской власти.

Агитация узбекских националистов, агитация среди людей, всего семнадцать лет назад бывших страшно отсталыми, не имела такого успеха, как агитация шовинистов среди «цивилизованных европейских наций». Наблюдая за своим соседом-узбеком, который внимательно читает в «Кзыл Узбекистане» речь руководящего товарища на пленуме городского совета, ты понимаешь, какой свободный рост сознательных людей возможен при диктатуре пролетариата и какую страшную роль играет капитализм, который и свет культуры умеет использовать для затемнения голов угнетенных и эксплуатируемых.

Нельзя отрицать: узбекские националисты были изобретательны в своей контрреволюционной деятельности. Но их изобретательности противостояла революционная бдительность. И, быстро вытесняемые с каждой позиции, которую они заняли с помощью какого-нибудь обмана, узбекские националисты все с большей и большей надеждой обращали свои взгляды к горам памирского *узла*. Там, в горах, были басмачи, военная сила контрреволюции. Сыновья баев, манапов, мулл и несознательные кочевники, удерживаемые в послушании фразами о свободе народа и

цитатами из корана,— вот из кого состояли банды басмачей. А их деятельность?

Я еду в Шарихан. Это центр хлопкового района в самом конце Ферганской долины, района колхозников, которые со времени революции выросли из несчастных, забитых батраков в хороших и свободных хозяев. И хотя это район богатый, в нем еще и сегодня видны следы действий басмачей.

До войны в районе было почти шестьдесят тысяч жителей. Сейчас в нем осталось лишь тридцать тысяч. И это сегодня, в 1934 году, после десятилетней работы, которую с неслыханным упорством проводили здесь Советская власть и Коммунистическая партия Узбекистана, восстанавливая хозяйство, разрушенное басмачами. До войны в районе было более тысячи крестьянских селений. В 1924 году, после бесчисленных наездов басмачей, во всем районе осталось только... семнадцать селений. Басмачи нападали на кишлаки — узбекские деревни,— грабили, уводили скот, сжигали дома, насиловали женщин, убивали каждого, кто пытался защитить свое имущество, они истребляли трудовое узбекское население, и за этим с воодушевлением следили «узбекские патриоты», которые в смерти и обнищании колхозников видели надежду на возвращение своей власти — власти манапов и баев, власти узбекских феодалов и узбекской буржуазии. (Скажите, что этот «узбекский патриотизм» не похож на патриотизм европейской буржуазии!)

Сейчас в Шариханском районе Узбекистана 137 *колхозов* и только под хлопок возделывается четырнадцать тысяч гектаров земли. Между тем, что было в 1924 году, и тем, что есть сейчас, лежат десять лет упорного труда и упорных боев с басмачами. Если вы знаете героическую историю узбекской, киргизской и таджикской Красной Армии тех лет, вы не удивляетесь тому, что се-

годня ферганские колхозники с искренней любовью смотрят на красноармейскую форму.

Но они смотрят на нее не только как на одежду своих защитников. Они смотрят на нее как на *свою* одежду. Потому что колхозники сами сражались против басмачей. Это была самая удивительная боевая организация двадцатого столетия: настоящая стотысячная армия, вооруженная только... *палками.* Другого оружия не было, запасов винтовок и револьверов хватало всего для нескольких членов колхоза, остальные же вооружались только палками. «Красными палочниками» называли эту армию. И эта армия, над которой басмачи сначала лишь смеялись, через два года наводила на них ужас. Ведь в ней сплотились все трудящиеся, весь трудовой народ объединился в ней для борьбы против «национальной армии» грабителей-басмачей.

Узбекский народ сводил счеты с контрреволюционными «патриотами».

Когда в 1930 году я ехал в киргизские горы, мне дали во Фрунзе револьвер.

«Зачем?»

«В горах еще держатся басмачи. И манапы снова поднимают головы. Ибрагим-бек появился на советской территории».

Ибрагим-бек был самым известным военачальником басмачей. Жестоким и ловким военачальником. Но его банды уже в минувшем году были наголову разбиты, разогнаны, разоружены, и сам Ибрагим-бек спасся только благодаря бегству за границу. Откуда он взял теперь свои новые войска, откуда он взял оружие, откуда он взял деньги для организации своей новой армии?

Эта загадка была выяснена лишь в 1931 году, когда Красная Армия еще раз и уже окончательно разбила

басмаческие банды, а «красные палочники» сами захватили в плен грозного Ибрагим-бека.

Ибрагим-бек был хитер и коварен. Ему не хотелось верить, что его игра окончательно проиграна. Он пытался спастись с помощью подкупа. Когда «красные палочники» передали его Красной Армии, Ибрагим-бек предложил командиру за свою голову красивые часы.

Командир с усмешкой взглянул на их марку.

Часы были... *английские*.

И не только часы — и оружие, и деньги, которыми Ибрагим-бек хотел воспользоваться для нового похода, были даны английскими капиталистами, давно мечтавшими превратить Среднюю Азию в свою колонию.

А узбекские «патриоты» аплодировали армии Ибрагим-бека, довольно потирали руки, предвкушая удачное осуществление английских замыслов. Узбекистан в качестве английской колонии был для них в тысячу раз приемлемее Узбекистана — советской республики.

И разве после опыта «дружбы» заклятых врагов — французских, немецких, чешских и польских фашистов — мы не можем сказать, что своей антинациональной политикой узбекские националисты мало чем отличаются от националистов европейских стран?

Руде право, 27 января 1935 г.

ФОМА МАТВЕЕВИЧ ГОЛОСУЕТ ЗА «ВОЛГУ — МОСКВУ»

Мимо дома Московского Совета опять идет одна из тысячи процессий избирателей.

Музыка. Красные флаги. В первом ряду — высокий худой старик, такой старый, что побелела даже его лысая голова.

На избирательном собрании около нас останавливается председатель районного совета.

— Посмотрите, какие успехи! Какая активность! Даже Фома Матвеевич идет выбирать!

Фома Матвеевич — это старик с белой лысиной. Он опять сидит в первом ряду. Когда председатель делает доклад, он прикладывает руку к левому уху. Недослышит. Ему восемьдесят три года.

Действительно, старый избиратель. Но, наверное, в Москве есть и старше. Не этим примечателен Фома Матвеевич. А тем, что сегодня он идет выбирать впервые.

До сих пор он не голосовал. Демонстративно не принимал участия в выборах в Советы. Это был почти вопрос его загробной жизни. Он не мог допустить такой «грех», чтобы послушать речи советских руководителей и по их предложению поднять руку, хотя бы и против них. Фома Матвеевич был православным человеком. Он не изменил своей вере и сейчас, когда впервые идет голосовать. Не отрекся от своего бога, но уже отрекся от своего попа.

— Как же так, вы, уважаемый Фома Матвеевич, все-таки решили выбирать?

— Из-за воды,— говорит Фома Матвеевич.

— Из-за воды?..

— Да,— кивает старик,— из-за водопровода.

Люди разными путями приходили к Советам. Почему бы и не благодаря водопроводу? Но этот путь действительно удивительный и стоит того, чтобы его снова пройти вместе со стариком. Рассказывайте, уважаемый Фома Матвеевич!

Его историю начнем с горя. У него была жена и одиннадцать детей. Жена и девять человек детей умерли от тифа (только два сына остались, и те погибли в мировой войне). Фома Матвеевич живет один уже девятнадцать

лет. Но овдовел он двадцать пять лет тому назад. И через два дня после того, как вывезли его опухшую тифозную жену, принесли гроб для его девятого ребенка. Легко было умирать на Красной Пресне, далеко от центра Москвы, легче там было умирать, чем жить. Убивали нищета, голод, фабрика и... тиф.

Фома Матвеевич верит в бога. Фома Матвеевич, когда-то рабочий, а теперь старый, морщинистый пенсионер, готов верить, что это господь бог распорядился пресечь жизнь его ближних. Но он не слепой. Он никогда не верил и никогда уже не поверит, что суд божий не обошелся без людской помощи. Господь бог допустил, чтобы у них на Красной Пресне не было водопровода. А теперь водопровод есть. Изменился господь бог после смерти жены и девяти детей Фомы Матвеевича? Или изменились люди, стали по-иному работать ради иных целей?

Фома Матвеевич вспоминает свою жизнь и роль, которую играла в ней вода. Говорят, что только караван в пустыне может познать настоящую цену воды. Это не совсем правильно. И Фома Матвеевич, пролетарий с московской окраины, хорошо ее знает.

Потому что в то время, когда он еще не был совсем одинок, он никогда не имел воды, настоящей, чистой воды.

И поэтому он теперь так одинок.

Первый московский водопровод

История Фомы Матвеевича, собственно, начинается гораздо раньше, чем он думает, и в ней есть события, о которых он наверняка не помнит.

Если для всякой истории нужны точные данные, то вот они: 1779 год — впервые обсуждается проект московского водопровода. Другая дата: 1805 год — после двадца-

тишестилетнего строительства была наконец пущена первая вода из мытищинских хранилищ по девятнадцатикилометровым кирпичным трубам до Москвы, впрочем, конечно, лишь до центра Москвы.

Только несколько лет Москва могла гордиться этим достижением. Взяточничество и шарлатанство пробрались даже в водопровод. Плохо сделанный деревянный фундамент прогнивал, кирпичные трубы разрушались, вода стала вытекать, и в водопровод проникали грязь и нечистоты. Через несколько лет в московские бассейны вместо трехсот тридцати тысяч ведер чистой мытищинской воды ежедневно притекало только сорок тысяч ведер нечистот.

Так печально кончается история первого московского водопровода и наступает новая дата — 1835 год. Тогда смонтировали железный водоем в Сухаревской башне (где теперь найдешь Сухаревскую башню?) и оттуда отвели трубы к пяти бассейнам в центре города.

Это уже Фома Матвеевич помнит: стоял водоем, вокруг него — болото и сено. Извозчики погружают грязные ведра в мутную воду и поят коней, служанки относят оттуда в таких же ведрах такую же воду в дома богатых купцов. Купеческая гигиена! Так заботились купцы о собственной гигиене, такая уж была забота о санитарии буржуазной Москвы.

А на окраинах богатых купцов не было. Там жили Фомы Матвеевичи и их семьи, и для них санитарная система буржуазной Москвы не предоставляла даже такой воды, какую они должны были бы делить с лошадьми.

По улицам московских окраин проезжали возчики с деревянными бочками. Криком обращали они внимание на свой товар и наливали в ведра невероятно грязную маслянистую воду, получая по копейке за ведро.

Это была вода прямо из Москвы-реки, которую черпали там, где можно было проще подойти к реке, как раз

там, где город выбрасывал все свои нечистоты, все свои отбросы, где на водной глади часто можно было заметить признаки человеческого существования. Таков был водопровод рабочей окраины, каким его запомнил Фома Матвеевич.

Впрочем, не обязательно искать старика его возраста, если хотите найти свидетеля такого водопровода. Вплоть до 1904 года — это уже следующая дата нашей истории — функционировали в центре города пять бассейнов, снабжаемых водой из сухаревского водохранилища, а на окраинах — возки с бочками грязной, вонючей воды.

А потом? В 1904 году в Москве наконец был построен водопровод, достойный этого названия. Он обеспечивал восемь ведер воды каждому человеку ежедневно — на улицах богатых купцов, помещиков, генералов. В рабочие кварталы он не был проведен. Проектировщики рассчитали, что рабочему требуется не больше двух ведер воды в день. А два ведра — их можно в руках принести из центра города, если пролетарий вообще захочет такой роскоши, как чистая вода. Зачем же в таком случае им водопровод?

Богатые купцы, помещики и генералы пили наконец хорошую, очищенную воду. А по окраине продолжали ездить возчики с бочками, продавая по копейке свой жидкий экстракт смерти.

Экстракт был настоящий, неподдельный. Он успешно делал свое дело. Семьдесят пять процентов детей в рабочих кварталах Москвы заболевало эпидемическими болезнями, не достигая пятилетнего возраста. Три с половиной процента населения ежегодно умирало на окраине. Так умерли дети Фомы Матвеевича, так умерла его жена. И если окраина совсем не вымирала, то это потому, что новые и новые десятки тысяч рабочих приходили из деревень и становились жертвами новых эпидемий, которые их поглощали.

Все это видел Фома Матвеевич, и хотя он рад был приписать массовое убийство людей воле божьей, однако слепым он не был, подозревал, что господу богу помогают люди.

Город, который ежедневно выпивает реку

Долгие годы после революции и гражданской войны Фома Матвеевич не признавал, что 1917 год был самой важной вехой в его жизни. Он не был согласен с революцией. Не признавал Советскую власть из-за ее «греховности», потому что она нарушила все законы общества, основывающиеся на божьей милости, потому что посягнула на верховную власть и сама стала решать то, что раньше было подвластно только небу.

Но когда два года тому назад он увидел в ямах вдоль тротуаров каменные трубопроводы, когда в передней своей квартиры впервые повернул кран и в чашку потекла чистая холодная вода, Фома Матвеевич заколебался и взволнованно вытер старческую слезу.

«Ну разве и это — грех?»

Но еще не поддался. Это случилось только четырнадцать дней тому назад.

Он плелся по улице и увидел на витрине диаграмму. Никогда он не смотрел на такие вещи, но в этой диаграмме было что-то особенное. Что-то такое, что он давно не видел, но хорошо знал: там был нарисован хорошо знакомый возок с бочками воды. Тот, кто чертил диаграмму, хотел наглядно изобразить водоснабжение Москвы.

Диаграмма не рассчитывала на внимание старика, но невольно привлекла его. Старик медленно переводил глаза на другие рисунки, на бассейны, на старое Рублевское водохранилище — до самого конца. А в конце была карта канала Москва — Волга. Но перед ней еще один очень интересный рисунок: течет река (судя по набережной,

ты мог бы сказать, что это Москва), четыре человека наклоняются с набережной и пьют воду из реки, а за ними уже пустое, высохшее русло.

Фома Матвеевич не совсем неграмотен. Цифры он может прочесть. И он стоял перед диаграммой, не обращая внимания ни на мороз, ни на оттирающий его поток людей, пока не разрешил загадки наглядной диаграммы: проблемы снабжения водой московского населения.

Фома Матвеевич понял: если всем жителям города Москвы должно быть гарантировано снабжение чистой водой, если и он, Фома Матвеевич, уже пьет воду из собственного водопровода и если еще водой поливать сады и брызгать из пожарных рукавов, умывая улицы, требуется много и много миллионов литров воды. Сколько говорит диаграмма?

Четыреста восемьдесят миллионов литров воды в день будет «выпивать» Москва в 1935 году.

А сколько воды протекает через Рублевскую водопроводную станцию?

Как раз четыреста восемьдесят миллионов литров в день, рассчитали проектировщики.

Ляжет город Москва у Рублевской станции на Москву-реку и выпьет ее до последней капли. Картина диаграммы не преувеличивает — потом останется только пустое, высохшее русло реки.

Фома Матвеевич набожно перекрестился, испугавшись такого будущего.

Великий проект, составленный для Фомы Матвеевича

Старичок Фома Матвеевич и знать не знал, как же быть перед лицом опасности, проносящейся над его головой. И в тот день, испуганный диаграммой, он пришел

домой и повернул с волнением кран своего нового водопровода, прощаясь с чистой, свежей водой. Но, к счастью для него, обо всех этих опасностях давно уже подумали инженеры и делегаты Московского Совета, с которыми Фома Матвеевич не хотел иметь ничего общего. Он ничего не знал об их работе, но ему рассказал о ней «молодой человек», как с подчеркнутым уважением называл его старик, комсомолец Рохленко, которого послали к старику, когда тот начал ходить по дому и стращать людей вечной смертельной жаждой.

— Москва растет, гражданин Фома Матвеевич, и вырастет в самый большой город мира. Обязательно, папаша! Знаете, что за последнее десятилетие население увеличилось вдвое? Знаете, что сейчас в Москве уже три и три четверти миллиона человек? А через год? А что будет через пять лет? Ну а если за год выпить всю воду из Москвы-реки, что бы тогда с нами было через пять лет? Видите, гражданин Фома Матвеевич, мы об этом думаем. Размышляют об этом инженеры, райсовет, Моссовет, комсомол, вся партия.

И решили мы призвать на помощь Москве Волгу

Комсомолец Рохленко исчертил все края «Комсомольской правды» планами великолепного строительства канала Москва — Волга. И когда старик все еще не понимал, молодой человек пренебрег всеми правилами культуры нового человека и начал рисовать водные профили, плотины и насосы на обложке библиотечной книги. Старик был терпелив, но ничего не понимал до тех пор, пока молодой человек не догадался, что он должен начать «танцевать» от струйки воды из домашнего водопровода, чтобы приблизить к старику самый большой канал мира.

И так старику стало сразу все просто и ясно. Проложат три миллиона кубических метров бетона. Возникнет канал длиной сто двадцать восемь километров — на сорок семь километров длиннее Панамского канала. Шлюзы и насосы будут поднимать воду Волги и поднимут ее на целых тридцать восемь метров. Волга вольется в Москву, и по ее поверхности пойдут морские суда в самую столицу. Под Москвой, возле села Пушкино, канал разольется в огромнейшее озеро. Только небольшая его часть будет доступна судам. Все остальное будет вода для города Москвы. На берегах этого озера не будет ни домов, ни людей — ничего, что бы тревожило его воды. Здесь тихо будут плескаться волны и откладывать свою муть на дно. Оттуда по тридцатикилометровым трубам вода потечет на московскую очистительную станцию, и Фома Матвеевич на Красной Пресне повернет кран — и в его стакан набежит вода из Верхней Волги.

Старичок Фома Матвеевич уже целиком погрузился в эту проблему. И, наконец, озабоченно спросил:

— Да, но когда?

— Скоро, папаша,— успокаивает его Рохленко,— уже в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Через три года будет все готово. А Панамский канал строили одиннадцать лет...

— А как же будет все это время?

Молодой человек со значительным видом задерживает палец на одном из своих чертежей.

— Ну разве я не говорил вам, Фома Матвеевич? Обо всем думаем, посмотрите — Истра. Сколько она дел наделала. Как приходит весна, большая вода, Истра наполняет Москву, затопляет каналы, подвалы — приносит ущерб. А летом воды нет. Ну а что, если поставить плотину? Скопить весеннюю воду, чтобы пользоваться ею целый год? Большой город, Фома Матвеевич, самый большой город мира, должен везде иметь запасы воды. Так

мы и сделали. Вы не читаете газет, папаша, и в этом вся беда.

Но я вам расскажу: плотина на Истре уже готова. Седьмого ноября мы передали ее народу — и начиная с весны Истра будет давать Москве сто шестьдесят миллионов литров воды ежедневно. Не выпьем Москва-реку, папаша. Волга поможет, и Истра поможет. Столько воды не выпьет самый большой город в мире.

Первые выборы Фомы Матвеевича

Старик сидит в первом ряду и внимательно слушает доклад. Когда председатель районного совета говорит о канале Волга — Москва, старик восторженно хлопает. Наверное, впервые в жизни. На собрания он никогда не ходил, а в церкви ведь не аплодируют. Старик не говорил нам, как он свел счеты с господом богом, без воли которого «и волос с головы не падет», когда вспомнил мертвую жену и одиннадцать детей.

Но с людьми он рассчитался, как говорится, «по-деловому» [1]. Может быть, это было потому, что он сидел в первом ряду, может быть, потому, что я смотрел на него больше, чем на остальных, но мне показалось, что Фома Матвеевич первым поднял руку за кандидатов в совет.

(Между прочим, среди избранных в районный совет депутатов был и молодой человек, комсомолец Рохленко.)

Руде право, 4 и 5 января 1935 г.

---

[1] В оригинале написано по-русски.

МИСТЕР ТВИСТЕР, СТЕПЬ И ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА

(Заметки и разговоры)

Арысь

В вагоне-ресторане сидит мистер Твистер. Так называют его соседи по купе, молодые супруги-комсомольцы. На нем короткие брюки гольф (при взгляде на них чуть раскосые глаза наших узбеков прищуриваются улыбкой), он курит трубку и по временам небрежно поправляет мохнатый свитер. Нет, не думайте, это не англичанин. Это поляк, осевший в Париже, где у него своя меняльная контора. Пан Писковский имеет много денег, страсть к приключениям и намерение стать известным писателем. Он собирается начать с изучения «среднеазиатской экзотики», но казахские степи наводят на него, человека твердого духа, скуку. Характерные черты жизни Советского Союза его нисколько не интересуют, что, по его мнению, является безусловным признаком остроумия:

«Удивляюсь вам, пане, как вас все это не утомляет. Постоянно говорят одно и то же: четыре года назад я был рабочим — теперь я инженер, пять лет назад я не умел еще читать и писать — теперь изучаю агрономию, два года назад здесь была голая степь — теперь тут совхоз... и так далее и так далее... Это же, наконец, банально. Разве вы не видите ничего, что заслуживало бы гораздо большего к себе интереса в этой стране, имеющей тысячелетнюю историю? Я сбежал из Москвы, потому что там попирают историю ногами в замызганных калошах. Вся моя надежда — это Бухара. Вы читали «Голос угнетенной Бухары» Саида Алимхана? Нет? Жаль, пане, для вас, культурного человека, это большое упущение. Вы бы поняли тогда всю глубину греха тех, кто насилует историю.

Но насилие над Бухарой будет, пане, для большевиков нелегким делом. Бухара — это ведь более чем тысячелетняя культура. Обломают они себе зубы, пане. Их заставят снять грязные калоши...»

«Вы долго прожили в Бухаре?»

«Нет. Я там еще не был. Еду туда впервые. Но я читал великолепную книгу Саида Алимхана...»

Не знаю, как выглядит пан Писковский (Пьер Блох и К^0, Париж) со своим остроумием в кругах французских биржевиков. Но здесь, в поезде, который идет по советской земле, он смешон. Он смешон, как цилиндр или напудренная коса пана актуария[1] на террасе современного курорта. Он смешон тем, что черпает представление о советской Бухаре из книги бывшего эмира бухарского, тем, что его не интересует советская действительность.

Как же не смеяться над ним, над паном Писковским, мистером Твистером!

Мы проезжаем Эмбу. Четыре года назад (пан Писковский равнодушно зевает) неподалеку отсюда, на маленьком разъезде под Эмбой, в наш поезд сел новый пассажир. Он поминутно вынимал какой-то флакон и разглядывал — на солнце, на электрический свет — жидкость, которая, судя по наклейке, была одеколоном, но цветом совсем на него не походила. Тогда-то я и услышал впервые о нефтяных залежах на Эмбе. Это был инженер, он рассказывал об изыскательских партиях, занятых поисками нефти. И они нашли ее. В флаконе, из которого был предварительно вылит драгоценный (в степи) одеколон, инженер вез нефть, чтобы показать ее Советскому правительству.

---

[1] Судебный протоколист (стар.).

Так было четыре года назад. Теперь на Эмбе несколько тысяч рабочих. Промысел дает самую чистую в мире нефть, и богатства ее настолько велики, что даже Баку смотрит через Каспийское море на своего нового соперника и помощника с легкой завистью. Четыре года назад инженер прискакал к поезду на коне, запыленный, измученный двухдневной ездой. Теперь он смог бы уже приехать на автомобиле, хотя и по примитивному временному шоссе, а скоро сможет доехать и поездом по новой железной дороге, проложенной через степь и пустыню. Эта дорога пройдет из Туркестана вдоль Амударьи к южным оазисам Аральского моря и дальше, к северным берегам Каспийского моря, через весь нефтяной район, вплоть до железнодорожного пути Москва — Ташкент.

Пан Писковский любит историю минувших тысячелетий. Он хочет, чтобы его считали остроумным, и не видит того, что легко мог бы понять каждый: здесь начинается история будущих тысячелетий.

Оба проводника нашего вагона — ударники. Они работают посменно. Пять дней и пять ночей из Москвы до Ташкента, два дня — отдых, пять дней и пять ночей из Ташкента до Москвы. И тогда уж в Москве — отдых двенадцать дней. Младший из них упорно отсыпается в свои свободные часы и по утрам делает упражнения по реформированному Мюллеру. Он с нетерпением ждет приезда в Москву, двенадцати свободных дней, в расчете на которые у него уже припасены лыжи. Предстоит небольшая зимняя прогулка — каких-нибудь шестьсот километров. Старший полеживает на полке с книгой и блокнотом. Книга называется «Технология железа».

Ему сорок два года.

Джусалы. Супруги-комсомольцы, специалисты по агрономии и ветеринарному делу, здесь выходят.

Поезд идет тихо, не слышно уже их граммофона (страсть, которую они везли с собой в степь). Через час мы уже соскучились по ним. И по этому ужасно популярному фокстроту:

У самовара я и моя Маша...

Ночь. Все тот же вечный месяц светит над занесенными снегами песками.

Туркестан. Постановление комсомола, обязывающее всех комсомольских работников регулярно бриться, имеет и свои теневые стороны. Или веселые, это как вам угодно.

Товарищ Бочкарев, редактор «Комсомольца Востока», не хочет с пятидневной щетиной выходить из поезда в Ташкенте. Туркестан — удобная станция для того, чтобы наскоро забежать в парикмахерскую. Так мы решаем, ознакомившись с расписанием.

Парикмахер спешит. Но вот беда. Оказывается, у нашего поезда опоздание. И к тому же — достаточный запас воды. Остановка сокращена. Товарищ Бочкарев вскакивает в вагон уже на ходу, смущенно прижимая к одной щеке платок. Теперь он не вылезает из купе и сидит в уголке, опершись левой щекой о мягкую стенку вагона. Но солнце разоблачает его недуг: он побрит только наполовину.

У нас появляется повод для двухчасового разговора о важности и гигиене бритья.

Арысь. Четыре года назад (опять!) эта маленькая станция, от которой шла ветка на Киргизскую республику, превратилась в важный железнодорожный узел. Дело в том, что в Луговой ветка продолжилась — продолжилась на полторы тысячи километров, составляющих длину *Турксиба,*— а здесь, в Арыси, Турксиб, собственно, и берет свое начало. Приехали мы тогда в неудачное время. Станция Арысь еще не была приспособлена к своим новым функциям. Во всем этом глиняном городке не было места, на котором не спали бы люди — сами хозяева и сотни

железнодорожных работников. Люди спали на вокзале, на полу, голова к голове. А нам тоже нужно было где-то переночевать. Но где? Даже ГПУ, которое всегда помогало там, где никто уже не мог помочь, не нашло пристанища для своей делегации. Мы уложили женщин и вместе с начальником ГПУ пошли ночевать в степь. Была теплая, прекрасная ночь. Звезды и тихая степь. Ночь, полная романтики. И пробуждение было таким же. Я ощутил теплое дыхание и влажные поцелуи. Мне почудилось, что это женщина. Я открыл глаза...

Меня облизывал верблюд.

Теперь в Арыси благоустроенная гостиница для железнодорожников, с ванными, свежим постельным бельем и медицинским обслуживанием. Это, впрочем, понравилось и пану Писковскому.

Снег исчез. Мы въезжаем в туманную осень. Скоро Ташкент.

Руде право, 16 января 1935 г.

ЛЮДИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Москва, 18 марта 1935 г.

Гражданин Пешар осторожно перешел грязную улицу. Он не обратил внимания на свою осторожность. Шел, как привык за четырнадцать лет, пока работал у Растула. По привычке шел он к Растулу и сегодня. Целый день пробыл он в пикете на укреплениях Парижа, но к вечеру не вытерпел. День без цеха казался ему пустым, и его горечь была острее, чем ругательства Растула.

Ворота были закрыты. Пешар это знал и даже не пытался убедиться в этом снова. Он прижался к грязному окну цеха. Дождь и сумрак навевали печаль.

В цехе была неприветливая темнота, но Пешар видел беспризорный пресс и бутылку с маслом, покрывшуюся пылью. По памяти видел все те вещи, к которым привык за четырнадцать лет и о которых не мог забыть за последние тридцать дней.

Только два раза за все эти четырнадцать лет не переходил он улицу по направлению к цеху. Первый раз, когда женился, и второй, месяц тому назад, когда в одно мартовское утро его подхватил поток людей, направлявшихся к Монмартру, когда в предместьях показались баррикады, а солдаты с ружьями, опущенными вниз, водили своих офицеров в суд на улицу Росье.

С тех пор он не видел больше своего хозяина Растула и тщетно стучался в ворота его фабрики. Растула уже не было в Париже.

В тот самый день, когда из-за отсутствия Пешара фабрика перестала походить на самое себя, как будто из нее вынесли самый ходовой станок,— в тот день, когда испуганный Растул с беспокойством услышал разговоры и заметил, как уменьшилось число рабочих на его фабрике, а с улиц заслышал крик, в котором почувствовал преддверие революции, он нетерпеливо дожидался конца рабочего дня. А когда последний рабочий вышел из цеха, у госпожи Растул были уже готовы чемоданы, на дворе ждал крытый фиакр, и господин Растул, не выпуская из рук стальной шкатулки с франками, перстнями и серьгами, негалантно погонял дочь, старающуюся не помять своей юбки.

Крытые фиакры бежали за ворота Парижа, как обезумевшая похоронная процессия. Господин Растул искоса поглядывал из-под поднятого воротника и снова взвешивал свое решение. Никто его не останавливал. Может быть, он ошибался? Может быть, он бежит напрасно? Он совершенно иначе представлял себе революцию. Ведь он чувствовал еще в своих руках жизни своих Пешаров, жизни, которые

он взял и вложил в стальную шкатулку с франками и драгоценностями. Шкатулка была тяжелой. Да, он представлял себе революцию совсем по-другому.

Они проезжали пустыми улицами мимо толп людей, веселящихся или марширующих с ружьями на плечах. Господин Растул дрожал он неприятных мыслей, госпожа Растул всхлипывала, а дочь непонимающе поправляла складки своей юбки.

Но ничего не случилось. Беспрепятственно доехали они до Версаля.

Теперь сидит там господин Растул и злобно ждет падения Коммуны. Он рассказывает взволнованным голосом своим благородным слушателям о варварстве коммунаров, которого не переживал, а вечером к тяжести преступлений своих бывших рабочих прибавляет еще один день, в который он деньги тратил, а новые не наживал.

А в Париже перед его запертой фабрикой стоит безработный гражданин Пешар. Через мглу дождя и сумрак он нащупывает глазами беспризорный пресс и бутылку масла, покрывшуюся пылью.

По привычке перешел гражданин Пешар грязную улицу у фабрики Растула. На закрытых воротах висит отсыревший и разорванный плакат. Плохо приклеенный край развевается по ветру. Гражданин Пешар высовывает руку из-под плаща. Прикрепляет беспокойный плакат к воротам.

Пешар читает, не поднимая головы, при близком грохоте пушек, наведенных версальцами на Париж. Ох, с каким зловещим удовлетворением просматривал господин Растул в этот день списки своих рабочих.

Гражданин Пешар снова внимательно читает:

«ПАРИЖСКАЯ КОММУНА,

принимая во внимание, что многие фабрики были оставлены их владельцами, не желающими выполнять свой

гражданский долг и считаться с интересами своих рабочих, и что в результате этого трусливого бегства были прекращены многие работы, крайне необходимые для жизни города, и таким образом поставлены под угрозу жизни рабочих, постановляет:

Созвать рабочие синдикатные палаты для организации анкетной комиссии, задачей которой будет:

1. Собрать статистические данные обо всех оставленных фабриках и составить точное описание находящихся в них станков и инструментов.

2. Подать информацию с предложением практических мероприятий, с помощью которых можно было бы немедленно начать работу на предприятиях, однако уже не силами владельцев-дезертиров, а силами кооперативной ассоциации рабочих, трудящихся на этих предприятиях.

3. Разработать проект устава этих рабочих кооперативных ассоциаций.

4. Создать третейский суд, который в случае возвращения владельцев, будет обязан установить условия окончательной передачи фабрик рабочим кооперативам и стоимость компенсации, которую кооперации должны будут выплатить бывшим владельцам...»

Наконец Пешар оторвался от сырого плаката с декретом Коммуны. Переступил с ноги на ногу. Затем весело оглянулся на фабрику, на грязные стекла ее окон, на печальную темноту за ними. Непривычно быстро перешел улицу. Он испытывал радость. Ощущал в руках рычаг пресса и как бы прислушивался к грохоту фабрики, в котором будет не хватать только одного звука — беспокоящего голоса господина Растула.

На бульварах было темно и весело. Люди, наполовину одетые в солдатскую форму, говорили о новом декрете и неудачной стрельбе версальцев. Женщина в синем берете

с красной кокардой, опершись на ружье, рассказывала веселую историю о Кларе Фурниер, как она впервые заряжала пушку на укреплениях Парижа.

Луч света падал из костела на молодые распускающиеся листья деревьев.

Была весна. Над входом в костел была свежая надпись:

«КЛУБ ОТЦА ДЮШЕНА»

Кто-то пытался вызвать из органа звуки карманьолы. На мостовой послышался стук копыт и загремели колеса фиакра. От Сантклодских ворот везли раненого коммунара. Ветер доносил из Булонского леса запах весенней земли и пороха. Был вечер 17 апреля 1871 года.

Петр встал раньше, чем обычно. Внимательно перечитал еще раз декрет Парижской Коммуны о фабриках, оставленных их владельцами, и вышел из дома. Утро начиналось белым холодным туманом. Он поднял воротник пальто и глубоко в карманы засунул руки. Перешел реку, на которой беспомощно застрял старый пароходик, и завернул в переулок к кирпичным зданиям фабрики, оставленной господином Михайловым.

Ткацкие станки лежали, как мертвые, на полу цехов, и дни откладывали на них пыль, как могильщики кладут на гроб глину. На дворе еще валялись груды пустых снарядов для легких пушек. Господин Михайлов был когда-то предприимчивым мужчиной. В течение многих лет он снабжал своих капризных заказчиков тонкими английскими сукнами, и его счет в банке быстро разбухал. Война, казалось бы, должна была прекратить этот благополучный рост. Однако господин Михайлов был подготовлен к ней, как хороший генерал своих денег. Не было тонкого сырья? Есть другое, которое можно обрабатывать. Круг избранных

заказчиков значительно сузился? Есть другие, еще более избранные. Сейчас мало людей, которые бы могли одеваться в его сукно? Неважно. Есть много людей, которых можно раздевать его новыми изделиями. Господин Михайлов рассчитал, что один цех его завода принесет дохода не меньше, чем вся текстильная фабрика, если будет производить артиллерийские снаряды.

Мужчины ушли на фронт, женщины — на улицу, текстильная фабрика была закрыта. Ремонтная мастерская стала пороховым цехом, господин Михайлов снабжал новых клиентов гладкими снарядами из тонкой стали, и его счет в банке продолжал быстро расти.

Нет, война не могла вывести господина Михайлова из равновесия.

Однако пришел все-таки тот день, когда и в его канцелярию ворвалась улица, и толстый купеческий нос почувствовал революцию. Спокойствие, спокойствие, прежде всего спокойствие, господа. Бедный господин Растул всю дорогу до Версаля мучился сомнениями, нужно ли было убегать. Господин Михайлов не любит нерассудительных поступков, после которых остаются сомнения. Он рассчитывает. Не вышло. Нет, на революции ему не заработать. И Михайлов, следуя примеру старого Растула, спешно оставляет свою фабрику тонких сукон и гладких снарядов.

Ткацкие станки лежали, как мертвые, на полу цехов. Дни покрывали их пылью, как могильщики засыпают землею гроб, и во дворе валялись груды пустых снарядов, когда товарищи Петра впервые прошли через ворота оставленной фабрики как ее новые хозяева. Это были не текстильщики и не токари. Это были сапожники.

Предательская грязь падала со стен, и дневные лучи становились грязными, проходя через немытые окна. Пришедшие заняли один цех. Выгнали из него тесноту и хмурую тишину. Под их руками ткацкие станки рас-

кладывали свои кости и исчезали в складах. Для них не было работы, не было тонкой шерсти, о которой они мечтали.

Женщины подтыкали юбки и драили полы. Мужчины смонтировали первую машину, с которой ее владельцы убежали от немцев с оккупированной территории, и засели за свои трехножки.

Цех, вспоминая о стуке станков, рассмеялся от стука сапожных молотков.

Так началась жизнь на мертвой фабрике, оставленной господином Михайловым.

Петр вошел в цех совершенно окоченевшим. Кожа и нож в руке согрели его. Красный плакат на стене постоянно напоминал ему его задачу: сегодня нужно говорить на собрании. На торжественном собрании.

Трансмиссия преждевременно перестала шуметь. Молотки замолчали. Сорок человек из цеха вошли в помещение, в углу которого стояло красное знамя, превратившее канцелярию господина Михайлова в рабочий клуб.

Петр говорил. О Парижской Коммуне. А после него и другие вспоминали, сравнивали, заглядывали в будущее. Они говорили о ее примере и ошибках, на которых нужно учиться. Читали декрет Коммуны о фабриках, оставленных их владельцами, гордо смотрели на себя и смеялись при мысли об утраченных иллюзиях господина Михайлова.

А затем поступило предложение:

«В честь убитых борцов Парижской Коммуны, в честь первой пролетарской диктатуры пусть будет наша фабрика названа «Парижской Коммуной».

Это было в Москве 18 марта 1922 года.

Петр пишет гражданину Пешару:

«Дорогой товарищ Пешар!

Шестьдесят четыре года прошло с того самого утра,

когда вы взяли Париж в свои руки. Как давно уже ты покинул фабрику Растула, а потом стоял перед ее окнами, не умея приучить свои руки, чтобы они так же крепко сжимали ружье, как рычаг твоего пресса! В этом была ошибка, товарищ Пешар. Ошибка, которая навсегда закрыла перед тобой ворота фабрики, когда-то принадлежавшей Растулу, затем тебе и, потом, снова ему.

И я, так же как и ты, охотнее живу, чем умираю, охотнее создаю, чем уничтожаю, охотнее работаю, чем убиваю. Едва ли меня помнят тверские фабриканты Морозов и Берк, но их банковые счета могли бы тебе сказать, как я на них работал.

Наверное, меня забыли и господин Морозов и Берк, но я о них никогда не забывал. И я думал именно о них, когда я получил ружье в руки, о том, как я должен был просить у их ног, когда меня выгнали, о том, как я возвращался домой совершенно обессиленный, когда меня приняли, и о том, какое мы влачили жалкое существование. Я держал крепко свое оружие, товарищ Пешар, так крепко, что они больше не возвратились.

Мне было горько, когда я читал ваш декрет о фабриках, оставленных их владельцами. Отсюда, из этого великого далека, я ясно видел, чего мы должны остерегаться. Как легкомысленно добры были вы к своим врагам! Как, наверно, обрадовался господин Растул в Версале, когда услышал, что вы рассчитываете на его возвращение и собираетесь дать ему компенсацию за завод, который вы ему построили! Как вы были мягки! Вы, герои, первыми завоевавшие власть для рабочего класса, вы благодушно забыли о том, что классового врага мало победить, его нужно уничтожить как класс.

И господин Растул вернулся.

Мы учились на ваших ошибках. И продолжали нашу борьбу там, где у вас начался односторонний мир. Мы никогда и не подумали о том, чтобы брать в расчет

возвращение Морозовых, Берков или Михайловых. Отняли мы у них фабрики, построенные нашими руками, отняли мы у них и все надежды на возвращение старой жизни.

Ах, если бы вы могли теперь прийти к нам и посмотреть на наши достижения!

Когда мы выгнали Михайлова с фабрики, цеха стояли пустые и мертвые. Мы не могли их оживить. Мы были на фронтах. Мы должны были бороться против тех, кто хотел ему проложить дорогу обратно, и против тех, кого ему ваши господа Растулы послали на помощь. Выгнали мы их. И затем мы начали действовать. И когда в первом цехе мы запустили первые станки и вечером выстроили первые пятьдесят или шестьдесят пар обуви, как на победном параде, мы смеялись от радости, как малые дети. Ты, рабочий Пешар, хотевший работать без Растула, поймешь, какую радость ощущаешь от свободного труда, от труда, когда ты одновременно и рабочий и хозяин.

А затем мы росли. Открывали все новые и новые цеха, давно закрытые Михайловым. Вводили в строй новые станки. Воспитывали новых рабочих. Осваивали новое производство. И сегодня я, рабочий московской фабрики «Парижская Коммуна», могу тебе, парижскому коммунару, подать рапорт о нашей фабрике.

Тринадцать лет тому назад пришло нас шестьдесят человек. А сегодня на нашей фабрике насчитывается пять тысяч.

Давали мы пятьдесят, шестьдесят пар обуви в день. А сегодня даем восемнадцать тысяч.

Многие из нас не умели ни читать, ни писать. А сегодня мы учимся в институтах.

У нас есть свой клуб — не временный, как у вас, в костеле, в славные дни вашей Коммуны,— а свой, новый, большой клуб. Есть своя библиотека, свой журнал, свое

большое полевое хозяйство, своя маленькая ферма, своя фабрика-кухня.

У нас свои, рабочие инженеры.

Свой, рабочий директор.

У нас своя большая фабрика, которая носит имя вашей Коммуны.

Мы, рабочие, являемся ее хозяевами...

Говорят мне товарищи, что я напрасно пишу это письмо. Что оно к тебе не дойдет, что ты давно уже мертв. Что тебя убили версальцы в Люксембургском саду и что госпожа Растул поспешила вернуться вовремя в Париж, чтобы иметь возможность плюнуть на тебя, когда вели тебя на смерть.

Чудаки! Ведь не тебе, Пешар, мертвому товарищу, а тем, которые живут, пишу я это письмо. Твоим детям или твоим внукам, гордящимся тем, что их отец или дед был коммунаром. Тем, которые гордятся, что являются классовыми братьями борцов Парижской Коммуны. Им я подаю рапорт о нашей фабрике. Чтобы они знали, что все то, чего вы хотели, можно осуществить.

Чтобы знали, что Парижская Коммуна, утопленная в крови после семидесяти двух дней существования, живет снова, живет в нашей стране, живет, и никогда не будет силы, способной опять утопить ее в крови. Чтобы знали, что мы, советские рабочие, продолжаем ваше дело.

Чтобы знали, что мы, победители, учились у вас, побежденных.

И чтобы вы прошли нашей школой, как своей родной, потому что вы были в ней первыми учителями».

Петр Михайлович Кустырев,
рабочий «Парижской Коммуны».

Руде право, 20 марта 1935 г.

СОВЕТСКИЙ ПЕРВОМАЙ

Москва, 27 апреля 1935 г.

Скоро раздадутся шаги по мостовой мира. Первомай — смотр пролетарских сил. Революционные рабочие в капиталистических странах проводят смотр своих крепнущих рядов. Рабочие, еще не осознавшие правильного пути к социализму, переживают крах своих иллюзий, разочарование в фальшивых обещаниях вождей, беспомощно опускают руки перед нищетой и безработицей.

А советские рабочие?

Посмотри, над заводами, над вокзалами, над улицами, над Кремлем развеваются красные стяги. Это все наше, это все, куда ни кинешь взгляд, принадлежит трудящимся. Миллионная река трудящихся вливается на Красную площадь. Наш советский Первомай — самый радостный смотр свободно созидающей силы.

Фашистские правительства капиталистических государств запрещают Первомай или превращают его в пустой фарс, насмехаясь над этим праздником рабочих. Их полиция старательно готовится к уличным столкновениям, точит шашки и заряжает револьверы.

Готовятся к празднику советские милиционеры. Перед зеркалом они надевают свои белые летние гимнастерки, белые шлемы, белые перчатки. Они хотят, чтобы сердце переполнялось радостью, когда их колонны в рядах тысяч других демонстрантов пройдут Первого мая по Красной площади. Это — советская милиция.

По мостовым Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента, по мостовой советских городов и по улицам советских деревень раздадутся шаги. Уверенные шаги миллионов, но в то же время легкие, почти как в танце. Советские трудящиеся могут протанцевать во время всей своей майской демонстрации. Ведь если Первомай смотр сил, то их смотр

весел и радостен, как прекрасная весна. Давно минуло то время, когда на их спины обрушивались удары капитализма. Давно минуло то время, когда они должны были смотреть в дула жандармских винтовок, требуя хотя бы малую толику жизни, достойной человека. Давно минуло то время, когда они шаг за шагом должны были добывать себе свободу, переносить тяжелейшие страдания, чтобы свою освобожденную страну вывести из нищеты, в которую ввергли ее банды белых и капиталистов-интервентов.

Там, где шестнадцать, пятнадцать лет назад после белобандитов и интервентов оставались лишь пепелища и развалины, сегодня стоят новые большие заводы. Там, где раньше не было ничего, кроме степного ковыля, сегодня выросли крупные хозяйства, научно-исследовательские институты, совсем новые города.

Россия, страна неограниченных богатств, от которых утопали в роскоши несколько тысяч капиталистов и помещиков и при которых от нищеты страдали многие миллионы, стала теперь ареной борьбы. Труд этих миллионов преображает Россию в страну их благосостояния, подъем которого безграничен.

Майский праздник в Советском Союзе 1935 года — это смотр сбывшихся и осуществляемых сновидений. Все самые грандиозные, самые прекрасные мечты, о которых когда-либо думало человечество, сейчас в Советском Союзе претворяются в жизнь. Самые прекрасные предвидения крупнейших мыслителей — от древних философов до современных марксистов — становятся реальностью в Советском Союзе.

Мечта о народном правительстве стала в руках капиталистов позорной карикатурой на демократию. И в то время как на Западе и эта «демократия» становится препятствием на пути осуществления капиталистической диктатуры, Советский Союз углубляет свою демократию, создает самый

гуманный демократический строй, о котором когда-либо мечтало человечество. При капитализме мечта о свободе человека в действительности превратилась в свободу эксплуатации, в свободу смерти от голода. И в то время как во всем капиталистическом мире растет эксплуатация и страшная безработица, в Советском Союзе исчезли последние эксплуататоры и на всей территории этой огромной страны среди ста семидесяти миллионов граждан не найдешь ни одного безработного.

Мечта о социализме, о бесклассовом социалистическом обществе, превратилась в руках «социалистических» защитников капитализма в повседневное манипулирование доверчивыми рабочими ради мелкобуржуазных интересов. И в то время как предательство так называемых социалистических вождей привело уже миллионы рабочих капиталистического мира к самому жестокому фашистскому порабощению, в Советском Союзе формируется новый человек, развивается социалистическое общество, в котором исчезают все классы, угнетение человека человеком, в котором человечество нашло воплощение всего того, о чем оно мечтало.

Да, над этим уже давно задумывались лучшие сыны человечества. О том, чтобы человек мог сделать все, чтобы своими руками и своим разумом он смог справиться со всеми невзгодами природы, чтобы он стал истинным властелином мира. Сегодня, когда капиталистические страны возвращаются к варварству, когда искусственно сдерживается развитие техники, когда новые открытия науки уничтожаются и преследуются, когда капиталистические «лекари» для излечения от кризиса рекомендуют вернуться от механизированного к тяжелому физическому труду,— в этот момент Советский Союз с помощью техники освобождает человека от изнурительного труда, дает ему силу, чтобы он действительно преодолел все препятствия, чтобы одержал победу над природой во имя человечества. В этот мо-

мент Советский Союз создает все предпосылки для самого стремительного развития науки и техники, а наука и техника в руках людей страны социализма претворяют в жизнь самые прекрасные фантазии человечества. Новый человек советского общества становится властелином самых высоких слоев атмосферы и наиболее загадочных глубин моря и земли. Он овладевает Северным полюсом и жаркими азиатскими пустынями. Все, все, все он подчиняет своей освобожденной силе. Все, всю страну он превращает в прекрасную отчизну свободных людей.

Как по-иному, кроме радости и веселья, могли бы люди, которые все это делают, встречать свой Первомай? Пятнадцать лет назад считалось еще фантазией, что на советских полях будет сто тысяч тракторов. А сегодня только один Сталинградский завод дарит своему Советскому Союзу к Первомаю свой стотысячный трактор. Еще пять лет назад было фантазией говорить о ста тысячах советских автомобилей. А сегодня один Горьковский завод дарит к Первомаю своему Советскому Союзу стотысячный автомобиль. Еще год назад американские эксперты как о неосуществимой фантазии говорили о метро в Москве. Сегодня семьдесят тысяч московских строителей дарят своему Советскому Союзу к маю свое первое советское метро.

Иностранные специалисты с насмешкой пожимали плечами по поводу проекта, который хотел связать Северный Ледовитый океан с Черным морем. А сегодня советские землечерпалки прокладывают огромный канал между Москвой и Волгой, а половина работы — соединение Северного моря с Балтийским — уже давно закончена. Иностранные специалисты недоверчиво относились к «фантазиям» о превращении среднеазиатских пустынь в край богатых урожаев. А сегодня советские трудящиеся с радостью и честью выполняют и успешно перевыполняют уже план своей второй пятилетки.

Как по-иному, кроме радости и веселья, могли бы люди, добившиеся такой победы, праздновать свой прекрасный весенний праздник? По мостовым Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента, по мостовым советских городов и по улицам советских колхозов раздаются шаги миллионов, шаги уверенные, но в то же время легкие, почти как в танце.

Но в радости и веселье советских трудящихся издалека слышатся другие шаги — шаги рабочих Праги, Берлина, Парижа, Нью-Йорка! Счастье советских трудящихся омрачено тем, что в своем веселье и радости они пока еще одни, что вы там, за рубежом Советского Союза, еще идете по майским улицам так же, как ходили они до 1917 года.

Вам лгут все те, кто говорит, что советские трудящиеся забыли о вас в своем благополучии, что из них выросли люди, не заинтересованные в том, что происходит за рубежом их страны. Нет, советские трудящиеся не забыли! Они строят свою родину для пролетариата всего мира! И для вас! Вы их братья.

Миллионы счастливых советских людей пройдут Первого мая по Красной площади. Над их головами самолеты будут выделывать танцевальные пируэты, а на кумачовых стягах будут начертаны лозунги победоносного строительства социализма. Но в первых рядах, впереди всех, будет сиять провозглашенный к Первому мая 1935 года ЦК ВКП(б) от имени трудящихся всего Советского Союза лозунг:

«В странах капитализма, в странах фашизма миллионы рабочих и крестьян обречены на голод, нищету и безработицу. В СССР власть Советов уничтожила безработицу, открыла всем трудящимся широкий путь к зажиточной и культурной, радостной жизни. Пролетарии и крестьяне всего мира!.. Долой фашизм! Долой капитализм! Да здравствует Советская власть!»

Руде право, апрель 1935 г.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО МЕТРО

Глава первая, в которой археоптерикс проходит по дну морскому, ледник лежит на Москве и купец Варгин строит свой первый дом

Если бы доисторические Колумбы захотели на своих кораблях открыть Москву, им представился бы для этого удобный случай. Великолепное море шумело над современной Россией, и в его волнах воды Каспийского и Черного морей мешались с водами Ледовитого океана.

Но в то время мужественных мореплавателей не было, и ни башни Кремля, ни высокие хлебные элеваторы не выступали из волн морских. Нельзя с уверенностью сказать, что именно эти печальные обстоятельства принудили море отступить, однако вполне достоверно то, что после миллионов лет тоскливого одиночества разделились великие воды, отступили до современных своих границ, и в плодородной почве бывшего морского дна начала произрастать тропическая растительность. Хвощи, высокие, как дома, гиганты цветы и богатые леса лепидодендронов. Между их высокими стволами прохаживался археоптерикс — полуящер, полуптица с большим зубастым клювом.

Миллионы лет так он жил под прекрасным тропическим небом, и леса переходили в наследство от отца к сыну... пока правнуку не стало холодно.

Из Скандинавии, делая в сто лет один шаг, наступал огромнейший ледник. Археоптерикс-младший не любил холодных ночей, в которые ледник посылал по ветру далекий свой привет. А когда приветы стали долетать все чаще, археоптерикс печально вспомнил прекрасные теплые

времена... и умер. Ледник не пролил слез по поводу его гибели и накрыл его тело своим тяжелым покрывалом. Но солнце отомстило за смерть своих тропических сыновей.

И обессилевший ледник, оставляя за собой хмурое болото и отполированные камни, печально потащился обратно, как разбитый наголову завоеватель мира.

Места, где он царил, заняли мамонты и волосатые люди с каменными секирами.

Буря и ветер рвали незатейливые платья первых людей, люди умирали, рождались новые, и на тела мертвых тысячелетия наносили сыпучий песок. Люди умирали и рождались новые, вместо каменных секир изобрели секиры бронзовые, вместо облав на мамонтов стали устраивать облавы на людей.

Давно уже река Москва во время весенних разливов занесла стойбища первобытных людей, имена которых нам неизвестны, и в слои почвы стали вписывать свою историю люди с известными именами.

Здесь славные русские бояре предавали праху кости своих солдат, павших в битвах, воспетых в былинах, и здесь царь Иван Грозный строил с помощью итальянских каменщиков свой страшный тайный подземный ход, чтобы было куда убежать, когда бояре начнут ему мстить.

А в позднейшие времена «культурные» московские купцы и дворяне высыпали на эти памятники старины грязь из своих переполненных комнат, выбрасывали остатки со своего стола и сливали сюда нечистоты.

Среди этих отбросов цивилизации, приобретая зловонный запах, протекают маленькие грязные речки Неглинка, Ольховка, Чечера, Рыбинка, на берегах которых московские купцы закладывали свои новые дома.

Захотелось господину Варгину, почетному гражданину и богатому купцу, построить себе дом поперек улицы.

Извольте, господин Варгин!

Захотелось господину Варгину вырыть под деревянным домом глубокий каменный погреб, чтобы было куда спрятать добро, когда деревянная Москва опять начнет гореть.

Извольте, господин Варгин!

Захотелось господину Варгину просто-напросто перекрыть Неглинку, спустить ее под землю и предоставить там ей вольное раздолье, пусть себе сколько угодно разливается, только бы ее не видеть, не нюхать.

Извольте, господин Варгин!

Господа Варгины были отцами города, они не считались ни с какими строительными или архитектурными планами, ничего не хотели признавать.

Когда по грязным подземным водам Неглинки через слои отбросов купеческой Москвы, мимо сплетенных фундаментов ее домов, по сыпучим пескам-плывунам, гладким камням и болотам, мягким, как сметана, к мертвому археоптериксу стали проникать вести о том, что в таком-то вот подземелье должна быть построена подземная дорога — метрополитен, старый опытный археоптерикс, который нес на своих плечах многовековую историю, застучал своим зубастым клювом и процедил презрительно: «Безумцы!»

Глава вторая, в которой инженер Балинский делает неожиданное предложение и отцы города выносят вполне ожидаемое решение

Непрерывный поток извозчиков подъезжает к зданию Московской городской думы. Конка подвозит толпами любопытных. Большой белый зал Московской думы переполнен. Князь Голицын садится на председательское место и открывает заседание, самое сенсационное за весь 1902 год. Заседание, на котором инженер Балинский отваживается

доложить почтенным отцам города, почетным купцам и богатым дворянам, о своем неожиданном проекте.

«Уважаемые отцы города,— говорит взволнованным голосом инженер Балинский,— благородные дворяне и мещане! Только пять городов на всем земном шаре, насчитывающих больше миллиона жителей, до сего времени не имеют подземной дороги. Это — Петроград, Шанхай, Ханьчжоу, Сянган и Москва. Что же, уважаемые отцы города, будет Москва ждать, пока и в этих городах не построят свои подземные дороги? Нет, мы, славная русская столица, должны равняться на культурные города мира. Отцы города, постройте метрополитен! Проведите подземную дорогу от центра города. В центре Москвы находятся старинные святыни и памятники, дворцы, государственные и судебные учреждения, биржа, банки и банковские канцелярии, Дума, нотариальные конторы, страховые общества, торговые дома, отели, рестораны, кафе, театры, университет, знаменитые бани и многие другие учреждения, короче говоря, все, что удовлетворяет ваши общественные, экономические и культурные потребности, московские граждане!»

Инженер Балинский убедительно излагал великолепные возможности своего проекта, а отцы города грозно молчали.

В головах мелькали, как косточки счетов, сотни тысяч и миллионы рублей, которые они должны были бы выложить из своих касс, закопать в землю, и кто знает, сколько десятилетий ждать, пока из них вырастут миллионы и десятки миллионов рублей. И вообще, кому принесет пользу этот великолепный проект?

Что, уж разве так необходимо им, владельцам экипажей, ездить в свои банковские дома, на свою биржу и в свои театры какой-то подземной дорогой? Разве они живут так уж далеко от центра города, чтобы пользоваться быстрой подземкой?

Там, далеко на окраине, жили только рабочие и разный прочий люд; и предлагать, чтобы для них была построена подземная дорога... Не оскорбление ли это для благородных московских мещан? Не лучше ли людям с окраин вообще не появляться в центре города?

Грозно молчала городская Дума, пока князь Голицын не начал голосование.

На этот раз осанистые отцы города, как на физкультурной зарядке, одновременно подняли свои руки, единогласно одобрив решение, которого только и можно было ожидать:

«Господину Балинскому в его просьбе отказать».

От неожиданного проекта инженера Балинского в 1902 году осталось только несколько эпиграмм, шутливых песенок и остро́та газеты «Русское слово»:

«Его речь была обольстительна. Как настоящий демон, он обещал опустить Москву на дно морское и поднять под облака».

Глава третья, которая раскрывает некоторые особенности московского транспорта и опровергает закон о непроницаемости материи

— Боюсь, товарищ, что у вас будет головокружение.

— Напрасны опасения, упасть я не могу, я надет, как курица на вертел, на локоть гражданки, которая стоит за мной.

— Если все-таки вы, несмотря на это, чувствуете некоторое неудобство, потрудитесь наступить и на вторую мою ногу. Вероятно, вам не особенно удобно стоять целый час в наклонном положении.

Такой разговор вели между собой в мае 1930 года два вежливых гражданина в вагоне московского трамвая. В их

спокойный разговор врывались восклицания других пассажиров.

С передней площадки предупредительно просили:

— То синее пальто, которое застряло между двумя товарищами красноармейцами, принадлежит мне. Не затруднит ли вас, послать его по адресу: Последний переулок, семнадцать, квартира три. Вячеславу Михайловичу Сологубу.

Кондукторша, высунувшись из окна, считала, не висит ли на задней подножке больше одиннадцати пассажиров, и энергично убеждала, обращаясь к крыше, не садиться на трамвайную дугу.

Те физики, которые отстаивали ту точку зрения, что материя непроницаема, могли бы на примере московского трамвая убедиться в консервативности своей теории.

Нормальные трамвайные вагоны на остановках вбирали в себя невероятные толпы людей и выбрасывали из своих утроб столько же пассажиров, сколько большие заокеанские пароходы.

Буржуазные репортеры старательно зарисовывали в свои блокноты сценки на остановках, фотографировали своими лейками гроздья людей на подножках трамвая, держась при этом так осторожно, как будто бы они раскрывали советские государственные тайны, разоблачение которых угрожало страшной опасностью, и писали в свои газеты о московских беспорядках. Дурни!

Глупцы! Хотя теснота в вагонах была недостатком, и большим недостатком, но ведь этот недостаток свидетельствовал об огромном росте.

Куда спешат все эти люди, наполняющие до отказа трамвайные вагоны?

На работу.

Для них, для всех, значит, есть работа?

Да, для них, для всех есть работа.

Во всей Москве, во всем Советском Союзе не найдешь ни одного человека, который хотел бы работать и не мог бы потому, что нет работы. И если бы в Москве было не четыре, а восемь миллионов жителей и если б в Советском Союзе было не сто семьдесят, а триста сорок миллионов граждан, среди них не нашлось бы ни одного безработного.

Именно огромный рост трудящегося населения Москвы был причиной тяжелой перегрузки транспорта. В 1913 году в Москве было всего полтора миллиона населения. В 1930 году было уже на целый миллион больше. А сейчас в Москве почти четыре миллиона населения. В 1913 году московские трамваи могли вместить в себя всех, кто хотел воспользоваться этим достижением техники. А в 1930 году трамваи не могли удовлетворить уже всех желающих, несмотря на то, что трамвайный парк увеличился втрое.

Интересно сравнить статистические данные Москвы о перевозках пассажиров не только с данными царской России, но и так называемых культурных городов капиталистического мира.

В 1923 году каждый житель Лондона пользовался трамваем примерно 420 раз в год. В это время московский житель — только 134 раза.

В 1932 году на каждого человека в Лондоне приходилось 230 поездок в год. В Москве в 1932 году эта цифра возросла до 520.

В 1933 году лондонский житель мог позволить себе проехать трамваем примерно только 200 раз в год, в то время как каждый москвич ездил уже 700 раз!

Этой цифрой Москва далеко превзошла и Нью-Йорк, в котором даже во времена наибольшего расцвета американской конъюнктуры средняя цифра поездок на человека едва достигала 500.

Москва постоянно расширяла свой трамвайный парк, прокладывала новые трамвайные линии, увеличила в де-

сять раз количество автобусов, выпустила новые красивые троллейбусы, но все это еще не было выходом из создавшегося положения. Далее увеличивать количество трамваев в Москве уже нельзя было.

Нельзя было сразу снести старую, купеческую Москву со всеми ее тупиками и закоулками и построить Москву новую.

А в старую Москву нельзя было пустить больше трамвайных вагонов. Это не означало бы улучшения транспорта, наоборот, это привело бы к полной его остановке.

Глава четвертая,
по-большевистски короткая

Июнь 1931 года. Заседает пленум Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Обсуждается вопрос о коммунальном хозяйстве столицы Советского Союза.

Пленум Центрального Комитета ВКП(б) постановляет:

«Необходимо немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метрополитена в Москве как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешевых людских перевозок, с тем чтобы в 1932 году уже начать строительство метрополитена».

Глава пятая,
которая объясняет, почему рассказ о строительстве московской подземной дороги начинается с археоптерикса

Когда строили подземную дорогу в Берлине, приходилось бороться с одним большим бедствием — подземными водами. Когда строили подземную дорогу в Лондоне, при-

ходилось преодолевать одно большое препятствие — страшное сплетение старых подземных сооружений, водопроводов, газопроводов, построенных без единого плана, анархически.

Когда строили подземную дорогу в Париже и Мадриде, мешало одно неприятное обстоятельство — поверхность, рассеченная кривыми переулочками, старые, давно осыпавшиеся фундаменты, подземные лабиринты столетий, постоянно угрожавшие неожиданностями строительству и рабочим.

Когда решили строить метро в Москве, знали, что придется столкнуться со всеми этими препятствиями и неприятными обстоятельствами. И с гораздо большими. Пласты почвы, на которой стоит Москва, медленно откладывались в течение миллиона лет. В нескольких десятках метров под землей найдешь ил, болото, опасные подвижные пески, подземные реки, эрратические каменья, занесенные сюда скандинавским ледником, известняки, насыщенные водой.

Все иностранные ученые, которые смотрели на геологическую карту Москвы, пожимали плечами и говорили: «Здесь построить метро нельзя».

Товарищ Сталин тоже посмотрел на геологическую карту Москвы, плечами не пожал и сказал:

Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.

Эти слова немало не походили на девиз азартного полководца, готового рискнуть целой армией для достижения своей цели. Большевики ценят жизнь человека так, как никто другой. Они берут крепости не тем, что жертвуют людьми, а благодаря тому, что делают людей сильными.

Строительству метро предшествовала огромная подготовительная работа. На всех улицах, под которыми должна была пройти первая линия, были поставлены бурильные

машины, исследовавшие грунт. Именно эти бурильные машины и рассказали историю московского подземелья, которой мы посвятили нашу первую главу.

Таким образом, была составлена самая точная геологическая карта, когда-либо бывшая на свете.

Подземелье сулило строителям метро разные сюрпризы, но не такие, к которым они не были бы подготовлены.

Однако бурильные машины не могли рассказать всего. И поэтому была мобилизована целая армия историков и археологов для того, чтобы они в старых архивах, в истории нашли все, что давно умершие купцы и бояре могли поставить поперек дороги московского метро.

Втянуть в строительство современной электрической дороги даже старого архивариуса, покрывшегося пылью вместе с его бумагами,— вот тот метод, которым большевики добывают крепости. Историческая наука стала активным участником современного инженерного дела.

Когда в Париже при строительстве подземки было внесено предложение позвать археологов для консультирования проектов, капиталисты-акционеры, финансирующие предприятие, решительно запротестовали: «Что вы думаете, мы воруем, что ли, чтобы на ветер бросать деньги?» Они, кстати, крали, но это не относится уже к нашей истории.

И результат был таков: при строительстве парижского метро были большие катастрофы, когда туннели встретились с фундаментами старых построек, о существовании которых проектировщики не имели ни малейшего представления.

А в Москве, в условиях гораздо более тяжелых, в условиях, в которых не создавалась ни одна подземная дорога в мире, за все время строительства не случилось ни одной большой катастрофы, но это уже относится к последней главе.

Глава шестая, в которой выступает воин из дружины Дмитрия Донского, а инженер Сигарт, из фирмы «Сименс», придерживает язык за зубами

День четырнадцатой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1931 года. На Русаковской улице небольшой, почти интимный, кружок людей торжественно открывает первую шахту первого советского метро. Здесь начинается исследовательский участок подземки. Работают несколько человек лопатами и мотыгами. Более полугода производится исследование. Затем появляются первые шахтные вышки над московской мостовой. Сначала работают десятки людей, затем сотни, а в половине 1932 года их насчитывается уже пять тысяч. Это — авангард.

Но это пока еще не строительство метро.

Строительные работы по сооружению метро надо гарантировать от всех случайностей, подстерегающих людей, осмелившихся вступить в недра породы.

Шахта зашла уже глубоко под землю.

— Внимание, здесь люди!

— Что? Люди?

— Горшок. А где горшок, там и люди.

Но это был не горшок. Находка оказалась металлическим шлемом воина из дружины князя Дмитрия Донского, который пятьсот пятьдесят лет тому назад воевал здесь с татарами. Пятьсот пятьдесят лет назад здесь воевал, лежал, а может быть, и умер средневековый воин. А теперь над ним такой толстый пласт земли! Нужно действовать осторожно, потому что такие быстрые наносы скрывают смерть.

Но только избежишь одной опасности, как уже угрожает другая. На Моховой улице, в доме номер четырнадцать, появилась щель. Щель открылась, как большой рот, и кричала строителям метро: «Внимание! Опасность!»

Бригада специалистов быстро устанавливает причину. Подземная штольня метро наткнулась на пески-плывуны, и песок тихо, предательски течет тонкой струей в штольню, убегает из-под фундамента дома, взывающего о помощи.

Как остановить движение песка? Инженеры во всем мире изобрели только два способа борьбы с такой опасностью. Можно испробовать тот, который проще,— цементирование. Но цементирование годится только в том случае, если песок грубозернистый. А подземная Москва выставила против большевиков более опасного врага. Ее движущийся песок тонок и насыщен водой.

Следовательно, нужно использовать второй способ — жидкое стекло. Когда дело дошло до жидкого стекла, строители добрым словом помянули капиталистическое корыстолюбие, порадовались тому, что господин инженер Сигарт ради денег держал язык за зубами.

Господин инженер Сигарт был одним из директоров немецкой фирмы «Сименс Бау-Унион». Он всегда относился с уважением к Советскому Союзу (потому что видел в нем хорошего клиента), но ни в коем случае не с любовью (потому что даже хорошего заказчика капиталист не может любить).

Господин Сигарт в 1929 году гордо рассказывал советским инженерам об успехах немецкой техники и, между прочим, говорил также о том, что его фирма располагает одним изумительным изобретением. Он намекал на то, что в их руках имеется нечто такое, что может остановить любой подвижный песок.

Что это такое, как это выглядит и каким образом это происходит, господин инженер Сигарт, конечно, не ска-

зал. Господин инженер Сигарт был инженером капиталистического общества и знал, что успех обеспечивается только в том случае, если вовремя придержишь язык за зубами.

Несколько месяцев спустя его сдержанность могла бы принести ему золотые плоды. В угольных шахтах под Москвой были обнаружены подвижные пески. Дирекция «Москваугля» предложила господину Сигарту, представлявшему акционерное общество, взяться за это дело — конечно, за деньги — и остановить подвижные пески в шахтах. Господин Сигарт послал инженера, инженер посмотрел шахту, и через несколько дней из Берлина пришел ответ:

«Фирма не принимает вашего заказа — пласты слишком трудно укрепить. Фирма вам предлагает свои услуги в том случае, если будут лучшие условия почвы. Цена — сто марок за кубический метр укрепленной почвы».

И все. Но угольным шахтам близ Москвы продолжали угрожать подвижные пески, несмотря на то что господин Сигарт отказался заработать на них деньги. Что делать? Господин Сигарт знает секрет помощи, но этот секрет скрыт далеко в Берлине, в сейфах фирмы «Сименс Бау-Унион».

Как же быть? Значит, есть такие крепости, которые большевики не могут взять? Сейф уважаемой фирмы «Сименс Бау-Унион» не был, конечно, той крепостью, которую хотели брать большевики. Но ведь тайну, отнятую у природы на одном конце земного шара, можно отнять и на другом конце.

Поэтому был вызван советский инженер Ржаницын, ученый из института гидротехники и гидрогеологии, которому было поручено открыть немецкий секрет. Инженер Ржаницын — не инженер Сигарт. Инженер Ржаницын — советский инженер, и поэтому он не счел нужным запереться со своим исследованием в неприступную лабораторию. О его задаче скоро узнали все советские специалисты,

и под его руководством начала работать целая бригада, в которой все вместе использовали опыт каждого в отдельности.

И в то время как инженер Сигарт запирал, произнося магические формулы, в своем сейфе сенсационное открытие на семь замков, в советских лабораториях инженера Ржаницына вывели этот «секрет» на свет божий.

Причем это было сделано так хорошо, что благодаря открытию были успешно заморожены даже особенно трудные пласты подвижного песка в шахтах «Москвауглю», остановить которые не рискнула фирма «Сименс Бау-Унион».

С каким приятным чувством вспоминали теперь строители метро молчаливого господина Сигарта. Теперь они не должны были его просить, чтобы он им помог, не должны были ждать, отвергнет он их предложение или примет его за дорогую валюту. У них было свое изобретение, свое, советское жидкое стекло, благодаря которому были остановлены самые опасные пески под Москвой.

Жидкое стекло было одним из самых замечательных помощников при строительстве советского метро. И дом номер четырнадцать на Моховой улице уже смеялся своей широкой щелью, когда вспоминал о благотворительном капиталистическом корыстолюбии.

Глава седьмая, в которой товарищ Абдуразай приходит на метро и в Москве объявляется мобилизация

Май 1933 года. Начинается второй этап работ в метро. Начинается первый этап действительного строительства. Для этого нужно много-много людей. А где взять людей в Советском Союзе? Ведь их только сто семьдесят миллионов. Это очень мало для всего того, что здесь делается.

Когда «Челюскин» пошел под вечный лед, а челюскинцы оказались на глыбе льда, далеко от материка, никто из советских трудящихся не перестал работать. Но все смотрели туда, далеко на Север, и активно помогали спасать челюскинцев. Спасти челюскинцев было делом чести всех советских граждан.

В Советском Союзе делом чести являются не только такие исключительные дела, как, например, спасение утопающих. В Советском Союзе *труд* стал делом чести, и не только работа каждого отдельного человека, но работа каждого стала делом чести всех.

Так относились трудящиеся к своему первому метро. Донбасс не мог перестать работать, и Кузнецк не мог перестать расти, но и Донбасс и Кузнецк чувствовали, что должны найти у себя силы для помощи московскому метро. И так изо всех уголков Советского Союза съезжались новые строители метро. Приезжали горняки из Донбасса, охотники из лесов далекого Севера. Приехал и товарищ Абдуразай из Казахстана.

Одно только имя товарища Абдуразая вы найдете в списках рабочих московского метрополитена. Ничего больше. Он был одним из рабочих, строивших Турксиб. Работал честно и добросовестно. Это все, что мы о нем можем сейчас сказать. Еще, пожалуй, нужно добавить, что товарищ Абдуразай едва умел писать и читать и никогда ничего слышать не хотел о посещении кино или театра, робел перед культурой. Когда нам удастся уже поехать московским метро, вспомним еще раз о товарище Абдуразае.

Однако всех этих рабочих, угольщиков, бетонщиков, приезжающих со всех концов Советского Союза, не хватало алчным шахтам метро. Приезжали сотни, когда нужны были тысячи, приезжали тысячи, когда нужны были десятки тысяч.

Кто мог лучше знать об этом, как не трудящиеся, которые ежедневно проходили мимо шахтных вышек

по улицам Москвы, ежедневно читали сводки о ходе работ, из чего и видели, как тяжело выполнить план строительства.

Кто мог лучше знать об этом, чем рабочие московских заводов?

Когда МК партии в мае 1933 года призвал московский комсомол участвовать в строительстве метро, на этот призыв в тот же день с большим жаром откликнулась молодежь всех московских заводов.

Москва проводила мобилизацию. На каждом заводе целые сотни, тысячи молодых людей, парней и девчат, бросились к своим комсомольским организаторам:

— Я пойду на метро.

— Пошлите меня.

На заводах были организованы специальные призывные комиссии. Врачи и специалисты осматривали и проверяли каждого, кто заявлял о своем желании работать па строительстве метро.

Ведь это все были молодые, восторженные, но неопытные люди, никогда не работавшие под землей, которые, возможно, были хорошими слесарями или текстильщиками, но даже не умели держать кирки в руках, не говоря уже о работе со сложными механизмами.

Через несколько дней после призыва приходит на строительство метро первый десятитысячный отряд московских комсомольцев.

Меньше чем через месяц из подземелья доносится радостное сообщение, что под Охотным рядом встретились между собой десятая и одиннадцатая шахты и что метростроевские поэты сложили первую песню победного марша под землей, в которой воспели комсомольскую бригаду Замалдинова, первой пробившую соединительный туннель.

А шахты все углубляются, и туннели все расширяются, метро растет и зовет новых рабочих. В декабре 1933 го-

да на собрании актива и ударников Метростроя и ударников всех московских заводов снова говорится о задачах помощи московскому метро.

Московские заводы, московские большевики и комсомольцы, трудящиеся Москвы уже через несколько дней отвечают:

«С московских заводов на метро идут двадцать тысяч добровольцев — новых строителей подземной дороги».

Глава восьмая, которая начинается семнадцатью ремеслами и в которой Дора Потапкина кое-что рассказывает о себе

Люди самых различных специальностей сошлись под землей. Спустимся в шахту № 7. Здесь работает ударная бригада Колоколова. Подождите, сейчас будет перерыв, и поговорите с ними. Они совершенно безукоризненно начертят вам план пневматического молота и схему геологических пластов своей шахты. Кроме того, вы можете с ними, как специалист, поговорить также о выпечке хлеба, американском счетоводстве и поэтах Древней Греции. Это семнадцать специалистов по строительству подземной дороги — все вместе, а каждый в отдельности — слесарь, бухгалтер, горняк из Донбасса, кладовщик, техник водопроводной станции, кассир, электромонтер, студент университета, администратор, рабочий с фарфорового завода, заместитель директора авиационного завода, формовщик, пекарь, колхозник, столяр, лаборант с кинофабрики и бетонщик.

Все эти люди пришли на метро добровольно. Эти люди работали на метро. Но этого мало. Эти люди построили метро.

Как?

Разрешите Доре Потапкиной, комсомолке, бригадиру женской бригады на метро, а теперь депутату Моссовета, рассказать кое-что о себе.

«Я родилась в деревне Мурминка, на реке Оке под Рязанью. После смерти отца остались мы, две сестры, на попечении у матери. Если бы не было революции, у меня была бы такая же жизнь, как и у моей матери, неграмотной батрачки, влачившей жалкое существование между полем и мурминской фабрикой. Мать говорила: «Имя при крещении я тебе дала красивое — Дора, да, видно, жизнь твоя все же будет тяжелая и неудачная».

К счастью, ошиблась моя мама. В 1930 году я уехала из своей деревни в Москву, где поступила работать на фабрику, и за два с половиной года я стала квалифицированной работницей по эмалированию.

Девятого сентября 1933 года моя комсомольская организация направила меня на работу в метрополитен. На призывную комиссию в райком комсомола с нашего завода пришло девять человек: пять девушек и четыре парня. Мобилизация была испытанием для каждого из нас, и не каждый мог выдержать это испытание. Надя Ускова, например, перед комиссией расплакалась. Ее не взяли. Люди со слабыми нервами на Метрострое не могут работать. Я была единственной комсомолкой с нашего завода, которую комсомольская комиссия направила на работу сразу же, как мы говорили, в «первом призыве». Я пришла на Остоженку, в канцелярию седьмого отделения Метростроя. В этот сентябрьский день была дождливая погода. Определили нам работу. Я вместе с другими девушками нагружала на вокзале грузовики.

Десятник над нами смеялся:

«Работенка не для дам».

Мы ругались с десятником. К первым девушкам на Метрострое вообще не было большого доверия. Всегда да-

вали нам второстепенную, случайную работу. Ребята нам говорили: «Единственное занятие, которое для вас здесь найдется,— это подметать. Метла и тряпка — вот орудия вашего производства».

Мы решили доказать, что девчата-комсомолки способны на нечто большее: зашли мы к Белому, секретарю комсомольской ячейки отделения, и сказали ему: «Мы хотим организовать собственную женскую бригаду. Сейчас мы разбросаны по разным бригадам. Если мы так и останемся, у нас не будет ни авторитета, ни серьезной работы. Создайте из девушек самостоятельную бригаду. Дайте нам такую же работу, какую вы даете мужчинам».

В управлении долго обсуждали наше предложение. И только тогда, когда в дело вмешался районный комитет комсомола, начальник отделения решил удовлетворить нашу просьбу.

Мы создали бригаду, и я стала ее бригадиром.

В то время на Хамовнической набережной для Метростроя строилась узкоколейка. Эта узкоколейка должна была отвозить грунт с нашего отделения. В нашу задачу входило рыть канавы. Дали нам лопаты. Среди нас были девушки, которые вообще впервые держали лопату в руках. Это был для нас очень тяжелый день. Дневная норма была один ров на человека. А у нас девушки вдвоем и то еле-еле могли вырыть один ров. Возвращались мы с работы совершенно разбитыми от усталости.

Ребята смеялись над нами:

«Интересно, что осталось от вашего маникюра? Ну-ка, покажите мозоли».

Четыре дня мы никак не могли выполнить своего задания. Нам было очень обидно и стыдно. Я и наш групорг Юдаева собрали бригаду:

«Речь идет о нашей комсомольской чести...»

На восьмой день каждая из нас рыла уже по полтора рва. А работающая рядом бригада Шептунова давала, как

и раньше, по одному рву на человека. Мы вызвали их на социалистическое соревнование. Шептуновцы стали кричать: «Это невозможно, чтобы девчата работали лучше, чем ребята. Это им за красивые глазки, наверное, молодой десятник записывает больше. Нужно за ними получше посмотреть».

Пришел на нас посмотреть сам Белый. И в этот день каждая из нас дала по два рва. Шептуновцы замолчали, и не только замолчали, но и должны были как следует приналечь, чтобы не проиграть соревнования с позором. Ведь потом каждая из нас ежедневно рыла по четыре рва. Но никогда мы не возвращались домой такими уставшими, как в тот первый день».

Это только часть рассказа Доры Потапкиной о том, как из девушек, которые никогда не держали лопаты в руках, как из пекарей и заместителей директоров заводов они стали строителями метро. Дора Потапкина могла бы рассказать еще две главы: в одной из них была бы история о том, как ее бригада квалифицированных землекопов стала бригадой специалистов по изоляции. А в другой — история, касающаяся советской демократии. Потому что Дора Потапкина за свою хорошую работу была избрана депутатом Московского Совета, и, между прочим, первыми, предложившими ее кандидатуру, были ребята из побежденной бригады Шептунова.

Глава девятая, в которой бригада Замалдинова без дипломатических переговоров перешла границу

Оставалось еще сорок пять метров в шахте № 11 и столько же в шахте № 12. Девяносто метров твердого, неподатливого известняка, который не отступал даже

перед пневматическими молотками. Бывали такие дни, когда бригады, работающие друг против друга, сближались только на два метра в день. Но чем больше они сближались, тем больше нетерпеливости и тем больше энтузиазма проявляли в работе. Пробить, соединиться, подать друг другу руки через первую скважину, которая соединит обе шахты,— вот сила, которая двигала обе бригады.

Бригадир Вазых Замалдин почти не выходил из шахты. И если он выпускал на минуту пневматический молоток, то это только для того, чтобы снести одну из зарубок на стене, которыми бригада обозначала остающиеся метры. Вазых Замалдин был бедным крестьянином. Потом стал носильщиком, а вот в этой главе он — бригадир на Метрострое, и строгий бригадир.

— Володя, ты какую смену уж стоишь без отдыха? Третью? Сейчас же немедленно из шахты, домой, отдыхать.

Но в бригаде Замалдина случилось то, чего никогда не было: поднялся бунт.

— Не пойдем домой. Останемся, пока не пробьем туннель.

И Замалдин сделал то, чего никогда не делал,— поступился своим авторитетом.

Зарубки на стене убывали с каждым часом. От сорока пяти метров оставалось только три, уже только два, метр... Бригада прошла уже все сорок пять метров, а соединения не произошло. Вторая бригада задержалась в неподатливом известняке. Что делать? Бригада Замалдина собирается на летучку. Решено без каких бы то ни было дипломатических переговоров перейти границу шахты № 12 и занять ее известняковую территорию.

Идут метр, два, четыре и на пятом слышат за тонкой стеной грохот пневматических молотков.

И вдруг падает известняковый пласт, и через небольшое окошечко бригада смотрит на своего «неприятеля».

— Я думал,— рассказывал потом Вазых Замалдин,— что от громового «ура» на нас обрушится вся штольня.

Окошко превратилось в огромнейшие ворота, через которые гордо проходили обе бригады в свое общее царство.

Если бы одновременно с главой девятой мы писали теперь главу двенадцатую, мы должны были бы сказать, что Вазых Замалдин, бывший крестьянин-бедняк, стал теперь туннельным мастером и по предложению своей бригады был избран делегатом на VII съезд Советов, высший орган власти Советского Союза.

Глава десятая, **которая стремится скупыми словами передать величие одного года**

Тридцатого декабря 1933 года метростроевцы Советской страны подавали рапорт о своей работе.

«План строительства метро выполнен на десять процентов».

В январе 1934 года работало на Метрострое 36 тысяч рабочих и работниц.

В феврале 1934 года праздновал Метрострой свой первый большой праздник. На шахте № 29, которая вообще была первой шахтой Метростроя, был полностью готов первый туннель. Готовы первые двести двадцать девять метров московского метро. Последнюю смену в этом туннеле работали бригады Трушинова и Орлова, те, которые в ноябре 1931 года прорывали эту первую шахту.

В марте 1934 года под землей начинают работать механические кроты — английские щиты. Один из них был при-

везен из-за границы, другие были уже советского производства. Делали их двадцать пять крупных советских заводов.

В мае 1934 года работают на метро 75 639 человек. Это — самое крупное строительство в Советском Союзе. Работают здесь украинцы и чуваши, узбеки и марийцы, русские, немцы и чехи, работают здесь представители почти пятидесяти национальностей. Коллектив метростроевцев — большой подземный народ, у которого есть свои власти, свои газеты, свои дома отдыха, свои поэты, свои рекордсмены по бегу и плаванию, свои чемпионы по боксу, свои мастера по шахматам, свои большие национальные герои.

В июне 1934 года рапортуют метростроевцы Земле: треть подземного туннеля полностью готова.

В июле 1934 года были проложены первые колеи в готовых туннелях.

В сентябре 1934 года подают метростроевцы рапорт, что готовы семь с половиной километров туннеля. Начинает работать первая подземная электрическая станция на участке Сокольники — Комсомольская площадь.

В октябре 1934 года закончены все подземные работы. Всего за время строительства метро поднято на поверхность 2282 тысячи кубических метров земли. Московский завод заканчивает работу над первым советским эскалатором, а 15 октября 1934 года в 8 часов 20 минут утра из подземного парка на Комсомольской площади, пронзительно гудя, выезжает первый поезд московской подземной дороги. Локомотив № 1 и состав № 1001 совершают свою первую учебную поездку под землей Москвы, на первом участке в два с половиной километра длиной, от Комсомольской площади до Сокольников.

В ноябре 1934 года готов туннель первой линии метро — 11 километров 400 метров. За неполный год под землей была уложена 741 тысяча кубических метров бетона.

На торжественном заседании ударников Метростроя в Большом театре участники его посылают приветствие, в котором обещают передать совершенно готовое метро самому высшему хозяину Советской страны — VII съезду Советов.

Глава одиннадцатая, опять по-большевистски короткая

Шестое февраля 1935 года. VII съезд Советов кончает свою работу. Делегация рабочих из Метростроя в своих рабочих костюмах входит в зал заседания, зажигает зеленый свет на сигнальной лампе и рапортует хозяину страны:

— Метро есть!

Потом ночью 2500 делегатов VII съезда Советов оказываются первыми пассажирами в первых восьми поездах московского метро. (А впрочем, не первыми! Потому что первыми были все-таки его славные строители.)

Глава двенадцатая, в которой господин Герберт Смит (от фирмы «Смит, Бенеш и К°») видит первую ласточку и в которой читателям дается мудрое поучение

С московских улиц исчезли кучи глины, деревянные заборы и шахтные вышки. От большого строительства метро осталось над землей только тринадцать станций и решет-

чатые окна вентиляторов. Над ними останавливались любопытные москвичи, вдыхая холодный аромат туннелей и прислушиваясь к гудению невидимых подземных поездов. Три месяца, как метро было готово, и три месяца оно было недоступно взорам нетерпеливых. Это новые машинисты и новые начальники станций осваивали свою новую профессию. Московское метро готовилось к открытию. Только сейчас, в последние дни апреля 1935 года, оно открылось для сотен тысяч ударников с московских заводов и колхозов.

Сотни тысяч ударников ежедневно входили через надземные станции метро в московское подземелье. На их лицах были широкие, счастливые улыбки. Не только отличники из школ, не только молодые комсомольцы и комсомолки, но и серьезные, солидные мужчины и женщины ездили по эскалатору пятьдесят метров вниз и снова обратно, как дети, ощупывали каждую деталь вагонов метро, с раскрытыми до предела глазами осматривали великолепие подземных станций-дворцов и опять и опять ощупывали, как все это сделано и могут ли они быть вполне удовлетворены этой большой работой. Они были, как дети, счастливы и, как хозяева, обстоятельны.

Как хозяева. Потому что это их метро, оно было построено для них и ими самими.

И в то время как лучшие люди с заводов, из учреждений, из школ и колхозов осматривали свое метро под землей, господин Герберт Смит от информационной фирмы «Смит, Бенеш и К°» заметил на земле первую ласточку. Господин Герберт Смит — «объективный» московский репортер буржуазных английских газет. Возможно, его зовут как-нибудь иначе. Но это неважно. Так же точно он мог бы носить имя господина Иржи Бенеша, потому что речь идет не об имени одного репортера, а о фирме и ее методах. Господин Герберт Смит прохаживается по Москве, и в связи с тем, что минули уже те времена, когда было вы-

годно видеть только плохое, господин Смит видит и хорошее, но только так, чтобы к нему всегда можно было приставить прекрасное словечко «но». Видит полные витрины и говорит: но это дорого. Видит всеобщий рост благосостояния и говорит: но так не будет продолжаться до бесконечности. Не видит безработных и говорит: но безработные будут. И так как его читатели все-таки то здесь, то там требуют подтверждений его «но», господин Герберт Смит вынужден искать сенсации.

Ищет, ищет — и вот, как первая ласточка, которая делает весну, перед ним взлетает великолепная мысль.

Сколько же людей работало на метро?

75 тысяч.

А метро готово?

Да.

Что это означает? Ведь это означает, что 75 тысяч человек сразу потеряют работу.

Господин Герберт Смит долго не раздумывает. Садится за пишущую машинку и в пятнадцати экземплярах пишет сенсационное заглавие своей большой статьи: *«75 тысяч московских рабочих уволено с работы»*.

Редактор в Лондоне с восторгом читает это необыкновенное заглавие и с особой обстоятельностью дает указание типографии подобрать самые крупные шрифты для набора. Газетчики бегут по лондонским улицам и выкрикивают: «Безработица в России! Семьдесят пять тысяч рабочих уволено!»

Английские рабочие читают заглавие с дрожью. Они могут себе представить, что это означает — закончить такую работу, какой было строительство московского метро. Они ведь знают, как сами закончили свое последнее строительство. Это было не метро, это был совершенно обычный дом, и там работало их не 75 тысяч, а только 60 человек, но, когда они делали уже крышу над законченным домом, им казалось, что они кладут крышку гроба на себя.

Что будет дальше? Шестьдесят рабочих сразу закончат работу, 60 рабочих сразу никогда ее не найдут. Будет 60 новых безработных. А там, в Москве, сразу уходят с работы 75 тысяч.

Действительно, спросите, что стало с этой многотысячной массой людей, которые сразу перестали работать в подземелье Москвы? Ведь в капиталистических странах и во время конъюнктуры руководители социальных учреждений испугались бы такого количества.

А в Советском Союзе?

К концу 1934 года в Главное управление Метростроя и во все его канцелярии начали приходить объемистые письма. С каждым днем их становилось все больше. А через несколько недель они буквально посыпались как град. В канцеляриях были выделены особые люди, которые эти письма классифицировали, и через некоторое время из писем выросли целые большие каталоги.

Письма имели разный формат, разный стиль, но содержание одно:

«Вы кончаете работу. Нашему заводу нужно сто двадцать квалифицированных слесарей. Условия такие-то и такие-то. Пожалуйста, не забудьте о нас!»

«Просим, чтобы к нам после окончания работ на метро было направлено три тысячи строителей».

«Принимаем рабочих самых различных квалификаций и без квалификации».

Директор Ленинградской обувной фабрики начал говорить о точных сроках, в которые будет расширена фабрика, потому что придут рабочие с метро. Московские ученые за обедом в своей столовой говорили о великолепии нового здания Академии наук, которое будет построено, когда освободятся строители метро. Рабочих метро ждут в Краматорске, Донбассе, Кузнецке, на Дальнем Востоке, ждут их новые заводы и их собственные фабрики, те, которые послали их на метро.

Но не все их дождутся, потому что вместе с метро росли и метростроевцы. Часто они приходили на метро неквалифицированными рабочими из деревень, а уходили с метро квалифицированными электромонтерами. Приходили на метро носильщиками, а с метро возвращались мастерами-бетонщиками. Приходили на метро посредственными пекарями и не уходили с метро, потому что из них получались превосходные машинисты или начальники станций.

Пришел на метро товарищ Абдуразай из Казахстана. Он тогда прятался от культуры, а теперь, когда метро закончено, когда первый поезд уже проехал под землей, товарищ Абдуразай ушел с метро, но для того, чтобы продолжать учебу в учительском институте, вечерние курсы которого он закончил еще как метростроевец.

Семьдесят пять тысяч рабочих было уволено со строительства метро. И только одна Москва могла бы предоставить им работу. «Но,— сказал бы господин Герберт Смит,— так ведь не будет до бесконечности». В этом он прав. Советский Союз все больше и больше механизирует свое производство, все больше и больше использует технические возможности, которые капиталистическому миру кажутся уже помехой, и в результате, надеемся, Советский Союз через несколько лет уже не будет испытывать такого острого недостатка рабочих рук. А что потом? Потом придет безработица? Потом придет «но» господина Герберта Смита?

Советский Союз уже сейчас показывает, *что̀* будет потом?

Хотя испытывается такая огромная нужда в рабочих, хотя в Краматорске, Донбассе, Кузнецке, на Дальнем Востоке, в Ленинграде и в Москве надеются на рабочие руки 75 тысяч рабочих с Метростроя, хотя столь необходимо, чтобы они работали,— 75 тысяч метростроевцев *отдыхают*.

Все рабочие с Метростроя ушли в отпуск. Месяц или два отдохнут они в своих домах отдыха, в санаториях, в горах, у моря. Отдыхают, несмотря на то, что они очень нужны.

Потому что так относятся в Советском Союзе к советским рабочим. Советский рабочий — не машина, которая нерентабельна, когда она не работает. Советский рабочий — это живой человек. И Советское правительство, его правительство, ему обеспечивает человеческую жизнь.

Хотите еще спрашивать, что будет дальше? Хотите после такого примера снова слышать, что рабочий страны социализма со временем будет работать пять или три часа в день и жить так, как не может жить рабочий при капитализме, если бы он работал даже двадцать четыре часа в сутки?

Читатель, когда вам встретится в буржуазных газетах сенсационное заглавие производства информационного бюро «Смит, Бенеш и К°», вспомните о первой ласточке господина Герберта Смита. И у нее есть свое «но». Она правдива, но только наполовину.

Информационное бюро «Смит, Бенеш и К°» вам лжет всегда. И когда вам показывает черное в Советском Союзе, и когда показывает белое. Потому что никогда не показывает всей правды. А настоящая правда о Советском Союзе — это то, что все происходящее в Советском Союзе — дело диктатуры пролетариата, дело трудящихся на благо трудящихся, дело таких же людей, как и вы... только уже свободных.

Глава тринадцатая, **счастливая**

Первого мая 1935 года московское метро вступило в строй.

Руде право, 1 мая 1935 г.

АСТРОНОМЫ В СТЕПИ

Ак-Булак — город солнца

Москва, май 1935 г.

За Оренбургом начинаются казахские степи. Море степной травы, песчаных дюн, назойливой пыли и жгучих солнечных лучей, от которых нигде нет спасения. Поезд плывет по этому степному океану два дня, но он мог бы плыть по нему и две недели, и два месяца.

Когда едешь из Москвы в Ташкент, Самарканд или Сталинабад, из окна вагона время от времени — а время это тянется очень долго — видишь похожие друг на друга островки городов. На первый взгляд их трудно различить. И все же каждый из них живет своей особенной жизнью, которая далеко не бедна.

Ак-Булак — один из таких островков.

Это районный центр. Жителей в нем немного, как это обычно бывает в азиатских степных поселениях. Небольшая речка Илек целиком скрыта в тростнике, являющемся прекрасным строительным материалом. Из него и из глины сооружены ряды домиков с плоскими крышами, которые разделяет широчайшая улица. Эта улица, по-моему, самый широкий проспект в мире: ведь здесь, где люди привыкли к гигантским масштабам степи, какой-нибудь лишний километр ничего не значит. Но Ак-Булак — далеко не медвежий угол. На карте Советского Союза нет медвежьих углов, и в Ак-Булаке, которому ни о чем подобном до революции даже не снилось, есть школы, кинотеатры, Дом колхозника, Дом Советов и аэродром.

И как раз сейчас он представляет собой исключительно важное преимущество. Ибо вскоре название этого маленького азиатского городка, как это ни удивительно, будет вписано в историю астрономической науки. Здесь, в тринадцати километрах от Ак-Булака, по расчетам астроно-

мов, пройдет полоса полного солнечного затмения. Полное солнечное затмение — явление редкое. Наблюдения, сделанные в период такого затмения, на целые годы становятся предметом изучения астрономов. Поэтому чрезвычайно важно провести их как можно более основательно и точно, и подготовка к таким наблюдениям ведется годами.

Научные работники большой советской обсерватории в Пулкове, под Ленинградом, выбрали Ак-Булак в качестве места для наблюдения солнечного затмения еще два года тому назад. Советские астрономы с охотой удовлетворили также просьбу американских астрономов — и вот несколько дней назад в степи близ Ак-Булака появилось несколько десятков астрономических знаменитостей и их помощников из советского Пулкова и американского Гарварда. Под их руководством на небольшом холме, в тринадцати километрах от Ак-Булака, вырастает новая обсерватория, оборудованная, несмотря на свой временный характер, многими драгоценными астрономическими приборами. Эта обсерватория должна будет в течение нескольких минут собрать материалы для научной работы многих лет.

Если в самое ближайшее время Ак-Булак станет центром внимания астрономов всего мира, то уже сейчас он стал центром внимания местного казахского населения. Сообщение о приезде астрономов стремительно разнеслось по всей округе, достигнув даже самых отдаленных мест, которые не имеют ни телефонной, ни телеграфной связи. Ее заменила степная молва, которую всадники несли от аула к аулу. И вот теперь к ак-булакской обсерватории целыми семьями съезжаются казахи. Они приезжают на лошадях и на верблюдах, покрывая сотни километров степей и пустынь, чтобы посмотреть на инструменты, которыми будут «измерять солнце», и поговорить с людьми, которые будут это делать.

Американские астрономы первыми начали распаковывать свои ящики и устанавливать телескопы, целостаты и

другое оборудование. Это были прекрасные приборы, изготовленные с замечательным техническим совершенством. Они сверкали на солнце так, что возбуждали уважение каждого, кто их видел. Спустя некоторое время от группы зрителей-казахов отделились несколько человек и направились к палатке, где жили советские астрономы. Они хотели говорить с начальником советской экспедиции. Найдя его, они задали тихий, но полный беспокойства вопрос:

— А как наши приборы? Можно их поставить рядом с американскими?

Это заговорил советский патриотизм казахов. Их опасения не были лишены оснований: стоит вспомнить, что в 1927 году, во время последнего полного солнечного затмения, экспедиция Пулковской обсерватории, хотя она даже отправилась для наблюдений за Полярный круг, имела лишь четыре необходимых прибора, и все они были заграничного производства и далеко не новейшей конструкции.

Но когда работники Пулковской обсерватории стали открывать свои ящики и устанавливать новые астрономические приборы советского производства, в толпе наблюдателей-казахов послышался вздох облегчения, за которым вскоре последовали восторженные возгласы. Советские приборы вызвали радостное удивление не только у казахов. Совершенно искренне были удивлены и американские астрономы. Им казалось почти невозможным, чтобы советские заводы за такой короткий срок освоили весьма сложное искусство производства астрономической оптики. С особенным воодушевлением отзывались они о советских целостатах, приборах с необычайно точным часовым механизмом, который вращает астрономические зеркала. Седовласый руководитель экспедиции Гарвардской обсерватории доктор Дональд Менцель не жалел слов, говоря об этих приборах, и в конце добавил:

— Не думайте, что я, как ваш гость, говорю это по долгу вежливости. Я на самом деле был бы просто счастлив, если бы мне разрешили наблюдать затмение солнца с помощью целостатов или если бы мы с вами поменялись оборудованием...

А в устах ученого, который может наблюдать затмение солнца только один раз за много лет, такое признание означает немало.

И действительно, целый ряд испытаний показал выдающееся качество советского оптического стекла. Выяснилось, что считавшееся до сих пор лучшим в мире английское оптическое стекло значительно грубее советского. Доктор Менцель предсказывает Государственному оптико-механическому заводу большое будущее и мировую известность в самом недалеком времени.

Американские ученые в Ак-Булакской степи знакомятся с Советским Союзом и не перестают удивляться. Их удивляет и забота Советской власти о степном городке «на краю света», и замечательные условия, в которых работают советские ученые. Раньше они представляли себе все это совершенно иначе: они думали увидеть грязный экзотический Ак-Булак с неграмотными туземцами, а нашли культурный центр с казахами, которые приходят по вечерам слушать лекции по астрономии; они ожидали встретить хотя и талантливых, но нищих советских астрономов, а встретились со старыми и молодыми учеными, которым социалистическое общество дает для работы все необходимое. Представляли они себе и другие вещи.

Когда жена доктора Менцеля — некоторые из американцев приехали с женами — угощала советских журналистов чаем, она спросила вдруг с некоторым смущением, не хотят ли они американских галет.

— Видите ли,— призналась она, краснея,— мы взяли с собой несколько ящиков запасов, потому что... вы знаете, эти сообщения в наших газетах... одним словом, мы дума-

ли, не сердитесь, пожалуйста... что в вашей стране не все в порядке. А теперь мы, честное слово, не знаем, куда все это девать. О нас так заботятся, и здесь есть все, что только может понадобиться... Не сердитесь, пожалуйста, что мы... что мы вас так недооценивали...

Советские журналисты и советские астрономы не сердились. Они смеялись и были обрадованы. Ведь это очень радостно, когда американский астроном открывает в казахской степи социализм.

Руде право, 24 мая 1936 г.

КОГДА УСНУВШИЙ ПРОБУДИТСЯ

Москва, август 1935 г.

Вагон стремительно летящего поезда метро слегка покачивается. Развернутая газета в моих руках колышется. Незнакомый гражданин, заглядывающий через мое плечо в газету, что-то тихо бормочет и потом вдруг обращается ко мне с вопросом:

— Вам не хотелось бы вот так уснуть?

Его предложение несколько удивляет меня. Я заверяю его, что спать мне не хочется.

— А, значит, вы еще не прочитали! — восклицает он и показывает мне маленькое сообщение в газете «Известия».

Я читаю: «Удивительный случай летаргии. Двадцатитрехлетняя американка Патриция Магуэр 19 января 1932 года уснула в поезде нью-йоркского метро и до сегодняшнего дня не проснулась, несмотря на все старания врачей. Однако имеются данные, что она уже близка к пробуждению...»

— Более трех лет,— говорит незнакомый гражданин, заметив, что я дочитал сообщение до конца.— Вот это сон!

А что, собственно, могло измениться в Нью-Йорке за эти три года? Ее отец, если у него была работа, когда она уснула, теперь, когда она проснется, уже явно безработный. Мука, вероятно, опять подорожала... Да, собственно, и все так, верно? Но *здесь,* сейчас вот так уснуть и проснуться только через три года... Невозможно себе даже представить, от удивления рот разинешь...

Это была фантастическая идея! *Сегодня* в Москве уснуть и проснуться только через три года! Сколько всего нового появится, когда такой уснувший пробудится!

На станции метро «Кировская» я покинул своего фантазирующего спутника. Длинный эскалатор вынес меня из подземелья, где родилась фантазия, на дневной свет. Передо мной лежала улица Кирова. Еще недавно — десять дней назад — я ехал по ней на трамвае. Трамвай часто останавливался, потому что ему постоянно мешали машины, повозки и тысячи пешеходов. Он двигался по улице, как пробка в бутылке, и, верный этому образу, как правило, застревал в горлышке.

А теперь я смотрю и вижу: вытащили пробку из горлышка бутылки! Сняли трамвай. И даже не осталось никаких следов от рельсов. От этого улица совершенно изменилась: стала более широкой, свободной. По свежему асфальту уже ездят автобусы. Натягивают провода для новой линии троллейбуса, который способен маневрировать, как крейсер, поднимающийся над волнами пешеходов и машин.

Я вспоминаю незнакомца, с которым разговорился в метро. Если бы я заснул десять дней назад и сегодня бы пробудился, если бы я не видел, как при свете ламп ночью отвозили рельсы и как двадцать катков разглаживали асфальт, то сегодня я сконфуженно и безуспешно искал бы улицу Кирова. Я не узнал бы ее. А прошло всего лишь десять дней.

Я останавливаюсь перед красивым, светлым зданием, которого на этом бульваре ни разу не видел. Помню

только одно: четыре месяца назад здесь стояли покосившиеся, старые домишки, которые чудом не сгорели в той торжественной нероновской «иллюминации», которой Москва «приветствовала» Наполеона. Потом здесь появилось много людей, выросли строительные леса. Говорили, что строят школу. И теперь она уже стоит. За четыре месяца! И таких зданий выросло в Москве за четыре месяца семьдесят два. Если бы я уснул четыре месяца назад...

А тут рядом — снова строительные леса. Над ними развевается красный флаг, и на транспаранте написано, что план будет выполнен полностью и в срок. План строительства новых жилых домов. В течение полугода в Москве будет построено сто сорок жилых домов, каждый приблизительно в четыре тысячи квадратных метров жилой площади. За полгода! Если бы я на полгода уснул...

Дворец. Прекрасный, величественный современный дворец на улице Воровского. Его я раньше тоже никогда не видел. Но строительство его я видел. Вероятно, это было восемь-девять месяцев назад. Здесь братья Веснины строили новый театр. И через неделю состоится его открытие. Если бы я...

Всюду идет строительство, создаются строительные площадки, закладываются фундаменты. Москва — это название самой великой стройки мира. Иностранец, который этого не понимает, испытывает растерянность, смущение. У него огромные впечатления, но он не может с ними совладать, когда попадает на кривую улочку с низкими домишками, смотрящими на него маленькими окнами. Но когда он привыкнет, то перескакивает лужи на раскопанных улицах с легкостью инженера-строителя, радующегося, что именно эти лужи он вытеснит с улиц своим асфальтом. Мне кажется, что здесь все мы чувствуем себя строителями, имеющими право гордиться своей стройкой, благодаря которой Москва превращается в прекрасный го-

род. Бедная Патриция Магуэр, которая могла бы проспать в московском метро такую стройку! Она проснулась бы совсем в новом городе. Заблудилась бы в нем и, собственно...

Но почему она должна была бы заблудиться?

Москва строится по плану. И это не фантастика. Уже можно создавать путеводитель по Москве, чтобы не заблудился тот, кто уснет и проснется через три года.

Пройдемтесь по улице Горького. Это центральная улица. Но ей тесно, она слишком узка: восемнадцать — двадцать метров. Через три года она станет в два раза шире. Посмотрите сегодня на старые, обшарпанные домики с правой стороны между Охотным рядом и проездом Художественного театра. Вы видите их в последний раз. Они будут снесены, и за их бывшими дворами поднимутся новые жилые дома. А потом попрощайтесь и с такими же домиками на левой стороне улицы.

И с историческим зданием Московского Совета?

Нет, его вы увидите и через три года. Только отодвинутым на двадцать метров дальше. Этот исторический колосс будет просто перенесен, как это в сказках тысячи и одной ночи делали добрые джины. В течение своей тысячи ночей это сделают советские инженеры и рабочие.

На площади Пушкина исчезнет облезлое здание монастыря с рекламной машиной «Автодора», которую весьма остроумно «привили» башне мичуринцы революции.

Далее вы проедете мимо новой площади и мимо просторной площади Белорусского вокзала по широкому стодвадцатиметровому Ленинградскому шоссе, между новыми домами к новым великолепным водным стадионам в Покровском Стрешневе и Серебряном бору...

Вы поедете троллейбусом. Нет, его не надо долго ждать. Сегодня в Москве только пятьдесят троллейбусов. Через три года, когда вы проснетесь, их станет уже тысяча. Можно ехать и трамваем. За время, пока вы

будете спать, уложат сто километров новых трамвайных путей.

Изменится, конечно, не только улица Горького. Вся Москва меняется вот так. И Москва-река изменится. Вы еще помните ее старые заболоченные берега, на которых валялись всякие отбросы и мусор. Сегодня монументальная гранитная набережная тянется на восемнадцать километров. А через три года гранит уже покроет восемьдесят шесть километров берегов Москвы-реки.

Вы увидите сотни и сотни новых домов. За последние шестнадцать лет, после того как Москва стала столицей государства, в ней было построено три миллиона квадратных метров жилой площади. Столько же будет построено в Москве теперь, за ближайшие три года.

А если бы вы вдруг проснулись через десять лет... Сегодня Москва насчитывает пятнадцать миллионов квадратных метров жилой площади. За ближайшие десять лет будет построено... также пятнадцать миллионов. В течение ближайших десяти лет вырастет еще одна Москва. Появится много общественных зданий. В первую очередь школ. В Москве за все долгие годы ее существования было построено 358 школ. За ближайшие три года будет построено еще... 390 новых школ.

За три года, пока уснувший пробудится.

Ну, люди, скажите, кому хотелось бы здесь проспать такие волшебные три года созидания? Мне всегда казались бесконечно грустными те сказки, в которых рассказывалось, как человек думал, что проспал один день, а на самом деле пролетела целая человеческая жизнь. Какое отчаяние должен был бы испытывать человек, который проспал бы целую великую эпоху!

Нет, благодарю вас, незнакомый гражданин в метро! Я не принимаю ваше фантастическое предложение.

Руде право, 1935 г.

О ШКОЛАХ, ИГРУШКАХ И ИЗОБРЕТЕНИЯХ ИЛИ О «ВОЛШЕБНОМ СРЕДСТВЕ», КОТОРОЕ ДАЕТ ВЛАСТЬ

Опасения по поводу демократии.— Право на образование там и здесь.— Впервые о хохломских игрушках

В поезде Моховые горы — Киров, 6 апреля 1935 г.

Мы простились с городом Горьким. Извозчик, проклиная коня, реку, низкие весенние облака и себя, ворча после каждого ругательства, перевез нас на санях через Волгу, лед которой уже покрывался водой. Высокие берега города издалека показались ниже.

Поезд тронулся. Мы едем на север, в город лесов, в город железнодорожников, в центр области, где родился Сергей Миронович Киров, в город, который после его смерти сменил свое старое название Вятка на город Киров.

На полях еще лежит темный снег, а над лесами дует холодный ветер. Но в вагоне тепло и легкий полумрак, который располагает к беседам и рассказам.

Темой для беседы послужило письмо из Чехословакии одного читателя-попутчика, социал-демократа, как он сам себя называет. В его письме горечь и беспокойство.

«Я давно представлял себе, что у вас будет введена такая демократическая свобода, которой нет во всем мире. Но теперь, когда она достигнута, у меня возникают опасе-

ния, не преждевременно ли это? Достаточно ли у вас сознательных людей, чтобы никто не смог злоупотребить демократией? Буржуазия очень умна и имеет вековой опыт. Малейшее послабление ей — и она может уничтожить все, что сделано вами для рабочего класса. Посмотрите на нас! Мы думали, что добились больших успехов, а сейчас просто плакать хочется от того, к чему мы пришли. Любой хитрец делает с нами, что хочет, и это называется демократией. Мы чувствуем, что нас водят за нос, но что поделаешь, ведь у них есть образование, а у нас нет. Лидеры говорят нам: «Через просвещение к свободе». Но мы не можем достигнуть просвещения. Тогда как же достигнуть свободы?»

Вот об этом письме мы и поговорим, читатели-попутчики, пока поезд доставит нас в город Киров.

Прежде всего следует отбросить одно из опасений автора этого письма, опасения по поводу того, что буржуазия могла бы злоупотребить советской демократией в своих интересах, для своего класса. Буржуазия может бороться против советской демократии, может стремиться к ликвидации ее, но злоупотребить ею не сможет, потому что советская демократия является диктатурой пролетариата. Она предоставляет огромные демократические права трудящимся, но на *буржуазию советская демократия не распространяется.* Эти вопросы затрагиваются в письмах многих читателей, и поэтому мы на пути своего следования совершим специальную поездку, чтобы собственными глазами увидеть тех, на кого в Советском Союзе не распространяется демократия. Теперь более тщательно рассмотрим другие опасения нашего читателя социал-демократа, то есть опасения по поводу того, что здесь, в СССР, кто-то может использовать школьное образование против пролетариата.

«Приди сюда, сын, и учись быть умным!» — такую надпись можно увидеть на некоторых начальных школах в капиталистических странах. На средних или высших

школах такой надписи уже нет. Очевидно, сыновьям без выбора предлагают только начальную мудрость. А если они хотят больше? Если они хотят получить высшее образование? Тогда вместо знака восклицания возникает знак вопроса: *сын, кто твой отец,* для того чтобы ты смог научиться средней или высшей мудрости? Теоретически буржуазная демократия дает каждому одинаковое «право» на образование. А вот чего она не дает каждому одинаково, то это «лишь» *возможности* воспользоваться этим правом. Попробуй учиться мудрости, когда твой до смерти изголодавшийся желудок поет лебединую песнь твоих сил! Попробуй учиться в средней или в высшей школе, когда нет денег ни на жизнь, ни на школу, ни на книги или на самые главные учебные пособия! Правда, и в капиталистических странах встречаются отдельные пролетарии, которые учились и даже выучились, но спросите у них, что испытали их легкие, их нервы в студенческие годы.

А в последнее время в странах буржуазной демократии нет места даже для теоретического «права» на образование. Буржуа приходит в ужас от того, что несмотря на все препятствия и нищету, пролетариат все же иногда получает образование и его знания — когда он начнет понимать, *почему он должен остаться без работы,*— могут сослужить плохую службу буржуазии. Поэтому постоянно ограничивается доступ к высшему образованию, поэтому в школах постоянно завышают требования, чтобы как можно меньше людей могло учиться и получать законченное образование. Трудно не писать сатиру, сказал бы учитель Коменский, если бы ему пришлось говорить о методах воспитания в средних школах «своего народа». Студент «проваливается» или же «успешно сдает экзамены» не благодаря своим способностям или прилежанию, а в зависимости от того, имеются ли опасения, что он будет безработным интеллигентом, или же таких опасений нет, поскольку у его отца большой магазин.

Говорили, что «демократия» (подразумевается буржуазная демократия!) дает всему народу возможность поднять свой культурный уровень?.. Говорили. Говорили, что пролетариат таким демократическим путем, повышением своего культурного уровня постепенно придет к власти? Говорили. Ведь это и есть содержание лозунга о том, что через просвещение человек спокойно достигнет свободы, даже не принуждая себя делать что-либо иное, менее приятное, менее угодное богу. Но как тогда совместить этот лозунг с «демократической» действительностью? Повысить культурный уровень пролетариата — это означает приток миллионов трудящихся в школы, это означает, что прежнее количество школ, учителей и профессоров уже недостаточно. Это означает, что необходимо построить новые школы, гимназии, институты и университеты; необходимо обучить новых воспитателей, учителей, профессоров; при таком культурном росте сразу же обнаруживается существенный недостаток воспитательских кадров. А разве что-либо подобное предусматривает буржуазная демократия? Ведь мы видим, что новые школы вообще не строятся, а наоборот, старые разрушаются, закрываются университеты, институты, гимназии, реальные училища, существовавшие еще задолго до «демократии», мы видим, что там нет недостатка в воспитателях, напротив, чтобы не умереть с голоду, некоторые профессора подметают улицы. Правда, буржуазная демократия в таком случае может похвастаться, что у нее есть и дворники с академическим образованием, но этот факт едва ли может служить свидетельством роста культурного уровня трудящихся.

Буржуазная демократия делает из профессоров дворников. Советская демократия отличается от нее тем, что делает из дворников профессоров, ибо трудящиеся — это неиссякаемый источник талантов, безграничная сила творчества, которую необходимо прежде всего освободить, чтобы она могла приблизиться к тому, чему у нас служит про-

свещение. *Советская демократия на деле гарантирует каждому трудящемуся право на образование.* И не только: она прямо ведет к тому, чтобы он воспользовался этим правом. Разумеется, это должно отразиться и на количестве школ.

Какие школы были в Горьком, откуда мы сейчас едем, когда он еще был царским Нижним Новгородом? Прежде чем власть оказалась в руках купцов и фабрикантов, там действовал только Дворянский институт императора Александра II, Институт благородных девиц, Кадетское училище графа Аракчеева и Духовная семинария. Этих учебных заведений для нижненовгородского дворянства было вполне достаточно. По мере обогащения господ Башкировых и Набгольцев, новгородской буржуазии возрастал их вес в обществе. В системе образования это привело к тому, что в Нижнем Новгороде открылись две гимназии, два реальных училища, музыкальная школа и школа пения. Это также полностью устраивало нижненовгородскую буржуазию. Для того чтобы не было сомнений в том, что эти школы принадлежат буржуазии, все школьные здания были построены лишь в центре города, в главном квартале, где жили «лучшие люди», а на другом берегу Оки, в пролетарских районах Сормове и Канавине, не было построено ни одной средней школы. Правда, образование рабочих не оставалось совсем без внимания. Была основана Канавинская ремесленная школа и школа учеников нижненовгородских мастерских. Туда молодые рабочие имели доступ, туда капиталисты даже силой загоняли рабочих в вечернее время или в выходные дни, ибо только эти школы были для них выгодны. Там мало чему можно было научиться, поэтому рабочий не мог быть опасным, зато полученных знаний было достаточно для того, чтобы быть послушным и «вкалывать» на капиталиста.

Господину школьному инспектору до революции не нужно было надолго приезжать в Нижний Новгород. А сегодня понадобится несколько дней для того, чтобы только

пройти по горьковским школам. Вот что есть в Горьком сейчас, когда хозяевами стали рабочие: университет, политехнический институт, медицинский институт, педагогический институт, институт водного транспорта, химический институт и т. д.— всего *девятнадцать высших учебных заведений,* которые расположены не только в центре города, но и в Канавине, и Сормове, в таких районах, которые для этих заведений являются наиболее подходящими. Буржуазии был не нужен институт в Нижнем Новгороде. Для ее сыновей были университеты в Петрограде или в Москве. А для миллионов способных трудящихся ни Москва, ни Ленинград не могут построить достаточного количества учебных заведений. И поэтому сейчас в Горьком имеется девятнадцать вузов. Буржуазии хватало в Нижнем Новгороде две гимназии и два реальных училища. Такое смехотворное количество школ не может удовлетворить творческие силы пролетариата, а поэтому сейчас в Горьком имеется свыше пятидесяти средних школ.

Вот так уже количество свидетельствует о том как используется право на образование при советской демократии. Само соотношение между количеством средних и высших учебных заведений показывает, что они созданы с учетом предоставления всем трудящимся права на образование вплоть до его высшей ступени. А студенты вузов, сыновья пролетариев, ни в коей мере не испытывают страданий и нищеты, которые испытывали представители пролетариата, если даже они в виде исключения все же смогли закончить среднюю школу или вуз в условиях буржуазной демократии. Учеба — это труд. А трудящийся человек должен быть обеспечен. Только в Горьком имеется двенадцать тысяч студентов и студенток, которые получают стипендию. Это только в одном Горьком, советском городе, население которого составляет полмиллиона человек. Представьте себе, какую силу представляют студенты во всем стосемидесятимиллионном Советском Союзе!

Опасения социал-демократа, который написал свое горькое и взволнованное письмо, могут быть таким образом рассеяны. Советскую демократию отличает не только свобода, но и громадный культурный рост миллионов трудящихся...

Станция Семенов. Сквозь темноту в отраженном свете ламп видны прекрасные цвета деревянных игрушек, тарелок и ваз работы хохломских умельцев-ремесленников. Это ларек, принадлежащий хохломскому кооперативу, который объединяет самые оригинальные ремесла в Семеновском районе. Хохломские мастера занимаются резьбой, выдалбливают и вытачивают из дерева игрушки удивительной формы, пепельницы, шкатулки, окрашенные в самые различные цвета и покрытые лаком, которому не страшна ни вода, ни огонь, «вечным лаком», состав которого в течение многих десятилетий оставался секретом хохломских крестьян. Там, в этом ларьке чудес из дерева, можно увидеть, какая творческая сила скрыта в народных массах.

Прервем свой разговор, читатели-попутчики, и посмотрим на хохломское чудо. А когда снова вернемся в вагон, когда поезд снова въедет в темноту, которая уже наступила, мы поговорим о том, почему именно этот край еще в царской России мог стать краем подлинных народных умельцев. Это относится к нашей теме: советская демократия — и именно к тем вопросам, которые затронуты в письме товарища социал-демократа, к вопросам о людях, правильно, по-пролетарски осуществляющих власть [1].

Руде право, 1935 г.

---

[1] Закончить этот репортаж Ю. Фучику не удалось. В это время в СССР прибыла рабочая делегация из Чехословакии, которую он сопровождал в поездке по стране.— *Г. Фучикова.*

«ИНТЕРГЕЛЬПО» РАПОРТУЕТ

Москва, август 1935 г.

Получаешь письма. Пишут трудящиеся со всех концов Чехословакии. Они спрашивают, критикуют, вносят предложения, ищут работу, требуют разъяснений или просто рассказывают о своей жизни. В таких рассказах мало веселого. Но иногда чехословацкие рабочие пишут из мест, весьма удаленных от Чехословакии. Например, из Средней Азии. И вот в этих письмах много радостного.

Одно из них ждало меня сегодня в моем почтовом ящике. Это было письмо из чехословацкого производственного кооператива «Интергельпо», находящегося в Советской Киргизии. «Интергельпо» рапортует о результатах работы за первую половину 1935 года.

Представьте себе: там, в далекой Киргизии, бывшие чехословацкие рабочие подводят итоги еще одного полугодия своего труда, как это и подобает настоящим хозяевам. Они созвали собрание, и товарищ Самуэль выступает с отчетом. Кто такой товарищ Самуэль? Один из вас. Он родился в Новых Замках в Словакии, ходил в школу, и учитель говорил, что у него большие способности, советовал, чтобы мальчика отдали в гимназию. Мать уже представляла сына священником, но в семье было одиннадцать детей, а отец — всего-навсего бедный сапожник. И вот Ян Самуэль стал слесарем. У себя на родине он мог сменить это ремесло только на профессию безработного. Сейчас — в Советском Союзе — Ян Самуэль — председатель одного из прославленнейших производственных кооперативов, о котором с гордостью могут говорить и он сам, и все его товарищи.

В минувшем полугодии «Интергельпо» праздновал десятилетие своего существования. В юбилейные дни выяс-

нилось, каких больших успехов добился кооператив в работе, как много было им построено и как выросли люди, руками которых все это создавалось. Юбилей отмечался в мае. С тех пор прошло всего каких-нибудь два месяца — и опять новые успехи. «Как и весь Советский Союз,— сказал товарищ Самуэль на собрании,— «Интергельпо» быстрыми темпами идет к зажиточной жизни».

Текстильная фабрика «Интергельпо» впервые перевыполнила план: в этом полугодии она дала 103,7 процента плана. Повысилась квалификация рабочих, снизились предварительные расходы, поднялась заработная плата. Только качеством продукции текстильщики «Интергельпо» еще не удовлетворены.

И без того прекрасное финансовое положение «Интергельпо» в этом полугодии еще укрепилось. Снова увеличилась социалистическая прибыль всех интергельповских предприятий. Некоторый дефицит имеется только в столовой, которой кооператив дает дотацию для улучшения питания своих членов и рабочих. Но и этот дефицит может быть и будет устранен, причем качество обедов повысится, так как на склонах Александровского хребта создано специальное подсобное хозяйство.

Сегодня «Интергельпо» — это целый городок, выросший в степи. Но строительство все время продолжается. В этом полугодии были построены детские ясли, лучшие в Киргизии («Интергельпо» принадлежит также рабочий клуб, самый большой и самый красивый во всей республике), почти закончено строительство мебельной фабрики, и полным ходом идут работы по генеральной реконструкции кожевенного завода. Созданный десять лет назад как первое большое предприятие «Интергельпо», он теперь слишком несовременен для такого крупного кооператива. Строительные работы развернулись так широко, что кооператив должен был организовать новые вспомогательные предприятия, например по производству черепицы.

Таковы успехи. Но какие недостатки есть сейчас у «Интергельпо» и какие задачи кооператив ставит перед собой на новое полугодие?

Прежде всего, в двух предыдущих кварталах — тоже впервые — кожевенный завод не выполнил свой план из-за перебоев в снабжении сырьем. Отсюда вытекает задача: устранить эти перебои, поскольку в конце года кожевенный завод не хочет иметь в рубрике выполнения плана цифру меньшую, чем сто процентов.

Во-вторых, в «Интергельпо» трудятся представители самых различных народностей: чехи и персы, русские и венгры, словаки и татары, немцы и киргизы... Но именно киргизы — основная народность в Советской Киргизии. Между тем число киргизов среди членов «Интергельпо» не соответствует их значению в республике. Отсюда задача: воспитать более многочисленные кадры из местной национальности.

И в-третьих, во время проверки технических знаний, которую кооператив проводил среди своих работников, выяснилось, что многие из них недостаточно хорошо знают... математику. И теперь в «Интергельпо» организуются кружки основ математики, так как без овладения ею рабочие не смогут повысить свой профессионально-технический уровень. А нужно, чтобы он постоянно возрастал, потому что рабочий при социализме должен быть не рабом машины, а ее полноправным и полновластным хозяином.

Скажите сами, разве не радостно читать такие письма от рабочих, которые приехали из Чехословакии свободно трудиться в свободной Советской стране? Ведь и те недостатки, о которых я пишу, показывают, как здесь растут люди.

Руде право, 8 сентября 1935 г.

ЧЕХИ ЕДУТ НА БАЛХАШ

Москва, август 1935 г.

Несколько дней назад в маленьком помещении клуба Дома ударников у Красных ворот собрались чешские рабочие с Метростроя. Это было их последнее собрание перед отъездом в края, которые и в самом деле можно назвать далекими. Когда весной этого года было торжественно открыто сообщение на первой линии Московского метрополитена, чешские метростроевцы с гордостью могли сказать: «Это дело наших рук!» Все они были ударниками в труде, все по окончании строительства были отмечены особыми премиями. Но второй линии метро, сооружение которой идет уже полным ходом, не все они остались верны. В Советском Союзе много мест, где начаты большие стройки, много мест, где хороший и сознательный рабочий с честью может выполнить свой социалистический долг. И большинство чешских ударников московского метро выбрало одно из таких мест — Балхашстрой.

Седьмого августа уехала первая, а десятого августа в полдень отъезжает вторая группа чешских рабочих в Казахстан, на озеро Балхаш. Их тринадцать человек из разных уголков Чехии, Моравии и Словакии.

Им предстоит дальняя дорога: три с половиной тысячи километров по магистрали Москва — Новосибирск через Киров, Свердловск, Омск, потом более тысячи километров до Семипалатинска, пятьсот километров по Турксибу и, наконец, еще два дня плавания на пароходе по озеру Балхаш.

Место, куда они едут, еще недавно было пустой, безлюдной степью — так, впрочем, начинается история почти всех новых больших советских заводов. Да, там была степь, где летом палит среднеазиатское солнце, а зимой стоят тридцатиградусные морозы, песчаная степь, которая только редкой, жесткой травой отличалась от пустыни

Сары-ишик-отрау на противоположном берегу озера Балхаш. И сегодня там еще только степь, но уже не безлюдная. Сегодня там уже несколько тысяч рабочих закладывают фундамент одной из тех гигантских промышленных строек, которые превращают некогда отсталую Россию в самую передовую страну мира. Там создается Прибалхашский завод, и чешские рабочие из Москвы едут туда в качестве инструкторов учить местное казахское население самой передовой строительной технике.

Еще шестьдесят лет назад царские геологи обнаружили, что там, на берегах огромного озера, есть залежи меди. И — как оказалось — немалые залежи. Царское правительство попыталось добывать здесь медную руду. Но с помощью привычных для него методов угнетения нельзя было воспитать рабочие кадры из местных казахов, а месторождения были слишком удалены от промышленных центров страны.

И вот на берегу прекрасного зеленого озера, неглубокие воды которого насыщены глауберовой солью, появились новые жадные агенты английской капиталистической фирмы. Вскоре они начали проявлять недовольство. Место было явно богато медной рудой, но ее не удавалось «утилизировать» излюбленными капиталистическими хищническими методами. Требовались основательные подготовительные работы, грандиозное планирование, большие, рассчитанные на многие годы капиталовложения. А лондонским господам акционерам все это было не по душе. На это жалкие рантье, привыкшие стричь купоны, не были способны.

Но они оказались способны на другое: когда в Петрограде вспыхнуло пламя Октябрьской революции и его сияние стремительно приблизилось к берегам озера Балхаш, они, прежде чем бежать, завалили все недостроенные шахты и взорвали все примитивные рудники. И берег прекрасного смарагдового озера опустел.

Только первая пятилетка снова привела в эти места людей. Геологи и инженеры начали исследовать подземные богатства прибалхашского края. В течение одного лишь 1931 года инженер Пухов заложил сто тридцать две глубокие опытные шахты, и каждая из них была новым доказательством того, что берега озера Балхаш скрывают несметные богатства. Сегодня об этом богатстве знает уже весь Советский Союз. На Балхаше и в соседней Коунрадской возвышенности расположены залежи медной руды.

И то, что не могло осуществить царское правительство, то, что при величайшей жажде прибыли не смогли осуществить английские концессионеры, большевики осуществляют сегодня не ради прибыли, а ради полной победы социализма. План, плановое социалистическое хозяйство вступили на берега Балхашского озера. И сегодня там уже начинает расти гигантское предприятие.

Там возникнут самые большие в мире медные рудники. Каждые восемь минут из Коунрадской шахты будет выходить состав, груженный медной рудой. В Советском Союзе сейчас есть место, которое дает сказочное количество руды,— это Магнитка на Урале. Но Коунрад будет давать еще больше.

Там возникнут гигантские медеплавильные печи.

Там возникнут новые, современные поселки, там будет построен большой город-сад с пятьюдесятью тысячами жителей, школами, клубами, театрами.

Там возникнет мощная электростанция, которая даст электрическую энергию рудникам, заводам и городу.

В пустой, необитаемой степи возникнет богатая жизнь тысяч новых людей. Новая часть пустыни будет завоевана человеком социалистического общества. Новые природные богатства станут служить человечеству.

И для того чтобы строить все это, уезжают сейчас из Москвы чешские рабочие. Едут почти к самому началу

строительства. Едут закладывать его фундамент. Им предстоит ответственная работа и далекий путь.

Следующим партиям строителей, которые поедут туда через каких-нибудь полгода, предстоит не менее ответственная работа. Но путь их будет уже короче. Потому что по степи и пустыне, среди ковылей и печальных саксаулов, от Петропавловска к озеру Балхаш прокладывается новый Турксиб — карагандинско-балхашская железная дорога. Гигантский медеплавильный завод наносит уже сегодня свою собственную ветку на железнодорожную карту мира.

Руде право, 25 августа 1935 г.

МИЛЛИОНЫ ШАРИКОПОДШИПНИКОВ

Давно уже я не был в Пролетарском районе Москвы. По крайней мере недели три.

Но сегодня в Москву приезжают туркменские всадники, которые за 83 дня проехали на конях 4300 километров от Ашхабада через пустыню Каракумы до столицы Советского Союза. Мы ожидаем их на границах Москвы, как раз в Пролетарском районе, над одной из улиц которого — Нижегородской — высится веселая триумфальная арка, воздвигнутая в знак приветствия замечательных колхозников Туркменистана. С разных концов города съезжаются автомашины с ударниками московских заводов. Кто бы смог представить себе во время этого праздничного ожидания, что царскому правительству когда-то удавалось возбуждать в русских рабочих пренебрежение к туркменским дехканам, а в туркменских дехканах — ненависть к русским рабочим?

Согласно сообщениям, телеграф обгоняет и самых быстрых из прекрасных туркменских скакунов,— всадни-

ки выехали в полдень из Люберец. Следовательно, нам еще остается два-три часа ожидания. Мы бродим по улицам Пролетарского района. Проходим мимо новостроек и пересекаем широкие автострады будущей Москвы, которые сейчас еще только создаются. Так мы дошли, не заметив этого за разговором, до самого «Шарикоподшипника». Это обширное и легкое здание вновь воскрешает в памяти каждого, кто прошел по нему, звенящий звук стальных шарикоподшипников, на которых вертится одна шестая мира.

Сегодня, однако, этот звон заглушают удары молотков, стук топоров и шумные выкрики людей. Далеко от стен «Шарикоподшипника» тянутся траншеи и растут строительные леса.

— Что тут происходит?

— «Шарикоподшипник» расширяется.

— Такой большой завод шарикоподшипников... и еще расширяется?

— Такой большой... но его продукции уже давно не хватает. Нужно, чтобы завод стал еще больше. И *намного* больше!

Мы па минуту забыли о дорогих гостях из далекой Туркмении. Перед нами происходило нечто необыкновенное. Мы зашли в кабинет парткома «Шарикоподшипника». За информацией.

— Да, мы расширяем «Шарикоподшипник»,— говорит секретарь партийного комитета завода.— В этом году мы дадим миллионы шарикоподшипников, но наша машиностроительная, автомобильная, авиационная и тракторная промышленность все еще не будет нами удовлетворена, хотя мы и перевыполним план. Их потребности значительно больше. В будущем году мы должны намного увеличить производительность нашего завода и сможем дать в полтора раза больше шарикоподшипников, но и их не будет хватать. А эту границу при имеющихся

у нас производственных площадях мы уже не сможем перешагнуть. Поэтому мы и расширяем «Шарикоподшипник».

— Значительно?

— Это зависит от того, какая у вас мерка,— весело отвечает парторг.— После расширения мы будем производить,— и он назвал цифру, ошеломившую всех присутствующих.— Сейчас мы поставляем нашей промышленности 120 различных видов подшипников; после расширения будем поставлять 350 типов.

И поскольку ему явно доставляет удовольствие видеть нас ошеломленными гигантскими цифрами, он добавляет с гордой небрежностью:

— Хотите услышать еще о каком-нибудь плане? Вот еще план, который тоже уже претворяется в жизнь. Мы строим новый завод шарикоподшипников в Саратове. Он будет иметь такую же производительность, как наш завод после *расширения,* то есть десятки миллионов шарикоподшипников в год. Он будет выпускать 240—250 различных видов подшипников. Весь завод займет площадь в 70 гектаров. Только главный цех будет иметь 200 тысяч квадратных метров. Там уже идет работа. Уже воздвигнуты жилые дома для рабочих, прокладывается железнодорожная ветка, строится цементный завод...

Мистер Броудер нервно смотрит на часы:

— Уже время, господа, как бы нам не опоздать!

Но на улице, немного опомнившись, лояльно добавляет:

— Я здесь уже третий год. Казалось бы, пора привыкнуть и ничему не удивляться. Но нет, не привыкнешь! Здесь все время появляется что-нибудь, поражающее тебя. Такое, чего бы ты никогда не предположил. Удивительная страна...

Через триумфальную арку на Нижегородской улице въезжало в Москву тридцать два смуглых колхозника из

Туркмении в мохнатых папахах и красных халатах, выгоревших на солнце Каракумов.

— Действительно, это будет солидный завод. Представьте себе только, что на маленькие подшипники и ролики у нас уходит ежегодно полтора миллиона центнеров специальной высококачественной стали.

— Итак, вы уже в третьей пятилетке,— немного горько шутит мистер Броудер, корреспондент буржуазной английской газеты, который, собирая *такой* материал, никогда не знает, что ему по этому поводу скажет шеф-редактор.

— Почему в третьей? — умышленно не понимает парторг.

— Ну, такое расширение не проведешь за неделю.

— За неделю, конечно, не проведешь. Но годы нам на это не потребуются. Наша промышленность не может ждать. И это определяет наши темпы...

— И каковы же они?

— Темпы создания нашего завода вам, вероятно, известны. Он был построен и введен в действие за два с половиной года. Новые цехи, новые здания будут закончены... первого января 1936 года, то есть в течение шести месяцев, и полностью пущены в ход... первого апреля 1936 года. Это значит, что мы сейчас *вдвое увеличим наш завод менее чем за девять месяцев...*

...Какой гигант вырастет всего за девять месяцев, если этот крупнейший завод шарикоподшипников будет еще вдвое увеличен!

— Ну, это в самом деле завод без конкурентов,— признается мистер Броудер.

— Да — но ненадолго,— с довольной улыбкой отвечает парторг.— Вашей конкуренции мы уже можем не бояться. И все же мы сами создадим себе конкурента, если, разумеется, вы назовете это конкуренцией...

Руде право, 5 сентября 1935 г.

МАТЧ
ПРАГА — МОСКВА

Москва, сентябрь 1935 г.

На улицах, ведущих в Сокольники, царило необычное оживление. Узкие тротуары не могли вместить поток пешеходов, и строгим усатым постовым приходилось не один раз напоминать о необходимости уступить дорогу цокающим копытами лошадям извозчиков с их драгоценной поклажей. Предстоящее событие было достойно внимания москвичей — в этот день ожидался первый международный матч московской футбольной команды с соперником, пользующимся заслуженной славой в спортивных кругах,— футбольной командой Праги, которая совершала свое спортивное турне по России. Большие плакаты извещали об этом сенсационном зрелище, и московские болельщики не могли пройти мимо.

Стадион в Сокольниках был так переполнен, что яблоку негде было упасть. Два ряда скамеек вокруг покрытого лужами поля были в этот день забиты до отказа. Произошел даже неприятный инцидент, когда скамья, не рассчитанная на столь большую нагрузку, вдруг рухнула под тяжестью высокого полицейского чина, который в какой-то мере представлял здесь само правительство. Если верить восторженным спортивным комментаторам, не слишком уважительно относящимся к цифрам, в этот день на стадионе в Сокольниках присутствовало около четырех тысяч зрителей, то есть в десять раз больше, чем на самом популярном матче команд первой лиги. Зрители сидели прямо на земле, стояли на одной ноге, висели на деревьях, словом, делали все, что в таких случаях делают люди, ошалевшие от радости. Борьба за места еще не закончилась, когда на поле показались грозные соперники москвичей — игроки пражской команды, несколько дней

назад выигравшие матч у команды Петрограда с разгромным счетом 15:0. Впереди шел вратарь — рослый Ян Гейда, за ним — крепыш Букольский. Его большой живот сразу же стал предметом насмешек всех московских остряков. Но скорость, с которой играл Букольский, заставила притихнуть зрителей, а его вес вызвал лишь волну протеста во втором тайме, когда он воспользовался им, чтобы устранить с поля наиболее опасных соперников. Однако на сей раз не помогли самые безупречные приемы силовой игры, и московская команда выиграла у пражан со счетом 1:0, причем гол был забит уже в первом тайме.

Эта напряженная игра и все события, связанные с нею, происходили десятого октября 1910 года. Пражская команда, приехавшая в тот раз в Москву, по неизвестной причине называлась «Коринфианс», а московская — «Вся Москва», хотя из одиннадцати игроков российской команды было девять англичан и лишь двое русских.

С того дня прошло двадцать пять лет или, точнее, двадцать четыре года одиннадцать месяцев. Там, где раньше находилось покрытое лужами футбольное поле, теперь стоит большой, удобный стадион. Но и он не может сравниться со стадионом «Динамо», на который сегодня спешат толпы москвичей, чтобы присутствовать на удивительном событии — первом международном матче московских футболистов с командой профессионалов из-за рубежа, пользующейся заслуженной славой. Московские футболисты должны были играть с чехами, совершающими поездку по Советскому Союзу. Плакаты, извещающие об этой игре, были не слишком большими, зато на перекрестках московских улиц за неделю до матча пестрели огромные надписи:

«Все билеты на матч Прага — Москва проданы!»

Восьмого сентября на широком Ленинградском шоссе растянулись нескончаемые ленты трамваев, автобусов, троллейбусов, автомашин, велосипедов, пешеходов. Тысячи милиционеров в белых кителях, белых шлемах и перчатках вежливо поддерживали образцовый порядок. А это было нелегко, потому что на игру спешили восемьдесят тысяч зрителей, не считая тысяч тех, кто стремился на стадион в надежде каким-то чудом в последнюю минуту раздобыть билет. А так как в наше время чудес не бывает, на стадионе сидело «лишь» восемьдесят тысяч зрителей, хотя желающих попасть в этот день на матч было около двух миллионов.

Восемьдесят тысяч болельщиков уже сидели на своих местах, когда на поле вышли чехословацкие игроки, всего лишь несколько дней назад обменявшиеся двумя голами с командой Ленинграда как с достойным соперником. Во главе команды с чехословацким флагом в руках шел высокий, крепкий вратарь Тихий, стокилограммовый вес и скорость которого были весьма популярны у болельщиков, знавших его благодаря восторженным отзывам из Ленинграда.

И вот начался матч, который редко можно увидеть на футбольном поле. Доброе имя чехословацких футболистов не было посрамлено, но одновременно было положено начало славной истории советского футбола. Снова игра закончилась как борьба двух равных соперников — со счетом 3 : 3. И если в этой игре самую большую популярность завоевал вратарь Тихий, то произошло это потому, что у него было много возможностей показать свое мастерство при защите своих ворот от острых стремительных атак москвичей.

«Мы не знали, что делается сейчас в советском спорте,— единодушно заявили чехословацкие игроки,— а за это время советские спортсмены выросли в самых опасных соперников!»

Да, многие не знали тогда, что происходит в Советском Союзе, а в стране выросли новые, сильные, прекрасные люди.

Руде право, 1935 г.

ДВА ЧАСА НА ПАРОВОЗЕ

В Кзыл-Орду мы приехали точно. Ни минуты опоздания. Позади уже осталось два дня пути. Но нам предстояло ехать еще почти целых четыре дня, и первый же день, который нас ожидал, был днем снежной бури над казахстанской степью.

Хищный, морозный ветер бил в наши вагоны со всех сторон. Паровоз устало и жалобно вздыхал, но его вздохи заглушались порывами бури. Снег, сметенный со степи, скрипел под его колесами. Подкашивал ему ноги. Иногда мы стояли, и нам казалось, что нас занесет снегом, но потом новый порыв ветра сдувал с рельсов сугроб, и мы двигались в путь. Анна Михайловна, проводница вагона, сожгла в прожорливой печке весь наш двухдневный угольный запас. Но стоял такой холод, что и в валенках невозможно было усидеть на месте. Ветер атаковал нас даже через двойные стекла в окнах, вентиляцию, крепкие стены вагона дальнего следования. Мы, трое иностранцев, благословляли в уютном купе упрямство, с которым русские железнодорожные специалисты защищали систему самостоятельного отопления каждого вагона. Что было бы с нами, если бы на советских железных дорогах паровое отопление всего поезда монтировалось в единую систему по европейскому образцу? Мороз подирал нас по коже при одном воспоминании об этом, хотя термометр в нашем вагоне все же показывал несколько градусов выше нуля.

Потом метели надоело заигрывать с нашим поездом, и она перескочила через нас, чтобы через несколько часов беспокоить пассажиров поезда Сталинград — Москва. Анна Михайловна бросила последний кусок угля в печку и авторитетно заявила:

— Горячий выдался денек...

...что не согласовалось ни с нашими ощущениями, ни с показаниями ртути в термометре.

В Актюбинск мы приехали с опозданием на восемь часов.

В коридоре развернулись широкие дебаты представителей всех купе. Сможем ли мы это упущенное время наверстать? А если нет... не прибавим ли мы по крайней мере четыре-пять часов к нашему опозданию?

— Согласно расписанию, мы должны быть в Москве в пять часов вечера. Шесть — восемь часов опоздания — это значит, что мы приедем в два часа ночи. Неприятное время. Если уж опаздывать, так лучше приехать утром.

Мы легкомысленно бросались часами, а тем временем новый машинист внимательно изучал поездной график пути до Оренбурга, чтобы хоть отдаленно, приблизительно иметь возможность ответить на вопрос, когда мы туда прибудем.

— Почему только приблизительно? — спросил я позднее, когда с разрешения начальника поезда он уже пригласил меня к себе на паровоз.

— Потому что мы едем по перегруженной магистрали. Раз уж наш поезд на столько часов нарушил расписание, ему трудно будет снова попасть в график. Мы будем вынуждены ждать, ждать, ждать, чтоб не нарушать расписание других поездов. Черт возьми!..

И машинист нашего поезда, Федор Игнатьевич, разражается многоэтажным ругательством. Я не вижу в этом особой заслуги, но его ругань звучит очень искренне.

Кочегар, тоже Федя, но Иосифович, объясняет при-

чины своего плохого настроения. Их бригада — то есть водитель поезда Федор Игнатьевич, помощник машиниста Максим и он сам, кочегар,— включилась в социалистическое соревнование к VII съезду Советов. Лучшая бригада дороги пошлет в Москву своего делегата на съезд. У них были прекрасные перспективы. Но какое тут соревнование, если между Кзыл-Ордой и Актюбинском снежная буря уже несколько дней нападает на поезда и бригада Федора Игнатьевича принимает в Актюбинске состав с многочасовым опозданием, которое потом не удается наверстать. Как докажешь, что ты сжился с паровозом телом и душой и что он слушается тебя как своего полного хозяина, если на каждой станции, у каждой стрелки тебя может остановить красный цвет.

И это называется экспресс!

На таком паровозе коммунист вскоре уже чувствует себя дома. Труд здесь иной, чем на фабрике, в колхозе или в школе, но *отношение* к труду, гордость за собственный труд, понимание труда как дела личной чести встречаешь и на этом паровозе, в бригаде Федора Игнатьевича. Итак, я быстро почувствовал себя здесь как дома, и, пока мимо нас убегали назад заснеженные степи и песчаные барханы, приглаженные ветром, пока топка щедро согревала закрытую будку машиниста, а морозный воздух продувал ее, когда Федор Игнатьевич открывал окно на ответственных участках пути, я брал у машиниста и его бригады настоящее интервью. Оно длилось два часа, но не бойтесь, что я целых два часа буду утомлять вас. Ведь в течение этих двух часов Федор Игнатьевич не только отвечал мне, но и выполнял большую работу. За это время мы на сто километров приблизились к Москве.

Свои расспросы я начал просто. Я вспомнил метод рабочих делегаций, которые всегда считают самым важным спросить о зарплате. И вскоре всегда оказывается,

что советских трудящихся заботят более важные вопросы, чем зарплата, которой они в большинстве случаев вполне удовлетворены. Итак:

— Сколько зарабатываете, товарищ Федор Игнатьевич?

— Я,— говорит Федор Игнатьевич,— работаю на паровозе семь лет. Хорошо сдал государственный экзамен и теперь причислен ко второй категории машинистов пассажирских и скорых поездов. Так что у меня основная ставка этой категории — то есть 380 рублей в месяц. Перед этим я ездил на товарных поездах. Там у меня теперь была бы основная ставка 315 рублей в месяц. Это, я говорю, основная ставка. Потом особая надбавка за дорогу — у меня это составляет 60 рублей в месяц. А к этому еще премия за точность, за скорость, за состояние паровоза, за особенно трудные километры. Следовательно, всего я зарабатываю примерно рублей 600—700 в месяц.

— Гм, 600 рублей, это немало.

— Да я и не говорю, что это мало.

— А вы, Федор Иосифович, сколько вы зарабатываете?

— Ставка 225 рублей, надбавка за дорогу 15 рублей, премия примерно 100—150 рублей — в целом также немало: около 400 рублей.

— Так что вы довольны?

— Доволен? Нет.

— Ай-яй-яй! Недовольны?

Если бы я был таким репортером, который приехал в Советский Союз искать проявления недовольства и свидетельства непопулярности советского строя, у меня бы, наверное, засияли глаза от радости. Но я уверен, что я едва ли бы здесь нашел нечто подобное и недовольство Федора Игнатьевича имеет, несомненно, другие причины.

— Недовольны? Чем? Плохие жилищные условия?

— Ах нет, у нас в Оренбурге новые дома для железнодорожников.

— Снабжение, не так ли?

— Со снабжением порядок.

— А что же тогда?

— Работа, товарищ, скверная работа. Вы только не подумайте. Я жалуюсь не на плохие условия труда и даже не на какие-либо личные трудности в работе. Меня огорчает, что транспорт в целом все еще не может справиться со своими задачами. А как мы можем быть сами собой довольны, если вся страна нами недовольна? От царя нам досталось страшное наследие. Отсталая страна, жалкая промышленность... А транспорт? Лучше и не говорить. И вот теперь страна растет, промышленность перегоняет капиталистические государства, и, естественно, к нашему транспорту предъявляются все большие и большие требования. Нельзя и сравнивать с тем, что было до революции.

— Ну, если растет промышленность, растет наверняка и транспорт?

— Растет, товарищ. Но, видите ли, это такая вещь. Завод или фабрика — сложный механизм. Каждая хорошая работа — сложный механизм. Но транспорт — это особенно тонкий механизм. Для него нужны самые лучшие специалисты. На железной дороге, товарищ, собственно, не может быть неквалифицированных работников, любой подсобник здесь должен иметь какую-то квалификацию. Но вы сами знаете, что квалифицированных людей все еще недостаточно. И мы, на транспорте, это особенно остро ощущаем. Потому что речь идет не просто о квалификации, а о высокой квалификации. Если, например, строитель допустит ошибку в кладке кирпичей — это плохо. Но тут дело еще можно поправить. Если же стрелочник ошибочно переведет стрелку, то обычно этого исправить уже нельзя.

— Вы хотите объяснить,— спросил я Федора Игнатьевича,— почему на советских железных дорогах тоже происходят катастрофы, хотя здесь нет таких условий труда, которые ведут к железнодорожным крушениям в иных странах.

Федор Игнатьевич отвернулся от окна и почти с презреньем посмотрел на меня.

— Нет, я хочу объяснить причины объективных затруднений нашего транспорта. А катастрофы — это другой вопрос. Из-за нехватки квалифицированных рабочих у нас могут быть определенные трудности, но крушение — это уже не следствие недостаточной квалификации, а результат преступного разгильдяйства.

Так мы заговорили на паровозе о том, что так сильно интересовало многих иностранных делегатов-железнодорожников: о строгих наказаниях, которым подвергаются советские путейцы за аварии и несчастья на дороге.

— Я, например, читал в газете,— говорю я,— что один начальник станции был приговорен к расстрелу за происшедшее по его вине столкновение поездов. Что вы об этом скажете?

— Что я скажу об этом? — отвечал Федор Игнатьевич.— Меньшего он не заслуживал, вот что скажу. Рассудите сами, товарищ, если кто-нибудь умышленно убьет другого, нам кажется, что наказать его — справедливо. Правильно. Но что заслуживает человек, который из-за безответственного разгильдяйства (а иногда — больше: из-за враждебности к нашему социалистическому государству) становится виновником железнодорожной катастрофы, которая сопровождается человеческими жертвами? Я говорил, что мы испытываем недостаток в квалифицированных людях. Из-за этого нам приходится медленнее ездить, мы не можем увеличить пропускную способность пути. Однако при этом предусматривается полная безопасность. Мой отец тоже машинист. Он еще

жив и часто рассказывает, в каких условиях работали машинисты в царской России. Тогда действительно за несчастья должны были отвечать подлинные виновники, то есть те, кто эксплуатировал наших железнодорожников. А им никогда ничего не было, сколько бы людей ни погибало. Но теперь, товарищ, совсем другое положение. Нас никто не эксплуатирует, людей теперь никто не выматывает так, чтобы они валились с ног от усталости, как тогда. Мы сами хозяева своей судьбы. И если в таких условиях происходит несчастье, виновников его мы можем искать где-то поблизости. Где-то среди персонала. И наказать их мы должны как можно строже. Одобряю ли я это? Как же я могу этого не одобрять? Ведь в моих интересах, чтобы из-за разгильдяйства или преступления другого со мной не произошло несчастья. Впрочем, не следует забывать, что таких людей не судит кто-то, не знающий нашей работы. Каждый такой случай основательно расследуется *нами*. А уж если мы скажем: виновен, так это уж будет действительно в самую точку!

Пейзаж, пробегающий мимо паровоза, не меняется. Все те же белые равнины, приглаженные ветром. Широкие горизонты. Собственно, для езды в советском поезде это символично. Едешь ли ты в вагоне дальнего следования или в пригородном вагоне, лежишь ли на просторной полке в купе или стоишь с машинистом в паровозной будке, твои горизонты расширяются, если только ты разговариваешь с настоящим советским человеком. А машинист, с которым я беседую,— настоящий советский человек.

Теперь он уже рассказывает о том, как растут новые кадры квалифицированных железнодорожников, и я при этом вспоминаю большое здание Московского института инженеров транспорта: как-то я видел выходящих из него молодых мужчин и женщин в красивой железнодорожной форме.

— Сеть школ и курсов для железнодорожников все время расширяется,— говорит Федор Игнатьевич и с гордостью показывает на Максима.— Еще год назад он был кочегаром на товарном поезде. Комсомолец. Сегодня он уже помощник машиниста.

— А через два года,— добавляет Максим,— буду ездить вместо Федора Игнатьевича.

— Можешь, можешь,— кивает головой Федор Игнатьевич,— сам я уже буду водить 2-7-2.

Ездить на паровозе 2-7-2 — сокровенная мечта Федора Игнатьевича. 2-7-2 — новый паровоз, созданный на луганском заводе. Это самый сильный паровоз в Европе. У него 11 осей, 3750 лошадиных сил. Во время испытаний он тянул груз в 2780 тонн со скоростью 55—82 километра в час.

— Определенно буду водить 2-7-2,— говорит мне Федор Игнатьевич.— Только такие паровозы нам и нужны. До сих пор лишь Америка могла похвастаться подобной машиной. Но теперь там, вероятно, почили на лаврах.

— Почему почили на лаврах, Федор Игнатьевич? — пытаюсь я испытать его.

— Почему? Вы знаете, что за последние четыре года количество пассажиров в Америке упало на 46 процентов, а количество перевезенных грузов на 44 процента? У нас же за это время ежегодно перевозки грузов увеличивались на 52 процента, а количество пассажиров — на 135 процентов. Так что видите, товарищ, нам нужны 2-7-2, а не эти «бабушки»,— показывает Федор Игнатьевич на свой паровоз. Он хочет этим выразить известное пренебрежение к своей «бабушке», но сам смотрит на нее ласковыми глазами.

Этот разговор мы закончили уже на перроне. Два часа на паровозе пролетели быстро. Но уже в Оренбурге я зашел еще раз пожать руку нашему машинисту Федору Игнатьевичу. Советскому машинисту, который сознает

свои задачи... а также знает баланс американских железных дорог. Мне хотелось бы теперь провести два часа с его американским коллегой. Не сомневаюсь, что его не интересовал бы железнодорожный баланс, но он рассказал бы мне, наверное, тоже много интересных вещей.

Только, пожалуй, иного характера... и другим тоном...

Свет Праце, № 10, 1935 г.

БОЛЬШОЙ КИРГИЗСКИЙ ТРАКТ

Нарын, октябрь 1935 г.

Когда десять лет тому назад поезд с первыми членами коммуны «Интергельпо», едущими из Чехословакии, прибыл на станцию Арысь и затем двинулся дальше к Чимкенту, по вагонам прошло радостное возбуждение: после долгих дней пути по бесконечным степям и пустыням Казахстана, которые порой кажутся тебе столь же безнадежными, как пустынное море мореплавателю, потерпевшему крушение, появились горы. Высокие заснеженные горы. Это был берег их далекого странствия, предвестие Киргизии.

И только спустя несколько лет многие из членов коммуны убедились, что эти горы могут быть еще более безнадежными, чем казахские степи, ибо их слишком много.

Автономная Киргизская Советская Социалистическая Республика по своей территории почти в полтора раза больше Чехословакии. Но населения в ней едва ли в полтора раза больше, чем в одной Праге. На всей площади республики, занимающей двести тысяч квадратных кило-

метров, живет всего-навсего миллион триста тысяч человек. И кажется, что люди здесь затерялись среди гор.

Горы, горы, горы — такова Киргизия. Киргизский Алатау, Кунгей Алатау, Терскей Алатау, Урта-тау, Нарын-тау, Ат-Баштау, Кашгар-тау, Кокчал-тау — все это Киргизия. И Тянь-Шань — это тоже Киргизия. Могучий семикилометровый Хан Тенгри, царь духов, высится над нею, как легендарный владыка, во власти которого находится жизнь и смерть ее обитателей. Горы — главная причина бедности Киргизии, и в то же время в них заключено все ее богатство. Не только потому, что среди гор расположены большие долины, словно специально созданные для посевов сахарной свеклы и других технических культур, не только потому, что здесь находятся великолепные пастбища, на которых могут пастись сотни тысяч овец, коров и лошадей, но и потому, что в недрах этих гор скрываются сказочные запасы ископаемых, здесь есть уголь, нефть, олово, медь, золото... И кто знает, какие еще сокровища скрыты в их глубинах, ведь то, что здесь найдено,— результат изысканий всего нескольких лет. Только с того момента, когда Киргизия стала свободной советской республикой, она приступила к изучению своих богатств. И оказалось, что страна, в которой в течение столетий несколько десятков баев и манапов жило богато только потому, что сотни тысяч бедняков вели полуварварское, нищенское существование... оказалось, что эта страна вовсе не бедна, а, наоборот, богата, безгранично богата, что скоро она станет одной из богатейших советских республик. Штольни проникнут в недра ее гор, быстрые горные реки дадут энергию мощным электростанциям, рядом с которыми возникнут гигантские заводы...

...В прекрасных долинах тянь-шаньской Швейцарии вырастут современные города, там, где сейчас вьются тропинки, по которым могут пройти лишь серны да гор-

ные бараны, возникнут санатории, школы, клубы, театры...

...Сегодняшние кочевники станут инженерами, врачами, профессорами... когда...

— А скоро мы попадем отсюда в Джалалабад?

— Через пять дней.

— Вы шутите, товарищ! Ведь здесь всего каких-нибудь триста километров.

— Триста километров — для орла. А для нас это почти две тысячи километров. Джалалабад находится прямо на запад от нас, но дорога к нему идет так: четыреста километров на север, семьсот километров на запад, потом несколько сотен километров к югу и, наконец, мы приедем в Джалалабад с западной стороны города. Это наиболее безопасная и удобная дорога. Если ехать прямо, пришлось бы преодолевать на пути большие трудности, а времени это заняло бы столько же. Перевалы уже покрыты снегом...

Киргизия станет одной из богатейших советских республик, быстрые горные реки дадут энергию мощным электростанциям, рядом с которыми возникнут гигантские заводы, в прекрасных долинах вырастут современные города, санатории, школы, клубы, театры... когда среди снежных гор пройдут шоссейные дороги, а опасные перевалы превратятся в безопасные проезды, по которым автомашины беспрепятственно смогут преодолевать скрытые облаками горные хребты.

Дороги, дающие возможность использования современных средств транспорта,— одна из основных предпосылок быстрого развития Советской Киргизии. Без них остается лишь фрагментом и то гигантское дело, которое уже почти завершено: перевод на оседлый образ жизни бывшего кочевого населения, закладка постоянных мест жительства для киргизских чабанов, разводивших овец, коней и рогатый скот и плативших за привычку

к кочевничеству неграмотностью и невозможностью для себя приобщиться к культуре.

А пока путь, который автомобиль покрыл бы за пять-шесть часов, зачастую длится пять-шесть дней. Там же, где как пионеры будущего появились первые автомашины, дорога заставляет их быть медленными и осторожными. Ведь перевод рычага скорости с двенадцати на пятнадцать километров в час может стоить жизни и шоферу, и всем его пассажирам. Однако есть уже и здесь такие дороги, по которым машины мчатся со скоростью шестьдесят километров в час.

Лошади медленно ступали по пыльным камням горной тропы. Глубоко под ногами бежала река Чу. Я видел ее, мелководную и медленную; она умирала в песках пустыни, жадно впитывающих речную влагу. Я видел ее, широкую и темпераментную, весело искрящуюся на солнце и еще не подозревающую о противоестественной смерти, которая подстерегает ее посреди пустыни. Сейчас, под нами, она была опять иной. Сумрачная, вспененная от напряжения и ярости, Чу стремительно неслась через Буамское ущелье, и я не удивлялся ее поспешности: здесь действительно не слишком приятно.

Я пробовал подражать своему проводнику, который опустил поводья и спокойно курил самокрутку из газеты и махорки. Но мне это плохо удавалось. Напрасно я старался не смотреть вниз, на Чу, которая с седла лошади казалась особенно грозной и глубокой. Вдруг я отшвырнул недокуренную цигарку и соскочил с коня с такой быстротой и ловкостью, на которую способен только человек, охваченный страхом. Мой спутник уже стоял на тропе, успокаивая своего коня. Лошади испуганно прядали ушами и дрожали. Мы тесно прижались к отвесной стене скалы.

Из-за поворота навстречу нам нерешительно выехала грузовая машина. Она остановилась. И мы прошли мимо, почтительно приветствуя шофера, который, с выражением глубокого облегчения на лице и явно испытывая чувство благодарности к судьбе, утирал пот со лба. Он имел право на наше уважение, а пройдя несколько десятков метров, я понял, почему он был так доволен: за его спиной остался самый опасный участок Буамского ущелья — «поворот смерти». Далеко внизу, в Быстровке, вылавливали из Чу тела тех, кому не удалось его проехать. А это случалось нередко.

Таким было мое первое путешествие из Фрунзе на озеро Иссык-Куль в июне 1930 года.

Второй раз я проделал этот путь теперь, в октябре 1935 года.

Во дворе здания Памирстроя во Фрунзе стоял голубой автобус, сильно полинявший от дождя и солнца.

«Голубой экспресс».

Товарищ Попов, главный инженер Памирстроя, пожелал нам счастливого пути, и я, помня свое первое путешествие, придал его словам особое значение. Но когда мы выехали из города, меня ожидало приятное разочарование.

Перед нами лежало широкое, благоустроенное шоссе, и автобус летел по нему, как по лучшим шоссейным дорогам Европы. Пять лет назад я ехал здесь в бричке и в душе молил судьбу сохранить мне жизнь, чтобы я мог прославить по всему свету имя кучера, который проделывает этот путь дважды в неделю. Теперь я сижу в автобусе и еду с такими удобствами, что могу спать, крутить козью ножку из махорки или беседовать со спутниками, не боясь откусить себе на первом же ухабе язык.

Мы проехали Токмак, Быстровку и оказались в Буамском ущелье. Все то же широкое, благоустроенное шоссе

так свободно и легко взбегало вверх по уклону, словно ему не предстояло подняться на тысячеметровую высоту. Мы миновали «поворот смерти», и я бы даже не заметил его, если бы шофер не показал мне место, где я когда-то набрался столько страху.

В Рыбачье мы приехали к ночи. Путь, который длился раньше два, три, иногда четыре дня и был сопряжен со смертельными опасностями, мы преодолели за шесть часов.

Я лежал в глиняном домике, в котором отдыхают проезжие шоферы, беспокойно переворачивался с боку на бок и не мог уснуть. Старая и новая Киргизия перемешались в моей голове. Киргизия без дорог и Киргизия с великолепными шоссе. Мне предстояло еще много дней путешествовать по Киргизии без дорог, но за моей спиной была шестичасовая поездка по шоссе, о котором можно сложить героический эпос. Я видел великое начало — начало Большого Киргизского тракта.

Большой Киргизский тракт — это магистраль, которая соединяет север Киргизии с ее югом, магистраль через всю Киргизскую республику. Начинаясь у Фрунзе, тракт пройдет через Рыбачье, Качкорку, Нарын, Ат-баш, через долины Чу, Нарына и Черной воды, через многочисленные перевалы и выйдет к Узгену, Джалалабаду и Ошу, где соединится с уже законченным Памирским трактом — самым высоким шоссе в мире. Строить эту магистраль, имеющую историческое значение для развития Киргизии, поручено Памирстрою, ударной организации строителей Памирского тракта.

И все это уже не звучит для меня как музыка далекого будущего. Почти четверть магистрали, которая могла бы соединить два противоположных конца Чехословацкой республики, сдана в эксплуатацию. По ней-то мы и ехали из Фрунзе в Рыбачье. При этом у меня было ощущение, что я совершаю фантастическое путешествие

в уэллсовской «машине времени». Ведь этот участок магистрали был буквально украден у времени: по плану он еще не существовал, предполагалось, что его строительство будет завершено к первому января 1936 года. А мы с полным комфортом проехали по нему в октябре 1935 года. В необычайно трудных условиях люди Памирстроя превзошли здесь все рекорды, с тем чтобы преподнести Советской Киргизии законченный участок пути как лучший подарок к восемнадцатой годовщине Октябрьской революции.

Дорога еще не была полностью закончена, когда по ней прошел первый осенний транспорт зерна из плодородной иссык-кульской долины во Фрунзе. И хотя в некоторых местах грузовым машинам приходилось объезжать тракт по старым дорогам, он выдержал первое испытание на нагрузку: к середине октября было доставлено вдвое больше зерна, чем к концу ноября предыдущего года. Это был первый успех Большого Киргизского тракта, успех, который был достигнут еще на глазах его строителей. Мы застали их воодушевленными этим успехом. Им выпало редкое счастье — увидеть плоды своего труда. Ведь у строителей незавидная судьба: они приходят в пустынный и грустный край, а когда в результате их труда он чудесно преображается, они покидают его, переходят на новые пустынные места и начинают все сначала, никогда не возвращаясь туда, где творение их рук живет полной жизнью.

Но те, кто будет ездить по Большому Киргизскому тракту, никогда не забудут о его строителях. Уже сейчас по вечерам в самых отдаленных уголках Киргизии, в юртах и у костров на горных пастбищах звучат их имена. И люди произносят их с уважением и любовью. Это справедливо. Строителей Большого Киргизского тракта есть за что помнить.

Руде право, 1 декабря 1935 г.

О СВОБОДНОЙ УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

1
Министр у станка и карьера Мухамар

Ташкент, октябрь 1935 г.

Начальник прядильного цеха Ташкентского текстильного комбината с гордостью рассказывал нам о станках своего отделения, каких нет больше нигде на свете. Станки были действительно замечательные. Ни Англия, ни Чехословакия, ни одно другое западное государство с развитой текстильной промышленностью не имеет таких станков. Даже Америка не имеет. Кризис заставил остановиться развитие ее техники. Но чаще, чем на станки, смотрели мы на нашего проводника и на людей, которых встречали. Это были люди, каких там, на Западе, не рождала даже конъюнктура. Кто бы там мог представить себе министра, ползающего по полу фабрики в комбинезоне, который впитал в себя по крайней мере полбочонка машинного масла? А здесь наш проводник действительно ползал в таком виде. Сегодня это вполне понятно, сегодня Айдар Абдуджабаров — инженер-текстильщик, который тщательно следит за монтажом станков в своем отделении, но его предшествующая биография делает этот факт невероятным.

Дело в том, что инженер Айдар Абдуджабаров был прежде народным комиссаром здравоохранения в Узбекской республике, а затем народным комиссаром финансов в Советском Таджикистане.

Айдар Абдуджабаров был советским министром, но тогда он еще не был советским инженером. А Узбекистан нуждался в инженерах для своих первых промышленных

предприятий, для своих гигантов — Чирчикстроя и текстильного комбината. И именно потому, что Айдар Абдуджабаров был хорошим министром, хорошим народным комиссаром, ЦК Коммунистической партии Узбекистана послал его в Москву, в высшую школу, в промышленную академию, которая давала наиболее высокую квалификацию. Ему было тогда уже тридцать два года.

С конца 1932 года Айдар Абдуджабаров снова в Ташкенте. Теперь уже в качестве инженера. Он ведет монтаж прядильного цеха, сдает в эксплуатацию первые прядильные машины, ходит по отделениям цеха, как заботливый папаша, обучает молодых узбеков и узбечек таинствам техники, помогает советом и делом. А когда на свой промасленный комбинезон он надевает пиджак, в его петлице вы увидите орден Красного Знамени. Ведь Абдуджабаров был не только народным комиссаром Узбекистана, но и мужественным борцом за его свободу.

— Удивительная карьера, товарищ Абдуджабаров!

— Почему? Совершенно обыкновенная. Впрочем, вы видите, что наше право на самоопределение не фразы и не простой административный самообман. Иметь своих народных комиссаров — этого недостаточно. Нам нужны руководящие кадры также на низовой работе, в промышленности, мы должны поднять на высокий технический и культурный уровень весь народ, и именно это мы сейчас делаем. Я — один из первых узбекских инженеров, и это меня радует больше, чем то, что я был одним из первых узбекских народных комиссаров. Если же говорить о биографии, то здесь вы найдете биографии гораздо более удивительные... Например, вот Мухамед Санваров. Ему двадцать лет, и он руководитель бригады монтеров, лучшей на всей нашей стройке. Автомат, который монтирует его бригада, состоит из сорока тысяч деталей. Монтаж рассчитан на сорок дней, но бригада Санварова управляется за месяц. Молодость Мухамеда сложилась уже более сча-

стливо, чем у нас, родившихся задолго до революции. Хотя его отец был простой дехканин, Мухамед окончил школу. Свою карьеру он начал счетоводом. Его заметили и как способного парня послали учиться в Москву. Теперь, как вы видите, это замечательный бригадир, и я убежден, что вскоре после завершения нашей стройки он станет еще более замечательным инженером... Вон тот чумазый, рядом с ним, его лучший помощник, тоже двадцатилетний,— Абуталиб Ахмедов. Родом он из Ташкента, но знает половину Советского Союза. Его отца, красного партизана, убили в восемнадцатом году белогвардейцы. Через год умерла мать. Пятилетний Абуталиб стал беспризорником и целых шесть лет скитался между Самаркандом и Москвой. Однажды во время кражи его поймали и отдали в детский дом. Рассказ о его карьере укладывается в несколько слов: школа, депо ташкентского трамвая, где он работал электромонтером, потом самаркандский университет, отделение физики и математики, текстильный техникум в Москве и ныне — наш комбинат и одновременно учеба. К сожалению, Ахмедов не хочет оставаться верным текстилю. Он будет авиаинженером.

А вот еще более удивительная биография. Ударница Мухамар. У нее за плечами всего двадцать восемь лет жизни, но часть этой жизни была такой, что вам покажется, будто это происходило столетия назад. Отец Мухамар был нищим деревенским сапожником. Ей исполнилось четырнадцать лет, когда в деревню приехал купец из Ташкента, которому понравилась грива ее черных волос. Купец предложил отцу тучного барана, и тот продал дочь. Купцу было пятьдесят лет, и в доме его кроме Мухамар жили еще четыре жены. Они ревниво завидовали новой, молодой сопернице и обижали ее на каждом шагу. О безрадостной жизни жены старого магометанского купца рассказывать грустно и скучно. Мухамар работала с утра до ночи, спала с мужем, когда доходила

до нее очередь, терпела от него побои, рожала детей... Она родила уже третьего, когда увидела, что ее соседка сняла паранджу. С этого дня она приступила к революционным действиям в своем доме. Муж категорически заявил, что до его смерти паранджа не будет снята с ее лица, и для Мухамар настали еще более горькие времена. Ведь она не знала, что на свете существует Советская власть, которая является в то же время и ее властью, и что она может в любой момент найти у нее защиту. Так прошло тринадцать тяжелых лет, пока наконец муж Мухамар не умер. В тот день другим его женам в последний раз удалось избить ее. А на следующий день Мухамар появилась без паранджи на нашем текстильном комбинате. Теперь она одна из лучших учениц нашей заводской школы.

С собою она привела еще двух жен своего бывшего мужа. Вы знаете, раньше бывало так: узбекские женщины выходили замуж двенадцати лет и в двадцать пять уже были престарелыми. После двадцати пяти лет они могли найти мужа только чудом, в огромном же большинстве случаев оставались дома, ненавидимые отцом и высмеиваемые соседями. Судьба вдов была не лучше. Жены умершего купца смеялись, когда Мухамар сообщила им, что идет работать на текстильную фабрику: кто ее возьмет, такую старую! Но на фабрике, разумеется, никто не обратил внимания, что Мухамар «уже» двадцать восемь лет. Жизнь советской женщины намного более продолжительна, чем жизнь домашней рабыни. А когда и другие вдовы увидели, что Мухамар работает и счастлива, они пришли на фабрику и в приемной канцелярии робко сняли паранджи, чтобы показать свои стареющие лица. Возьмет? Или не возьмет? Текстильный комбинат казался им каким-то гигантским мужем, который набирал много жен, и теперь они со страхом ожидали, полюбятся ли они ему. Полюбились! Впрочем,

служащему отдела кадров, само собой разумеется, даже и в голову не пришло осматривать их с точки зрения будущего мужа, и он с радостью принял их на работу, потому что они просили о ней. Теперь они работают здесь, на комбинате, и, если вы хотите услышать счастливый конец этого романа, могу вам раскрыть секрет: одна из вдов уже вышла здесь замуж. И кажется, это как раз старшая из них...

Инженер Абдуджабаров рассказывал историю Мухамар не так последовательно, как я вам ее передаю. После каждого второго слова о Мухамар он произносил десять слов о новейших машинах своего отделения. Это были, правда, великолепные машины, каких вы не найдете ни в Европе, ни в Америке и даже нигде больше в Советском Союзе. Это были прекрасные машины, *советские* машины, и мы полностью разделяли воодушевление товарища Абдуджабарова. И все же больше, чем на станки, мы смотрели на людей, которые работали за ними.

Так я познакомился с Айдаром Абдуджабаровым, с Мухамедом Санваровым, с Ахмедовым, с Мухамар и остальными женами ее мужа... а также с Бибинисой Балтабаевой.

Бибиниса Балтабаева и тридцать парашютисток

Когда я спросил Бибинису Балтабаеву, почему ее зовут на фабрике «илдам», то есть быстрая, она ответила смущенно:

— Не знаю.

Скромность ее явно не была наигранной, и в конце концов ее можно было понять. На ташкентском текстильном комбинате в ту пору работало уже четыре тысячи работниц (из пятнадцати тысяч, которые будут работать

здесь в следующем году), и очень многие из них были уже прославленными ударницами, о которых Бибиниса слышала больше, чем о себе. Но и о ней рассказывали на фабрике больше, чем она сама умела рассказать. В эпосе строительства ташкентского комбината есть одна песня, посвященная соревнованию бригады товарища Кульматова, в которой работает Бибиниса, с бригадой товарища Айзатулина, долгое время отстававшей от плана. В конце концов бригада Айзатулина стала работать сверх положенного времени — лишь бы выполнить план, лишь бы одержать победу над бригадой Кульматова. Члены бригады тайком обходили вокруг отделения, подстерегали момент, когда уйдет главный инженер, и затем снова возвращались к своей работе. Поздней ночью светили законспирированные огни отделения, пока бригада Кульматова не пришла объяснить, что соревнование не должно вестись за счет отдыха и здоровья рабочих. И как ни старались айзатулиновцы, кульматовцы по-прежнему оставались впереди, потому что в их среде действовала удивительная движущая сила — Бибиниса, которая быстро осваивала новую технику и своим примером увлекала всю бригаду.

Тысячи таких песен звучат во всех эпосах великого социалистического строительства в Советском Союзе, Бибиниса — только одна из тысяч подобных ей. И поэтому понятна ее скромность. Но ее товарищи по работе хорошо оценили внутреннюю силу Бибинисы. Когда стало приближаться время выборов в Советы, ее имя появилось в списке кандидатов. А во время выборов не только сами текстильщицы, но и шесть тысяч строительных рабочих комбината единодушно голосовали за двадцатилетнюю комсомолку, ударницу монтажа Бибинису Балтабаеву, прозванную «илдам», то есть быстрой.

Обо всем этом неуверенно и смущенно рассказывала мне Бибиниса — она еще не привыкла к публичным

выступлениям. А говорить для газеты — это как-никак публичное выступление. Только о своей работе в городском Совете она говорила без заминок,— вероятно, так, как она умела говорить о частях ткацкого стана.

Что же касается остального, она стыдилась, в самом деле стыдилась, так что даже кровь заливала ее смуглое полудетское лицо.

Вот каким образом я познакомился с Бибинисой Балтабаевой в декабре 1934 года...

Зал заседания Дома правительства в Ташкенте имеет форму полукруга.

Первого октября 1935 года это не был полукруг кресел — это был раскрытый, пестро вышитый веер. В этот день здесь начался первый съезд женской молодежи Узбекистана. Со всех концов Узбекской республики съехались девушки и молодые женщины, и по их тюбетейкам, праздничным шелковым платьям с вышивками и простым комсомольским формам можно было одновременно изучать и географию, и историю Узбекистана. Вот в зеленой комсомольской блузке, но с тюбетейкой на голове стоит представительница передовой Ферганы, а рядом с ней женщина из далекой Сурхан-Дарьи в длинном пестром платье и в халате. Привычка держать голову с легким наклоном свидетельствует о том, что она еще недавно носила паранджу. Обе эти женщины одного возраста, но по внешнему облику между ними разница в целое столетие. Их разделяет длительный период исторического развития, который женщина из Ферганы прошла за каких-нибудь два года, а женщина из Сурхан-Дарьи уже всего за... полгода.

Съезд женской молодежи в Узбекистане — это большое историческое событие. Впервые в истории всего Востока сошлись женщины для обсуждения своих дел.

И классовый враг, притаившийся в отдаленных районах, разумеется, напряг все силы, чтобы сорвать это историческое совещание, которое благодаря своему значению в деле освобождения женщины наносит ему новый тяжелый удар.

На съезде выступали женщины, которые рассказывали о том, как мужья запрещали им участвовать в съезде, били, угрожая, что они разведутся с ними, потому что в Ташкенте из них сделают проституток... и так далее и так далее, в зависимости от того, насколько изобретательным был старый мулла или бывший бай, который нашептал их мужьям ненависть к съезду. Потом на трибуне появилась старая женщина. И она, старуха, оказалась полномочной делегаткой этого съезда женской *молодежи* и теперь рассказывает, как это случилось. Известие о съезде пришло к ним в кишлак еще месяц назад. О нем много говорилось, и вся молодежь, женщины и мужчины, радовались. Но потом поползли странные слухи, и наконец уже совсем стало ясно: «съезд созывают народные комиссары, чтобы выбрать для себя самых красивых женщин». Поэтому наверняка в районе и напоминали, чтобы делегатки были молодыми. Против такого съезда в кишлаке, понятно, поднялась волна протеста. Однако несколько передовых колхозников и колхозниц не верили этим слухам и настаивали на том, чтобы кишлак выбрал свою делегатку на съезд. Председатель колхоза — сам беспартийный — колебался, колебался, но в конце концов распорядился провести выборы, которые подготавливал старый мулла, бывший магометанский священник. И он «хорошо» их подготовил. Кишлак послушался его «советов» и выбрал делегаткой на съезд молодежи шестидесятилетнюю бабушку, чтобы народные комиссары не могли взять ее себе в жены.

Вот как эта старушка оказалась на съезде женской молодежи.

Съезд встретил рассказ старой женщины веселым смехом... и бурными аплодисментами, потому что в конце своей речи старая женщина заявила:

«Возможно, что я уже не подхожу к вам по возрасту, но зря я на съезд не приехала. Из кишлака я уезжала еще в парандже — возвращаюсь уже без нее...»

Это было на четвертый день заседания съезда. На сцену поднялась депутация первых узбекских парашютисток. Возглавляла ее девушка. Она взошла на трибуну и звонким, ничем не стесненным голосом не просто передала делегаткам поздравление парашютисток, но и рассказала о значении прыжков с парашютом, и о том... как это делается. Я не знаю узбекского языка, но каждое ее слово я понимал. А главное — я смотрел на нее. Она, казалось, была мне знакома, как человек, которого лет десять назад я видел ребенком.

Позже я узнал ее: это была Бибиниса Балтабаева. Та самая робкая девушка с текстильного комбината, которая десять месяцев назад стыдилась говорить «для газеты». А теперь, только десять месяцев спустя, эта робкая девушка превратилась в смелую, отважную пионерку парашютного спорта среди узбекской женской молодежи.

Так быстро растут здесь люди.

Первой узбечкой, которая прыгнула с парашютом, была Мирбабаева. Через десять дней совершила прыжок Бибиниса. В стране, где многие женщины еще и сегодня ходят в парандже, это был великий революционный акт.

Он был совершен в августе. Прошло только два месяца. Сейчас прыжок с самолета сделало уже шесть узбечек, а к седьмому ноября кружок парашютистов готовит своей республике новый подарок: групповой прыжок тридцати узбекских девушек.

Вот как быстро растут здесь люди!

Руде право, 3 ноября 1935 г.

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭКЗОТИКА

Ташкент в октябре 1935 г.

Говорят, есть в Риме колодец, обладающий волшебной силой.

Если напьешься воды из него, полюбишь Рим глубокой любовью, снова и снова будешь к нему возвращаться. Так рассказывают люди, которые любят легенды.

Не знаю, вода из какого арыка Средней Азии могла бы годиться для такой легенды. Во всех арыках там вода мутная, такую поэты не воспевают в любовных песнях, да и у арыков там более серьезные дела: нужно напоить хлопковые поля, оазисы в степях, тутовые деревья, карагачи, которые дают тень, яблони, цветы. И пить из арыков не особенно приятно. Пока не привыкнешь, со страхом считаешь дни, требующиеся для того, чтобы тифозные бациллы начали действовать.

И все-таки ты, однажды пройдя по советской Средней Азии, полюбишь эту землю глубокой любовью, снова и снова будешь к ней возвращаться. Не вода, а люди имеют здесь такую притягательную силу, и это не волшебство, а сила рук их оказывает на тебя такое действие.

Жизнь здесь растет на твоих глазах.

Сидишь на краю поля, погибающего от зноя. Высохшие грядки лежат у твоих ног, хлопок устало свесил голову, и на его листья садится бесконечная пыль пустыни.

Это — умирание. А потом...

В грядку медленно проникает узенький язычок воды. Почва страстно открывает рот. Вода прибывает. Это уже не язычок, это поток воды, а земля пьет, пьет полными глотками. Невидимый мираб, страж водных запасов, где-то далеко от нас поднял шлюзы арыков, и по наводненным каналам потекла жизнь. Видишь ее. Поседевшая глина

становится коричневой, хлопок поднимает голову, листья в утреннем дрожании стряхивают тяжелую пыль, стебельки удлиняются, растут. Это быстрый, богатый, урожайный рост, непосредственным свидетелем которого ты являешься.

Так и с людьми в Средней Азии. Столетия они вяли без влаги, которую всю выпивали паразиты. Вода, которая текла в арыках, не была их водой, она предназначалась другим. На богатой почве росли баи, муллы и русские купцы. До тех пор, пока мудрый мираб революции не поднял шлюзов. Теперь щедро и справедливо растекается вода по грядкам человеческих полей.

Люди подняли головы, стряхивая тяжелый прах столетий, новая влага течет в их жилах, они растут. Это быстрый, богатый и урожайный рост, который ты видишь, даже если только проходишь мимо них.

И если ты любишь человека, то полюбишь этот край, который покажет тебе свою силу и творческие способности в полном сиянии.

Есть люди, у которых представление о Средней Азии неразрывно связано с экзотикой. Никогда бы я им не посоветовал ехать именно сюда за экзотикой. Их постигло бы горькое разочарование. Все то варварство, которое цвело экзотикой, уничтожено, и дорога до Нюрнберга, современного Нюрнберга, принесла бы им значительно больше удовлетворения, чем дорога до Ферганы или Самарканда. Человек, отправившийся сюда в белой чалме, защищающей от солнца, которой англичане прославили Восток и которая являлась символом колониального режима, был бы здесь единственным экзотическим явлением.

А все-таки и Узбекистан, и Таджикистан, и Киргизия, и Туркменистан отличаются такими природными условиями и имели такую историю, которая их делала Востоком, делала их похожими на все те земли, в которых белая чалма кажется неизменным признаком европейцев.

Здесь солнце сильно обжигает твою кожу. Сильное, требовательное солнце! Но в его лучах растет хлопок. И ученые в Ташкенте, Самарканде, Алма-Ате с успехом используют его энергию для приготовления супа, плавки сыра и других опытов, которые, по всей вероятности, откроют человечеству совершенно новую эру.

Здесь есть верблюды, которые целиком и полностью, согласно описаниям приключенческих романов, качаются, как корабли в шторм. Но если тебе придется познакомиться с ними поближе, ты узнаешь, что автомашина гораздо более приятное транспортное средство не только для тебя, но и для каждого узбекского колхозника.

Здесь есть мечети, которыми были прославлены Самарканд и Бухара. Но самые знаменитые из них стали сейчас авторитетными антирелигиозными музеями, а не знаменитые — клубами, кинофабриками, складами хлопка. И Бухара сейчас славится новыми хорошими школами точно так же, как Самарканд — прекрасной больницей.

Есть здесь женщины, закутанные в черные, мрачные чадры. Но их уже мало, очень мало, и авторы песенок о гаремной экзотике наверняка были бы сильно задеты, если бы узнали, что большая часть женщин, закрывающих свое лицо,—спекулянтки. Так делают они для того, чтобы их подольше не мог разоблачить милиционер.

Есть здесь пустыни и оазисы в них, есть здесь арбы на высоких колесах и смуглые мужчины, сидящие на терпеливых ишаках, есть люди в цветных халатах и в маленьких вышитых тюбетейках, но то, что аромату этого края придавало оттенок экзотики, исчезло.

Исчезло порабощение, исчезло варварство, исчезла колониальная эксплуатация.

Здесь люди с помощью русского пролетариата изгнали колонизаторов и свергли «своих» эмиров, ханов и манап.

Край стал свободным и культурным. Свобода и культура изгнали из него прогнившую экзотику.

Мы сидим в летнем театре старого города Ташкента. На этом месте был Джанкох — Конский рынок и свалка. Сюда старый Ташкент сваливал свои отбросы. Это было самое грязное место в городе. Пыль стояла высоко над базаром, здесь рождались болезни. Арык, протекающий рядом, разносил бактерии по домам. Но ни кокандским ханам, ни русским ганералам-колонизаторам не приходило в голову ликвидировать эту экзотику.

Сейчас широкая улица разбила старый Джанкох на две половины: слева вырос спортивный стадион, справа — большой парк культуры и отдыха с увеселительными предприятиями, с красными чайханами, с эстрадой, с летним театром.

Вот в этом театре мы сегодня и сидим.

Узбекские артисты читают стихи, и их голоса сливаются с далекой приглушенной мелодией, доносящейся с эстрады, где девушки танцуют старые узбекские танцы. Слышатся звуки деликатной дутары и удары чиндынны. Иногда ветер заносит с танцевальной площадки звуки фокстрота, с улицы долетает звонок трамвая, а из чайханы — высокий голос узбекского народного певца. Они придают своеобразную окраску этой темной холодной ночи. Звукам превосходно импонируют и богатые халаты одних, и европейские одежды других. И на фоне этой ночи играют узбекские артисты «Гамлета».

Их «Гамлет» — настоящий шекспировский «Гамлет», прекрасная драма, драматичность которой передается совершенно естественно. Хотя и не понимаешь языка, но все равно чувствуешь каждое слово Шекспира. Артист говорит жестом, движением рук, походкой — это великая, сильная театральная культура. Их «Гамлет» был бы опасным соперником самой лучшей сцены Европы, а узбекскому театру всего пятнадцать лет от роду.

Совершенный Шекспир и совершенный Гоголь в узбекском театре, новая узбекская драма, возникшая из опыта

лучших мировых драматургов,— это и есть рост от экзотики к культуре, от Джанкоха к Шекспиру.

Ты не ошибаешься, когда наблюдаешь, что рост людей советской Средней Азии происходит быстрее и поразительнее, чем быстрый и поразительный рост людей Центральной России. Некоторые древние колониальные народы здесь, по словам Ленина, растут от феодализма прямо к социализму, минуя эпоху капитализма. Это были слова, которые Ленин сказал про огромную часть народов мира.

Здесь, в советской Средней Азии, снова находишь великолепнейшее подтверждение большевистской правды.

Руде право, 3 ноября 1935 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСТРЕЧЕ С ДЕЯТЕЛЯМИ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Целью нашей поездки является сбор материалов о социалистическом строительстве в бывших царских колониях. Я лично собираю материал для книги очерков о Средней Азии, главным же образом об Узбекистане, а также для большого художественного произведения о существующем в Киргизии чехословацком кооперативе.

Последний раз я здесь был девять месяцев тому назад. В сущности, незначительный срок. Но и за этот срок произошли, как я наблюдаю, замечательные, огромные изменения. Действительно, страна меняется не по дням, а по часам!

В декабре прошлого года случилось мне познакомиться в текстилькомбинате с комсомолкой Балтабаевой. Это была

удивительно застенчивая девушка. И вот позавчера на съезде девушек Узбекистана мне представили одну из лучших парашютисток республики. Это была живая, остроумная, с большой широтой взглядов на жизнь девушка. Вдруг она заявляет: «А ведь мы с вами знакомы по текстилькомбинату», и только тогда я узнал в ней комсомолку Балтабаеву. Так духовно вырос, неузнаваемо изменился за девять месяцев человек!

Другой пример. Тогда же в декабре я побывал на Чирчикстрое. Он произвел на меня неотразимое впечатление. На днях я снова посетил Чирчикстрой и увидел такой грандиозный размах работ, что все виденное мною девять месяцев назад стало представляться уже незначительным. А ведь и тогда, повторяю, на Чирчикстрое были осуществлены грандиозные работы.

Правда Востока, 11 октября 1935 г.

«МЫ КОЛХОЗНИКИ-МИЛЛИОНЕРЫ...»

Ташкент, ноябрь 1935 г.

Четырнадцатого ноября продавцы в газетных киосках Ташкента еще раньше, чем в другие дни, начали отвечать:

— «Правда Востока»? — Нет.

— «Кзыл Узбекистан»? — Распродан.

Четырнадцатого ноября ташкентцы с утра просматривали страницы своих газет:

— Сколько процентов?

Четырнадцатого ноября с вокзалов и по шоссе в ташкентские гостиницы съезжались колхозники-ударники из районов Узбекистана, и первый вопрос, который они задавали носильщикам, милиционерам и дворникам, был:

— Сколько процентов?

Телеграф лихорадочно выстукивал цифры и подписи. На всех телеграммах был адрес: «Наркомзем. Ташкент».

Телеграммы поступали адресату как донесения с поля битвы в главную ставку или как поздравления в дом прославленного человека, дожившего до шестидесятилетия. Первое сравнение точнее.

В Народном комиссариате земледелия Узбекской республики было еще больше людей, чем в другие дни (а их там и в обычные дни бывает немало), но шум, скорее, напоминал напряженную тишину. Груды бумаг приглушали металлический грохот пишущих машинок, вскоре машинки замолкли, и слышался только скрип перьев да шелест карандашей.

Люди в коридорах ждали.

В два часа дня по Ташкенту разнеслось сообщение:

«Девяносто девять и шесть десятых процента».

Рабочие, уполномоченные с заводов, директора, партийные руководители неутомимо звонили в Комиссариат земледелия, и усталая телефонистка уже сама отвечала:

«Да... будет... еще сегодня...»

И раньше, чем сирены прогудели конец смены, от станка к станку, от магазина к магазину, от канцелярии к канцелярии улицы Ташкента облетела весть:

«Главная хлопковая база Советского Союза — Узбекская Советская Социалистическая Республика выполнила свой план по сбору хлопка на месяц раньше установленного срока».

Я видел дома демонстрацию рабочих после большой забастовки, в которой они победили. Видел демонстрацию людей, приветствовавших мир после окончания войны. Теперь я видел саму радость, которая вырвалась на улицы из домов и ворот фабрик и шумела по ним бурным потоком, увлекая прохожих.

Такой была демонстрация на улицах Ташкента вечером четырнадцатого ноября.

На заводах рабочий день закончили торжественными митингами. Радость переплескивала через заводские стены. Хотелось выразить ее песней, выкричать ее. Хотелось поделиться ею с другими. Это было воодушевление, при котором люди обнимаются, не стыдятся слез, танцуют.

Парторг вбежал в помещение рабочего клуба и вынес красное знамя. В руках рабочих-музыкантов появились музыкальные инструменты. Под высокие тополя ташкентских улиц уже проникла темнота, и демонстранты освещали себе путь факелами. Работницы текстильного комбината вышли, танцуя на ходу. Из казарм выехал узбекский полк. Шумные людские потоки стекались к зданию Центрального Комитета Коммунистической партии.

Вскоре перед зданием ЦК была сооружена трибуна из двух грузовиков. Из дома вынесли ковры и украсили ими борта машин. С импровизированной трибуны счастливо улыбались руководители узбекских большевиков, президент Узбекской республики, председатель правительства, доверенные рабочих, ударники.

Это не был массовый митинг. Это был взаимный обмен поздравлениями с победой.

С победой на хлопковом фронте.

Выполнение республикой плана по сбору хлопка стало большим народным праздником.

Вся Узбекская республика живет этой победой. В течение целого года рабочие и колхозники Узбекистана с искренней горечью вспоминали, что план по хлопку в минувшем году не был выполнен, что они остались должны гражданам Советского Союза 90 тысяч тонн хлопка-сырца. В этом долге в значительной мере была виновата природа — и поздняя весна, и нежеланный дождь, и наводнение, и преждевременный трехдневный мороз,— но именно с природой и сражается социалистический чело-

век, и поражение в борьбе с нею — это настоящее его поражение.

Год тому назад, пятнадцатого ноября 1934 года, в Узбекской республике было выполнено всего лишь 67 процентов плана. Два года назад, в 1933 году, Узбекистан достиг своего рекорда — дал Советскому Союзу 795 тысяч тонн хлопка-сырца и выполнил план к десятому декабря. А в этом году план по хлопку был выполнен уже четырнадцатого ноября, с хлопковых полей было собрано 895 тысяч тонн — на 178 тысяч тонн больше, чем в предыдущем. Прошлогодний долг полностью возмещен, а на полях колхозов раскрываются все новые и новые коробочки прекрасного хлопчатника. План уже выполнен и будет значительно превзойден. Социалистическое соревнование в колхозах все ширится, колхозники выходят на поля с лозунгом:

«Дадим миллион тонн!»

Воодушевление, радость и счастье наполняют сегодня Узбекистан. Не только потому, что Узбекская республика добилась победы на хлопковых полях, но и потому, что эта победа явилась завершением целого ряда ее успехов.

В этом году раньше установленного срока был выполнен и перевыполнен план по развитию шелководства, которое достигло небывалого в истории Средней Азии размаха.

В этом году были достигнуты большие успехи в скотоводстве.

В этом году был перевыполнен план по заготовке драгоценного каракуля.

Десятимесячный план узбекской промышленности был перевыполнен, и нет сомнений, что будет перевыполнен и план всего года.

И после всех этих успехов в самой важной рубрике — «Хлопок» появилась наконец цифра: 100 процентов!

Всеобщая, захватывающая радость по случаю выполнения плана сбора хлопка ярко показывает, какие глубокие изменения произошли в сознании узбекских крестьян, для которых то, что было когда-то частным делом частного хозяйчика, превратилось в важнейшую заботу хозяев всего государства. Но именно эти глубокие изменения и явились причиной выполнения плана.

Колхозы, коллективные хозяйства, полностью и окончательно победили в Советском Узбекистане, в стране, которая прежде была отсталой царской колонией. Социализм превратил примитивно обрабатываемые клочки земли в образцовые хлопковые плантации, социализм превратил человека, забитого нищетой и варварством и одурманенного религиозными предрассудками, в нового культурного человека, в *человека социализма.*

Омач — деревянный плуг и кетмень — мотыга — единственные орудия труда, применявшиеся в хозяйствах узбекских дехкан до революции. Только вместе с первыми колхозами появились первые тракторы. В 1929 году во всем Узбекистане было 35 тракторов. Через год их количество увеличилось в 10 раз. В прошлом году в Узбекистане было уже 5 тысяч тракторов. А в нынешнем — *12 тысяч* тракторов помогало узбекским колхозникам, облегчая их труд.

Еще в 1933 году с помощью тракторов было распахано 45 процентов хлопковых полей. В этом году тракторы покрыли бороздами всю площадь, отведенную под хлопчатник. А тракторы не были единственными машинами, которые помогали колхозникам.

И машины не были единственным новым явлением на коллективных полях. С увеличением их числа росла и трудовая культура колхозников, опыт старых дехкан был стократ умножен учебой, теорией.

И земля признала эту силу. Свое признание она проявила *урожаем.*

Сведений об урожайности узбекских полей до революции не найдешь нигде. Царское правительство не интересовалось такой статистикой. Старые дехкане из Ферганской долины — самого урожайного края Узбекистана — рассказывали мне, что с одного гектара они не собирали больше 4 центнеров хлопка. В этом году — сейчас, в середине ноября,— гектар дает в среднем 10,5 центнера, уборка продолжается, так что до конца уборочной кампании средняя урожайность поднимется до 12—13 центнеров.

А это лишь *средняя урожайность*, которая далеко была превзойдена не только отдельными колхозами, но и целыми районами. В Туганской долине земля дает 20—30 центнеров с гектара, а один колхоз в Акмал-Абадском районе собрал 52 центнера — беспримерный урожай.

В Советском Союзе урожай не становится бедствием, как в страдающих от кризиса капиталистических странах. Хороший урожай в Советском Союзе несет трудящимся хорошую жизнь. Освобожденный человек отвоевывает у природы ее богатства и отвоевывает их для себя. Прекрасный урожай хлопка в Советском Узбекистане знаменателен не тем, что благодаря ему были просто достигнуты рекордные цифры, но тем, что он принес хорошую, зажиточную жизнь трудящемуся человеку.

Вечер пятнадцатого ноября.

Обширное здание ташкентской оперы наполнено смехом загорелых женщин и мужчин, смехом радости и счастья. Это заседает Второй съезд колхозников-ударников Узбекистана. Колхозники рассказывают о своем труде, о борьбе за урожай и об одержанной победе.

Во время перерывов разговор продолжается в коридоре, где теснятся люди в пестрых халатах и европейских костюмах. Это профессиональный разговор об опыте сбора хлопка обеими руками, о новых уборочных машинах, о результатах окучивания, о своевременной поливке полей.

Сагат Бешим из колхоза «Мехнат» убеждает прославленную Таджихон, что его взгляды на борьбу с сорняками не менее важны, чем ее метод уборки, и оба они склоняются перед мудростью Тишабая Мирзаева, мастера высокого урожая, признанного не только в Ферганской долине, но и во всем Узбекистане. Ведь и Народный комиссариат земледелия приглашает этого умудренного опытом старца на свои совещания, и ни одно решение не принимается без его согласия.

А затем в разговорах начинает звучать слово «трудодень». Трудодень — стоимость, которую колхоз выплачивает своим членам за отработанную норму, это мерило успехов, мерило правильности организации и качества труда.

Это уже не профессиональный разговор. Каждый может понять, что значит, если трудодень в колхозе «Санаат» (который никогда ранее на выполнял план, а в этом году выполнил его на 185 процентов) стоит 15 рублей и колхозники этого колхоза отработали по 300, 400 и более трудодней [1].

И каждый может понять...

Да, это был голос Мирзы Ахмата Бабаматова из колхоза имени Буденного:

«Мы... мы теперь миллионеры».

Сначала я думал, что он просто шутит. Но Мирза Ахмат Бабаматов начал оживленно излагать историю их превращения в миллионеров, отсчитывая на пальцах сотни тысяч рублей так, как когда-то жалкие копейки:

---

[1] Трудодень в колхозе — это не действительный восьми- или десятичасовой рабочий день, а *норма*. Колхозник может выработать (и, как правило, вырабатывает) и больше, чем эта норма. Если, например, трудодень на хлопкоуборке начисляется за 45 килограммов собранного хлопка, то Таджихон (которая собирала по 135 килограммов) вырабатывала за один рабочий день три колхозных трудодня.— *Прим. Ю. Фучика.*

«По плану мы должны были сдать 367 тонн хлопка. Мы сдали их и получили 374 тысячи рублей. Так. Но мы перевыполнили план... на 230 тонн. Двести тридцать тонн — это по государственным ценам 282 тысячи рублей. Так. А за сверхплановый хлопок мы в качестве государственной премии получаем двухсотпроцентную надбавку. Это еще 574 тысячи рублей. Так. И все вместе это составляет миллион 200 тысяч рублей. Наш колхоз — миллионер. Мы — колхозники-миллионеры».

Ни о миллионах, ни о сотнях тысяч, ни даже о десятках рублей не осмеливались мечтать бедные крестьяне дореволюционного Узбекистана. Батраки гнули спину на байских полях за скудную пищу или за обещание, которое баи почти никогда не выполняли. Дехкане целый год гнули спину на своих истощенных клочках земли и отдавали урожай агентам русских фабрикантов, которые обкрадывали их и на цене, и на весе, приписывали несуществующие долги или брали безбожные проценты по действительным долгам. В результате жизненный уровень дехканина оказывался еще ниже, чем у батрака...

А теперь, например, сам Мирза Ахмат Бабаматов вместе с женой и сыном выработал 720 трудодней и получает из дохода колхоза 12 тысяч килограммов риса, помимо того, что дают ему огород и сад.

Это — подлинное благосостояние.

Благосостояние, которое означает культуру. В колхозе имени Буденного уже есть своя школа, огромные богатые теплицы, новая красная чайхана, ставшая центром культурной жизни, библиотека, оркестр, хор. Колхозники приглашают к себе выдающихся артистов из столицы, строят новый большой клуб, всем молодоженам предоставляются дома европейского типа. Нет, не узнать теперь этого колхоза, который ты видел меньше года назад и который уже тогда нисколько не был похож на старый нищий дореволюционный кишлак.

А колхоз имени Буденного не исключение. На слова Мирзы Ахмата Бабаматова отозвались многие другие колхозы:

«И мы — миллионеры!»

Благосостояние и культура прочно вошли в узбекские кишлаки. Узбекистан делает сказочные семимильные шаги; колониальная полуфеодальная страна вступила в социализм, даже не замочив подошв в капитализме. Вот почему выполнение плана сбора хлопка вызвало здесь такое глубокое, такое искреннее воодушевление, которое не может не оказать воздействие далеко за границами Советского Узбекистана, далеко за границами Советского Союза. Ведь колхозники этой важнейшей хлопковой республики Советского Союза показали нечто большее, чем просто хорошую работу. Те мужчины и женщины Узбекистана, которые вместо 40 килограммов нормы собирали по 150 килограммов хлопка ежедневно и разбили предрассудок о неперевыполнимых нормах,— эти люди совершили переворот в хлопководстве, во многих отношениях давно уже перегнав капиталистические страны. А если они перегнали их, если, наполнив склады советских текстильных фабрик необходимым сырьем, они дали возможность и текстильщикам показать чудеса социалистического труда, чтобы и те — не каторжным трудом, а с помощью организации и техники — превзошли производительность капиталистических фабрик, то они не только укрепили социализм в Советском Союзе, но и прямо помогли сделать новый шаг к конечной цели.

Может быть, это громкие слова, но здесь, в Узбекистане, в этом великолепном и радостном расцвете бывшей колониальной страны, со всей конкретностью чувствуешь, что коммунизм не мечта далекого будущего.

Руде право, 22 декабря 1935 г.

ДОЛИНА ЧУДЕС В УЗБЕКИСТАНЕ

Если бы я сказал вам, что большевики признают чудеса, вы бы мне не поверили. И правильно. Я бы тоже не поверил. Но если вы приезжали на Чирчик еще год тому назад и снова осматриваете его сегодня, держа в руках план всего, что здесь возникнет через два-три года, думаю, что и вы не нашли бы другого названия, как «долина чудес».

Чирчик — среднеазиатская река. Вы никогда о ней не слышали? Вскоре ее имя будет вам так же знакомо, как названия всех знаменитых рек мира, его будут произносить с почтением, примерно так, как говорят «Днепр» или «Волга». И прославит ее тоже социалистическое строительство. Так же, как во всем мире звучало слово «Днепрострой», вскоре будет звучать «Чирчикстрой». Потому что на Чирчике воздвигается подлинный Днепрострой Средней Азии.

Как раз там, где глубокая горная долина Чирчика приближается к Ташкентской долине, где Тянь-Шаньское предгорье резко снижается и переходит в равнину, там расположен Чирчикстрой, там находится будущая долина чудес.

Два года тому назад долина Чирчика еще напоминала многие другие дикие и заброшенные долины в среднеазиатских горах. И лишь землемеры, приходившие сюда со своими шестами и теодолитами, предвещали Чирчику другое будущее, непохожее на его прежнюю тысячелетнюю судьбу. Если ты придешь на Чирчикстрой сегодня, то прежде всего увидишь новую станцию, новую железнодорожную колею, несколько канцелярий, а также чертежные и проектные мастерские. Городок, зародыш будущего социалистического города, стоит там, где еще недавно появлялись только бедные кибитки да юрты

кочевников. Но главное, увидишь гранитный канал, в который сбегают воды Чирчика, оставляющие свое старое русло. Канал уже открыт — и это был первый торжественный день в молодой истории Чирчикстроя. Зачем воду Чирчика отвели в этот канал, временный характер которого очевиден, несмотря на его многокилометровую длину? Ее отвели для того, чтобы воздвигнуть в русле Чирчика препятствие, которое он не в силах будет преодолеть,— *плотину*. Теперь уже нет людского муравейника возле незаконченного канала, и возникнет новый — на месте, где вырастет плотина, внушительная плотина, способная гнать воды Чирчика на расстояние двадцать километров.

Узбекская промышленность *сегодня,* конечно, могла бы удовлетвориться одной чирчикской гидроцентралью, но завтра узбекская промышленность будет нуждаться в десятках таких гидроцентралей. Энергия, которая потечет из Чирчикской долины чудес, откроет гигантские богатства тянь-шаньских гор и предгорий. Провод, передающий электрическую энергию чирчикских станций, превратится в волшебную палочку, прикосновение которой обнаружит запасы меди в Алмалыке, свинца и олова в южном Кара-Мазаре, и на белый свет появятся нетронутые залежи известняка, мрамора, молибдена и угля.

И вот еще одна из причин, благодаря которой когда-то бедная, заброшенная и дикая долина Чирчика становится долиной чудес, потому что самые простые вещи Чирчик будет превращать в редкие ценности. Там, в Чирчикской долине, возникнет завод по производству азотных удобрений. Завод, который никогда не испытает недостатка в сырье, хотя по новой железнодорожной ветке к нему всегда будут прибывать только порожние вагоны. Да, будут прибывать порожними, а возвращаться до самых краев наполненными азотными удобрениями. По-

чему? Потому что Чирчикский комбинат сможет использовать для производства удобрений неисчерпаемое сырье — воду и воздух.

Вода состоит из двух элементов: водорода и кислорода. Если мы наполним электробассейны водой и пропустим через них электрический ток, то разложим воду на оба эти элемента, которые в виде газа можно потом отвести в газоемы. Воздух также состоит из двух элементов: кислорода и азота. Азот — как раз то, в чем нуждается каждое растение. Без азота не вырастет ни одно дерево, ни один цветок, ни зерновые, ни хлопчатник. Но растениям не нужен азот в виде газа. Это и понятно: для нас ведь тоже недостаточно было бы купаться или мыть руки в водороде или кислороде, если бы они оставались газом, а не жидкостью. Но можно — опять-таки с помощью электрического тока — разложить воздух, отделить азот от кислорода, под огромным напряжением соединить азот с водородом и получить таким образом то, что требуется для искусственного удобрения,— аммиак.

Это чудо и будет осуществлено в Чирчике. Чирчик станет давать энергию и сырье, другую часть сырья даст воздух над ним, и из Чирчикской долины будут выходить не только электричество, которого ждут неорганические богатства узбекских гор, но и искусственные удобрения, необходимые растениям, зерновым и, главное, хлопку плодородных узбекских степей...

И «чудо» это совершают большевики в стране, которая до революции испытывала жестокую эксплуатацию и национальный гнет со стороны русских капиталистов.

Затеянная здесь стройка — немалое предприятие. Представьте, что будет уложено 130 миллионов кирпичей; аккуратно поставленные один на другой, они поднялись бы выше горы Арарат.

Сегодня работы на Чирчикстрое идут уже полным ходом. Тысячи рабочих копают землю и управляют машинами, и все новые тысячи приезжают сюда. Чирчикстрою нужны десятки тысяч рабочих, чтобы он был готов в 1937 году.

И тогда Чирчикская долина начнет творить свои чудеса. Чудеса, которые не являются чудесами, потому что вершат их руки людей. Но на это способны только свободные люди. Если они работают для блага коллектива. Если трудятся они по плану на великом строительстве нового, социалистического общества. Если они обладают твердым намерением дать человеку лучшую, более счастливую жизнь и с помощью техники освободить его от подчинения природе. Такие люди создали Днепрострой. Эти же люди создают сейчас Чирчикстрой в стране узбеков...

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. О Средней Азии. Ташкент, 1960, с. 205—208

СССР — ВЕЛИКОЕ ТВОРЕНИЕ ЛЕНИНА[1]

Москва, январь 1936 г.

1. Все здесь молоды и радостны, как в студенческие годы

Зимой в Ташкенте бывают иногда такие вечера, которые похожи и на весну, и на осень.

Сейчас как раз такой вечер. Из приоткрытого окна одноэтажного домика падает свет и доносится тихий голос. Перед окном стоят двое юношей, они поднимаются на цы-

[1] Печатается в сокращении.— *Прим. перев.*

почки, стараясь заглянуть внутрь, напрягают слух и что-то записывают в свои блокноты на карнизе окна. Они не замечают, что кто-то остановился рядом с ними.

— Что вы здесь делаете?

Они оглянулись и, не говоря ни слова, кивнули в сторону окна. За окном сидели на скамейках и стояли молодые и старые, мужчины и женщины, а мужчина с бородой что-то писал на доске, старательно выводя цифры, уравнения с двумя неизвестными.

Это школа.

— Мы опоздали,— объясняют юноши, когда за окном учитель объявил перемену,— а потом постеснялись войти... Да и все равно нам пришлось бы стоять, ведь мест не хватает...

И они не ушли.

— Пропустишь один урок, а потом не догонишь за месяц. А что от тебя толку, если ты не умеешь решать уравнения.

— Правильно! Коммунизм нельзя построить без уравнений, так же как и без знания истории, географии, физики, иностранных языков!

Не везде вечера такие теплые, как в Ташкенте, и не везде можно встретить желающих учиться на улице, перед окнами школы. Но повсюду в Советском Союзе можно встретить такие школы, повсюду в Советском Союзе можно встретить тысячи людей, молодых и старых, которые учатся старательно и с любовью, с желанием научиться всему.

Идешь по улицам Москвы. Уже поздно, магазины закрыты, но за витринами горит свет. Продавцы белья закрыли двери за посетителями, сели за прилавки, как за школьные парты, принесли со склада доску, поставили ее перед кассой и слушают пожилого профессора из Академии наук, который тщательно, как это присуще ученым, рисует на доске картину стратосферы.

Далеко отсюда, в киргизском Караколе, на границе с Китаем, есть школа, которая разместилась в бывшей мечети. Правда, в ней учатся не продавцы белья, а работники киргизского автотранспорта, охотно проводящие опыт с лейденскими банками. Это их шестой урок физики.

В Харькове можно увидеть электротехников с турбинного завода на лекции по диалектическому материализму, а в Горьком — монтажников автозавода, старательно произносящих незнакомые звуки английского языка.

На квартиру товарища Сметанина, стахановца с обувной фабрики в Ленинграде, приходят преподаватели вузов и дают уроки математики, а Дуся Виноградова, закончив работу на 216 станках, садится дома за стол и внимательно слушает лекции преподавателей по текстильному делу. Она хочет стать инженером.

Учатся здесь все. Старые женщины из Ферганской долины, лишь недавно снявшие паранджу, старательно, как дети, произносят первые буквы букваря, а шахтеры из Горловки на вечерних курсах по теории литературы размышляют о прошлом и будущем эпоса.

Учатся все, и это так заразительно, что, прожив здесь несколько месяцев, вдруг обнаруживаешь, что у тебя уйма свободного времени, и ты садишься за книгу и начинаешь учиться, учиться и учиться, ибо в мире столько интересного, чего ты не знаешь, но можешь узнать.

Люди живут здесь так же молодо и радостно, как в студенческие годы. И перед тобою открывается *прекрасная страна социалистической культуры.*

Социалистическая культура.

Она не имеет ничего общего с теорией «пролеткульта», с придуманными «прообразами» культурных аскетов, которые уже пресытились буржуазной культурой и тешат себя надеждой на «диетические качества» социалистической культуры.

Нет, социалистической культуре не чужды великие достижения прошлого, она вобрала в себя все знания и здоровые стремления человечества, в ней живо все лучшее и от французских энциклопедистов, и от изобретателей пара и электричества, и от иранских поэтов XI века. Это культура, которая ведет к ликвидации различий между умственным и физическим трудом. Именно такая социалистическая культура развивается сейчас в Советском Союзе, окруженная такой заботой, какой не знала ни одна культура до сих пор. Цифры плана на 1936 год и бюджета Советского Союза свидетельствуют об этом нагляднее, чем самые проникновенные слова.

В прошлом году советский бюджет предусматривал 550 миллионов рублей на строительство школ и других культурных учреждений. В этом году на это строительство предусмотрен 1 миллиард 272 миллиона рублей. В своих репортажах из Советского Союза буржуазные корреспонденты не переставали удивляться, с какой быстротой в прошлом году строились сотни и сотни новых школ. Что же скажут они в этом году, когда в советских городах и деревнях будет построено 4300 новых школ?

Но одних только новых школ мало. Нужны также и новые учителя. В прошлом году в педагогических вузах Советского Союза обучалось 92 тысячи будущих педагогов. В нынешнем году советские вузы дадут стране 111 тысяч новых учителей и преподавателей.

Это будет стотысячная армия руководителей миллионной армии учеников. Ведь в начальных и средних школах Советского Союза в нынешнем году будет учиться 28 миллионов детей и молодежи, а в вузах — 52 тысячи студентов. Советская промышленность, сельское хозяйство и транспорт получат в нынешнем году 83 тысячи инженеров и 138 тысяч техников — выпускников высших и средних учебных заведений, рабочие факультеты

окончат более 70 тысяч человек, а школы ФЗО дадут стране 291 тысячу молодых квалифицированных работников.

Но и эти цифры не в полной мере отражают массовый характер культурного роста советских людей. Ведь только в прошлом году на специальных курсах обучалось 5,5 миллиона рабочих и колхозников, которые осваивали основы высоких технических знаний. Но это было в прошлом году. В этом году такие курсы рассчитаны уже на 8 миллионов советских трудящихся. Можно представить, что означают такие курсы для ликвидации различий между физическим и умственным трудом, ведь именно их окончили Стаханов, Бусыгин, Сметанин, Кривонос, ткачихи Виноградовы — эти инженеры, работающие у станка. Их опыт, приумноженный на этих курсах, за один год приблизит Советский Союз к коммунизму на целое десятилетие.

Даже самый невнимательный посетитель Советского Союза, который не умеет или не желает видеть, как здесь люди учатся, сможет убедиться в их тяге к культуре, если хотя бы раз сходит в театр или в кино. Театры, кинотеатры, концертные залы постоянно переполнены и не могут полностью удовлетворить растущие культурные запросы советских людей в Москве, Ленинграде и в самых отдаленных уголках Советского Союза. В этом отношении москвич ничем не отличается от казаха из Караганды. В советском бюджете миллионы рублей предназначены на удовлетворение этого последнего «голода» трудящихся. В прошлом году были открыты сотни новых театров и кинотеатров, а всего их работало 36 тысяч, а в нынешнем году их будет уже 44 тысячи. Восемь тысяч новых театров и кинотеатров за один год!

Но и это не последнее свидетельство ошеломляющего роста советской культуры. Попробуйте вечером купить последнее издание стихотворений Маяковского, которое вы

утром видели в книжном магазине! Попробуйте днем купить на улицах Москвы свежий номер «Правды» или «Известий»! Попробуйте на два дня опоздать с подпиской на собрание сочинений Дарвина! Вы останетесь без Маяковского, без «Правды», без Дарвина. И если через две недели выйдет новое издание Маяковского тиражом 50 тысяч экземпляров,— ждите перед открытием у книжного магазина, ибо желающих приобрести эти книги полмиллиона. В прошлом году книжная продукция составила в Советском Союзе 4 300 000 000 печатных листов, а сегодня девять десятых из этих изданий не найдешь на полках книжных магазинов, ибо все они распроданы. Миллиардная книжная продукция не смогла удовлетворить потребности советских читателей. В плане на 1936 год предусмотрено увеличение книжных изданий на 820 миллионов печатных листов. Более 5 миллионов печатных листов появятся на прилавках книжных магазинов в этом году, и все они будут распроданы!

Стотысячными тиражами выйдут многие произведения советских писателей — Шолохова, Эренбурга, Федина, Павленко, Иванова. Некоторые произведения напечатают тиражом в полмиллиона экземпляров. Тиражами в десятки и сотни тысяч экземпляров будут изданы произведения Толстого, Лермонтова, Гоголя и других классиков русской литературы, а также произведения французских, немецких и английских классиков. 1936 год — это год, предшествующий юбилею Пушкина, а поэтому произведения Пушкина будут изданы тиражом 13 миллионов экземпляров...

Школы, курсы, театры, кинотеатры, книги — всесторонне культурно развиваются десятки миллионов граждан Советского Союза, к какой бы из 118 национальностей они ни принадлежали. В советском бюджете этот факт подтверждается соответствующей цифрой. В прошлом году Советский Союз выделил на развитие культуры

13 миллиардов рублей. Во всем мире нет государства, которое хотя бы чуть-чуть приблизилось к такому уровню и проявило бы похожую заботу о культурном росте своего народа, как Советское государство. Но и эта цифра показалась недостаточной, а поэтому в бюджете на 1936 год на развитие культуры выделено еще 4,5 миллиарда рублей.

Семнадцать с половиной миллиардов рублей — вот каковы ассигнования в советском бюджете на 1936 год, предназначенные на развитие культуры.

Советское правительство удовлетворяет огромную тягу советских трудящихся к культуре. А это давно уже не означает только умение читать и писать. Теперь это значит, что миллионы трудящихся начинают овладевать богатым наследием культуры прошлого, что знания открывают пути для развития огромных творческих сил, что миллионы трудящихся создают самую богатую, самую глубокую культуру в истории человечества — социалистическую культуру.

2. Маруся Косимова покупает себе меховое пальто

Бежица была когда-то глухим фабричным предместьем в Брянской губернии. Там и сейчас находится фабрика. Только вместо старых цехов выросли огромные здания, каждое из которых само по себе является фабрикой, а некоторые, чистые и ажурные, совсем не похожи на металлообрабатывающие цехи, а напоминают «родильный дом» вагонов или экскаваторов. А городок тоже уже не городок. Когда идешь по его широким улицам с пятиэтажными домами, то чувствуешь себя, как на улицах большого города. Население с тысячами жителей разрослось до десятков тысяч, вместе с ними ты идешь в клуб, в театр,

на стадион. Здесь не чувствуется провинция — и это удивительно. И тогда ты начинаешь бродить по городу, чтобы доказать ему, что он все еще городок. И так попадешь в магазин верхнего готового платья.

Вот так я попал в бежицкий магазин готового платья, желая уличить Бежицу в необоснованном стремлении сойти за крупный город, а вместо этого сам был уличен в неоправданном недоверии. Я не нашел в нем ничего, что нельзя было бы перенести прямо в Москву. А пока я разглядывал товары и покупателей, в магазин вошла девушка.

Это была типичная представительница девушек советских фабрик — рослая, уверенная, самостоятельная и полная жизни, чувствующая себя в рабочем комбинезоне так же, как в вечернем платье. В магазин она пришла не в вечернем платье. Она пришла прямо с работы, в грубой рабочей блузе и мятых брюках. Продавец в капиталистическом магазине предложил бы ей не более чем дешевое платье из искусственного шелка или пуговицы к костюму, который она сама перешивает из позапрошлогоднего, и в соответствии с этим обращался бы с ней.

Но она стала выбирать себе меховое пальто.

Для меня это было несколько неожиданно... Меня это заинтересовало.

Где-то за перегородкой она примерила несколько пальто и затем появилась, разглядывая с видом знатока то, которое она выбрала. И потом мимоходом спросила о цене.

— Тысяча пятьсот рублей.

Теперь наступил решающий момент, и я подумал: полторы тысячи рублей — это не пустяк; купит или нет?

— Хорошо,— сказала она,— отложите его на пятнадцать минут, я сбегаю домой за деньгами.

Я был разочарован. Знаю я это «я зайду потом». Так говорят всегда, если знают, что такой суммы нет, но в

этом стыдно признаться. Зато потом незадачливый покупатель целый год старается обойти стороной тот магазин, куда обещал вернуться через полчаса. Продавцы уже знают это и корректно уверяют, что товар будет отложен, а сами засовывают его опять на полку и не менее корректно забывают об обещании «зайти потом» еще раньше, чем за покупателем закроются двери магазина. «Вот это произойдет и с моей героиней»,— подумал я.

На другой день я встретился с ней в клубе. Маруся Косимова, двадцати двух лет, токарь бежицкого завода, стахановка в своем цехе. На ней было шелковое платье, ногти ее были тщательно подстрижены, а бархатные глаза сияли. Когда мы уходили, она в гардеробе надела свое новое меховое пальто.

— Вы его все же купили?

— Да, я успела... Пришлось всю дорогу бежать... Их очень быстро разбирают, знаете, хорошие вещи не лежат на складе ни одного дня...

— Но это так дорого!

— Почему? Ведь я работаю...

Ответ был такой же простой, как она сама, простая, как все удивительные люди здесь. Дорогие меховые пальто, которые ни дня не пролежат на складе в магазине фабричного, рабочего городка. Автомашины, производство которых не в состоянии удовлетворить спрос шахтеров. Колхозники просто строят колхозные аэродромы и бомбардируют авиазаводы требованиями продать самолет. И многие другие свидетельства того, что в жизнь трудящихся Советского Союза входит благосостояние.

Ведь не одна Маруся Косимова, а десятки тысяч работниц, которых ты видишь днем у станка на фабрике, вечером, безукоризненно одетые, появляются в театре или на балу, где танцуют с элегантными мужчинами с орденами на груди. А завтра ты можешь увидеть одного

из этих элегантных мужчин в сборочном цехе автозавода, одетого в рабочий комбинезон, второго — в шахте, а третьего — полярным летчиком или полковником артиллерии.

И ты не удивляешься, что Карим Абдулаев, колхозник из колхоза «Искра», имеет в своей кибитке самый современный и, разумеется, самый дорогой радиоприемник и что хозяйство рядового члена колхоза «Ленинский путь» более богато, чем хозяйство зажиточного старосты дореволюционной деревни.

А известие о том, что товарищ Моисеенко, механик полярной станции, зимующей на мысе Восточный, заказывает себе по радио самые красивые галстуки и самые дорогие сигареты, а для своей жены самые дорогие духи, вызывает интерес, а не удивление, ибо почему бы советским полярникам, проводящим длинную зимнюю ночь на далеком Севере, не жить зажиточно?

...Если их страна, страна, которая послала их на передовой ледяной рубеж, сама живет зажиточно.

Не счесть всех маленьких и больших доказательств поистине хорошей жизни, с которыми встречаешься на каждом шагу в Советском Союзе. Но об их сумме говорят следующие цифры: цифры выполнения плана на 1935 год и нового плана и бюджета на 1936 год.

Когда смотришь на эти цифры, хочется вернуться немного назад, к истории, совсем недавней истории.

Всего-навсего на восемь лет назад. Шел 1928 год, и мистер Кулидж, президент Соединенных Штатов Северной Америки, выступая с трибуны парламента, произнес восторженную и уверенную речь в похвалу американского капитализма:

«Никогда еще парламент, давая оценку положения в стране, не имел перед собой более радостной картины, чем сегодня. В стране господствует спокойствие и порядок, гармония отношений между капиталистами

и рабочими. Огромное богатство, созданное благодаря нашей хозяйственности, распределяется между широчайшими слоями нашего народа...»

Мистер Кулидж мечтательно посмотрел через окно парламента вдаль и добавил:

«Наша страна может спокойно смотреть на настоящее и с оптимизмом в будущее...»

Это было всего лишь восемь лет назад. В то время Америка ставилась в пример всем недовольным в капиталистическом мире, и целая армия старых и новых «теоретиков» социал-демократии доказывала рабочим «бессмысленность советского эксперимента» и преимущества такого строя, в котором господствует «гармония отношений между капиталистами и рабочими». Некоторые просто говорили это красивыми словами, другие опирались на «факты». А «факты» найти было нетрудно. Ведь в то время национальный доход, который является самым существенным показателем богатства страны, составлял в Америке 80 миллиардов долларов, а в Советском Союзе — всего лишь 25 миллиардов рублей!

Прошел год, и в Америке вместо спокойствия и довольства разразился кризис. Господин Кулидж с его оптимизмом оказался плохим пророком. «Радостная картина» сменилась хаосом, мощные выступления безработных нарушили идиллию «социального мира», и национальный доход стал уменьшаться. Когда Советский Союз завершал свою первую пятилетку, национальный доход в Америке составлял всего лишь 39 миллиардов долларов. А в Советском Союзе? В Советском Союзе уже тогда национальный доход достиг суммы в 50 миллиардов рублей...

На этом мы можем окончить наш краткий экскурс в недавнее прошлое. В Америке по-прежнему господствует кризис, приводя к гибельной нищете миллионы трудящихся. А в Советском Союзе продолжается систематиче-

ский и стремительный рост промышленного производства, сельского хозяйства, повышается национальный доход. В 1934 году он составил уже 55,5 миллиарда рублей, в плане на 1935 год предусматривался его рост на 9 миллиардов, фактически же он возрос более чем на 10 миллиардов рублей. В плане на 1936 год предусматривался его рост еще на 27 процентов, то есть на 17,5 миллиарда рублей. В нынешнем году национальный доход Советского Союза превысит 83 миллиарда рублей.

В этой цифре, в ее росте отражается не только общее богатство Советской страны, но и совершенно конкретное благосостояние советских трудящихся. Суммарная цифра национального дохода Америки мало что говорит о реальном уровне жизни американских трудящихся, поскольку неизвестно, сколько процентов национального дохода положит себе в карман горстка капиталистов — 45 или 60. В Советском Союзе цифра национального дохода отражает картину положения трудящихся, ибо здесь нет капиталистов, нет эксплуататоров, которые присвоили бы себе хотя бы одну десятую процента этого дохода.

Но и национальный доход это не единственная, хотя и главная, цифра, которая свидетельствует о растущем благосостоянии в Советском Союзе. Рабочий в капиталистической стране с горечью смотрит на недельный заработок, который с каждым месяцем становится все меньше, если хочет сказать о своем жизненном уровне. В Советском Союзе денежные фонды также отражают уровень жизни рабочих и служащих. В 1934 году денежный фонд Советского Союза составил 44 миллиарда рублей. За один только 1935 год он вырос на 12 миллиардов, а в 1936 году возрастет еще на 7 миллиардов, что даже при планируемом вовлечении в производство еще миллиона рабочих означает повышение средней заработной платы на 8,5 процента.

Но посмотрим на эти 8,5 процента. Проценты мало значат, если увеличивается дороговизна, повышение не поможет, если за более высокую зарплату ты можешь купить меньше, чем до ее повышения. В Советском Союзе повышается средняя заработная плата, одновременно продолжается наступление на цены товаров, которое было начато в прошлом году, когда снижение цен на 25—30 процентов позволило советским трудящимся сэкономить 8 миллиардов рублей.

Жить стало лучше, жить стало веселее — таков итог прошлого года. Но все разделы плана на 1936 год свидетельствуют о жизни еще более богатой и радостной. Советский бюджет — бюджет культуры и благосостояния — возрастет на 21,5 процента и составит 89 миллиардов рублей. План предусматривает реализацию основных капиталовложений на огромную сумму — 32 миллиарда рублей. Промышленное производство возрастет еще на 23 процента. Социальное обеспечение, которое впервые в прошлом году достигло рекордной цифры — 6,5 миллиарда, возрастет еще на 20 процентов, то есть до 8 миллиардов рублей. Расходы на жилищное строительство увеличатся на 60 процентов. На десятки процентов, на миллионы, миллиарды рублей увеличиваются доходы колхозников, товарооборот, денежные вклады советских граждан в сберкассах...

...И все это является радостным итогом содержательной и богатой жизни, это и Маруся Косимова, которая не является исключением, и элегантные мужчины и женщины — трудящиеся — в ложах театров и танцзалов, это благоустроенные жилища колхозников в центре и в далеком Таджикистане, это самая подлинная гармоничная удовлетворенность, наблюдающаяся в Советском Союзе... Все это итог того, что в 1936 году в Советском Союзе, стране Ленина, живется хорошо и зажиточно.

Руде право, 1936 г.

ИНТЕРВЬЮ С НОВЫМ ГОДОМ

Москва, 2 января 1936 г.

Мы застали Новый год в разгар работы. Но он охотно рассказал нам о своем приходе в Советский Союз.

«Это,— начал он,— веселые и радостные воспоминания. Где меня встречали веселее всего? Зачем вы спрашиваете? Ведь вам и так известен ответ. Мне всего лишь два дня, но я уже это понимаю...

Границу Советского Союза я пересек на Дальнем Востоке. И заранее был готов к тому, что бдительные пограничники задержат меня. Однако этого не случилось. Меня встретили с радостью, как лучшего друга, дальневосточные красноармейцы и тихоокеанские моряки, на груди которых сверкали только что полученные ордена. Я станцевал с ними свой первый танец и выпил первый бокал вина за свое здоровье. Советская граница была моей триумфальной аркой. Но другим я не советую пытаться перейти эту границу без разрешения. Для них я не буду ни веселее, ни счастливее, чем мой предшественник. А когда я проходил по Советской стране, я понял, что у этих веселых ребят из Владивостока есть причина быть мужественными...

Это огромная страна. Семь часов я шел от Владивостока до Москвы, я пересекал меридианы и пояса времени, и на всем моем пути часы били полночь, играла музыка, люди танцевали, пели и приветствовали меня — ах, как они меня приветствовали!

Я видел только что построенные города, где каждый кирпич говорил о благосостоянии, каждое окно светилось счастьем! Эй, молодцы, какое счастье быть Новым годом в такой стране...

Я пришел на полярные станции в тот момент, когда по радио звучал голос Отто Юльевича Шмидта: С Новым

годом, дорогие товарищи полярники! От всего сердца желаю вам успехов и счастья... И полярники слушали со слезами радости на глазах, а потом взяли в руки гармони, завели граммофоны, начали петь и танцевать, и везде звучала та же самая веселая нота, которую я слышал на всем пути.

Я пришел в хлопководческие колхозы Средней Азии, когда дутары пели песни в честь моего предшественника, пели о любви к героям высоких урожаев, о счастье Бабаканова, Таджихон и маленькой Мамлакат, пели приветствуя меня...

Я пришел в Горький, когда рабочие автозавода высоко подняли своего Бусыгина, и дождь конфетти и серпантина сыпался со всех сторон...

И вот я пришел в Москву. Не было такого клуба, зала, школы, кафе, ресторана, ни одного большого помещения, которое не было бы заполнено людьми с радостными лицами. Новогодние елки — мои первые елки — сияли огнями и подарками, дети играли и танцевали вокруг них, а взрослые были похожи на детей. В кинотеатре «Ударник» Владимир Баранов, лучший стахановец электрозавода, кружился в вальсе с Шурой Овчинниковой, лучшей стахановкой из ЦАГИ; в клубе «Парижская коммуна» зрители стали действующими лицами и на сцене неожиданно появились сотни веселых талантов; в Колонном зале учащиеся московских школ провозгласили власть молодых, а в этой стране и правда нет стариков; старый партизан Кошеваров мчался с внуком на тройке по сверкающему снегу Сокольнического парка и по-озорному свистел, радуясь жизни, за которую он когда-то боролся...

...А когда в Клубе работников кино часы пробили 12 и погас свет, на экране в последний раз появился мой предшественник, 1935 год. Я увидел кадры VII съезда Советов, который дал стране самую большую демократию; увидел Марию Демченко на съезде колхозников, когда она

давала свое обещание собрать 500 центнеров свеклы с гектара; увидел первый поезд Московского метрополитена; Стаханова во время его первой «стахановской» смены; переполненные витрины «Гастронома», где рука продавца заменяла высокую цену на новую, низкую; увидел горы продуктов и одежды, лавину достатка, лавину благосостояния...

...Когда в зале снова зажегся свет, я посмотрел на людей. Они были взволнованы и улыбались, как улыбается человек, которому показали начало его нынешнего счастья. Я понял, как давно они мечтали об этом, ведь прославленное метро сегодня является обычным средством транспорта; Мария Демченко давно собрала обещанные 500 центнеров свеклы с гектара и с орденом Ленина на груди обещает собрать 700 центнеров; стахановское движение стало неотъемлемой частью советской действительности; а счастье, огромное счастье, которое все испытывали в прошлом году, стало казаться скромным по сравнению с предстоящим.

Простите, товарищи, что мне не удалось незаметно вытереть слезы. Нет, я не сентиментален, но я не могу не испытывать тех же чувств, которые испытывали все встречавшие меня, а в их глазах я постоянно видел веселую смесь смеха и слез счастья. Какое это счастье, быть Новым годом после такого предшественника, каким был в Советском Союзе 1935 год!

А знаете ли вы, что меня везде встречали с новой песней? Везде, куда бы я ни пришел, я слышал:

«Мы растем все шире и свободней,
Мы идем все дальше и смелей,
Весело живется нам сегодня,
Ну, а завтра будет веселей!»

И советские люди знают, что так будет. Они не могут ошибиться во мне, ведь я их Новый год».

Руде право, 1936 г.

НАД ГРОБОМ И. П. ПАВЛОВА

Москва, конец февраля 1936 г.

«Скончался Иван Петрович Павлов...»

Впервые эти слова прозвучали из громкоговорителя. На улице.

Было раннее утро, люди спешили на работу. Но, услышав эти слова, они замедлили шаг.

Умер Иван Петрович Павлов, великий и мудрый ученый, которого знал и любил весь Советский Союз. Этот ученый не замыкал свою науку в толстых томах или в стенах лаборатории. Результаты его труда доходили до сознания рабочих и колхозников. Миллионы простых людей не могли, конечно, вникнуть в ход его исследований, они не могли пересказать содержание его научных статей, но каждый из них понимал, что Иван Петрович Павлов отнимает у природы великие тайны человеческого организма, что он помогает человеку познать самого себя и, следовательно, делает человека более сильным.

Философы-идеалисты прикрывали свое неведение загадочными теориями. Они делили человека на зримое тело и незримую, непостижимую душу. Даже хорошие физиологи зачастую принимали это идеалистическое шарлатанство, потому что оно облегчало работу, давало возможность не беспокоить себя вопросами, на которые так трудно было найти ответ. Иван Петрович с первых шагов своей многолетней научной деятельности работал над разрешением именно этих сложнейших вопросов. Десятилетиями производимые опыты над собаками раскрыли ему физиологические законы «души». Он познавал их терпеливо и неутомимо, накапливая крупицу за крупицей знания, вел наблюдения не часами, а годами, для того чтобы не только выдвигать гипотезы, но и вывести законы.

И он открыл эти законы. Открыл и начал проверять их на человеке, но смерть прервала его работу. Ему было восемьдесят семь лет, но эта смерть была все-таки преждевременной. То, что он начал делать для человечества, еще не завершено. Но фундамент заложен столь мощный и законы научных построений утверждены на нем так прочно, они так подкреплены фактами, что дело Павлова, несомненно, будет завершено.

Советские граждане знали и уважали Павлова и до его смерти. Его послеоктябрьская биография поучительна с точки зрения его популярности и характерна для политического развития самого Ивана Петровича.

Задолго до революции физиологи всего мира знали профессора Павлова. Его научные работы восхваляли, но в не меньшей степени подвергали и нападкам. В 1904 году Павлов был удостоен Нобелевской премии, но это только усилило неприязнь к нему буржуазии. Ибо буржуазная наука не могла простить ему того, что он материалист.

Это отражалось и на отношении к нему царского правительства. Павлов был гениален, а главное, его знали далеко за пределами страны, и это вынуждало царское правительство признать Павлова и даже разрешить избрание его в Академию наук (кстати говоря, лишь через три года после присуждения ему Нобелевской премии). Но царское правительство ограничивалось тем, что терпело существование Павлова. Это было все, чем оно «помогало» его работе. Для своих великих опытов он располагал лишь маленькой лабораторией, а финансовая база ее была такова, что он был вынужден обращаться за помощью к частным лицам; сам он жил очень скромно, и его друзья потихоньку собирали средства, чтобы поддержать гениального ученого.

Революция покончила с таким положением. Советская власть создала ему совершеннейшие условия для работы.

Она изгнала нужду из его личной жизни. Она дала ему все необходимые средства для опытов. Вместо старой, жалкой лаборатории Павлов получил новую, идеально оборудованную, а потом и целый научный городок, состоявший из многих лабораторий и институтов.

Павлов вначале настороженно отнесся к революции и установлению диктатуры пролетариата. Но понемногу он начал убеждаться, что расширение его научной работы прямо и неразрывно связано с существованием диктатуры пролетариата. И наконец он понял все. Он понял, что его научная теория близка тем людям, которые строят новый мир, что его дело может жить настоящей и полной жизнью только в этом новом мире.

Он не мог стать реакционером потому, что создавал новую науку. И он сам начал сопоставлять, сам стал указывать на разницу между тем, что было раньше, и тем, что есть теперь. Он видел расцвет науки в Советском Союзе и видел, как преследуют ученых в капиталистической Америке и в фашистской Германии.

Павлов понял и то, что в новом мире, в мире социализма, наука не ограничена стенами лабораторий, что ею живет весь народ. Встретясь с колхозниками своей родной Рязани и услышав из их уст ясную и конкретную оценку своих трудов, он встал и сказал:

«Раньше наука была оторвана от жизни, отчуждена от населения. Сейчас я вижу нечто совсем иное: науку ценит и уважает весь народ. Поднимаю бокал и пью за единственное правительство в мире, которое смогло осуществить это,— за правительство моей страны».

Иван Петрович Павлов был советским человеком и со всем авторитетом ученого заявил о своей любви к правительству рабочих и крестьян не потому, что он поддался агитации, а потому, что в этом его убедила судьба собственной науки.

Умер великий и мудрый ученый, которого знали и любили трудящиеся всего Советского Союза.

Но Иван Петрович умер в стране, где великие дела никогда не умирают.

Руде право, 8 марта 1936 г.

НА ПЯНДЖЕ, КОГДА СТЕМНЕЕТ

Рано утром на противоположном берегу показались мужчина и женщина. Мы наблюдали их в бинокль.

За рекой лежала пустынная долина Афганистана, голубой туман продолжал ее в бесконечность, и вершины Гиндукуша повисли над ней как-то неестественно и фантастично.

Мужчина опустил на воду кожаные мехи, усадил в них женщину и затем, умело определяя направление и налегая на длинное весло, пустил лодку по быстрому течению реки прямо к пограничному пункту. Это был опытный перевозчик. Он ловко пристал и соскочил на советский берег. Чуткий пес напряг слух и тихонько заскулил. Пограничник, не повернув головы, погладил собаку и продолжал настороженно и внимательно наблюдать. И не он один следил за неизвестным гостем «оттуда». Вероятно, гость это почувствовал. Его движения стали уже не столь свободными. Он оставил женщину на берегу и осторожно пошел. Через каждые пять-шесть шагов он останавливался и осматривался, как бы ожидая нападения или помощи. Или как бы не находя того, что здесь должно было быть.

Ему предстояло пройти утомительный километр вязкой глины и камней — летнее русло Пянджа (когда тают снега на Памире, узкая и светлая полоска реки превращается в мутное озеро).

Незнакомец перестал оглядываться и прибавил шагу. Он исчез за высоким берегом, намытым летним Пянджем. Мы не видели его, но знали, что он перелезает сейчас через эту глиняную стену, которая коварно рушится, но поддается неохотно.

Через минуту его голова появилась прямо перед нами. Потом он просунул руки, выпрямился и стряхнул глину с короткого халата, на локтях которого нахально вылезала вата.

Когда он приблизился, из укрытия выступил пограничник. Незнакомец положил руку на сердце и низко поклонился. Из-под халата показалась загорелая грудь, не прикрытая рубашкой. Мы подошли к нему.

— Эмигрант? — спросил начальник, а пограничник-таджик перевел его слова длинной и певучей фразой. Незнакомец громко щелкнул языком и завертел головой: «Нет». Минутку подождал, но, когда увидел, что начальник спрашивает только глазами, а вопросов больше не задает, принялся рассказывать. Говорил он быстро, красноречием преодолевая смущение, и часто указывал вниз на берег, где лежала закутанная женщина.

— Просит врача,— перевел пограничник,— для жены,— прибавил он, и начальник понимающе кивнул головой.

Врач приехал на пограничный пункт только после обеда. В это время мы были на обходе и вернулись лишь к самому вечеру, когда со всеми очаровательными эффектами декабрьского лета заходило солнце и гости из Афганистана были уже маленькой темной точкой, видневшейся вдали на другом берегу.

— Ну, в чем дело? — спросил начальник, с шумом снимая запыленные сапоги.

— Так, его жена... родить не могла.

— Ну, и как же обошлось?

— Ничего, все в порядке. Небольшая операция... крик-

нуть даже не успела. Но скандал был как всегда... Он привез ковер и ни за что на свете не хотел его брать обратно... Мы просто бросили его в бурдюк, когда они уже отъезжали от берега... Думаю, что обиделся...

— Обиделся,— подтвердил начальник лаконично, пытаясь смыть жирную пыль с глаз,— обиделся. Чудаки!

Над Ошем возвышается гора Тахт-и-Сулейман — трон Соломона. На ее вершине сверкает на солнце большой камень, гладкий, как зеркало. Вглядись в это зеркало, ты увидишь прошлое, еще совсем недавнее, но более страшное, чем сказка о драконе, который приполз с вершины противоположного Таш-Ата и проглотил все войско Александра Македонского.

Тахт-и-Сулейман поглотил больше жизней, чем может придумать рассказчик старых легенд. Тахт-и-Сулейман подрывал в течение нескольких столетий здоровье народов Средней Азии. Это было доходное предприятие магометанских монахов, и его печальную славу разносили одиночные путники и целые караваны в далекие края. Видишь отражение этой печальной славы в каменном зеркале.

Люди идут пешком из Ферганской долины, меланхолически покачиваются на верблюдах, следуя из Хивы или Карсакпая, приезжают из Киргизии на конях, спешащих мелкой рысцой, караваном тянутся по горным тропам Памира, переходят границы из Син-Цзяна, из Индии, из Афганистана, и Тахт-и-Сулейман — их конечная цель.

Это все больные, все они хотят излечиться, всем им «духовные хранители гор» обещают здоровье. За овцу у тебя перестанет болеть голова, за три овцы вернешься домой без ревматизма, за верблюда слепой прозреет. Нужно только просунуть голову в отверстие скалы, благословенное пророком Соломоном, или положить больную ногу в вымоину, которая приносит облегчение, или обмыть глаза каплей воды, стекающей со стен Соломоновой пещеры, как сразу излечишься.

На все болезни есть отверстия в троне Соломона. И на костоеду, и на сифилис, и на запор. Но самая громкая его слава — каменное зеркало: помогает от бесплодия.

Мудрый пророк Соломон помнил и об этой великой печали народов Средней Азии и вложил свое священное семя в грубый камень, который в течение столетий заменял его мужскую силу. Женщина, которая трижды съедет на коленях по этому камню, может с надеждой вернуться домой. Она излечится от бесплодия, будет рожать.

Тысячи, десятки тысяч женщин гладили своими коленями грубый камень. Его поверхность утратила свою грубость, он стал как зеркало, и в его гладком блеске отражается грязный ужас недавнего прошлого, когда толпы магометанских монахов на Тахт-и-Сулеймане росли так же быстро, как смертельные болезни киргизов, казахов, узбеков.

Теперь Тахт-и-Сулейман опустел. Только ветер иногда шелестит старыми поблекшими плакатами антирелигиозной пропаганды, и поднятый прах времен неучтиво засыпает два углубления, которые проделал своими коленями в скале молящийся пророк Соломон.

Иногда на вершину поднимается экскурсия любознательных безбожников. Изумятся и уйдут в прекрасном расположении духа, как посетители музея, которым довелось увидеть бронтозавра. Когда-то было страшно, но теперь стало смешно. И это все.

Больше не идут сюда паломники, чтобы избавиться от своих болезней. Революция сократила для них путь к здоровью. Между Тахт-и-Сулейманом и больными из Хивы и Карсакпая, из Киргизии или Ферганской долины возникли десятки новых больниц, в них живые «пророки» в белых халатах лечат без чудодейственных камней и без вымоин в скалах и, главное, не требуют за лечение ни овец, ни верблюдов.

Однако власть этих людей над болезнями гораздо силь-

кее власти тахт-и-сулеймановских мулл над здоровьем. Завидя этих людей, трахома убегает из глаз, сифилис исчезает; здоровые женщины теперь родят здоровых детей в белых и чистых родильных домах.

Конец тебе пришел, трон Соломона. Твоя слава уже никогда не вернется. На этой высокой горе ты глубоко погребен вместе с проклятым прошлым.

Но... за границами СССР, в Афганистане, не было революции, которая возвратила бы людям здоровье. Пройдешь сто километров и не найдешь ни врача, ни больницы. Сифилис здесь плодородней хлопка. Трахома крепко сидит под веками, а женщины здесь страдают от бесплодия, вызванного хроническими болезнями и нездоровой наследственностью. Муллы знают заклинания и готовят отвары из трав и помета, но, если они не помогают, надежды больше нет.

На горе Соломона давно уже было прикрыто доходное предприятие «святых лекарей» вместе с его богатыми владельцами, когда группа больных из Афганистана впервые натолкнулась на советских пограничников. Больные не растерялись, они были подготовлены к встрече со стражей. Стража стояла здесь и при царе. Она била нарушителей границ, когда удавалось их изловить. Офицеры брали с них большие взятки и, когда взятки оказывались достаточно солидными, закрывали глаза на весь караван. Такую пограничную стражу паломники хорошо знали и к встрече с ней были соответственно подготовлены.

И вдруг теперь на границах стоят совсем другие люди. Они никого не бьют, но очень страшно смотрят, когда им предлагаешь овцу или ковер. Привезли золото, тоже не берут. И ни за какие деньги не пропускают на Тахт-и-Сулейман. Да еще подрывают у тебя веру в его чудодейственную силу.

Среди больных афганцев был человек с язвой на руке. Он проехал триста километров на ишаке, чтобы найти об-

легчение у Соломона. Теперь он лежал здесь на пограничном пункте, а температура у него все повышалась. К вечеру он уже только стонал и выкрикивал в беспамятстве невразумительные слова.

Задержанные афганцы молча стояли вокруг больного и с ненавистью смотрели на пограничников как на виновников его смерти. На погранпункте стало как-то печально, неприятно, чуждо. Начальник звонил на соседние пункты. Просил врача. Но было лето, и врачи проводили большую противомалярийную кампанию. На конях и в изношенных машинах ездили они по бездорожью, взбираясь на холмы и пробиваясь среди тростников. Только ночью зашумела около погранпункта машина, и из нее вышел сонный, с покрасневшими глазами мужчина. В самоваре вскипятили воду, и врач приступил к операции.

С этого началось.

В Афганистан больные возвращались уже после осмотра врача, сжимая под халатами бутылки с микстурами и коробочки с порошками. Возвращались со смешанным чувством благодарности и в то же время оскорбления. Ни врач, ни пограничники не приняли их даров. А если вы знаете Восток, то должны знать и то, что это — жестокое оскорбление. Больные привезли в свои кишлаки волнующие вести. Рассказали о том, что Тахт-и-Сулейман утратил свою чудодейственную силу, и о том, что за Пянджем живут люди, которые возвратили жизнь умирающему Джелалу и зрение слепнущему Касиму.

Муллы тщетно замалчивали эти новости и напрасно угрожали местью аллаха тем, кто их распространял. Беспроволочный телеграф молвы далеко разносил волнующие сведения.

На противоположном берегу Пянджа чаще стали появляться люди, которые спускали бурдюки в быстрые воды и перебирались через границу, не боясь показаться советским пограничникам.

— Просят врача,— переводили таджикские переводчики, и врачи, осматривая больных, давали им лекарства.

Недавно приехал растолстевший судья из одного афганистанского городка. Приехал он с целым караваном, нагруженным коврами, позолоченными шкатулками и сосудами с редкими благовонными маслами. Судья жаловался на желудок, высовывал язык и заботливо поглаживал грудь. Врач осматривал, выслушивал указанные места, но болезни не находил. «Мнимый больной», в афганской интерпретации, собрался уже было в обратный путь, как вдруг решился показать врачу «по секрету» еще одно место. Осмотр был коротким — сифилис несомненный.

Пограничники не приняли от судьи ни его ковров, ни позолоченных шкатулок, ни редких масел. Однако это ему не помешало по возвращении домой наложить на свой район новый налог, подслащенный объяснением, что, мол, лечение «там» стоило ему больших денег.

Те муллы, которые играют на Востоке роль буржуазных журналистов Запада, старались использовать волнения, вызванные новым налогом, для уничтожения притягательного авторитета Советов. Но слава советских границ, несмотря на эту ложь, росла еще больше. Ведь тысячи афганских дехкан знали, что от бедняков советские пограничники не принимали даров, и, хотя по их обычаям это было оскорблением, они все же начали справедливо оценивать этот принцип.

Вчера и сегодня, ежедневно, приходят больные с афганской стороны. Районы медицинского обслуживания расположены по обоим берегам Пянджа.

— Кундузский главврач,— улыбаясь, представляется доктор, никогда не видевший Кундуза.

— А я аптекарь,— смеется начальник,— отсчитываю капли и составляю порошки, согласно предписанию врача, и с успехом сам лечу после укусов скорпиона. Не хотите ли удостовериться?

Нет, не хочу. Но я смотрю на этих загорелых мужчин в пограничной форме, которые охотно шутят, и знаю, что они внушают панический ужас каждому, кто с недобрым намерением пытается обмануть их бдительность. Я весело смеюсь вместе с ними, когда вижу их в белых халатах врачей, раздающих хинин вместо убивающего свинца и сеющих жизнь вместо смерти. Армия мира.

Если хочешь полнее почувствовать человеческую глубину этих слов, переплыви Пяндж в качестве больного, ищущего помощи (но не рассчитывай на эту трогательную идиллию, если ты пересечешь Пяндж как враг).

— Вы не только защитники советских границ, но и заботливые исцелители афганских больных,— высказал я свое мнение, когда вечером мы вернулись к этому разговору.

Мы еще долго смеялись и шутили, пока совсем не стемнело на берегах Пянджа.

О многом можно говорить в одиноком пограничном пункте на берегу Пянджа, когда стемнеет. Прибрежный камыш оживает таинственным шелестом. Джунгли.

Пугливый джейран сходит с покрытых сочной травой холмов напиться к реке. Сквозь кусты, между низкими тополями, как танк, с грохотом переваливается дикий кабан. Дикие гуси испуганно просыпаются, вылетают из зарослей и снова засыпают посредине реки, укачиваемые потоком. Я их уже знаю, я любовался ими еще там, далеко на Севере, когда осенью они тянулись к югу, посмеиваясь над людьми, готовящимися к зиме. Мне хотелось тогда узнать, куда стремятся эти гусиные стаи, мечтал об их неизвестном зимнем рае. И теперь я здесь, вместе с ними. Пяндж — их цель. У берега стоя спят спокойные пеликаны. Длинная ящерица ползет в траве, издавая тревожные звуки, которые в свою очередь пугают других. Коварный леопард дугой изгибает спину, и где-то в тростнике светятся глаза тигра...

Обо всем этом можно рассказывать в одиноком пограничном пункте на берегу Пянджа, когда стемнеет. Можно рассказывать о многих подлинных происшествиях, которые звучат, как экзотическая легенда. Можно, затаив дыхание, слушать веселый анекдот о невинной ящерице, которая испугала чуткого пограничника. Можно смеяться, как над историей барона Мюнхгаузена, над рассказом молодого человека, некогда скакавшего на взбесившемся коне, которого сзади пожирал тигр. Но у молодого рассказчика с той поры совершенно белые волосы. Можно пугаться джунглей и смеяться над ними — все равно не узнаешь, где кончается правда и начинается серия охотничьих анекдотов.

Но можно рассказывать и о человеческих глазах, напряженно устремленных из камышей на Пяндж, когда стемнеет. Рассказы о пограничной службе, о шпионах, безуспешно пытавшихся перейти границу, об убитом врагами пограничнике, о людях, которые когда-то убежали, а теперь с покаянием возвращаются, потому что «там» не могут больше жить.

Можно также вспомнить далекие походы гражданской войны, борьбу против Зайцева и эмира Бухарского, когда консервные банки, наполненные порохом, назывались ручными гранатами, а открытая платформа с барьером из мешков с хлопком — бронепоездом. Можно рассказывать о боях с басмачами, о которых еще никто не забыл, о встрече с Ибрагим-беком, о конце Хурам-бека. Здесь уже все будет правдой и никогда не начнется серия анекдотов, потому что на груди рассказчиков горят советские ордена, подтверждающие правдивость рассказов.

Но сегодня вечером мы не говорили ни о джунглях, ни о шпионах, ни о басмачах. Сегодня мы говорили о мужчине и женщине, показавшихся рано утром на том берегу и переплывших Пяндж, чтобы обрести здоровье у совет-

ских пограничников. Сегодня мы говорили о жизни в Советском Союзе, о жизни, сияние которой видно далеко за пределами страны социализма.

Руде право, 1 марта 1936 г.

РАССКАЗ ПОЛКОВНИКА БОБУНОВА О ЗАТМЕНИИ ЛУНЫ

— Расскажу вам,— сказал полковник Бобунов,— как я построил телеграф в Калаи-Хумбе. Было у нас тогда горячее времечко. Восстание Осипова в Ташкенте, мятеж туркменского Джунаид-хана, поход Ибрагим-бека... А когда мы решили, что все уже обошлось, что теперь мы немного поваляемся на солнышке, а потом поедем домой, пришла весть, что в Дарвазе вспыхнул бунт и наш гарнизон в Калаи-Хумбе осажден в глинобитной крепости.

Мы кинулись на выручку. Многие из нас были родом из степных да равнинных мест, горы мы увидели здесь впервые в жизни и глядели на них с почтением. Но добраться в Калаи-Хумб оказалось потруднее, чем глазеть на горный пейзаж. Кто бы поверил, что люди могут пробираться по таким дорогам: висит она над пропастью, как балкон, где-то там внизу ревет водопад, а по утрам, когда опускается иней, эта дорога — настоящий каток, только не из приятных. С одной стороны у тебя — обрыв, с другой — круча. Иной раз я даже закрывал глаза. Конь ведь соображает, куда идти, а я... зачем мне смотреть на все это?

Каждый час был дорог, а Гишунский перевал нас задержал. Четыре тысячи двести метров. И снег. Кони в нем утопали по шею. Мы уж думали, что не выберемся оттуда, но потом, вспомнив, как некогда у стен Тамерлана мы вытаскивали орудия из грязи, сняли шинели, расстелили

их на снегу, и кони пошли по ним до самого перевала, а потом вниз. Вид у нас после этого был неказистый.

Это задержало нас почти на сутки, но все-таки мы подоспели вовремя: наши еще держались. Когда мы появились в Калаи-Хумбе, басмачи пустились наутек. Мы их не преследовали. Такое было время: тогда против нас было больше несознательных друзей, чем сознательных врагов. Надо было убеждать людей, а не истреблять их.

Но кто был у басмачей в вожаках, это мы выяснили. Оказалось, Махмадул-бек. Ну конечно, бек! А был председателем ревкома! В те времена это был их метод: не воевать с советами, а пролезать в советы. Это было удобнее и эффективнее. Можете себе представить, что это были за советы, которые возглавлял бек, как в Калаи-Хумбе, или магометанский ишан, как в Гарме.

Я получил приказ оставаться в Калаи-Хумбе. Около нас протекал Пяндж, невдалеке виднелся Афганистан, а горы были близко, прямо нависли над нами. Мы не бездельничали, но, признаюсь вам, я стал скучать в часы досуга, от нечего делать начал читать «Астрономический вестник», попавший к нам неисповедимыми путями.

Вы, вероятно, знаете астрономию, а для меня она была откровением. До революции я работал подручным кузнеца, а после революции носился по фронтам гражданской войны... Где уж тут было заниматься небесными светилами! И вот я читаю, что звезда Бетельгейзе из созвездия Ориона в тридцать миллионов раз больше солнца и что мы видим свет звезд, которые потухли тысячи лет назад. Сперва я не в силах был уразуметь все это. Но журнал лежал около меня месяцами, а других книг не было.

Было это в 1924 году. К концу лета ко мне прибыл связной с приказом: подготовиться к зиме и провести телеграфную линию длиной в несколько километров до соединения с главной магистралью.

Это было не так просто, как может показаться. Без

помощи населения нечего было и думать о выполнении приказа, а помощь... в ней-то и была загвоздка.

Большинство моих друзей — рабочие из средней России. Местных кадров у нас тогда еще не было, и это чертовски затрудняло советизацию района.

Неделями я ломал голову над этой проблемой. Стоило мне завести разговор о зимних запасах, как я встречал недоверчивые взгляды. О телеграфе я уж и не заикался.

Но зима приближалась. Надо было действовать.

Вот тогда-то мне и пришла в голову одна идея.

Семнадцатого октября вечером я созвал к себе всех мужчин из окрестных кишлаков. Люди приехали на лошадях и на ишаках, пришли пешком. Муллы явились все, как один. Я и на это рассчитывал.

Давно уже у моих пограничников не было столько хлопот. Мы вытащили последний мешок риса, зарезали последних баранов. Плов был жирный и острый, как полагается.

Мы уселись, скрестив ноги,— мой гарнизон и пятьсот дарвазцев. Был чудесный, ясный вечер, прохладно, но не холодно. Я улыбнулся про себя: аллах помогает атеисту! Именно такой вечер мне был нужен.

Я первым набрал себе горсть плова и начал есть. Я знал, что дарвазцы придут, но знал и то, что они будут недоверчивы к моему гостеприимству. Это было вполне естественно. И вот я первый показал пример.

За едой я изложил нашу просьбу. Коротко и выразительно я сказал обо всем, сам удивляюсь, как гладко это у меня получилось.

Все смолкли. С той поры я не люблю, когда вокруг меня молчит много людей. Мне захотелось быть в тысяче километров отсюда, в оренбургской кузнице, где в руках мастера грохочет кувалда, или на Гиссарском гребне, где лай пулемета так противно отдавался в горах. Только бы не эта тишина!

Потом все пошло, как я предполагал. Заговорил один, другой, потом десять человек разом. Все, конечно, отказывались. Хлеба, мол, мало, деревьев в долине нет, горные тропы уже занесло снегом. Я сразу мог определить, откуда прозвучит очередное «нет». Оно всегда раздавалось оттуда, где сидел один из мулл. Не он сам произносил это «нет», а кто-нибудь рядом. Так и должно было быть.

Потом выступил их главный оратор. Это был седобородый старик, который ел из одной миски со мной.

— Полой халата не закрыть солнца,— сказал он.— Правда вышла на свет божий. Мудрый правду видит, а глупый познает ее на своей спине. Чем вы лучше тех, что были до вас? У желудка вы отнимаете пищу, у головы — тень. Я стар и не боюсь смерти. Скажи, чем ты грозишь нам, командир, чтобы получить то, что тебе надо?

Я встал. Оратор я все-таки не великий.

— Кто тебе сказал, отец, что я угрожаю? Кто тебе сказал, что мы такие же, как те, кто был до нас? Твоя седая борода — признак мудрости. Зачем же ты видишь правду не своими глазами, а глазами безбородого юнца?

Я маленько переборщил: подбородок муллы-подстрекателя был покрыт густой бородой. Но он был моложе старика, хотя и называл его «сыном», и, упрекнув муллу в юности, я тем самым уязвил служителя аллаха.

Я заговорил о нуждах Дарваза, о нашей работе, о поучениях муллы. Я сравнил настоящее и прошлое. Ведь даже в Калаи-Хумбе многое изменилось: появился первый клуб, аксакалы свободно собираются на сходы, приехал первый учитель (правда, через полгода его нашли за кишлаком с перерезанным горлом), люди начали жить лучше, свободнее, чем прежде. Достижений, правда, еще немного, но именно потому, что вам мешают лживые советчики, которые хотят жить за счет вашего невежества.

— Мы, большевики, умнее,— закончил я,— и мы больше знаем, чем ваши муллы.

Снова наступила тишина. На этот раз я понял ее смысл: это была насмешка. Я взглянул на часы: девять часов тридцать семь минут. Пора! Самым безразличным тоном я заметил:

— Знают, например, ваши муллы, что сегодня ночью луна исчезнет с неба?

Дарвазцы заволновались. Шепот прокатился до самых дальних рядов и вернулся назад, как прибой. Пятьсот лиц испуганно поднялись к небу, на котором висела полная луна, потом люди сердито повернулись ко мне. Многие встали с мест, кое-кто собрался уходить, другие подошли ко мне.

— Лжешь!

Это сказал мулла, которого я назвал юнцом.

Я улыбнулся.

— Через двенадцать минут будет затмение луны. А ты не знаешь этого? Как же ты после этого можешь вести людей Дарваза по праведному пути?

— Лжешь,— повторил мулла, а я стал вслух отсчитывать минуты.

— Еще одиннадцать, еще десять, еще пять...

Все дарвазцы вскочили с мест, переводя напряженный взгляд с луны на меня и друг на друга.

Десять часов пятьдесят шесть минут.

Сейчас!

Я даже не смотрел вверх, уверенный, что затмение уже началось. Я уже видел его в глазах дарвазских мужей. В этих глазах был страх и немного любопытства. Потом любопытства стало больше, а страх начал исчезать и пропал совсем. Я не ожидал, что они так спокойно отнесутся к затмению, и не без удивления посмотрел вверх.

Большая круглая луна весело плыла по небу и насмешливо улыбалась мне!

Я перевел взгляд на толпу. Всюду я видел насмешливые улыбки. Даже у моих бойцов были бессовестно весе-

лые лица, они с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться.

— Ну? — спросил меня «безбородый юнец».

Это было сигналом: смех из пятисот глоток прокатился по двору. Он был слышен на весь Калаи-Хумб.

Охваченный горечью поражения, я выскочил со двора и вбежал в свою комнату. В бешенстве я развернул проклятый астрономический журнал. Да, там так и было сказано: «Затмение луны. Семнадцатого октября, в девять часов пятьдесят шесть минут вечера...»

Я проверил год. Правильно. 1924-й.

Я был глубоко разочарован, несчастен, подавлен. Так вот она, эта астрономия! Жульничество, а не наука! И как я мог всему этому поверить? Разве может какая-то там Бетельгейзе быть больше солнца! Разве можно видеть звезды, которых уже нет?! Что за люди открыли и подсчитали все это? Есть же еще буржуйские хвастуны, которые преподносят нам такую брехню!

Но на обложке была обозначена Академия наук СССР. Вы понимаете, *советская* академия! Не может же советская академия врать! Но почему же тогда луна не руководствуется астрономическим вестником нашей академии?

Может быть, виноваты часы? Мои часы? Наверное, они врут, наверняка отстают, а затмение еще будет! Нет, ведь уже прошло более получаса...

И все-таки виноваты были часы, вернее, я сам.

Сообразив, в чем дело, я выскочил во двор.

— Друзья! — воскликнул я.— Я ошибся на три часа!

Меня встретили довольно дружелюбным смехом. Я потерял авторитет, стал не страшен и поэтому перестал быть ненавистен. Я стал посмешищем.

Я попытался объяснить ошибку.

— Три часа — это разница между московским и здешним временем. У нас уже ночь, а в Москве еще только заходит солнце... Я совсем забыл об этом... Уточняю: затме-

ние будет в ноль часов пятьдесят шесть минут по местному времени!

Меня выслушали только для того, чтобы посмеяться. Все были довольны этим вечером, довольны тем, что не сбылось мое предсказание, что я потерпел поражение и, следовательно, не получу ни хлеба, ни столбов. Никто не возразил против моей просьбы подождать еще три часа. Только осторожные муллы расставили дозорных, опасаясь какой-нибудь ловушки с моей стороны.

Дурачье! Я не готовил никакой ловушки. Я готовил нечто большее: затмение луны!

Луна заливала толпу серебристым светом, люди сидели, весело беседуя, горели костры, звенели дутары, и звучали протяжные напевы. Это был отличный вечер.

После полуночи музыка и песни стали вдруг затихать, смех умолк, люди все чаще поглядывали на луну, и мой голос прозвучал на весь безмолвный двор, когда я стал отсчитывать время.

— Остается две минуты...

Астрономический вестник, конечно, был прав. Я перестал считать минуты и сам не без волнения глядел, как уменьшается луна, словно ее поедал невидимый и ненасытный обжора.

Я недвижно стоял, чувствуя удовлетворение человека, который предвидит события. Люди во дворе словно остолбенели. Они были похожи на изваяния. Потом они заволновались, повернулись ко мне.

— Дьявол! — злобно крикнул мулла.— Колдун, отдай нам луну!

Весь двор словно приготовился к прыжку, в руках мелькнули ножи.

— Будь я колдуном,— громко сказал я,— я бы сделал так, чтобы ты тотчас весь почернел.

Мулла в испуге закрыл лицо руками. Видимо, он и вправду почувствовал, что чернеет. Все в испуге смотрели

на него. Вот он опустил руки, и на лице его выразились беспомощность и просьба о помощи. Он был неописуемо смешон, этот мулла, ибо он... не почернел! Почему люди так смешны, когда они зря боятся?

Памирские горцы не лишены чувства юмора...

Так начался мой триумф.

Я объявил о конце затмения и произнес большую речь о вселенной. О луне я говорил так, словно прожил на ней полжизни. Я и политрук изобразили солнечную систему: он был солнцем, а я землей. Один из красноармейцев «вращался» вокруг меня, изображая луну. Я говорил о световых годах и подозреваю, что путал миллионы и триллионы... Но это было неважно, ведь ни для кого здесь световой год не имел практического значения. Я знал наизусть почти весь «Астрономический вестник» и пересказывал сейчас его содержание не из хвастовства, а чтобы показать, как много знают люди.

Когда вселенная стала мне уже тесна, я вернулся на землю и рассказал все, что знал о нашем мире. Я говорил о бескрайних степях, о громадных заводах, о морях и кораблях, об изобретениях, о которых когда-то читал, об автомобилях и самолетах.

Я сложил к ногам моих дарвазцев всю славу мира, как представлял ее себе я, оренбургский кузнец и командир небольшого отряда пограничников в Калаи-Хумбе.

Меня понимали. Меня слушали с тем вниманием, из которого рождается дружба.

Над гребнем гор забрезжила заря. И прежде чем совсем рассвело, мы уже были друзьями. К этому времени я говорил уже не о созвездиях на небосклоне, а о таких понятных вещах, как хлеб и бревна для телеграфа.

Слава мира уже не была далека от нас, мы вместе мечтали о том, как телеграф приблизит ее к нам.

Калаи-Хумб будет связан со всем миром. Телеграф расскажет нам обо всем. Даже о следующем затмении луны!

Телеграфная линия была проложена еще до первых снегов. Весной 1925 года она три раза спасала Калаи-Хумб от внезапных налетов басмачей.

Руде право, 15 марта 1936 г.

НУРИНИСА ГУЛЯМ ЕДЕТ НА ОСЛЕ

Нуриниса Гулям и ее муж отправились на базар. Он — верхом на осле, она — рядом с ним пешком.

Он — верхом на осле, она — рядом с ним пешком. Так было всегда. Многое изменилось в судьбе женщины Советского Востока, упала перегородка между женской и мужской половиной дома, свободно выглянуло лицо женщины из темниц чадры и паранджи. Женщина появилась кондуктором в трамваях, появилась на фабриках, на заводах, в учреждениях. Женщины стали свободными, самостоятельными, равноправными; и труд их дал им уважение, которое у них отнимал прежде ислам.

Но один старый обычай удержался. На базар муж едет на осле, на коне, на верблюде, а жена идет рядом с ним пешком.

Муж любил свою Нуринису и уважал ее. Это была лучшая работница в колхозе, о ней говорили на собраниях и писали в районном журнале. Но уступить ей свое место на осле — такая мысль ему никогда не приходила в голову.

Колхоз закончил работу на хлопковых полях. План был значительно перевыполнен. В прошлом году так работала вся страна, и ее успехи следовало оценить и отметить. Лучшие люди должны были поделиться опытом. На совещание в Кремль послали Нуринису. Она вернулась через месяц, но раньше, чем она приехала, до колхоза донеслась весть, что Нуриниса была награждена орденом.

С раннего утра, облачась в праздничный халат, ходил муж Нуринисы около железнодорожной станции и ждал. Когда же запыленный поезд остановился и Нуриниса вышла из вагона, муж взял ее за руку, молча и торжественно провел ее по перрону и на площади перед вокзалом посадил ее на разукрашенного осла. Сам он пошел рядом, серьезный и гордый.

Он выбирал самые людные места. Прошел весь кишлак и дошел вплоть до базара. Аллея удивленных лиц обрамляла их дорогу. Это было невероятно, непривычно: едущая жена и идущий муж. Когда же Нуриниса соскочила с осла и взяла под руку своего мужа — что было не менее удивительно, потому что так здесь ходят только молодые влюбленные, когда их никто не видит,— то они вдруг поняли, что это был вовсе не исключительный жест, сделанный ради праздника, а означало, что Гулям победил свой последний предрассудок, последний старый обычай, который напоминал старое прошлое восточной женщины-рабыни.

И правда, этот день был праздничным в колхозе не только потому, что вернулась Нуриниса, но также и потому, что Гулям подал такой пример.

Веселое лицо Нуринисы выглядывает из моей записной книжки среднеазиатских путешествий. Полное, круглое, загорелое лицо. Широкие черные брови у самой переносицы соединяются жирной линией сурьмы. Это дань местному кокетству.

Переворачиваешь страницу записной книжки. Новое лицо. Среднеазиатская записная книжка — это альбом женских портретов. Не случайно, что ты здесь насобирал себе столько заметок именно о судьбах женщин. Судьба женщин еще более удивительна, чем судьба мужчин. Узбекские, таджикские, туркменские мужчины были рабами русских капиталистов и царских колониальных сановников. Узбекские, таджикские, туркменские жен-

щины были рабынями этих рабов. Сколько исторических событий должно было произойти в их жизни, если сегодня они являются одинаково свободными, равноправными гражданами своих советских республик, как и их мужья.

Веселая история с Нуринисой и ее мужем — это мажорный аккорд в измененной женской судьбе, это уже только отстранение маленького камешка с дороги восточной женщины, с дороги, на которой в течение целых веков стояли непроходимые препятствия.

И многие женские портреты из моей записной книжки еще напоминают дни, так неправдоподобно близкие, когда эти препятствия еще существовали.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Избранное. М., 1956, с. 96—97

ИЗ ОЧЕРКА «СОВЕТСКАЯ ШКОЛА И СОВЕТСКИЙ УЧИТЕЛЬ»

Ленинград, апрель 1936 г.

(...) «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе». Так говорил Ленин. И эти слова, как и многие другие его слова, ставили перед молодой Советской республикой повседневные задачи, решение которых требовало еще немалого времени. Ведь как раз школьное наследие, полученное Советской республикой от царской России, было в ужасном состоянии.

Во всей царской России за год до революции имелось две тысячи девятьсот шестьдесят восемь низших, средних и высших учебных заведений. В низших и средних школах училось семь с половиной миллионов человек — менее трети детей школьного возраста. Но это соответствовало

общему культурному уровню царской России, две трети населения которой не знали грамоты. Таким образом, уже общая картина была удручающей. Но детали ее производили еще более удручающее впечатление. Имелись целые обширные края, в которых школ почти или совсем не было. Имелись целые народы, в которых только трое человек из тысячи умели читать и писать, и были другие народы, стопроцентно неграмотные. Методы обучения, казалось, остались неизменными со средневековья. Решающее слово в школе принадлежало попу. Сколько-нибудь прогрессивные учителя вскоре начинали ощущать попечение жандарма. Другие учителя — с розгой в качестве главного учебного пособия — были скорее похожи на полицейских, чем на воспитателей. Но и такие учителя для начала были хороши. Хуже обстояло дело со школами у народов, где учителей не было вовсе, потому что никто не умел читать и писать на местном языке.

Не было школ, не хватало учителей, не было учебников. И если в подобной обстановке Ленин говорил о новом типе учителя, об учителе, который стоял бы значительно выше учителей буржуазного общества, это была точно такая же «утопия», как его слова о ста тысячах тракторов на советских полях в тот период, когда гражданская война вообще не позволяла возделывать поля.

Сегодня, как вы знаете, великая ленинская мечта о тракторах уже давно осуществлена. А теперь осуществлена и его мечта о советском учительстве. Это грандиозный успех всего культурного строительства Советов.

Но каким было начало!

Страна с семьюдесятью процентами неграмотных требовала тысяч учителей. Старые учителя, если в них было хоть немного педагогической совести, начали творить чудеса в своей работе. Но их не хватало, далеко не хватало. И вот наскоро, но упорно создавались новые кадры. Демобилизованный красноармеец или инвалид гражданской

войны, который только в Красной Армии научился кое-как читать и писать, становился после возвращения в родное село учителем, потому что кроме попа он был там единственным грамотным человеком. Пекарь, токарь, обувщик шли по приказу партии учительствовать в деревню, потому что немного разбирались в книгах и были дисциплинированными членами партии, на которых могла быть возложена такая задача. Из немногочисленного пролетариата некогда угнетенных, почти полностью неграмотных азиатских народов выбирались наиболее способные люди и посылались на курсы продолжительностью несколько месяцев или недель, где они впервые учились как азбуке так и начаткам счета, а через несколько месяцев (или недель) уже возвращались в кишлаки своей страны учить детей и взрослых вещам, для них самих еще не утратившим своей таинственности.

Такие это были учителя. Еще в 1930 году я встретился в Киргизской республике с учителем, который распустил свою школу в глубине Тянь-Шаньских гор и проскакал на коне двести километров до Фрунзе, потому что забыл, как производить деление. Он оставался во Фрунзе два месяца, учился и через два месяца снова поехал учительствовать, потому что другого учителя не было. Но не доехал. По дороге попал в руки басмачей, руководимых муллой — магометанским священнослужителем, который прекрасно понимал, какая опасность заключается для него в грамотности киргизских дехкан. Голову учителя нашли позднее у дороги — тело унесла горная река.

Многие из учителей остались лежать на культурном фронте с перерезанным горлом.

Но не только это, а вся та борьба, которую учителя, плохо вооруженные наукой, вели против многоголовой гидры неграмотности, темноты, глубокой некультурности, вся эта великая борьба позволяет назвать ту эпоху героическим периодом советской школы. В гражданскую войну

красноармейцы со связками примитивных ручных гранат, сделанных из консервных банок, бросались на танки, которые с готовностью поставляли белогвардейцам различные империалистические страны. В период восстановления промышленности советские рабочие голыми руками вращали колеса станков, пока силу их мускулов не заменило электричество. А босые в научном отношении, голодные от недостатков знаний учителя боролись за то, чтобы народы Советского Союза знали буквы азбуки и умели к пяти прибавить четыре.

Красноармейцы с гранатами из консервных банок победили в гражданской войне. Теми руками, которыми они вращали колеса станков, советские рабочие создали прекрасные фабрики, по технике и производительности превосходящие самые совершенные заводы капиталистического мира. А немногочисленные кадры учителей своим огромным трудом превратили неграмотную страну в страну грамотную, в страну, девяносто пять процентов населения которой умеет читать и писать.

Но вместе с успехами изменились и требования, предъявляемые историческим развитием к Красной Армии, к советскому пролетариату, к советским учителям. Эти требования изменились и возросли не за последний месяц. Они возрастали с годами, и одновременно росли квалифицированные кадры промышленности и сельского хозяйства, кадры обороны страны и системы воспитания новых людей, граждан социализма. Стахановское движение показало, каких технических высот уже достиг сознательный советский пролетариат. Об уровне Красной Армии вражеские специалисты говорят с равной мерой уважения и страха. Глубокое уважение вызывает и постановка воспитания в Советском Союзе.

Речь идет уже не только о том, чтобы граждане Советского Союза научились читать и писать. Речь идет уже о том, чтобы вся советская молодежь кончала *среднюю* шко-

лу, чтобы в школе она получала как можно более широкие, глубокие и *живые* знания, чтобы из школы выходили молодые люди, которые умеют применить свои знания и стремятся расширить их в интересах социалистического общества. Из средних школ Советского Союза выходят не умственные калеки, знающие только латинский и греческий языки или только начертательную геометрию. Из них выходят полноценные люди, люди, в которых школа не убивала и не связывала, а, наоборот, развивала все их духовные и физические способности...

Руде право, 3 мая 1936 г.

О ЗАПРЕЩЕННОЙ «ДУБИНУШКЕ», О РАДИО И ДРУГИЕ ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ[1]

Москва, 7 мая 1936 г.

Сегодня я отвечу на несколько вопросов читателей, в той или иной степени затрагивающих культуру.

Товарищ С. из Усти над Лабой спрашивает, правда ли, что в Советском Союзе такой недостаток кинотеатров, что люди стоят перед ними в очередях иногда по нескольку часов. И если правда, то почему это так и что против этого предпринимается.

Несколько часов, конечно, преувеличение. Но очереди перед советскими кинотеатрами действительно существуют, и, следовательно, в Советском Союзе в самом деле не хватает кинотеатров. Однако не оттого, что их мало в абсолютном отношении, а оттого, что там все люди ходят в кино. Почему? Конечно, не потому, что им плохо живется. Я думаю, что владельцы кинотеатров в капиталисти-

[1] Печатается в сокращении.— *Прим. перев.*

ческих странах всегда могут первыми сигнализировать упадок жизненного уровня населения. Когда жизненный уровень падает, когда нужно экономить, чтобы хватило хоть на хлеб, то начинается сокращение «излишних» расходов, а кино, как правило, включается в их число. Сначала берут билеты на более дешевые места, потом вообще остаются дома, и только в маленьких, грошовых кинотеатрах на окраинах есть еще посетители, поскольку туда — независимо от программы — заходят обогреться безработные.

Это правда, что в Советском Союзе за час до сеанса едва ли где достанешь билет в кино и что там есть фильмы, на которые билеты бывают распроданы за десять — пятнадцать дней до начала их демонстрации. Советские люди хотят жить культурно, и у них всегда достаточно средств, чтобы удовлетворить такую культурную потребность, как посещение кино. Но рост количества кинотеатров не поспевает за этим культурным ростом, хотя сеть кинотеатров в Советском Союзе огромна и охватывает не только города, но и деревни. Имеются самостоятельные кинопредприятия, существуют кинотеатры в рабочих клубах, есть кино в колхозных клубах, есть кинопередвижки, проникающие в самые отдаленные уголки Советского Союза,— кино на грузовиках, кино на воде, кино на санях для чукчей и ненцев, кино в поездах, в самолетах, киноустановки, которые кочуют от колхоза к колхозу на крестьянских телегах... И все это — вместе с великой тягой советских граждан к культуре — способствует тому, что советский человек в среднем видит больше фильмов, чем житель европейских государств.

* * *

«Сколько в СССР радиостанций,— спрашивает товарищ П. из Нусли,— и какие из них ведут передачи на «чужих» языках?»

В Советском Союзе сейчас шестьдесят семь больших радиостанций, не говоря о сотнях частных передатчиков, передатчиков научных наблюдательных станций, полярных станций и т. д. В этом году сеть советских радиостанций будет опять расширена. Строятся новые радиостанции, особенно на территории бывших угнетенных народов, например в Таджикистане (мощная радиостанция в Сталинабаде), в Казахстане (радиостанция в Алма-Ате) и тому подобное.

Итак, ответить на этот вопрос просто. Немного сложнее со вторым вопросом. Дело в том, что для Советского Союза нет «чужих» языков. На его территории живет столько различных народов, что радиостанции могут вести передачи на любом языке и всегда это будет «свой» язык. Вот наиболее близкий нам пример — передачи на чешском языке. Большинство читателей, вероятно, знает, что московская радиостанция два раза в неделю передает чешский час (в среду и пятницу с 11 до 12 ночи по московскому времени, то есть с 9 до 10 вечера по среднеевропейскому времени, принятому в Праге). Но, видимо, значительно меньшее число читателей слышало чешские передачи из Ленинграда или Киева (где живет очень много чехов), и едва ли кто знает, например, что радиостанция в Прокопьевске, находящаяся почти в 7 тысячах километров от Чехословакии, регулярно, один раз в день, транслирует передачу на чешском языке, потому что в Прокопьевске трудятся рабочие-чехи. Такова большевистская национальная политика. В Средней Азии, под городом Фрунзе, находится поселок «Интергельпо», основанный рабочими из Чехословакии. В этом поселке есть собственный радиоузел, и из громкоговорителей «Интергельпо» вы можете услышать передачи на русском, киргизском, чешском, венгерском, словацком, немецком, украинском и даже на персидском языках, потому что рабочие всех этих национальностей живут на территории «Интергельпо». Такова

большевистская национальная политика, удовлетворяющая потребности каждого народа.

Итак, если товарищ П. спрашивает, какие советские радиостанции ведут передачи не только на русском языке, мы должны будем ответить: все. Но если он спрашивает, есть ли в СССР радиостанции, которые ведут передачи на «чужих» языках, мы можем сказать: ни одной.

* * *

И немного юмора.

Товарищ Рж. из южной Чехии прочел в каком-то журнале, что «новая» внешняя политика Советского Союза отразилась и на отношении к старым революционным песням и что, мол, в СССР теперь запрещена, например, знаменитая «Дубинушка», так как в ней враждебно говорится об англичанах, автор же ее, который протестовал против запрещения, сослан на Соловки.

Жаль, что товарищ Рж. не написал, в каком журнале он это прочел. Следовало бы сохранить его название для истории как пример идиотизма, с каким еще в 1936 году некоторые господа пытались увидеть в политике Советского Союза отход от революции, отход от социализма и тому подобное.

Вероятно, мне нет надобности объяснять здесь, что во внешней политике Советского Союза нет никаких принципиальных изменений, что Советское правительство, как и всегда, всеми силами стремится сохранить мир, чтобы предотвратить войну. Стремление вовлечь Англию в прочный фронт мира, разумеется, ни в ком не вызвало намерения запрещать революционные песни. «Дубинушка» поется по-прежнему (правда, реже, чем раньше, но не потому, что она запрещена, а потому, что в Советском Союзе сегодня поются не только песни борьбы, но и песни радости), и Л. Н. Трефолев, автор «Дубинушки», не имел бы

основания протестовать, даже если бы мог. А он не может, потому что умер уже тридцать лет тому назад.

Враги Советской власти изворотливы и могли бы сказать, что, следовательно, большевики сослали на Соловки человека, который вот уже тридцать лет как покойник. Так вот, чтобы по достоинству ответить им: зимой прошлого года на родине автора «Дубинушки», в Ярославле, состоялось торжественное чествование памяти поэта. Комиссия писателей собирает теперь его рассеянные по различным газетам и журналам революционные стихи и песни, которые будут в этом году изданы, а престарелая дочь Трефолева, уже неспособная трудиться, получала от Ивановского и получает теперь от Ярославского областного Совета особую пенсию.

Дело, таким образом, обстоит несколько иначе, чем написал — к сожалению, неизвестный — журнал, и обстоит также, насколько мы можем судить, несколько иначе, чем у нас на родине, где не только дети, но и сами заслуженные деятели народной культуры и по сей день умирают в нищете и забвении.

Благодарю вас, товарищ Рж., за письмо. Вы правы. Мы не должны оставлять без ответа ни одной антисоветской провокации, даже если провокатор будет выдавать себя за нашего горячего друга или даже если его болтовня будет так же глупа, как этот бред о «Дубинушке». И такие провокации могут оказывать воздействие.

До следующего воскресенья.

Руде право, 24 мая 1936 г.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Молнией разнеслась по Москве весть о смерти любимого писателя советского народа Максима Горького. Тень печали легла на город. Сообщение стало известно после

обеда, а к вечеру уже развевались на всех домах красные флаги, окаймленные черным крепом.

Уже в течение нескольких дней приходили эти жестокие сообщения о тяжелой болезни Максима Горького. Когда было сообщено об улучшении дыхания и сердечной деятельности, мы радовались, как будто бы опасность миновала. Мы не могли представить себе Советский Союз без Максима Горького.

И даже сейчас, когда телеграммы безжалостно подтверждают его кончину, мы не можем до конца осознать это событие, потому что еще живет его инициатива, еще звучат его слова, не как памятные, канонические слова ушедшего от нас великого человека, а как слова живого друга, советующего и спорящего, убежденного и убеждающего, борющегося и любящего, всегда полного новых идей, в которых кипела великая жизнь, которые были источником больших коллективных начинаний.

Он знал и *любил жизнь.* И потому он так ненавидел все, что низводило жизнь до прозябания. Он ненавидел царскую Россию, потому что это была грязь, потому что это был мрак, потому что это была страшная неволя, а он хотел широких, ясных и светлых просторов для новых людей.

Никто из русских писателей никогда не сказал так ясно правду о царской России, о ее буржуазии, о рабочих и крестьянах, как это сделал Максим Горький. И его правда была действенна, ибо это была борющаяся правда. Горький никогда не ограничивался только констатацией, только наблюдением, а всегда боролся, и потому он не *мог быть* мещанином.

Как скиталец бродил он по широкой Руси и искал опору в своей борьбе. Он рано нашел ее. Он нашел Ленина, нашел большевиков, нашел революционный пролетариат и сразу связал свою судьбу с пролетарской революцией. В начале нашего столетия он проделал путь, по которому

теперь, спустя почти тридцать лет, прошел Ромен Роллан и многие другие великие деятели современной культуры. Они прошли этот путь позже Горького, потому что не были связаны с народными массами, как связан был с ними с самого начала Горький.

Связь Максима Горького с народными массами дала ему необычайную силу, дала мировой литературе славные книги Максима Горького. Связь Максима Горького с народными массами дала также мировой литературе славные книги других писателей, ибо Максим Горький был *учителем* новых поколений писателей, а также учил многих больших писателей, своих современников.

Ленин сказал о Горьком, что он «крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать».

Ленинская оценка была глубоко верна и в констатации, и в предсказании. Максим Горький был крупнейшим представителем той литературы, которая звала к революции и задачи которой не были исчерпаны, когда пролетариат взял власть.

Максим Горький был необычайно чуток к советской жизни. Он понимал каждое изменение в ней, каждое движение вперед, понимал не только как современник, углубившийся в историю и не охватывающий жизни в целом,— он понимал ее как мудрый мыслитель, который смотрит на жизнь в исторической перспективе, выделяет в ней исторически значимое, видит, что будущие поколения могут ожидать от действий наших современников. Поэтому Горький был инициатором больших начинаний, в которых отразилось все развитие советской жизни.

По его инициативе возникла «История гражданской войны», по его инициативе возникла «История фабрик и заводов», по его инициативе возникла история деревень — замечательные литературные документы советской жизни, по которым многие учились ее понимать.

Максим Горький — *великий вдохновитель.*

Это неотделимо от его имени. Советская культура понесла тяжелую утрату, потеряв в лице Горького воплощение кипучей инициативы.

Тяжелую утрату понесла не только советская культура, но и культура всего мира, революционная культура человечества.

Максим Горький не перестал быть борцом и после победоносного Октября, он видел не только расцветающую жизнь Советского Союза, он всегда видел так же хорошо грязь и нищету капиталистического мира. И с неугасающей энергией он всегда помогал нам в борьбе с этой нищетой и грязью. Это он взывал к заграничной интеллигенции: «С кем вы, мастера культуры?» Это он призывал нерешительных и колеблющихся, хотя и думающих, художников и мыслителей оставить колебания и в своих интересах примкнуть к революционному движению пролетариата. Всем индивидуалистически настроенным интеллигентам, которые боялись социализма, полагая, что он связывает личность, Горький терпеливо и страстно объяснял, что не социализм, а капитализм связывает личность, что социализм, наоборот, освобождает все творческие силы человека, освобождает личность.

Индивидуализм есть результат давления на человека извне, со стороны классового общества, индивидуализм — это бесплодная попытка личности защититься от насилия. Но ведь такого рода самозащита есть не что иное, как самоограничение, ибо такое состояние самозащиты замедляет процесс роста интеллектуальной энергии. Это состояние одинаково вредно и обществу, и личности. «Нации» тратят миллиарды на вооружение против соседних наций, личность тратит большинство своих сил на самооборону против насилий классового общества. «Жизнь есть борьба? Да, но она должна быть борьбой человека и человечества против стихийных сил природы, борьбой за власть

над ними. Классовое государство превратило эту великую борьбу в гнуснейшую драку за обладание физической энергией человека, за порабощение его».

Много таких ясных слов сказал Максим Горький интеллигенции капиталистического мира, а так как за этими словами стоял авторитет великого писателя, Горький убеждал тысячи из рядов интеллигенции лучше, чем это могло удаться многим иным. Своим литературным творчеством Горький боролся вместе с нами и за наше дело, за дело революционного движения пролетариата, за действительное освобождение человеческой личности, за освобождение человека как творца и созидателя. Он боролся вместе с нами и тогда, когда обращался к мельчайшим явлениям советской жизни, чтобы почерпнуть в них новые действенные средства творчества и борьбы.

Кончина Максима Горького — тяжелая утрата для нас. И потому так долго не хочется верить, что это действительность. Но если это действительность, то со всей любовью, которую мы питали к этому другу, мы должны продолжать его дело. Должны действовать так, чтобы возместить эту утрату, должны творить и искать, как будто бы он с нами, высокий, стройный, с голубыми, невообразимо живыми глазами, видящими далеко вперед, мы должны, как и он, любить жизнь и потому ненавидеть всю буржуазную грязь и гнет, должны *бороться*!

Печ. по кн.: Юлиус Фучик. Избранное. М., 1956, с. 128—131

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ТАДЖИХОН ШАДИЕВОЙ

Передо мной фотография Таджихон Шадиевой.

В истории ее жизни — вся история узбекской женщины. Муж с ней спал, а другие его жены ее били, пока не

пришла новая жена, купленная за два верблюда и восемь баранов. Так было всегда в жизни жен богатых узбеков. Такой была грязной гаремная экзотика, которая нравилась дешевым европейским писателям и трогала до слез почтенных европейских дам, во всем зависящих от своих мужей — и прежде, и по сей день.

Но Таджихон уже давно перестала быть женой богатого узбека.

В скрытую от людских глаз женскую половину узбекского дома однажды проникло известие о волнениях в городе. Муж Таджихон возвратился домой полный злобы, которая выдавала его страх. Происходило что-то необычное.

В Таджихон жила не только покорность, которой ее учили ислам и нищета родителей. В Таджихон жила также и ненависть. Страх мужа наполнил ее радостью, потому что муж был для нее лишь рабовладельцем. Она воспользовалась первым случаем, чтобы выскользнуть из дому, и с лицом, закрытым черным чачваном — сеткой из конского волоса,— пошла искать людей, у которых хватило отваги нагнать страх на богатых рабовладельцев. Улицы были полны такими людьми: в городе происходила революция.

Ее муж, стараясь сохранить свое богатство, быстро приспособился к новым условиям. Он умел читать и писать, а это было редкое искусство, которое ему очень помогло. Он сделался советским служащим. Таджихон была разочарована. Хотя она и не имела точного представления о том, что такое революция, но ей все же это казалось непонятным: неужели люди воевали лишь для того, чтобы ее муж получил еще большую власть?

Она стала выходить из дому еще чаще. На митингах, где русские женщины с открытыми лицами произносили огненные речи о женском освобождении, а мужчины в кожаных куртках призывали к борьбе против угнета-

телей, она все ближе протискивалась к ораторам. Испуганно убегала, когда ей казалось, что кто-нибудь хочет к ней обратиться, но снова возвращалась, потому что ей нравились речи о свободе. И однажды она зашла в женотдел...

С тех пор Таджихон перестала быть испуганной слушательницей женских собраний — она сама сделалась активным борцом. Сама указала на своего мужа как на замаскировавшегося врага революции. Сорвала с него маску. И сорвала маску своего рабства: первая сняла паранджу. На митингах она уже не стояла где-нибудь с краю, постоянно готовая к бегству. Она сама выступала, сама говорила, и говорила об освобождении женщин так, как никто иной не умел, потому что в ее словах было все ее страстное стремление стать человеком, стать свободным, самостоятельным членом общества. Во многих местах Узбекистана нужно было сказать эти слова, тысячи женщин ожидали ее... И Таджихон шла из города в город и от кишлака к кишлаку, убеждая узбечек; она стала революционеркой, стала предводительницей женщин. За ней гонялись целые банды басмачей, несколько раз она чудом избегала смерти, но каждое ее выступление после нового покушения врагов лишь завоевывало ей еще большую любовь и авторитет...

Сегодня вы найдете ее в Ферганской долине. Она пришла туда три года тому назад в качестве начальника политотдела, и под ее руководством колхозы района впервые перевыполнили план сбора хлопка. На ее груди появился орден Ленина, а в ее колхозы пришла зажиточная жизнь.

О прошлом она рассказывает, как бы сама удивляясь, что так было. И быстро переходит к современности. Может быть, и нехорошо забывать те времена, когда заботой женщины было лишь стремление понравиться своему господину, отбить его у других рабынь, а если это не удавалось —

трудиться до изнеможения. Но теперь у нее другие заботы, которые отгоняют воспоминания: колхозу нужна новая школа, в районе идут испытания нового сорта хлопчатника, необходимо подготовиться к съезду женской молодежи.

— А потом,— говорит Таджихон Шадиева,— я не хочу проиграть соревнование с мужем.

Ее второй муж — секретарь соседнего райкома. Оба района заключили социалистический договор о соревновании за лучший урожай хлопка.

Я спрашивал в колхозах, какие имеются у них перспективы на победу в этом веселом соревновании.

— Ну как же! Ведь мы с Таджихон не можем проиграть!

Это не были слова женщины, их произнес старый мираб Расул Мирбабаев. А поскольку так сказал старый узбек — это звучало как торжественное признание силы новой женщины Советского Востока...

Руде право, 24 марта 1936 г.

РОЗИЯХОН МИРЗАГАТОВА

Один за другим следуют женские портреты в моем альбоме, в моей записной книжке.

Вот нежное лицо товарища Таировой, таджикской рабыни, которая стала руководителем высшего женского учебного заведения в Сталинабаде; морщинистое лицо Абдулазизовой, батрачки, ставшей членом правительства; здесь Тошматова, Кадырова, Ташланова и другие женщины Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, которые ныне заседают в центральных исполнительных комитетах советских республик Средней Азии, руководят районами,

возглавляют колхозы, учат, занимаются научной работой.

Черные волосы, большие глаза, немного морщинок, которые появились слишком рано, но рассказывают о давних страданиях. И еще один портрет.

Резкая энергичная подпись:

Розияхон Мирзагатова.

Она понравилась баю гораздо раньше, чем достигла того возраста, когда шариат повелевает женщине скрыть свою молодость под паранджой. Мать воспитывала ее только для него одного, потому что ей было суждено выкупить у бая долги своего изнуренного работой отца. Она росла, и день свадьбы приближался.

А в ту пору она сама уже любила. Это была безнадежная любовь, любовь к простому нонвою, маленькому подручному пекаря, который разносил по городу теплые лепешки и восхвалял их достоинства голосом муэдзина. Ему пришлось бы так ходить и расхваливать свои лепешки еще пятнадцать лет, для того чтобы накопить денег на выкуп невесты.

На последнее тайное свидание перед свадьбой Розияхон нонвой Мирза не пришел. Она увидела его только на другой день во главе толпы и раньше, чем мать успела загнать ее за глиняные стены женской половины дома, услышала его выкрики. На этот раз нонвой Мирза не расхваливал теплые лепешки. Нонвой Мирза провозглашал революцию...

Свадьба Розияхон была отложена. У бая теперь были другие заботы. Таких, как нонвой Мирза, вдруг оказалось много в городе и в кишлаках. Баи пытались организовать против них басмаческую контрреволюцию.

А тем временем Розияхон выходила из дому закрытая паранджой. Она спешила не только на тайные свидания с Мирзой, но и на собрания женщин, которые были тоже тайными, потому что в кривых улочках в ту пору часто

находили узбечек с перерезанным горлом, они умирали от ран, нанесенных муллами и другими фанатичными служителями аллаха, жестоко каравшими женское свободомыслие.

Басмачи наступали, и у бая снова появились розовые надежды на сохранение власти. И он опять назначил день свадьбы. Именно в этот день Розияхон исчезла.

Ее искали в арыках и водоемах. Мать оплакивала дочь, совершившую самоубийство. Она была убеждена, что это самоубийство. Ведь и здесь, на Востоке, происходили такие трагедии, когда чувствительность женщины превышала меру, допускаемую аллахом. И слезы уже было унесли с собой печаль матери, когда пришли известия, что Розияхон учится в Москве.

Смерть дочери — это было горе. Но бегство дочери в Москву на учебу — это был позор, которого мать не могла пережить. Она заперлась в своем доме, и спустя семь дней соседки вынесли ее труп. Такими были раньше женщины Узбекистана, такой была и мать Розияхон...

Розияхон вернулась на родину через восемь лет.

Ее муж, бывший подручный пекаря Мирза Усманович Мирзагатов,— заведующий самой большой в Средней Азии самаркандской больницей, а Розияхон — первая в Узбекистане женщина-врач.

К ней стекаются тысячи узбекских женщин, еще стыдящихся врачей-мужчин. Она лечит, советует, ездит по кишлакам и пропагандирует гигиену, заботясь о здоровье узбекского народа. И если в узбекских кишлаках люди действительно становятся здоровее и если узбекский народ численно возрастает, потому что его женщины могут рожать здоровых детей, в этом немалая заслуга и Розияхон Мирзагатовой, новой свободной узбекской женщины, у которой от прошлого остались только морщинки.

Руде право, 26 марта 1936 г.

ДО СВИДАНЬЯ, СССР

Возвращение домой

Я придумал какой-то предлог для того, чтобы поехать на вокзал через Арбат и по кольцу «Б». Вчера я попрощался с московским метро, приласкал взглядом молодую листву в Парке культуры и отдыха, пожал руку Красной площади, но сюда, на Арбат, не успел заехать...

До свиданья, Арбат!

До свиданья, площадь Маяковского!

До свиданья, улица Горького!

До свиданья, Москва!

Поезд безжалостно набирает скорость.

За окном уже скрылся домик стрелочника, его сменило мелькнувшее на момент здание хлебозавода, вот последний московский трамвай, последний московский дом, последний лес Подмосковья, куда в хорошую погоду ездят на выходной. Все скрылось из виду. Можно бы еще высунуться из окна и увидеть трубы новых заводов или высокую антенну московской радиостанции. Но как тяжело, как тяжело смотреть назад!

Из окна виден парашютист. Он качается под своим парашютом между синим небосклоном и зеленой лужайкой, словно кокетливая девушка под зонтиком, и машет нам рукой, желая счастливого пути.

До свиданья, до свиданья!

Трудно расставаться со всем этим даже ненадолго. А ведь я еду все-таки к своим, к близким мне людям, которых давно не видел, к тем, кого я люблю и кто будет рад нашей встрече. И ведь я не могу жить только радостями, которые завоеваны другими... и... но, что говорить, трудно расставаться!

Я прожил в СССР почти два года и привык к советской жизни, как человек может привыкнуть только к тому, что

приносит ему радость и что помогает ему расти. Я приехал, когда в повседневной жизни советских людей только начали проявляться достижения первой и началась вторая пятилетка. Только еще начинался настоящий достаток, только стали наполняться витрины магазинов, только еще стали вырисовываться контуры нового общества, фундамент которого закладывался с такой самоотверженностью и напряжением в годы, когда я впервые побывал в Советском Союзе.

Я приехал два года назад. Но как давно это было! Не было ли это в прошлом столетии?

Как расцвело счастье советского человека за это время!

На глазах у меня менялись улицы, росли новые города, богатели колхозы. Из сознания людей уходило старое, приходило новое. Все изменялось и все росло — все менялось и шло к лучшему. За эти два года здесь прошли исторические десятилетия, мечта превращалась в действительность. На моих глазах вырастало то, за что мы еще только боремся, то, о чем еще только мечтаем. На глазах у меня возникало бесклассовое, социалистическое общество, социализм из плоти и крови, действительность, которую можно видеть, ощущать, дышать ею...

А теперь я должен расстаться со всем этим.

Когда шесть лет назад я впервые расставался с Советской страной, мне было тяжело потому, что я чувствовал, что возвращаюсь на несколько лет назад. Теперь это еще тяжелее. Я врос в социализм, я уже был гражданином социалистической страны, а сейчас поезд увозит меня назад на несколько десятилетий, из новой истории в доисторическую эпоху.

До свиданья, Можайск! Ты так близок к Москве, когда мы едем туда. А сейчас мне тоскливо, что я уже так далеко от нее.

До свиданья, Вязьма!

До свиданья, Смоленск!

И вот мы уже на пограничной станции.

Мы обменялись рукопожатием с товарищем пограничником, крепким рукопожатием,— и поезд отходит. Мы стоим на площадке последнего вагона, рельсы бегут к последней советской станции, последний советский часовой поворачивает голову вслед уходящему поезду, над головой у нас мелькает арка с девизом пролетарской страны и исчезает вдали.

До свиданья, Советский Союз!

После двухлетнего отсутствия я вновь вступаю на землю капитализма и осматриваюсь несколько удивленно и смущенно, как гражданин страны социализма, который уже давно не видывал ни пришедших в упадок фабричек, ни безработных, ни всех тех обманов, которыми держатся господа.

И вот, смотря на все иными глазами, я снова открываю для себя капиталистический мир.

Творба, 17 июля 1936 г.

ЖИВОЕ ДЕЛО

Случилось это в селе Кашино, недалеко от Волоколамска.

Приближалась осень 1920 года.

И по мере того как сокращались дни, росли заботы кашинцев: чем они будут освещать свое село, когда наступят бесконечные зимние вечера и удлинятся ночи?

Это была серьезная забота. На юге Советской страны белогвардейцы взорвали мосты и железнодорожные пути. Англичане разорили нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы — с невероятным трудом попадала каждая капля нефтяных продуктов в центр России. И когда все-таки эту нефть доставляли, то ее ждали моторы немного-

численных машин и примитивных аэропланов, ждали больницы, переполненные больными и ранеными. Ведь страну еще терзала гражданская война.

В селе Кашино не было керосина. Не было даже свечей. Старики, вспомнив молодость, учили делать фитили и опускать их в баночки с растопленным жиром, а когда не было жира, щипали по старинке лучину.

А в Москве Ленин говорил об электрификации Советской республики, о первоклассных электростанциях и новых заводах, благодаря которым советские рабочие и крестьяне превратят отсталую и разрушенную страну в самую передовую социалистическую державу. Эти слова слышали буржуа на Западе и хохотали над «бессмысленными фантазиями» или снисходительно покачивали головами, говоря о «кремлевском мечтателе». Эти ленинские слова слышали и кашинские крестьяне и написали Ленину, своему председателю Совета Народных Комиссаров, письмо. Они писали о том, что у них нет керосина и что они хотят электрифицировать свое село. Ответ пришел удивительный — динамо-машина, которую выделили из скромных государственных резервов, чтобы удовлетворить желание кашинских крестьян. Кашинцы поблагодарили и послали товарищу Ленину приглашение приехать к ним на торжественное открытие их маленькой сельской электростанции. Конечно, они не очень рассчитывали на то, что у Ленина, заваленного работой, найдется время приехать в Кашино. Но Ленин приехал. И в бедной избе Марии Никитичны Кашкиной, за столом со скудным «угощением» (один сосед принес хлеб, другой кусок студня), отпраздновали открытие электростанции села Кашино. Ленин первый повернул выключатель и зажег первую кашинскую электрическую лампочку.

Долго потом сидели соседи с Лениным, беседовали об электричестве и о том, что делается в мире, жаловались на многие недостатки. Ленин отвечал им. Не было стено-

графа, который записал бы его речь, лишь в память кашинцев врезались его слова.

И, вспоминая теперь, через тринадцать лет после смерти Ленина, его прекрасные, полные убедительной силы пророчества, люди оглядываются вокруг и видят, что эти пророчества воплощены в дела. Вспоминая слова умершего гения, видят люди его живое дело.

Электрическая «лампочка Ильича» принесла свет в самые отдаленные уголки Советского Союза и изгнала из них вековую тьму. Теперь уже не в одном только Кашине есть своя электростанция, тысячи сельских и сотни мощных электростанций разливают свет по всей стране. Уже имеются не только такие электростанции, как в селе Кашино, есть уже и Днепрогэс. В прошлом году советские электростанции дали тридцать три миллиарда киловатт-часов — в семнадцать раз больше, чем перед империалистической войной, и почти в семь раз больше, чем в начале первой пятилетки. Советский Союз по выработке электрической энергии занимает теперь второе место в мире и первое в Европе.

Поток электроэнергии советских электростанций даст движение новым машинам на новых заводах и превратится в поток таких продуктов производства, которые сделают жизнь советских граждан еще краше, в поток тракторов и комбайнов, которые помогут лучше обработать колхозную землю и собрать с нее больше хлеба для советских людей. Электрический поток, как половодье, разлился по советской земле и сметает с нее все старое. Новая страна возникла там, где старые географы отмечали на картах земного шара тьму и рабство. Новая страна — страна социализма.

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»,— сказал Ленин. Эти слова сегодня воплощаются в самую живую действительность. Сегодня осуществляется первая фаза коммунизма — социализм.

«Лампочка Ильича» — это не только простая электрическая лампочка. Это маяк, светящий на пути нового общества. Гений Ленина ясно видел, что надо делать, чтобы человеческое общество пришло к самой высокой своей цели. И задачи, которые он поставил, решаются по его заветам и с его твердостью.

Его дело *живет* в Советах трудящихся Советского Союза. Его дело *живет* в огромном росте социалистической промышленности. Его дело *живет* в социалистических основах коллективного земледелия. Его дело *живет* в социалистическом соревновании. Его дело *живет* в росте культуры и благосостояния. Его дело *живет* в непрерывно растущей социалистической демократии, о которой он говорил с такой гениальностью.

Его дело живет в Советской Конституции. Живое дело Ленина!

***Руде право*, 24 января 1937 г.**

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮЛИУСЕ ФУЧИКЕ

ЛАДИСЛАВ ШТОЛЛ

ГЕРОЙ БОРЬБЫ ЗА МИР

На Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве книга Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее» была отмечена самой высокой Почетной премией мира. Нашей общественности уже более или менее известно, что в течение всего лишь нескольких лет эта книга разошлась по всей планете. Сегодня ее читают во всем мире, на многих языках. Это — самая популярная чешская книга, она почитаема и любима, и она приумножает честь и славу чешского народа и нашей культуры, как ни одно другое произведение.

Варшавский конгресс сторонников мира, в котором приняли участие выдающиеся общественные и политические деятели из многих стран, своим решением еще раз проявил то уважение и любовь, которые все прогрессивное человечество питает по отношению к нашему национальному герою.

Однако я не буду особо останавливаться на том, что означает для нас это событие и к чему оно нас нравственно, идейно и политически обязывает. Я думаю, что каждый из нас, как вольный или невольный участник той гигантской борьбы, которая происходит сейчас в мире, очень хорошо это знает.

Но мне хотелось бы, чтобы в связи с этим торжественным событием вы задумались над тем, как, собственно, случилось, что наш Юлиус Фучик стал человеком, которого сегодня знает весь мир? Какие корни питали его жизнь и творчество? Как случилось, что Юлиус Фучик, столь близкий всем нам человек, плоть от плоти своего народа, человек, столь любящий наших рабочих и крестьян, нашу Коммунистическую партию, нашу родину, нашу историю, нашу демократическую культуру, нашу трудящуюся интеллигенцию, стал международным явлением и даже символом борьбы всех народов за самые благородные идеалы человечества?

Мы все знаем его жизненный путь. Знаем его как одного из самых преданных борцов Коммунистической партии Чехословакии, как публициста, писателя, критика, автора распространенных сегодня книг о Советском Союзе. Мы знаем его прежде всего в связи с той героической ролью, которую он сыграл в период оккупации. Теперь мы знаем и документы, свидетельствующие о героическом выступлении Фучика перед нацистским судом, которые недавно были опубликованы капитаном Советской Армии Резником. Однако люди мало знают о молодости Фучика, о том, как формировался этот кристально чистый характер, как из мальчика вырастал юноша, а из юноши — мужчина. Ведь уже тогда мы в лице Юлиуса Фучика видим необыкновенно чистого и по-человечески богатого человека — пример, над которым должны будут задуматься воспитатели нашей молодежи.

Несколько недель тому назад мы вместе с товарищ Фучиковой просматривали самые ранние произведения Фучика, а вернее, то, что осталось от начального периода его творчества. Товарищ Фучиковой удалось собрать неизвестные или малоизвестные документы этого периода. Мы прочитали эти документы, дошедшие до наших дней благодаря заботам родственников и друзей. Мы прочитали

дневники и записные книжки Фучика, первые издаваемые им «журналы», когда 12—14-летний мальчик во время первой мировой войны играл в «журналиста» и «выступал» по вопросам культуры, мы прочитали его заметки по поводу прочитанных в пятом классе гимназии книг. Познакомились мы также и с его юношеской любовной лирикой, и стихотворениями на патриотические темы, а потом — и с очень обширными записями, сделанными в 17, 18 и 19 лет, когда Фучик записывал уже все, о чем думал и что чувствовал.

Во всем, что теперь нам известно о молодости Фучика, то есть уже в самых ранних проявлениях духовного и эмоционального мира этого человека, мы с удивлением узнаем будущего героя. Идейная устремленность, богатая эмоциональная жизнь, юношеская мудрость, прекрасный и благородный юмор — все эти черты нашли здесь свое зримое проявление. Но мы найдем в этих материалах также и строгость, и гнев против несправедливостей жизни. Мы найдем много примеров, характеризующих юного Фучика как мыслителя и как достойного человека. Поэтому эти документы наряду с позднейшими произведениями Фучика являются наследием нашей национальной демократической культуры.

Чрезвычайно искренно и с огромным волнением воспринимал молодой Фучик великое, исполненное гуманизма и героизма наследие нашей национальной культуры.

Я прочту вам для примера весьма характерное для него школьное сочинение, посвященное Яну Гусу. Вот что писал ученик пятого класса гимназии:

«Значение магистра Яна Гуса в чешской письменности. Сочинение».

«Не отрекусь!

В этом одном-единственном слове, восклицании, прозвучавшем на церковном соборе в Костнице, отразилась вся душа огненного проповедника, апостола реформации

и прежде всего непреклонного, всегда отстаивающего свои права чеха. Так сильно в его время никто не сопротивлялся всемогущему авторитету церкви. Против жестокого сборища кардиналов стоял ослабевший от длительного заключения и от болезни человек, отличающийся сильной волей, которую он приобрел на тернистом пути своей жизни и которая сопровождала все его дела и творения.

Я сказал, что он был прежде всего чехом. Свою принадлежность к чешскому народу он проявляет не только тем, что упорно борется за свержение поработителя, которым был тогда Рим, но и усердной работой на благо этого народа, на первый взгляд работой небольшой, однако если мы посмотрим на ее результаты, то огромной. Это — реформа правописания. Неудобное письмо с лигатурами он заменил диакритическим. Кроме того, он ввел смягчающую звук точку и знак, обозначающий долготу гласных, иными словами, как сам Гус говорил, «подсказочку краткости и долготы». Тем самым развитие чешского правописания продвинулось далеко вперед. Но Гус не удовольствовался только реформой правописания. Давно отживший в разговорной речи аорист или имперфект он вычеркнул из чешской грамматики, а пражский диалект возвел в ранг литературного языка. Однако главная его заслуга заключается в том, что он предпринял *чистку* нашего языка ото всех чуждых или исковерканных слов, борясь против тех чехов, которые считали, что не могут обойтись без этих обезображивающих язык «довесков».

А если бы мне захотелось говорить о его собственных литературных произведениях, то, честное слово, я не знаю, что бы я мог добавить, не повторяя бесчисленных анализов и критических суждений. Опять же скажу, что кредо его сочинений можно выразить одним словом, и это слово он сам произнес на соборе в Костнице: «*Не отрекусь!*»

Разумеется, это не обычное школьное сочинение, не пересказ школьного учебника, осуществленный по заданию учителя неизвестным учеником пятого класса. По сочинению чувствуется, что его писал не кто иной, как Юлиус Фучик.

Еще будучи гимназистом, Фучик отличался уже и последовательно демократическими взглядами, и сознательным отношением к красоте, и творческой фантазией. Он задумывается над судьбой Йозефа К. Тыла, могилу которого он посетил, любит Божену Немцову, и вообще его просто притягивает сила оптимизма, которую он ощущает у этих деятелей культуры. Сердцу юноши мила народность, идейный и эмоциональный взлет наших национальных просветителей. Он делает обширные выписки из Ф. Л. Века, в своих дневниках часто разговаривает с Нерудой и вообще с чешскими классиками, позднее с Волькером. Фучик размышляет о том, что нужно сделать, чтобы люди действительно были похожи на людей, чтобы избавились от животного эгоизма, и он самостоятельно начинает создавать свою мечту о счастливой жизни людей, не только в Чехословакии, но и во всем мире. Поэтому он так много думает о творчестве Толстого, Анатоля Франса и других. Его записи свидетельствуют о том, что он был ищущим читателем, сосредоточенно размышляющим о жизни и литературе, был постоянным посетителем театров и концертов и ходил на разного рода доклады. Одновременно мы видим, что это — записи демократа, который совершенно органически вырастал в сознательного социалиста.

И не только это. Гимназист Фучик регулярно во время каникул отправлялся в путешествия, от чистого сердца восхищаясь красотами родной природы. И не просто восхищался девственной природой, а умел видеть в ней дело рук трудящихся, в течение столетий преобразовавших край, создавших города и села, насадивших сады и леса,— видел на этой прекрасной земле людей, живших своей

великой, героической, счастливой и трагической жизнью. Это все наполняет молодого Фучика до краев. И все-таки это еще недостаточный ответ на вопрос, как, из каких источников формировался наш национальный герой.

Мы не должны забывать о том, в какие героические дни жил юноша, какие мировые и исторические силы способствовали его формированию, чему одновременно с книгами сурово учила его общественная жизнь и классовая борьба.

Необходимо помнить, что Фучик вырастал и становился мужчиной в годы первой мировой империалистической войны и что это происходило в Пльзене, где находятся заводы Шкоды; немаловажно, что именно там начинает он политически мыслить, когда взрывная волна Великой Октябрьской революции — здесь я воспользуюсь пророческой метафорой Маркса — разорвала на одной шестой мира старую кожу буржуазного общества и на глазах удивленных людей, на глазах всего прогрессивного человечества вынырнул из истории новый, социалистический континент — Союз Советских Социалистических Республик.

Фучик, живя в шкодовском Пльзене, уже маленьким мальчиком простаивал часами в очередях за продуктами, за кукурузным хлебом; он внимательно прислушивался к разговорам озабоченных и измученных войной матерей, он видел боевые демонстрации рабочих с завода «Шкода», был свидетелем их бурной забастовки, происшедшей в июне 1917 года под впечатлением взрыва пороховых погребов в Болевце, когда погибло 440 человек, главным образом женщин-работниц. Он был свидетелем и трагических событий на Котеровской улице Пльзеня, где австрийские солдаты застрелили семерых голодных детей, которые накинулись на военные повозки с хлебом.

Чтобы вы могли представить себе, какой гнев горел в пятнадцатилетнем юноше по поводу этих событий, я прочту вам его стихотворение, написанное в августе 1918 года:

Наверху

Отчего внизу так орет этот сброд?
— Говорят, что голод в стране.
Не пора ль успокоить смешной народ
На плахе или в петле?

Внизу

О, вы трезво и здраво судите!
Но мы тоже хотим смеяться —
Посмеемся, когда вы будете
На виселице болтаться!

Эти эпиграммы, написанные за два месяца до исторического дня — 28 октября 1918 года, когда была провозглашена независимость Чехословакии, важны также потому, что они нам показывают, как Фучик, разделявший с чешским народом его национально-освободительные чаяния, представлял себе будущее социальное устройство в новом государстве.

Они показывают, что Фучик размышляет уже как революционно-демократический боец, как человек, уже догадывающийся об исторической миссии рабочего класса, вникающий в проблематику его борьбы и ищущий под впечатлением Великой Октябрьской революции в доступной ему литературе ответы на те вопросы, которые рождались в спорах тех лет. Ведь внутри социал-демократической партии были тогда как реформистские, так и революционные направления, а также как националистические, так и интернационалистские тенденции.

Фучик быстро понимает, что рабочие «Шкоды», пролетарии, люди энергичные и настоящие борцы за свои классовые интересы, представляют единственную основательную силу в обществе, способную не только разрешить все беды и страсти трудового народа, но и последовательно решить вопрос национального освобождения и культурного развития. Так Фучик, увлеченный чехословацкий патриот, становится социалистом и сознательным интернационалистом.

Когда же в мае 1921 года из левого крыла социал-демократической партии, вставшего под знамена ленинского III Интернационала, образуется Коммунистическая партия Чехословакии, Юлиус Фучик, как член этого левого крыла, становится одним из первых ее членов и верно вместе с нею переживает все ее успехи и невзгоды. Когда потом во второй половине двадцатых годов партия переживает внутренний кризис и к ее руководству с боями приходят готвальдовцы, Юлиус Фучик верно стоит на стороне Клемента Готвальда. Он ведет борьбу не только как деятель культуры, не только как критик художественной литературы, но и как политический публицист. Фучик борется за революционный характер партии, против любых отклонений, за освобождение партии от всех пережитков оппортунизма, короче говоря, отдает весь свой великолепный, богатый талант и всю свою эрудицию — большевистской партии, борется за победу готвальдовской линии. Фучик любил товарища Клемента Готвальда, глубоко его уважал и как вождя партии, и как человека.

Уже тогда, когда начиналась борьба за большевизацию партии, Фучик ясно представлял себе исторический смысл этой борьбы, смысл готвальдовского политического пути, знал, что́ он даст не только рабочему классу, но и всему нашему народу. Поэтому Фучик, став потом, в период оккупации, подпольным борцом, вплоть до своей героической смерти никогда не терял связи с руководством партии.

Я попробовал здесь в нескольких штрихах осветить путь развития Юлиуса Фучика и показать, как вырастал наш национальный герой, известный теперь во всем мире.

Фучика сегодня любят трудящиеся и прогрессивные люди во всех странах. Его любят потому, что он сам страстно любил свой народ. Отсюда — из сердечного отноше-

ния к трудовым людям собственного народа — внутренне совершенно закономерно выросла и его глубокая любовь к Советской стране.

Товарищи и друзья! Вы все, кто прочел книги Фучика, его умные и боевые статьи, его репортажи об СССР, составившие в настоящее время две его книги — «В стране, где завтра означает уже вчерашний день» и «В стране любимой»,— вы знаете об этой любви Фучика.

Это не какая-то там своеобразная черта Фучика, не просто его увлечение; любовь к Советскому Союзу — естественное и типичное выражение единственно подлинного пролетарского интернационализма. Совершенно ясно, что нельзя быть интернационалистом — к какому бы народу вы ни принадлежали — и не защищать СССР, не распространять среди собственного народа любовь к Советскому Союзу. Такая последовательно фучиковская верность и любовь к советским людям, к первому социалистическому государству мира означает верность собственной национальной свободе, верность собственному народу, верность собственной национальной культуре. Строительство социализма в СССР является наивысшим достижением человечества, является самой надежной опорой всех свобод, всех народов, всех самых благородных усилий, является единственной основой, на которой можно создать прочный мир во всем мире.

Поэтому таким светлым, благородным примером является отношение Юлиуса Фучика к стране социализма. Это отношение является выражением серьезного, правдивого и продуманного уважения к достоинству человека, к свободному труду, обеспеченному миром и свободным сосуществованием народов.

Все, кто на Варшавском конгрессе сторонников мира говорил о заветах Фучика, все, кто пишет за рубежом о книгах Фучика, точно так же как и все читатели «Репортажа с петлей на шее», удивлены силой духа Фучика,

мощью характера, вырывающейся из этого произведения, как светящийся поток.

Что здесь более всего удивляет?

Мы знаем, что Фучик — не отдельное явление. Наше и международное рабочее движение дало миру целую плеяду героев, не менее прекрасных, не менее великих людей. История сохранила многие и многие драгоценные документальные свидетельства о героизме борцов-коммунистов, которые и на место казни шли с поднятыми головами, гордые, несломленные, победные. Как и Юлиус Фучик.

Книга Фучика, написанная за несколько недель до смерти, когда он ясно осознавал, что его ждет, удивляет нас тем, что она столь классически ясна, что в ней светится победная улыбка человека, так что иногда кажется, будто она возникла в солнечном и уютном кабинете и никак не в тюрьме, не в условиях физических пыток. Эта книга написана недрогнувшей рукой, с великой художественной силой и совершенством. Этот факт свидетельствует о великой силе человечности ее автора, что так покоряет мир. Именно поэтому произведение нашего национального героя является непревзойденным явлением великой мировой культуры. Поэтому эта книга, как пламя, зажгла сердца сотен миллионов.

Поэтому с таким увлечением читает ее вся советская молодежь, давшая миру своих известных и прекрасных героев.

Книга Фучика вышла в Советском Союзе уже во многих и многих изданиях. В честь Фучика была названа вершина на горном массиве в Киргизии, имеется уже советская драма о Фучике, имеется уже и итальянская драма. Произведения Фучика в Советском Союзе читаются потому, что советские люди узнали в авторе «Репортажа с петлей на шее» своего, советского человека.

Но столь же взволнованно читают сегодня книгу Фучика, в особенности молодые люди, в Китае и в Корее, в Индии, в Америке, Англии, Франции, Бразилии, Аргентине и т. д. на многих языках мира.

Факт, что на Варшавском конгрессе сторонников мира книге Фучика была присуждена самая высокая и почетная премия, способствовал тому, что заветы и наследие Фучика стали международным символом. В настоящее время, когда разыгрывается самая роковая борьба в человеческой истории, борьба за мир, книга Фучика стала символом борьбы за самые благородные идеалы человечества.

Поэтому мы должны как можно лучше и больше знакомить людей с творчеством Фучика, добиваться, чтобы молодежь глубже задумывалась над ним, как сам Фучик в свое время задумывался над творчеством наших классиков. Чтобы научилась столь же сильно любить родину. Чтобы столь же последовательно думала о том, что из этой любви вытекает. Чтобы полнее поняла историческую миссию Советской страны и исторический смысл строительства социализма в нашей стране.

Ведь наш путь к социализму имеет один-единственный великий смысл — создать условия для светлой жизни трудящихся людей, воспитать нового, достойного человека, человека, который по внутренней потребности творчески трудится, любит красоту и культуру и который с такой же страстью, с таким же презрением ненавидит зверства фашизма, войны и цинизм власти долларов. Огнем такой святой любви, огнем гневной ненависти горел всегда прекрасный Человек Юлиус Фучик — герой борьбы за мир.

Доклад на торжественном вечере, организованном Чехословацким комитетом сторонников мира в Праге в связи с присвоением Международной премии мира Юлиусу Фучику, 20 декабря 1950 г.

ГУСТА ФУЧИКОВА

ЖИЗНЬ И БОРЬБА ЮЛИУСА ФУЧИКА

«Люди, я любил вас. Будьте бдительны!»

Это — последние слова «Репортажа с петлей на шее», отражающие одновременно смысл всей жизни Юлиуса Фучика. За любовь к людям, за нашу лучшую, счастливую жизнь в свободной отчизне он боролся, за эту свою бесстрашную борьбу преследовался в буржуазной республике, был казнен немецкими фашистами.

Ю. Фучик родился двадцать третьего февраля 1903 года в Смиховском районе Праги, в семье рабочего. В этом пражском промышленном районе он впервые пошел в школу, а потом, когда началась первая мировая война и его отца послали работать на комбинат «Шкода» в Пльзень, посещал школу в Пльзене. Уже в детстве он на собственном опыте ощутил последствия первой мировой войны, видел, как стреляли в голодных детей, пережил страшный взрыв военного завода в Болевце, где погибло около 440 человек, преимущественно женщин. Опыт, приобретенный в юности, привел его на путь борьбы за лучший, более справедливый мир. В шестнадцать лет он отрекся от церкви, а в восемнадцать стал членом Коммунистической партии.

Хотя в Пльзене он окончил реальную гимназию, в Праге он поступил на философский факультет, потому что с ранней юности его глубоко интересовали вопросы культуры и литературы. Эти интересы пробудились в нем уже в семье. Его отец выступал в качестве певца в смиховских театрах, в театре Пльзеня, и Юлиус чуть ли не с трех лет начал исполнять небольшие детские роли. А его дядей был известный композитор, его тезка Юлиус Фучик.

Дома не было лишних денег, и для того, чтобы учиться в Праге, Юлиусу Фучику приходилось самому зарабатывать себе на пропитание. Работая делопроизводителем, рабочим на стройке, он начал пробовать свои силы в журналистике. Этому не следует слишком удивляться, потому что к журналистской работе он проявлял склонность с детства. В двенадцать лет, в первом классе реальной гимназии в Пльзене, он начал на страницах школьной тетради создавать журнал «Слован», а через год — журналы «Чех» и «Веселая мысль». Так уже с детства он пытался письменно излагать свои взгляды на жизнь, критиковать зло, помогать добру, не оставаться равнодушным. Делать добро означало для него бороться за прогрессивные идеи, за социализм, за то, что он находил в книгах Ромена Роллана, Божены Немцовой, Яна Неруды, Льва Николаевича Толстого, а позднее в произведениях Владимира Ильича Ленина. Все это сформировало его коммунистические убеждения, предопределило путь к революционной журналистике.

В семнадцать лет он стал членом левого издательско-типографского объединения «Правда» в Пльзене, которое издавало еженедельник «Правда». После создания Коммунистической партии Чехословакии «Правда» стала ее печатным органом, и Юлиус Фучик писал для нее критические статьи по литературе и искусству. Позднее он сам вспоминал о своих первых журналистских шагах: «Я рос во время войны, события в ее конце я видел еще детскими глазами, однако с опытом двадцатипятилетнего. Поэтому я не мог не понимать, что в мире, где люди против собственной воли убивают друг друга, будучи полны жажды жизни, что-то делается не так. Поэтому я начал этот мир, как принято говорить, критиковать... Книги и театр открывали мне мир. Я искал в них правду и понял, что есть книги, которые говорят, есть которые лгут, а есть и вообще немые. Мне казалось, что об этом надо сказать, чтобы

не было ни лживых, ни немых книг. Я считал это своим долгом в борьбе за лучший мир. Поэтому я начал писать о книгах и о театре...» [1].

Двадцатилетний Юлиус Фучик писал в прогрессивный журнал «Социалист», издававшийся Б. Врбенским и В. Бореком. Театральные обзоры он публиковал и в пльзеньском литературном журнале «Прамен». Вместе с Иваном Секаниной и Яном Швермой он редактировал (а кроме того, и распространял среди студентов) студенческий журнал «Авангард». В 1926 году Клуб современных издателей «Кмен» поручил ему руководство своим одноименным журналом. Членами этого объединения были главным образом молодые издатели. В этом журнале Ю. Фучику удавалось публиковать произведения современных прогрессивных литераторов как чехословацких, так и западных, а также произведения чехословацких коммунистов, советских авторов. Но Юлиус Фучик в это время уже регулярно сотрудничал в «Руде право», «Творбе», а в газете «Руды вечерник» редактировал кинорубрику.

В октябре 1928 года, за месяц до выборов, было запрещено издание большинства журналов и газет Коммунистической партии. Тогда Юлиус Фучик обратился к своему бывшему университетскому профессору Ф. Кс. Шальде, которого очень ценил как ученого за его честные, прогрессивные позиции. Он попросил его предоставить в распоряжение Коммунистической партии свой журнал «Творба», нерегулярно выходивший и печатавший литературно-критические, политические и художественные статьи. Ф. Кс. Шальда доверил Ю. Фучику свой журнал и в начале ноября 1928 года вышел первый номер еженедельника «Творба», который с тех пор в течение многих лет —

---

[1] Цитата из ответа Юлиуса Фучика на вопросы анкеты «Как писатель становится критиком».— 22 мая 1938 г.

за исключением времени службы в армии, пребывания в Советском Союзе или же неотложной редакторской работы в «Руде право» или «Гало-Новинах» — редактировал Юлиус Фучик, превратив его в боевой коммунистический журнал по вопросам культуры и политики.

Будучи редактором, он никогда не засиживался у своего рабочего стола. Он хорошо знал, что не может быть лишь сторонним наблюдателем, что нужно идти вместе с теми, кто борется за справедливое дело. Поэтому, когда горняки Северной Чехии выдвинули справедливые требования и объявили стачку, а жандармы буржуазной республики стреляли в них, он уехал в город Мост и жил среди забастовщиков. Сколько раз в двадцатые, тридцатые годы в Чехословацкой республике стреляли в рабочих, безработных, в женщин и детей ради интересов фабрикантов, угольных магнатов и крупных помещиков, ради интересов реакционного правительства! Это и был тот самый несправедливый, плохой мир, который нужно было изменить. И именно за эти перемены боролся Юлиус Фучик в рядах Коммунистической партии. В этом проявлялись его любовь к трудовому народу и его патриотизм.

Он любил свою родину и с детства познавал ее красоты. С парой крон в кармане он исходил всю Чехию, Моравию и Словакию, Шумаву, Крконоши и Бескиды. Привлекали его и моря, и далекие заоблачные вершины. «Может быть, когда-нибудь я их увижу»,— говорил он. Второй страной, наиболее близкой его сердцу, был Советский Союз. В 1930 году он был направлен туда Коммунистической партией с рабочей делегацией, чтобы посмотреть на далекие окраины СССР, в Среднюю Азию, где чешские и словацкие товарищи, которые не смогли в Чехословакии найти работу, помогали строить новый мир социализма.

В Киргизской ССР его встретили товарищи из Чехии и Словакии, которые в городе Пишпек (с 1926 года город

Фрунзе) создали коммуну, назвав ее «Интергельпо». Их первые шаги здесь оказались нелегкими. Высокие горы и пустыни, край, столь непохожий на наш, но люди, столь близкие нам своими коммунистическими убеждениями. Юлиус Фучик полюбил их. Он собственными глазами убедился, что Советский Союз — это прекрасная страна, где есть моря и горы, большие города и густые леса, но прежде всего люди, которые любят нас. Он видел, что это социалистическое завтра нашей страны. Обо всем он писал в своих репортажах, которые позже были опубликованы в книге «В стране, где завтра является уже вчерашним днем». Вернувшись в Чехословакию, он писал и рассказывал о Советском Союзе. В течение одного лишь года он провел около 370 лекций, которые, однако, власти буржуазной республики часто запрещали, потому что говорить правду об СССР тогда не разрешалось. За свои лекции о Советском Союзе Ю. Фучик неоднократно арестовывался, был судим и приговаривался к нескольким месяцам лишения свободы.

Осенью 1930 года Юлиуса Фучика призвали на срочную военную службу. Но уже через месяц господа военные сочли за благо направить коммунистического редактора «в длительный отпуск». Через два года его вновь призвали — в Словакию, в город Тренчин. Его постоянно перебрасывали из одной части в другую. Из Тренчина он был направлен в Ружомберок, из Ружомберка — обратно в Тренчин, потом в Глоговец и в Левице. Из Левице его перевели в Прагу, в казармы 5-го пехотного полка, в казармы, перед которыми ныне установлен первый советский танк, освободивший Прагу девятого мая 1945 года, в казармы, которые носят сегодня имя Юлиуса Фучика. При демобилизации его тут же у ворот казармы арестовали, так как он преследовался за свои лекции о Советском Союзе. Представителю КПЧ и другу Юлиуса Фучика Зикмунду Штейну удалось добиться отсрочки наказания, и

Юлиус Фучик был временно освобожден. Он продолжал редакторскую работу в «Гало-Новинах», которые начали выходить после запрещения «Руде право» и «Творбы», однако ему по-прежнему приходилось скрываться от полиции. Статьи он подписывал псевдонимами «Карел Воян», «Йозеф Павел», сокращениями «jef», «jp» или же не подписывал вообще. В 1934 году Коммунистическая партия вновь направила Юлиуса Фучика, которому в Чехословакии грозило заключение, в Советский Союз, на этот раз в качестве корреспондента «Руде право». Юлиус Фучик жил в Москве, писал репортаж о строительстве первой линии Московского метрополитена, знакомился с новыми городами, совершил поездку в Среднюю Азию, в Таджикистан, Узбекистан, Киргизию.

В «Руде право» он посылал новаторские репортажи, которые после войны были опубликованы в книге «В стране любимой».

В Чехословакию он вернулся в 1936 году, убежденный в том, что пример и дружба Советского Союза показывают нам путь к подлинной свободе. Во время своей второй поездки он уже имел возможность сравнивать и измерять путь, который прошли строители социализма в СССР за четыре года. В своих репортажах он прежде всего отражал то огромное историческое движение вперед в экономике, социальных вопросах, культуре, которое захватило его всего. Это движение он рассматривал не абстрактно, а в изменении взаимоотношений между людьми, в новом отношении людей к труду, к своему городу, поселку, мужчины к женщине, общества к детям, он видел его в разнообразных судьбах конкретных советских людей. Поэтому его репортажи и не имели ничего общего с пресловутой поверхностной, чисто описательской туристической манерой письма так называемых объективных наблюдателей. В этом секрет жизненности и правдивости его книги.

Ю. Фучик, всей своей жизнью связанный с судьбой рабочего класса, добавивший к своему теоретическому социалистическому образованию силу конкретной художественной наблюдательности, видел всю глубину действительности советской жизни. Он осознавал великую ответственность, которая ложится на человека, отображающего советскую действительность. Вопрос о правдиво переданном впечатлении, правдивом отображении в репортаже неоднократно становился предметом его теоретических раздумий. Его переполняла огромная потребность общения, ему хотелось рассказать о своих огромных впечатлениях трудящимся всего мира. Поэтому он задумывался и над формой репортажа. Во введении к книге «Факты из страны социализма», выпущенной в 1937 году издательством П. Прокопа, он писал: «Хороший репортаж делается на основе небольших, конкретных случаев, фактов хотя и красочных, но вовсе не исключительных. Только из них можно создать живой и верный образ людей и событий, называемый репортажем. Таких небольших типичных фактов обычно не хватает, их нужно искать, вылавливать из гущи текущих событий, выхватить их из серой, на первый взгляд однообразной массы дня — и если ты хочешь по справедливости оценивать репортера, то нужно принимать во внимание не только то, как он пишет, но и то, как он видит.

Недостаток красочных, но вместе с тем типичных случаев и фактов — это обычная трудность, которую приходится преодолевать репортеру. Но в Советском Союзе репортер сталкивается с другим: не с недостатком, а с избытком материала. Со всех сторон, каждую минуту, буквально на каждом шагу, он сталкивается с таким количеством типичных, прекрасных, живых фактов, настолько соблазнительных, что ему ежеминутно, каждый раз хочется начать новый репортаж, вытесняющий тот, о котором он думал минуту назад. Чем лучше видит он типич-

ность этих мелких фактов, тем менее доволен он образом, созданным из них. Ему все время кажется, что это всего лишь незначительный набросок, тогда как следовало бы нарисовать огромное полотно и что этот фрагментик даже не может отразить многообразие мира, который его окружает. Наверное, каждый репортер однажды в жизни чувствует желание написать роман, в котором он мог бы отразить то, что накопилось в нем за годы поисков и наблюдений и что не удается уместить в репортаже. Но это стремление наверняка нигде не приобретает таких четких форм, как в Советском Союзе, где любой литературный замысел захлестывается настолько широким потоком фактов, что превращается в книгу.

Об этом часто говорилось на дружеских встречах иностранных корреспондентов в Москве. Как открыть глазам своего читателя то живое богатство, которое видишь, наблюдая вблизи повседневную советскую жизнь? Как добиться того, чтобы твой труд собирателя фактов не оказался лишь чрезвычайно малой толикой действительности? Ведь нельзя же каждый день или даже каждую неделю писать книгу о бьющей через край жизни Советской страны, а если напишешь ее за год, смотри, как уже изменился, как вырос, как опять обогатился этот мир, о котором ты пишешь».

После своего нелегального возвращения в Чехословакию в 1936 году Юлиусу Фучику также пришлось скрываться от полиции. Он работал в редакции «Руде право» вместе с товарищами Эдуардом Урксом, Франтишеком Кржижеком, Вацлавом Крженом, Яном Крейчи и другими прекрасными людьми, отдавшими свою жизнь в борьбе с гитлеровским фашизмом. Кроме того, Фучик продолжал работать в «Творбе», руководство которой вновь было поручено ему в 1938 году. Просматривая сегодня «Творбу», которую делал Юлиус Фучик, конечно не все подшивки,

некоторые неполные, удивляешься его необычайной плодовитости.

Однако некоторые его приятели называли его лентяем. Другие говорили, что у него легкое перо. Лентяй и легкое перо! Плохо они его знали. А с легким пером дело обстоит так: когда есть что сказать, то человек пишет совершенно иначе, чем когда он садится за письменный стол, не зная, о чем будет писать.

Прежде чем писать любую, даже самую маленькую, заметку, Юлиус Фучик много думал. Правда, думал он быстро, проницательно. И это помогало ему. У каждого автора своя собственная манера творчества. Одни развивают мысли в процессе работы, когда уже кладут слова на бумагу. Другие, и к ним принадлежал Юлиус Фучик, прежде все продумывают и только потом пишут. Нельзя сказать, чтобы он обдумывал каждое предложение, но он знал, что хочет сказать. Другое дело уже, как сказать. Наибольшие трудности испытывал он вначале, при написании первых фраз. Он хотел, чтобы эти фразы привлекли внимание читателя, и был уверен, что если читателя они не заинтересуют, то скорее всего он статью не дочитает. Ни одну, даже самую маленькую, заметку в «Творбу» Ю. Фучик не писал лишь бы как. В основе каждой его статьи лежали большие практические знания и опыт. Факты, которые он приводил в своих репортажах, всегда были тщательно проверены. У него была большая склонность к фантазии. Но он научился очень аккуратно обходиться с фактами. Кое-чему он научился и во время забастовки северочешских горняков осенью 1929 года. Тогда он посылал в редакции газет «Руде право» и «Руды вечерник» сообщения о стачечной борьбе, однако цензор их изымал. Телефонная связь с пражской редакцией шла с такими помехами, что он не мог с ней переговорить. Письма конфисковывали жандармы прямо в Ломе. Поэтому Фучик решил посылать сообщения через секретариат Красных

профсоюзов в Мосте, откуда их уже передавали в Прагу другие товарищи. При этом происходили всевозможные недоразумения. Одно, достойное сожаления, произошло тогда, когда в ломских шахтах Мостецкого района было объявлено чрезвычайное положение. Фучик послал об этом в Мост корреспонденцию для Праги. В сообщении он писал, что грозит опасность ввода войск на ломские шахты. Товарищ в секретариате Красных профсоюзов Моста получил это сообщение во второй половине дня. Будучи убежден, что войска в Лом уже введены, он «актуализировал» сообщение Фучика в этом духе. На следующий день (двадцать пятого октября 1929 года) на первой полосе «Руде право» появился заголовок, набранный крупным шрифтом: «В Лом вошли войска». На самом же деле никакие войска в Лом не входили. Прочтя это сообщение, ломские горняки возмутились. В конце концов все объяснилось, но для Фучика это стало уроком на всю жизнь. Он понял, что с доверием читателей шутить нельзя.

В 1938 году Юлиус Фучик в своих статьях указывал на непосредственную угрозу, нависшую над нашей республикой, и разоблачал предательскую политику внутренней реакции. Летом 1938 года он опубликовал брошюру «Придет ли Красная Армия на помощь?», в которой доказывал, что Советский Союз — это единственный надежный союзник чехословацкого народа и гарант его свободы. Однако чехословацкое буржуазное правительство уступало нажиму германского фашизма. Хотя двадцать третьего сентября 1938 года была объявлена мобилизация, однако, как впоследствии выяснилось, это был лишь отвлекающий маневр для того, чтобы обмануть народ. Уже двадцать девятого сентября было подписано мюнхенское соглашение, в соответствии с которым пограничные районы Чехословакии были отданы Гитлеру. Это было началом конца самостоятельности Чехословакии.

В результате мобилизации в сентябре 1938 года Юлиус Фучик был призван в свой полк, который передислоцировался из Праги в укрепленную зону в районе Унгошта. Это было уже после мюнхенского диктата. Почти три недели проторчали солдаты впустую в укрытиях. А потом наступили печальные дни отступления. Менее чем через пять месяцев Гитлер оккупировал всю Чехословакию. После мюнхенской капитуляции Коммунистическая партия Чехословакии была распущена, а вся ее печать — запрещена. В то время Юлиус Фучик писал в другие, еще выходившие тогда журналы, как, например «Свет в образех», «Чин», кооперативный журнал «Вчела», «Цеста соукромых заместнанцу» и др. Эти статьи после войны были опубликованы в книге «Мы любим свой народ». Он боролся прежде всего с маловерами и пораженцами, напоминая о гуситских революционных традициях народа и нашей освободительной борьбе.

После того как мюнхенское предательство завершилось нацистской оккупацией, Юлиус Фучик покинул Прагу и скрылся в Хотимерже, небольшой деревне в районе Домажлице. Там он написал прекрасные статьи о писательнице Божене Немцовой и о писателе Кареле Сабине, в которых напоминал интеллектуалам о заветах верности революционной борьбе.

В июле 1940 года чешский жандарм Й. Говорка предупредил Фучика о том, что его ищет гестапо. С помощью чешского железнодорожника В. Тихоты он тайно перебрался в Прагу, где скрывался у верных и отважных товарищей. Ю. Фучик установил связь с первым подпольным руководством КПЧ, а после того, как оно было ликвидировано гестапо, вместе с Яном Зикой и Яном Черным он создал второй подпольный Центральный Комитет КПЧ. Ему было поручено руководство печатной пропагандой и организация национально-революционного комитета чешской интеллигенции. Он издавал и писал основные статьи

для подпольных газет «Руде право», «Ческа жена», «Ческе новины», «Табор» и сатирического журнала «Трнавечек». Кроме того, он перевел и опубликовал Конституцию СССР и второе издание «Истории ВКП(б)».

Подпольное «Руде право» выходило начиная с лета 1941 года раз в месяц. Кроме того, Фучик готовил и специальные выпуски. Он очень гордился, если «Руде право» было отпечатано типографским способом. Такой экземпляр обычно имел шесть квадратной формы страниц плотного набора, а графическое оформление названия полностью соответствовало довоенным выпускам органа легального Центрального Комитета партии. «Руде право» часто печаталось на гектографе, когда удачно, а когда с неумело нарисованными названиями или же просто напечатанными на машинке материалами. Иногда он так изобретательно оформлял титульную страницу, что она выглядела как невинная брошюра. У меня есть два таких экземпляра «Руде право». На одном стоит надпись: «Сборник народных спектаклей для любителей — Й. В. Крыса: «Кулек», комедия в трех действиях. Напечатано союзом любителей театра в Пльзене», а на втором — «Инж. Знаменачек — Кормление кроликов», 1941 г., издано Союзом кролиководов в Млада-Болеславе». Товарищи достали для него миниатюрную пишущую машинку швейцарского производства. Фучик пробовал, сколько экземпляров можно печатать на такой хрупкой и ненадежной на первый взгляд машинке, и когда выяснилось, что десять, то был глубоко удовлетворен, и его первоначальное недоверие, которое он испытывал к машинке, превратилось в уважение. Кроме подпольных журналов и газет Коммунистической партии он издал и несколько листовок. В одной из них, выпущенной к Первому мая 1941 года, он писал: «Да, мы в подполье. Но не как погребенные мертвецы, а как прорастающие зерна социалистического урожая, пробивающегося по всему миру к весенним солнечным лучам. Перво-

май — предвестник этой весны. Весны свободного человека, весны народов и их братства, весны всего человечества. К этому свету мы идем сегодня еще в темноте подполья. Идем к победе свободы, победе жизни, победе самых смелых устремлений человеческого духа, победе социализма». Двадцать четвертого апреля 1942 года гестаповцы ворвались в квартиру, где у Юлиуса Фучика была встреча. Его посадили в тюрьму Панкрац, мучили в гестапо, но волю его не сломили. Об этом свидетельствует «Репортаж с петлей на шее», книга, написанная тайно в застенке при обстоятельствах более сложных, чем порой создаются на поле боя среди разрывов гранат и авиабомб. Она стала его посланием нашему социалистическому сегодня, коммунистической молодежи всего мира.

Вплоть до весны 1943 года Юлиуса Фучика держали на Панкраце в камере 267. Он не дрогнул перед нечеловеческими пытками в гестапо, не предал своих товарищей, свои коммунистические убеждения и верность Советскому Союзу. Во время допроса в мае 1943 года он сказал: «Во времена республики я стал коммунистом, потому что меня не удовлетворяла и не могла удовлетворять тогдашняя жизнь. Я убежден, что после этой войны придут новые времена. Было бы бессмысленно, если бы на высших постах остались те же люди, которые были у власти во времена республики. Чтобы этого не случилось, я сражался в подполье. Другими словами, свою подпольную деятельность я рассматриваю как подготовку к новому чешскому государству». И перед нацистским судом в Берлине двадцать пятого августа 1943 года на вопрос, признает ли он, что своими действиями помогал врагу Германской империи — большевистской России, он ответил: «Да, я помогал Советскому Союзу, помогал Красной Армии. И это лучшее, что я сделал за сорок лет своей жизни».

После вынесения смертного приговора Юлиус Фучик был брошен в берлинский застенок Плётцензее. Приговоренные к смерти обычно ожидали казни не менее ста дней. Однако в начале сентября 1943 года во время бомбардировки пострадала часть тюрьмы, и нацистский прокурор приказал немедленно провести казни. Тогда было убито около четырехсот заключенных, а вместе с ними в ночь с седьмого на восьмое сентября 1943 года был казнен и Юлиус Фучик.

После возвращения из концлагеря Равенсбрюк я узнала, что Юлиус Фучик в камере тайком писал, а исписанные листки передавал немецкому надзирателю Адольфу Колинскому. Я начала искать его, хотя в те дни это было непросто. Ведь это был немецкий надзиратель. Но Колинский тоже искал меня. Наконец мы встретились в редакции «Руде право». А. Колинский был по национальности чех, но работал с немцами, чтобы иметь возможность помогать арестованным чехам. Он выносил их письма и записки, предложил помощь также Фучику. А. Колинский рассказывал мне, что Юлиус Фучик ему долго не доверял. Но однажды он сказал: «Ну, Колинский, начнем-ка писать. Теперь только от вас зависит, чтобы это не попало в чужие руки. Вы знаете, что мне уже хуже быть не может, мне уже обеспечена петля». Колинский ему ответил: «Не беспокойтесь, об этом никто узнать не должен и не узнает».

«Я приходил на дежурство и, улучив минутку, заносил ему в камеру бумагу и карандаш,— рассказывал позже мне А. Колинский.— Каждый раз по нескольку листов. Он все это прятал в свой соломенный тюфяк. После обхода каждого крыла — а их было три, переход от «глазка» к «глазку» занимал минут двадцать — я останавливался у камеры 267, в которой сидел Фучик, стучал в дверь и тихо говорил: «Можете продолжать!» И он знал, что может писать дальше. Пока Фучик писал, я прохаживался возле

камеры и охранял его. Если меня снизу из коридора вызывали, я стучал в его дверь два раза, и он должен был все спрятать. Ему приходилось часто прерывать работу, прятать ее в тюфяк, а потом доставать снова. Писать он мог только во время моих дневных дежурств. Случалось, напишет странички две, и все. И стучит мне в дверь: не могу, нет настроения. Иногда — это бывало по воскресеньям, когда в тюрьме поспокойней, если вообще про тюрьму можно так сказать,— он писал и по семь страниц. В эти дни он стучал в дверь камеры и просил меня поточить карандаш. А бывали дни, когда Фучик вовсе не мог писать, грустил. Значит, он узнал о гибели кого-нибудь из друзей. Перестав писать, он стучал и отдавал мне исписанные листки и карандаш. Его работу я прятал в самой тюрьме, в туалете, за трубой резервуара с водой. У себя во время дежурства я никогда ничего не держал, никаких писем, которые через меня некоторые заключенные посылали своим родным, никаких других письменных материалов. Вечером, уходя домой, я прятал исписанные листки за подкладку крышки портфеля на тот случай, если портфель захотят осмотреть. Несколько раз Фучик отдавал исписанные страницы надзирателю Ярославу Горе».

Через несколько дней после нашей встречи в редакции «Руде право» А. Колинский привез мне пронумерованные странички, на первой из которых было написано: «Репортаж с петлей на шее». Но не один Колинский выносил рукопись «Репортажа» из тюрьмы. Я узнала, что какие-то странички есть у пани Скоржеповой, муж которой был арестован и казнен. Записки и письма от него из Панкраца тайно выносил чешский надзиратель Ярослав Гора, который помогал и Юлиусу Фучику и сотрудничал с Колинским. Я поехала к пани Скоржеповой. Когда мы договорились, она вытащила из ящика стола продолговатую жестяную коробку и вытащила из нее тщательно сложен-

ные странички. Я узнала руку Фучика. Это было его завещание. Еще восемь страниц я нашла у бывшего в тюрьме вместе с Фучиком Станислава Спрингла. Это было адресованное мне письмо и заметки, названные «О характере чешской литературы».

Бессмертен последний бой Фучика, записанный в революционной истории человечества как «Репортаж с петлей на шее». Он принес ему уважение и любовь прогрессивных людей всего мира. Так же как это послание, вечно живы и его политические и литературные работы периода между двумя мировыми войнами.

Поэтому после опубликования «Репортажа с петлей на шее» я собирала статьи Фучика, его театральные и литературные рецензии и репортажи, разбросанные по многим прогрессивным журналам, печатавшиеся в центральном органе Коммунистической партии Чехословакии газете «Руде право» и в подпольных листовках. Таким образом постепенно вышло двенадцать томов произведений Юлиуса Фучика. Это прежде всего две книги репортажей об СССР, являющихся ценным документом и репортерской хроникой трудных, но победных лет социалистического строительства в Советском Союзе. Это также статьи о культуре и репортажи о борьбе на нашем внутриполитическом фронте, о борьбе с угрозой мирового, но главным образом германского фашизма, о борьбе в защиту республики, за наш союз с СССР, о борьбе с предателями и капитулянтами внутри страны. Все статьи искрятся огромной коммунистической убежденностью и правдивостью Фучика, которые возгорелись таким огромным пламенем именно в его последней работе — «Репортаже с петлей на шее».

За этот репортаж Фучику посмертно была присвоена Международная почетная премия мира на 2-м Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве.

МАРИЯ ПУЙМАНОВА

ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

Мы испытываем стыд перед мертвыми. Между ними и нами лежит нечто непостижимое — смерть. Мы могли слышать о ней тысячу раз, сто раз встречаться с ней и все же ничего о ней не знали, не знаем просто ничего, пока не приблизимся к ней сами. Нас охватывает стыд перед мертвыми за то, что мы живем, а они умерли. И будто в утешение мы карабкаемся, спотыкаясь о ступеньки, на трибуны и, захлебываясь, воздаем мертвым преувеличенную, небывалую хвалу. Нет, не так, только не так! Не надо отделываться общими словами, перечисляя героев и мучеников. Покажем, как люди стали ими. Ведь прежде чем превратиться в символы, это были обычные люди — живые, горячие, полные силы, и каждый из них неповторим. Но вот они показались на экране славы, где им, вероятно, тоскливо. Юлиусу Фучику, безусловно, тоскливо. Уж очень он любил жизнь.

Я вижу его как сейчас — смелый поворот головы, беспокойные фиалковые глаза. Живой, как ртуть, умный, как черт, вспыхивающий, как искра. Склонность к риску, любовь к приключениям, презрение к опасности и благородная юношеская готовность броситься в огонь во имя идеи. Так и случилось. Это был пламенный человек, один из тех, кто сохранил во внешности, в быстрой реакции мальчишеское очарование героя пьесы Чапека «Разбойник». Фучик был удивительно искренен, когда речь шла о борьбе за идею. В существе каждого человека есть свой стержень, на который нанизывается все, что он чувствует, думает, делает, переживает. У Юлиуса Фучика таким стержнем была коммунистическая убежденность. Ради нее он дышал и за нее умер.

Я познакомилась с ним во время поездки в Мост к бастующим шахтерам. Он хорошо знал не только их общест-

венное и материальное положение, но и их образ мыслей, их жизнь, великолепно разбирался в процессе добычи угля и, объясняя, почему возникла и разрослась стачка, рассказывал мне обо всем этом так живо, так интересно, что мне казалось, будто я читаю роман.

Такую же способность наблюдать, тонко чувствовать и ярко выражать свои мысли проявлял Юлиус Фучик в литературных рецензиях, опубликованных в «Руде право», и интересных статьях в журнале «Творба», который он редактировал уверенной и твердой рукой. Юлиус Фучик был блестящим импровизатором, беспощадным оппонентом всех, кто нападал на марксизм, и когда у него оставалось время от политической работы — способнейшим беллетристом.

Он написал о своем пребывании в Советском Союзе большую книгу — «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем». Написал с воодушевлением; но этого мало — написал, хорошо зная жизнь; но и этого мало — благодаря свежести мыслей и таланту рассказчика книга перерастает рамки репортажа. Это сама прекрасная, волнующая действительность. Книга становится еще прекрасней, когда мы вместе с Фучиком проникаем в глубь страны, в Азию. Он все видит, он очарован необычностью природы, человеческих отношений, он потрясен тем, как в этом полуэкзотическом крае растет вера в равноправие национальностей. Там не выступает одна национальность против другой, нет — разные национальности объединяются там против стихии, против сил природы, прячущей от человека свои богатства, объединяются в усилии создать счастливую жизнь. Это — зародыш нового эпоса — эпоса будущего. Я тогда же написала Фучику об этом. И я удивилась, что этот буревестник, овеянный всеми ветрами, так по-детски радовался моему письму.

Одно воспоминание о Юлиусе Фучике преследует меня. Я знаю, что это бессмысленно — скорбь всегда

бессмысленна. То было еще во время Первой республики. Начиналось собрание, все искали Фучика, но его нигде не было. Куда вдруг пропал Юла? А он пошел на хоккейный матч — приехали канадцы, и канадский хоккей его совершенно очаровал. Фучик решил написать о нем в рубрике «Искусство». Он говорил, что такое спортивное зрелище — тоже частица нового мира (и был прав). Эту статью мне не удалось прочесть, но, когда я впервые услышала о смерти Фучика, передо мною возникла вдруг феерия льда и огней хоккейного поля, которое он уже никогда не увидит. Убили не только героя, убили влюбленного в жизнь юношу.

А талант! Юлиус Фучик никогда об этом не говорил, но я хорошо знаю, как ему хотелось писать книги, создавать литературу нового мира — когда-нибудь, когда остановится время и ему не нужно будет присутствовать в пяти местах одновременно.

И вот он пал, как солдат, отдав своей идее всю жизнь, лучшие годы, радость творчества и то признание, которое по праву принадлежало ему — такому чуткому и воспламеняющемуся, признание, которое доставляло ему бесконечную радость. Когда дисциплине покоряется огонь, это заслуживает еще большего восхищения, чем когда ей подчиняется гранит!

ПАБЛО НЕРУДА

ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ ЖИЗНИ

На нас, писателях этой эпохи, лежит большая ответственность. И на нее я хочу обратить ваше внимание. Мы живем в эпоху, которую завтра в литературе назовут эпохой Фучика, эпохой простого героизма. История не знает

произведения более простого и более высокого, чем его книга, как нет и произведения, написанного при более ужасной обстановке. Это объясняется тем, что сам Фучик был человеком той эпохи, величественное здание которой созидается из гигантского творческого развития Советского Союза и организованного сознания трудящихся всего мира.

Фучик — коммунист. Фучик — не страдалец, замученный звериной яростью фашистов, как был замучен мой великий брат Гарсиа Лорка только потому, что Франко увидел в нем высокий образец великой традиционной культуры. Фучик был выбран убийцами как возвышающаяся часть могучего здания той организации, которая должна повести человечество к счастью, к миру. Он был обречен на смерть с той самой минуты, когда его разыскали, как самая разумная и живая часть непобедимого дела, непобедимой надежды.

Убивая Гарсиа Лорку, фашисты хотели погасить один из источников света в Испании, надеясь погрузить ее во мрак. Убивая Фучика, они ставили своей задачей разрушить могучее здание, построенное наиболее передовыми и прогрессивными людьми человеческого общества. Они хотели убить будущее. Удалось им это сделать или нет? На этот вопрос отвечу не я, а вы, вернее, мы все, собравшиеся здесь, в новой освобожденной Польше — Польше-строительнице, вблизи от Советского Союза, миролюбивого и как никогда могущественного, мы все, кто собрались вокруг имени Фучика, чтобы здесь почтить его память. Ведь его книга навсегда останется в веках памятником в честь жизни, созданным на пороге жизни.

Из речи в связи с присуждением Ю. Фучику Международной премии мира за книгу «Репортаж с петлей на шее» на II Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве в 1950 г.

ЙОЗЕФ РЫБАК

ОН БУДЕТ ЖИТЬ В СЕРДЦАХ ПОКОЛЕНИЙ

— Расскажите нам еще что-нибудь интересное о Юлиусе Фучике — так часто кончались мои беседы со слушателями, во время которых я вспоминал о трудных, но прекрасных днях, проведенных мною в тридцатые годы в редакции «Руде право» на Краловской улице, 13. Теперь эта улица называется Соколовской. Там была наша типография. Над редакцией газеты находился Секретариат Коммунистической партии. Поэтому тот, кому хотя бы немного сопутствовала удача, мог видеть всех ведущих представителей нашего коммунистического движения: Клемента Готвальда, Яна Шверму, Йозефа Гакена, Богумира Шмераля, из писателей и редакторов «Руде право» — Ивана Ольбрахта, Йозефа Гору, Марию Майерову, Эдуарда Уркса, Юлиуса Фучика, Лацо Новомеского, Курта Конрада и многих других, если они в это время не находились за пределами республики, где-либо в пути, на собрании, на военной службе или в тюрьме.

И не было, вероятно, никого из тогдашних видных представителей творческой интеллигенции, начиная с С. К. Неймана, Иржи Волькера, Витезслава Незвала, Гезы Вчелички и других, кто хотя бы с десяток раз не прошел через ворота того дома, у которого, так же как и у людей, работавших в нем, была своя судьба и славное прошлое.

— Расскажите нам о Фучике! Ведь вы же вместе с ним работали в «Руде право», «Творбе», «Гало-Новинах».

— В «Руде право» работал. В «Гало-Новинах» тоже. А вот «Творбу» почти всегда делал сам Фучик, причем наряду со своей другой работой в какой-либо редакции. Он

был и главным редактором, и редактором, и техническим редактором и даже верстал ее в типографии.

— Вы знали Фучика долго?

— Немногим более десяти лет.

— Это немалый срок, чтобы хорошо узнать человека.

— Но вам всегда хочется услышать что-то такое, чего о Фучике еще никто никогда не сказал.

— Сколько вас осталось, кто лично знал Фучика?

— Уже совсем немного. Можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Вот видите. Тем более все, что вы, его современники и друзья, расскажете о нем, будет нам интересно.

— Но вы часто считаете интересным то, что в действительности уж не было так интересно.

— Как это понимать?..

— Люди, чьи имена вошли в историю народа, интересны не частными житейскими делами, а тем, что совершили они великого и чем прославили свои имена.

О Ярославе Гашеке рассказывают сотни всевозможных историй, но Гашек интересен тем, что он написал одну из самых популярных книг, вышедших в мире после первой мировой войны.

Ю. Фучик широко известен тем, что он написал «Репортаж с петлей на шее», ставший самой популярной книгой в мире после второй мировой войны.

Интересно то, что две наиболее известные книги о последних мировых войнах возникли в нашей стране и что переведены они были почти на все языки мира.

— Чем это можно объяснить?

— Думаю тем, что ни «Швейк» Гашека и ни «Репортаж» Фучика не имеют равных себе в мире. Думаю, что каждая из этих книг по-своему раскрыла сущность обеих мировых войн. Сравнивая эти две книги, мы видим, как изменился мир. Гашек смог написать о первой мировой

войне юмористический роман, сатиру, памфлет, высмеять тупоумие тех, кто затеял войну, нарисовать великолепную карикатуру австрийской монархии, читая которую невозможно не смеяться. Фучик такого уже делать не мог. Вторая мировая война вызывала не смех. От нее мурашки бежали по коже. Она унесла свыше пятидесяти миллионов людей. Причем не только военных, но и гражданских, стариков, женщин, детей. Это было хладнокровное убийство людей совершенной техникой. Нацистские инженеры, врачи изобретали средства массового уничтожения.

Первая мировая война выглядит по сравнению со второй несоизмеримо. На нее можно было смотреть как на трагикомедию прогнившего старого мира. Этого уже нельзя было сказать о второй мировой войне. Фашисты руководствовались самыми низкими, нечеловеческими инстинктами, циничным злодейством. Война, целью которой было уничтожение целых народов, естественно, должна была родить новый тип героя. Не хитрого, умного, притворяющегося дураком, а сознательного, мужественного, готового на личную жертву в борьбе с жестоким врагом. «Репортаж с петлей на шее» воссоздал именно такого героя, появившегося повсюду, во всех странах Европы, куда ступил гитлеровский сапог. Своей книгой от имени всех их Фучик обратился к людям всего мира. Он был предан идее справедливой борьбы до последнего вздоха. Фучик боролся против фашизма в самых тяжелых условиях, он сознательно шел на эту борьбу и знал, что его ждет.

— Он действительно знал, что его ждет?

— Конечно. У него не было никаких иллюзий в отношении фашизма.

— И каким он был, Юлиус Фучик?

— Веселым и грустным. Веселым оптимистом, не боящимся за будущее мира, и грустящим потому, что на све-

те так много нищеты и горя, которое невозможно быстро устранить. Он был прямым и стройным, как рослое дерево с крепкими корнями, глубоко уходящими в родную землю, и кроной, поднимающейся к солнцу. Он был человеком убежденным, верящим, что счастье людей осуществимо, но за него надо бороться. В нем сочетались серьезность с веселостью, глубина мышления с юмором, он был полон огня и энергии, работоспособности и трудолюбия. Он работал необыкновенно много, и это доставляло ему радость. Поэтому многое из того, о чем сегодня пишут и говорят о Ю. Фучике, кажется невероятным, но между тем все это — правда.

Мне кажется, что о Ю. Фучике надо постоянно писать и говорить. Его надо приблизить к молодым людям. Они должны знать все о его жизни, творчестве и борьбе, читать его произведения, статьи о нем и задумываться над прочитанным.

— Так расскажите же нам, каким был Юлиус Фучик.

* * *

Наиболее точный портрет Юлиуса Фучика нарисовала в шести предложениях, опубликованных в «Творбе» № 1 за 1945 год, Мария Пуйманова, когда уже была известна его судьба и его Завещание, вошедшее в «Репортаж с петлей на шее»:

«Я вижу его, как сейчас,— смелый поворот головы, беспокойные, фиалковые глаза. Живой, как ртуть, умный, как черт, вспыхивающий, как искра. Склонность к риску, любовь к приключениям, презрение к опасности и благодарная юношеская готовность броситься в огонь во имя идеи. Так и случилось. Это был пламенный человек, один из тех, кто сохранил во внешности, в быстрой реакции мальчишеское очарование героя пьесы К. Чапека «Разбойник». Фучик был удивительно искренен, когда речь шла о борьбе за идею».

Наш Юлиус Фучик родился в Праге в рабочем районе Смихов двадцать третьего февраля 1903 года.

Когда у нас в «Руде право» заходила речь о его дне рождения, он никогда не забывал с гордостью заметить: «Я и Красная Армия родились в один и тот же день».

В этом факте он видел нечто большее, чем простую случайность. И хотя сам он не любил военную службу, тем не менее считал себя солдатом пролетарской революции.

Иногда мы подтрунивали над ним, говоря, что все же он не может присваивать себе монополию в любви к Красной Армии, хотя он и перевел на чешский язык известную книгу И. Бабеля «Конармия». Ю. Фучик, будучи в Киргизии, стал почетным всадником конной дивизии.

В 1938 году он написал актуальную брошюру «Придет ли Красная Армия к нам на помощь?»

Уже в двадцатые годы мы стали горячими приверженцами Советской России. Нас захватывали любые сообщения, касающиеся ее политики, культуры и техники. Яростный лай врагов не оказывал на нас ни малейшего воздействия. Нам импонировал поэт С. К. Нейман с его сборником стихов «Красные песни» и журналом «Червен» («Июнь»), печатавшим правдивые материалы о большевистской России. Мы следили за выступлениями Зденека Неедлы и понимали, что русский пример достоин внимания, раз уж с коммунистами в одном ряду идет знаменитый университетский профессор.

Открытием была для нас книга очерков Ивана Ольбрахта «Картины современной России», в которой рисовался прообраз будущего всего человечества.

Не прошел мимо нашего внимания первый перевод книги В. И. Ленина «Государство и революция», вышедшей в издательстве «Червен» в 1920 году.

Очаровали нас первые ласточки советской литературы — произведения Серафимовича, Фадеева, Леонова, Есе-

нина, Маяковского, Блока, Федина и других. Мы узнавали о легендарных героях Красной Армии — Чапаеве, Фрунзе, Ворошилове, Буденном и о многих, многих других.

Тогда, когда я близко познакомился с Юлиусом Фучиком, он только что вернулся из своей первой поездки в Страну Советов. Я завидовал ему, что он своими глазами видел советскую действительность, лицом к лицу встретился с первой пятилеткой, ощутил бурное преобразование отсталой России, побывал в цехах заводов и фабрик, на шахтах, там, где рождался новый мир, которым мы восторгались и который позднее нашел свое отражение в первой книге Фучика о Советском Союзе — «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем».

Свою вторую поездку в СССР Юлиус Фучик совершил в 1934 году по решению руководства Коммунистической партии.

Тут я хотел бы рассказать о некоем пане Мареше, на встречу с которым мы ходили в кафе «Роксы». Кафе это находилось на Длоугой улице, рядом со зданием Большой оперетты. Надо было подняться на второй этаж, и вы попадали в зал, где всегда было многолюдно, шумно и изрядно накурено. Посередине зала стоял бильярд, и гости с утра до вечера гоняли белые шары по зеленому сукну. Вдоль окон за мраморными столиками сидели посетители и пили черный кофе. Сюда захаживали помощники присяжных поверенных, коммивояжеры, всякие неопределенные лица, они тут читали газеты и рассказывали друг другу всевозможные истории.

Здесь мы трижды в неделю встречались с паном Марешем.

Это был видный мужчина, напоминающий солидного банковского служащего. Он всегда был прилично одет, чисто выбрит, у него был яркий галстук и, как правило, цветочек в петлице. Усы, очки, на пробор расчесанные волосы.

Иногда опаздывал он, иногда приходили позднее мы — Ян Крейчи, Вратислав Шантрох и я. Тогда он нас с нетерпением ждал, то просматривая газету, то читая книгу, то играя в бильярд, что ему также удавалось неплохо. Потом мы садились рядом и сообщали друг другу последние новости.

Однажды наш друг в кафе не пришел. Полицейские ищейки пронюхали, что под благопристойным видом пана Мареша скрывается огневой вихрастый человек — Юлиус Фучик.

Он отсидел в общей сложности восемь месяцев в панкрацкой тюрьме за выступления, лекции и статьи, пропагандирующие СССР. Полиция постоянно выслеживала его и арестовывала. Это была одна из главных причин, почему партия рекомендовала Ю. Фучику покинуть Чехословакию и уехать в Советский Союз.

Там он прожил два года (1934—1936).

«Москва сегодня — подлинный центр мира,— пишет он домой в одном из писем.— Здесь создаются первые главы всей будущей истории человечества».

Фучик видит, как изменился Советский Союз за прошедшие четыре года после его первой поездки. И эти изменения он замечает повсюду. Но основное его внимание снова приковано к человеку, который вырос в личность социалистического общества.

Репортажи Ю. Фучика, написанные за два года жизни в СССР, несут в себе черты пафоса той эпохи, их правдивость до нельзя убедительна. В них Фучик достиг высокого репортерского мастерства. Здесь мне прежде всего хотелось бы отметить его репортажи о Средней Азии: «На Пяндже, когда стемнеет», «Рассказ полковника Бобунова о затмении луны», «Астрономы в степи», «Розияхон Мирзагатова», «Ходжа — Бокирган» и многие другие.

Там, в Средней Азии, где мечта соседствует с действительностью, у Ю. Фучика возникает еще одна задумка: на-

писать прозу в стиле Жюля Верна. Поэтому он просит свою жену Густу Фучикову послать ему книги Жюля Верна «Таинственный остров», «20.000 лье под водой», «С Земли на Луну».

Писал ли Ю. Фучик репортажи, статьи, передовицы или вел острые полемические споры, его непременным требованием оставалось то, чтобы каждое слово звучало убедительно, правдиво, действенно, чтобы то, что он писал, захватывало читателя, выводило его из состояния безразличия, вдохновляло и привлекало своей идеей. О нем можно было сказать, что он всегда видел перед собой читателя что бы ни писал. Он думал не только о правдивом содержании; но и о форме, о том, как выразить ту или иную мысль. Писатель в нем всегда боролся с журналистом. Если он говорил о полурепортажах и полубеллетристике, то всегда ясно и конкретно представлял, о чем идет речь. Он хотел и в журналистике открывать новые пути.

Ю. Фучик, как журналист, мог работать всюду: в кафе, в поезде, на вокзале, в камере предварительного заключения и даже в застенках гестапо — в известной «Четырехсотке». Он обладал удивительной способностью сосредоточиться и потом быстро писать своим мелким красивым почерком строчку за строчкой, почти никогда не перечеркивая того, что уже написано.

Только человек, обладавший такими способностями, мог создать «Репортаж с петлей на шее». Другой в условиях, в каких находился Ю. Фучик, не смог бы вытянуть из себя даже строчки. А он писал. Писал в такие мгновения, когда палач, по выражению Карела Конрада, на минуту отворачивался.

Находясь в фашистских застенках, Ю. Фучик знал, что жизнь его висит на волоске, но он не сдавался и не считал себя побежденным. Он нашел в себе силы, чтобы остаться самим собой до последнего мгновения жизни.

Некоторым людям Юлиус Фучик кажется настолько великим и неприкосновенным, что они боятся говорить о нем как о человеке, о его человеческой сущности, о его простых человеческих чертах. На вопрос, каким был Фучик в жизни, мне всегда хочется ответить словами В. Маяковского из его поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

«Он, как вы
и я,
совсем такой же...»

Фучик необыкновенно любил книги, театр и кино. За книги он готов был отдать половину своей зарплаты. Посещать букинистов — это была его страсть, от них он всегда возвращался с туго набитым портфелем.

Но больше всего Ю. Фучик любил газету — делать ее, работать в ней.

До войны мы работали с ним в одной редакции, наши столы стояли рядом. Мы знали, что кое-что в газете он умеет делать быстрее и лучше нас. Мы любили его за веселый характер, за оперативность, бесстрашие, непоседливость, за неуемную журналистскую страсть.

Он бывал вездесущим, умел распознать смысл серьезной сенсации, не боялся развернуть в газете кампанию, бьющую по врагу.

Деньги интересовали его лишь постольку, поскольку они были нужны ему на еду, книги и передвижение с места на место.

Он умел решать проблемы, которые другим казались неразрешимыми.

Случилось так, что меня пригласили работать в редакцию, а платить зарплату было не из чего.

— Ничего, выйдем из положения,— сказал тогда Юлиус Фучик.— Нас тут восемь человек. Если все мы сложимся, если каждый из нас даст для тебя сотню крон, то тебе и не надо будет ходить в кассу за зарплатой.

Так товарищи и сделали. Я остался работать в редакции, а вскоре все решилось так, как вначале и предполагалось: я стал, как и другие, получать зарплату.

Несомненно, Фучик был человеком разносторонних способностей, исключительных дарований. Он был талантлив во всем и мог бы достигнуть выдающихся успехов на любом поприще, которое бы избрал.

Он мечтал стать писателем-прозаиком и, несомненно, мог бы написать произведения, которые поставили бы его в ряд с такими классиками чешской литературы, как И. Ольбрахт, М. Майерова, В. Ванчура. Он мог бы стать выдающимся литературным критиком, развить и обогатить то, что было заложено в литературоведении Ф. Кс. Шальдой и Б. Вацлавеком. Он мог бы быть вслед за Зденеком Неедлы выдающимся историком и университетским профессором.

Но он остался, как определил сам себя Ю. Фучик в «Репортаже», «агитпропщиком, журналистом, надеющимся на свое чутье, немного фантазером с долей критицизма для равновесия». Он не покинул тех, вместе с которыми боролся за общее дело,— Яна Шверму, Эдуарда Уркса и многих других. Он был в одном ряду с рабочими, шахтерами, металлургами, стеклодувами, металлистами, сельскими пролетариями, со всеми представителями левой прогрессивной интеллигенции, с тысячами и тысячами безымянных участников подпольного антифашистского движения. Он был одним из них, и они были в нем. Его голос был и их голосом. Его Завещание стало и их завещанием. В этом суть его «Репортажа с петлей на шее». Показав в нем свою борьбу и свою судьбу, он показал в нем борьбу и судьбу сотен тысяч неизвестных героев.

Когда мы читаем «Репортаж», мы думаем и о них.

В одной своей статье Юлиус Фучик дает интересную характеристику героизма и человеческого мужества: «Героизм — это не какая-то выдумка, героизм — это нечто

весьма положительное в жизни... Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно сделать в интересах человеческого общества».

Такой героизм известен истории человечества с древнейших времен до наших дней.

Среди таких героев были и люди интеллектуального труда, те, которые нашли свое место в жизни, свой мир, своих соратников и друзей. Не существует никаких загадок, почему они избрали именно этот путь, а не другой.

Нет ничего загадочного и в личности Юлиуса Фучика.

Его жизнь, внешняя и внутренняя, развивалась по общим законам, на его духовный и физический рост действовали те же силы, какие воздействуют на рост всякого нормального человека. Некоторые черты своего характера он унаследовал от родителей и от своих предков. Влияние оказала на него также эпоха, окружение, культура, с которой он соприкасался с детства.

Свое влечение к искусству Юлиус унаследовал от рода Фучиков. Нельзя забывать, что его отец, будучи рабочим на заводе, играл в любительском театре и пел, а дядя был композитором.

В пять лет и сам Юла играл в театре и даже ездил с труппой на гастроли в Берлин. В двенадцать лет проявились его писательские и журналистские склонности. Для собственного удовольствия он «издает» для себя журнал в одном экземпляре. В годы войны «издает» юмористический журнал для родителей, чтобы поднять их настроение.

Подсознательно Ю. Фучик знает о тех факторах, которые помогают развивать его способности. Он увлекается историей, славными страницами народного прошлого, судьбами и трудами гигантов чешской истории и культуры, какими были Ян Гус, Йозеф Добровский, Карел Гавличек Боровский и другие. Все великое и прогрессивное находит отклик и понимание в его душе. Пройдет десяток, другой

лет, прежде чем Фучик сам это полностью осознает и найдет возможность выразить эту свою любовь. Вспомним хотя бы, как пишет он о Яне Неруде в «Репортаже с петлей на шее»: «Это наш величайший поэт. Он смотрел далеко в будущее, видел даже то время, которое придет после нас. Не было еще ни одного исследования, где Яна Неруду поняли и оценили бы по заслугам. Надо показать Неруду-пролетария...»

Духовные родственные связи Фучика с классическими творениями нашей культуры можно обнаружить почти во всех его работах.

Еще одна особенность была характерна для Фучика. Это жизненный оптимизм, любовь к шутке, дружба с людьми, связавшими свою жизнь с коллективом. А это уже особенность, свойственная рабочим, рабочему коллективу. Нельзя забывать, что Фучик с детских лет жил среди рабочих, что его отец был токарем по металлу, что родился он в пражском рабочем районе Смихов и что его юношеские годы прошли в промышленном городе Пльзень.

Для поколения Фучика, которое было и моим поколением, второй школой была улица. Мы вырастали в годы первой мировой войны. Мы познавали людей бедных и богатых и искали ответы на вопрос, почему люди живут поразному. На собственной шкуре мы узнавали, что такое бедность и нищета, и научились ненавидеть бесправие. В том мире, в котором жили мы, счастье было недостижимо. Поэтому в голове у нас роились мечты, уносившие нас в иной, прекрасный мир.

Когда мы стали старше, то постепенно научились понимать, что есть пути, ведущие к этому прекрасному миру. Поэтому мы поняли Октябрьскую революцию в России. Но вместе с этим нам стало ясно и то, что за новый мир надо бороться, в том числе и с оружием в руках.

Уже с юношеских лет Фучик был человеком борющимся, и эта особенность была характерна для него в течение

всей жизни. Сражаться, быть участником борьбы за конкретную цель, за идею — это был смысл его жизни, и ему он никогда не изменил. До мозга костей он был солдатом нового мира, солдатом партии, солдатом коммунизма.

Ю. Фучик тяжело переживал мюнхенское предательство. Он видел, как вели себя представители чехословацкой буржуазии и как относится к событиям чехословацкий народ, в силу и верность свободолюбивым национальным традициям которого Ю. Фучик не переставал верить. Он видел его мужество и высоко оценивал его. Снова обращаясь к истории чешского народа, он писал: «Не впервые пытаются похоронить нас. Не впервые ждут нашей нравственной катастрофы, которая означала бы для нас бесповоротный конец. Но ни один враг не дождался нашего конца, а те, кто хоронил нас, сами уже не только похоронены, но и давно забыты».

А как тверды и прекрасны слова Ю. Фучика, написанные в тяжелые годы оккупации: «...мы действительно связаны глубокими и нерушимыми узами с народом своей страны. Но не потому, что мы внушаем народу свои взгляды, а потому, что мы выражаем взгляды своего народа».

И далее невозможно не привести строки из статьи, опубликованной в особом подпольном выпуске «Руде право» в январе 1942 года: «Мы, коммунисты, любим людей! Ничто человеческое нам не чуждо, мы ценим самые маленькие человеческие радости, умеем им радоваться. Именно поэтому мы не колеблемся в любой момент поступиться своими личными интересами для того, чтобы добыть место под солнцем для настоящего, свободного, здорового, радостного человека, не отданного на произвол анархического «порядка» эксплуататоров с его ужасами войн и безработицы...

Мы, коммунисты, любим мир. Поэтому мы сражаемся. Сражаемся со всем, что порождает войну, сражаемся за

такое устройство общества, где уже никогда не смог бы появиться преступник, который ради выгод кучки людей посылает сотни миллионов на смерть, в бешеное неистовство войны, на уничтожение ценностей, нужных живым людям...

Мы любим свой народ, как верные его сыны. Поэтому мы гордимся всем тем, что он дал и дает для расцвета и славы человечества, а тем самым и для собственного расцвета и славы. Поэтому мы выступаем против всего, что позорит наш народ, что паразитирует на нем и ослабляет его».

Так писал Юлиус Фучик, который в своей домюнхенской республике был изгнанником, постоянно скрывавшимся от полиции, чтобы она снова и снова не бросала его за решетку за его революционные взгляды. В любых условиях он продолжал писать и выступать, потому что знал цену и необходимость своей журналистской деятельности. Еще до начала второй мировой войны он учил своих соратников работать в трудных условиях, в подполье, в заключении, и все это пригодилось ему самому в годы фашистской оккупации.

С этих лет каждое слово, каждая фучиковская фраза приобретает классическую простоту и ясность и свидетельствует о его глубоком патриотическом чувстве, о силе его коммунистической убежденности. Его личность сливается в единое гармоничное целое с судьбой народа и страны.

Это нашло свое яркое отражение в «Репортаже с петлей на шее» — книге, не имеющей себе равной в мировой литературе.

Это произведение стало вершиной творчества Ю. Фучика как писателя, журналиста, публициста.

Это глубоко волнующее произведение стало последним в его жизни.

На пороге смерти, к которой он был готов и с угрозой которой считался с того самого момента, как включился в

подпольную деятельность, Ю. Фучик пишет последнюю книгу — свое завещание миру. Он посылает его из мрачных застенков, в которых раздается зверский лай гитлеровской своры, из кошмарных гестаповских камер смерти, в которых каждое мгновение погибали десятки таких же борцов, как и он. Именно они стали носителями факелов, когда небо над Европой затянулось тучами и земля стала алой от крови убитых и порабощенных людей. «Репортажем» Фучик передает миру свою любовь к светлой и радостной жизни, ради которой он шел на смертный бой. С плахи он посылает миру свои слова прощания и призывает людей к бдительности.

Это голос одного из тех, кто брошен фашистами в одиночную камеру. Однако это и голос тех, кого ждала такая же судьба, как и Фучика. Он — один из них. Но Фучик связан и с теми, кто живет на свободе. Их сердца наполнены одними чувствами, где бы они ни жили — у нас, в Советском Союзе, в любой другой стране мира.

И снова, подчас намеком, отражены в «Репортаже» некоторые моменты жизни Фучика — юность, поездки в страну справедливого мира, увлечения, любовь и ненависть, верность народу, товарищам по борьбе, будущему.

А как мужественны его печаль над судьбами тех, кто страдает так же, как и он, его размышления о товарищах и единомышленниках, которые шли на смерть с гордо поднятой головой. Сколько глубокого чувства заложено в нескольких строчках, описывающих последнюю встречу Фучика с его другом, соратником по перу и по борьбе Владиславом Ванчурой, казненном фашистами.

И Фучика ждет та же судьба.

* * *

В Берлине, в центре гитлеровского рейха, с трибуны фашистского судилища Юлиус Фучик вынесет свой приговор фашизму.

«Сегодня вы зачитаете мне приговор. Я знаю, что он означает: смерть человеку!

Мой приговор над вами вынесен уже давно. В нем кровью всех честных людей всего мира написано: «Смерть фашизму! Смерть капиталистическому рабству! Жизнь человеку! Будущее — коммунизму!»

Восьмого сентября 1943 года, когда Юлиуса Фучика вели на казнь, он пел «Интернационал».

«Товарищам, которые переживут эту последнюю битву, и тем, кто придет после нас, крепко жму руку...— писал в «Репортаже» Ю. Фучик.— И снова повторяю: жили мы для радости, за радость шли в бой, за нее умираем. Пусть поэтому печаль никогда не будет связана с нашим именем».

* * *

Юлиус Фучик воплотил в себе лучшие черты передового человека нашего времени. Для сотен миллионов людей во всем мире его имя стало символом беззаветного героизма в борьбе с фашизмом, знаменем великой борьбы народов против угрозы новой войны.

В конце шестидесятых годов контрреволюция в ЧССР, взращенная и поддерживаемая капиталистическим миром, пыталась подвергнуть сомнению величие жизни и творчества выдающегося чехословацкого коммуниста и писателя. Но этого ей сделать не удалось. Голос Фучика сегодня — это голос нашего современника, нашего соратника в борьбе за мир. Его творчество стало неотъемлемой частью социалистической культуры Чехословакии.

Юлиус Фучик снискал горячую любовь народов далеко за пределами своей страны, и прежде всего в Советском Союзе, в растущей мощи которого он видел залог будущих побед трудящихся всего мира.

Коммунисты, все прогрессивное человечество чтут память Юлиуса Фучика. Он жив и будет жить в сердцах по-

колений, потому что вся жизнь его и творчество — это пример великого мужества, страстной коммунистической убежденности, большого литературного таланта и неиссякаемой любви к людям.

ГАНА ГРЗАЛОВА

ЖУРНАЛИСТ И РЕДАКТОР

Фучик писал критические статьи по вопросам театра и литературы в политические газеты и культурно-политические еженедельники. С самого начала он придавал им ярко выраженные черты художественной публицистики. Работал быстро, учитывая нужды газет. Вечером была премьера, а на следующий день он уже передавал о ней материал в редакции газет. Свои статьи публиковал в еженедельнике «Социалист» и «Прамен»; с 1925 года он регулярно писал статьи для раздела культуры «Руде право». В 1926 году Ф. Кс. Шальда пригласил Фучика в качестве соредактора литературного журнала «Творба», который он редактировал вместе с Бугомилом Матезиусом.

Журналистское крещение Фучик получил в 1926—1928 годах, когда принял предложение издателя Карла Янского и приступил к работе в «Кмен», ежемесячнике, издававшемся Клубом современных издателей. Фучик был тогда еще студентом вуза. «Кмен» означал для него и первое многообещающее материальное обеспечение. Издатели, среди которых были, конечно, и консерваторы, придерживающиеся католических взглядов, рассчитывали, что «Кмен» будет служить их предпринимательству и пропагандировать издаваемые ими книги. Членами редакционного совета были Карел Янский, Ярослав Фромек, Ладислав Кинцирж и Отакар Шторх-Мариен.

Но Фучик сумел превратить «Кмен» в серьезный информационно-литературный журнал, на тридцати двух страницах которого выступали передовые деятели чешской литературы двадцатых годов. Так, в первом его номере Йозеф Гора писал о Карле Томане, Йозеф Чапек — о юмористической повести Ванчуры «Причуды лета», А. М. Пиша — о романе Горы «Голодный год». Фучик привлек к сотрудничеству в «Кмене» Константина Библа, Витезслава Незвала, Курта Конрада и других видных деятелей чешской и иностранной литературы.

«Кмен» был изобретательным, остроумным журналом, он давал свои оценки, понятно и принципиально сформулированные. И с художественной стороны журнал оформлялся по-современному и оригинально. На второй год графическое оформление Фучик поручил Карелу Тейге.

«Кмен» критически освещал и комментировал многие события культурной жизни Праги тех лет. Он выступил против снобов, которые в Национальном театре освистали оперу Берга «Войцек».

Юлиус Фучик редактировал журнал два года. После полемики с редактором «Народни листык» Мирославом Рутте, упрекавшим редакторов Клуба современных издателей в том, что «Кмен» прежде всего пропагандирует коммунистических авторов, Фучик расстался с журналом, который редактировал с любовью и со вкусом: «Этим номером я заканчиваю свою редакторскую работу в «Кмене». Я отказываюсь от нее, с одной стороны, потому что «Творба», редактирование которой мне доверено, забирает в настоящее время — как еженедельник — большую часть моего времени, а с другой — также потому, что «Кмен» оказался совершенно не таким каким я хотел его видеть. Приступая к руководству «Кменом», я представлял себе журнал информационного типа, имеющий прочную основу, издательский характер которого проявлялся бы в самой общей форме: в пропаганде хорошей современной книги...

Комплект «Кмена» за истекший год должен быть томом литературной истории года, должен в сжатой форме собрать важные сведения об авторах, книгах и изданиях, информировать о событиях, имеющих непреходящее значение. Такое издание нам было необходимо. Поэтому я стремился создать рубрику иностранной информации... и рубрику информации о чешском книжном рынке... Я не столь скромен, чтобы не видеть, что «Кмен» частично выполнил эту программу. Выполнил в такой мере, что можно было видеть, какие цели он перед собой ставит. Но было несколько причин, в силу которых «Кмен» не вышел за рамки обычной ординарности, эти причины заключались не только в издательской технике, но и обусловливались внешними факторами. Но как бы это ни толковали, ординарность остается ординарностью. С этим нельзя долго мириться без ущерба делу. Поэтому я отказался от редактирования журнала, которое осуществлял с большим желанием и любовью, хотя и не вполне свободно. Уходя с этой работы, хотел бы поблагодарить всех сотрудников, авторов, наборщиков, верстальщиков, читателей журнала. Выражаю свою благодарность также господину Рутту и господам Веселому и Новаку, газетам «Вечер», «Лидове листи», «Народ» и т. д. Своими нравоучениями о том, что «тот, кто платит, тот и заказывает музыку», вы дали мне богатый материал для изучения вопроса о «независимости» буржуазной литературы и «свободе» слова при капитализме».

Задачи, за решение которых он принялся в 1928—1929 годах, были более важными и ответственными: в это время родился Юлиус Фучик — коммунистический публицист и редактор, в это время он становился профессиональным журналистом.

Йозеф Рыбак в своих воспоминаниях о Ю. Фучике подчеркнул, что он имел много возможностей: мог сделать университетскую, профессорскую карьеру, его талантом и

знаниями с радостью воспользовалась бы любая редакция так называемых «неклассовых» газет, занимающихся проблемами культуры. Но Фучик из всех возможностей избрал путь коммунистической публицистики со всеми ее трудностями и опасностями — плохим финансовым обеспечением, большим объемом работы, буржуазными тюрьмами, борьбой с буржуазной цензурой. И поступает он так в период весьма характерный — в 1928—1929 годы, когда партия переживала внутренний кризис, когда к руководству партией пришло молодое готвальдовское поколение, а часть интеллектуалов и журналистов, которые до сего времени придерживались левых взглядов, дезертировали. Спустя некоторое время часть из них снова возвратилась на свои места, которые по ошибке или по непониманию оставили. Однако другие уже остались на другом, антикоммунистическом берегу и в 1928—1929 годы разошлись с революционным движением навсегда. Именно тогда Фучик приходит в редакцию газеты «Руде право» и становится коммунистическим политическим репортером и публицистом, освещающим проблемы культуры.

В 1928 году, перед выборами, когда буржуазная республика запретила всякую коммунистическую печать, Фучик принял от Ф. Кс. Шальды редакцию «Творбы». Первый номер журнала, подготовленный в течение двадцати четырех часов после известного разговора с Шальдой, вышел 4 ноября 1928 года с подзаголовком «Еженедельник по вопросам литературы, политики и искусства». В обращении от редакции Фучик подчеркнул, что «Творба» должна быть мостом между интеллигенцией левой ориентации и рабочим классом. «Мы не создаем новый журнал. Мы преобразовываем газету, основанную Ф. Кс. Шальдой в такой рабочий еженедельник по вопросам культуры, чтобы продемонстрировать тесную взаимозависимость обоих лагерей и связь обоих фронтов».

Наконец, Фучик получил возможность полностью осуществить свои идеи о революционном культурно-политическом журнале. Он стремится давать многообразную и оперативную информацию по политическим и культурным вопросам. Передовицы, политические и критические статьи, репортажи, комментарии, рефераты и фотографии создают в каждом номере целостную, заранее продуманную картину определенного момента политической борьбы, борьбы на культурном фронте в Чехословакии и во всем мире.

«Творбу» интересовали большие современные события — забастовка в шахтерском городе Мост, приход Гитлера к власти, судебный процесс над Георгием Димитровым. Материалы для некоторых номеров журнала Фучик буквально готовил один, включая эпиграммы и острые сатирические стихи; его заботы и радости находят выражение в художественном оформлении и композиции журнала, необыкновенно современных, обращающих внимание на существующие проблемы, раскрывающих их внутреннюю сущность.

«Творба» реагировала на события быстро, причем никогда не ограничивалась одной информацией, а всегда глубоко ее анализировала, с тем чтобы ориентировать читателей и при помощи убедительных аргументов подводить их к правильной оценке событий. Фучик сдавал передовые и основные статьи в набор в самый последний момент, будучи убежденным, что именно непосредственная немедленная реакция на актуальные события является отличительной чертой революционной коммунистической печати.

В «Творбе» закалялось межвоенное творческое поколение: с «Творбой» сотрудничали известные авторы: Эдуард Уркс, Курт Конрад, Ладислав Штолл, Бедржих Вацлавек, Ян Шверма, Витезслав Незвал и другие. Фучик привлек к сотрудничеству в «Творбе» Марию Пуйманову, выра-

зившую готовность публиковать в журнале свои беллетристические произведения. Он постепенно сосредоточивает вокруг журнала и младшее поколение — Йозефа Рыбака, Иржи Тауфера, Ф. Й. Колара и других. С перерывами Фучик редактирует «Творбу» в течение десяти лет — до 1938 года. «Творба» являлась его любимым детищем, он посвящает ей свою молодость, время, свое репортерское, политическое искусство, искусство критика.

Работа в «Творбе», конечно, никоим образом не исключала сотрудничества с газетой «Руде право», а позже с «Гало-Новинами», с «Рудым вечерником». В редакциях всех этих газет и журналов Фучик чувствует себя как дома, для всех их пишет статьи, репортажи и готовит материалы. Политические репортажи и полемические статьи Фучика двадцатых и тридцатых годов составили два тома, причем многие из них вообще еще не вошли в сборники его избранных произведений.

Юлиус Фучик был выдающимся репортером, не было ни одного крупного общественного события, на которое он своевременно не реагировал бы. Он не жалел усилий, не пугался опасности и многие события проверял непосредственно на месте.

В 1931 году Фучик пишет в «Творбу» репортаж из Духцова, глубоко взволнованный стрельбой жандармов в рабочих. В то время как буржуазная печать хранила молчание, Фучик выступил с правдивым, производившим потрясающее впечатление репортажем, в котором непосредственно и ярко отразил реакцию рабочих на это преступление.

В 1932 году, когда пришел в движение весь горняцкий север страны, Фучик выезжает в город Мост и в течение нескольких недель живет вместе с бастующими рабочими. Он привез в город Мост и Марию Пуйманову, Витезслава Незвала, Карла Нового, Константина Библа, а также Божену Бенешову, учил их познавать нужду горняцких

семей и вовлекал их в непосредственную общественную деятельность и политическую борьбу.

Когда Гитлер в 1934 году уничтожил своих бывших сторонников по СА, Фучик выезжает в Мюнхен, с тем чтобы написать репортаж прямо с места событий.

Но оперативность была лишь одной из характерных черт репортерской деятельности Фучика. Его журналистская деятельность была тесно сопряжена с усиленным изучением марксизма. Большинство его статей и комментариев представляли собой размышления более общего характера. В практической деятельности находил он источник вдохновения для новой ориентации рабочего класса.

Фучик никогда не ограничивается изложением фактов, он при помощи их раскрывает существенные вопросы, имеющие принципиальное значение. Например, в 1934 году он публикует в «Гало-Новинах» письмо рабочего о безработном легионере — ура-патриоте. Конкретный случай дает ему возможность высказать некоторые соображения по вопросу о патриотизме: «Существует два вида сознательных чехов. Капиталисты составляют один такой вид. Они сознают свои интересы и сознательно их защищают, ведут борьбу в ущерб всем другим членам общества. Другой вид сознательного чеха есть классово сознательный пролетарий, который ведет борьбу за соблюдение интересов огромного большинства своего народа, который ведет борьбу против национальной буржуазии. Существует только единственное национальное освобождение — это освобождение не только от иностранного, но и от отечественного «национального» капитала. Тот, кто дает себя одурманить «патриотическими» фразами господствующего класса, тот отдает свои силы тем, кто выступает против интересов огромного большинства своего народа. Мы можем назвать его «патриотом», вероятно, потому, что он защищает собственность капиталистов, которые его эксплуатируют. Он, вероятно, имеет такое же право называться

«сознательным чехом», как смертельно пьяный называться трезвым человеком. Но именно в таком его состоянии в нем и нуждается господствующий класс. Поэтому чем более глубоким является кризис, чем большая нужда, тем больше мы слышим патриотических слов и тем больше видим патриотических парадов. Ибо этот «патриотизм», так же как и религия, имеет одно назначение: быть опиумом для народа».

Любовь к литературе, знание ее придавали словам Фучика убедительность, богатство мысли и сочность. Его язык и стиль были утонченными и изысканными. Самые обычные вещи он преподносил читателям ярко и убедительно.

Как литературный и театральный критик и как журналист он был страстным и острым полемистом. Не было, пожалуй, буржуазного репортера и журналиста, с которым Фучик не полемизировал бы. Однако в своей полемике Фучик исходил из четкой классовой позиции, разоблачал перед рабочим читателем лживую аргументацию буржуазной печати и ее классовый, недемократический характер.

Сколько же было иллюзий в тридцатых годах и в первые послевоенные годы относительно Фердинанда Пероутки! Но Фучик уже в 1938 году, анализируя политические комментарии Пероутки, пришел к ясному выводу: ненависть к коммунизму приблизила Пероутку к фашизму.

«Борясь против фашизма, мы боремся за завтрашний день, и это придает нам силу, твердость, смелость и решительность во сто крат большие, чем кому-либо другому. И это нас также объединяет со всеми истинными демократами. Этим самым мы решительно отличаемся от Фердинанда Пероутки. Но не только тем, что мы боремся, между тем как они «глубокомысленно» болтают и возвышенно притворяются. Нет, это различие гораздо глубже...

Фердинанд Пероутка был — или говорил о том, что является,— демократом до тех пор, пока мог говорить, что демократия для коммунистов не подходит, и до тех пор, пока мог отправлять коммунистов в Панкрац. То есть до тех пор, пока был убежден, что буржуазной демократии достаточно для подавления все возрастающих сил нового мира. Фашисты, как известно, выражая мнение своих капиталистических господ, не разделяют этого убеждения. А начиная с 1933 года, когда они позволили себе заявить об этом особенно громко, а главным образом когда прибегли к применению насилия, мы начинаем замечать и у Фердинанда Пероутки «более серьезные» высказывания о демократии...

Какая страшная вина лежит на ультрареакционных английских лордах за фашистскую интервенцию в Испании, сколько крови испанских детей пролито на их головы — а какую ответственность, наконец, несут они и за не менее неблагоприятную нашу ситуацию... Об этом не приходится долго говорить. Английский народ сам уже говорит об этом довольно открыто и довольно громко. Однако у нас нашелся журналист, который тоном лордов и с хорошо позаимствованным у них цинизмом провозгласил английских реакционеров мужами редкой мудрости и благоразумия, достойных уважения. Этим журналистом, конечно, был Фердинанд Пероутка.

В ненависти к коммунистам он уже дошел до того, что в своей газете предоставляет место для анонимного предостережения о том, какую опасность для личной свободы «искренних демократов» представляет союз с Советским Союзом.

А это уже не только политическое недомыслие. Опасения за судьбу «пятой колонны» в Испании, ненависть ко всем, кто разоблачает «пятую колонну» у нас, самая ярая ненависть к союзу с Советским Союзом свойственны не только Фердинанду Пероутке. Они являются — и это хо-

рошо известно — составной частью реакционной политики аграрной партии и ее внекоалиционных союзников, составной частью политики реально существующей «пятой колонны» в Чехословакии.

В ее кругу, следовательно, мы находим Фердинанда Пероутку. Собственно, это не может быть неожиданностью. От человека, безумно ненавидящего коммунистов, испытывающего ужас перед социалистическим завтра, иного нельзя и ожидать...»

В статьях и репортажах Фучика, публиковавшихся в «Руде право» и «Творбе», бывали белые места. Но, несмотря на многочисленные и значительные купюры цензора, в них говорилось все, что нужно было сказать, причем это делалось и между строк, остроумно и с большой силой воздействия.

В коммунистической печати Юлиус Фучик работал вплоть до Мюнхена, когда новое фашиствующее руководство Чехословацкой республики запретило деятельность КПЧ и коммунистическую печать. Он использует последние легальные возможности для публикации своих материалов. Если не получалось дело с политическими репортажами и политическими заметками, Фучик писал статьи по вопросам литературы, затрагивал в них актуальные проблемы и вскрывал их политическую сущность. Он печатался в «Чине», «Свете в образех», «Вчеле», «Нове свободе», причем уже чаще под псевдонимом, чем под собственной фамилией.

Вскоре после 15 марта 1939 года Фучик выезжает из Праги в Хотимерж, расположенный в Западной Чехии. В домике, принадлежавшем его родителям, большую часть года находился только отец Фучика, так как мать и сестра зимой жили в Пльзене.

В мае 1939 года Фучик отклоняет предложение Национального профсоюзного центра, служащих вести рубрику «Культура» в журнале «Чески дельник», который

должен был издаваться для чешских рабочих в Германии. Речь шла о фашистском журнале. Густа Фучикова в «Воспоминаниях» приводит ответ Фучика на это предложение: «Свои убеждения я не продам ни за какие деньги. То, что вы хотите, я писать не смог бы, а то, что написал бы я, не опубликовали бы вы».

В Хотимерже Фучик усиленно учится, много работает, помогает Густе в переводах, пишет небольшие статьи. В это время в течение нескольких недель было написано эссе «Борющаяся Божена Немцова» и часть исследования о Кареле Сабине. Здесь он находился вплоть до 1940 года, когда после попытки гестаповцев его арестовать уезжает в Прагу.

Осенью 1940 года начался кульминационный этап борьбы Фучика против фашизма. Сначала еще несколько месяцев он занимался изучением литературных вопросов, заканчивал исследование о Кареле Сабине, подготовил и отдал в печать исследование о Юлиусе Зейере, начал писать статью о Яне Неруде.

После ареста членов первого нелегального Центрального Комитета КПЧ Юлиус Фучик вместе с Яном Зикой создает в подполье второй Центральный Комитет и берет на себя ответственность за организацию партийной пропаганды и издание партийной печати, прежде всего газеты «Руде право». Открывается новый период интенсивной журналистской деятельности, который знаменует собой один из важнейших этапов истории коммунистической печати в Чехословакии.

Первый номер нелегальной газеты «Руде право» под редакцией Юлиуса Фучика вышел в середине июля 1941 года. Фучик — как и когда-то в редакции «Творбы» — лично занимался вопросами содержания и художественного оформления «Руде право». Он написал большинство передовых статей. Уже начало было символическим: первая статья Фучика, опубликованная в нелегальной газе-

те «Руде право», представляла собой комментарий по вопросу о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, комментарий этого шага «азартного игрока, которому грозит крах и который все ставит на последнюю карту в безумной надежде, что она каким-нибудь чудом не будет бита. Но в истории не бывает чудес. Эта карта будет бита».

Передовые статьи Фучика представляли собой политический анализ ситуации и одновременно были пламенным призывом к борьбе против фашизма. В восьмом номере (второй номер, который он редактировал) Фучик определил свою позицию в единой фразе: «Мы все ведем борьбу против Гитлера», которая явилась заголовком статьи, информирующей о заключении соглашения между СССР и Чехословакией о совместных действиях и взаимопомощи в войне против гитлеровской Германии. Фучик и тогда использовал возможность, которую ему предоставляла чешская литература. Он опубликовал стихотворение Яна Неруды «Только вперед», стихи Сладека, к Первому мая 1942 года напечатал стихотворение Франтишка Галаса. Поместил подробный отчет о заседании Всеславянского комитета и речь, с которой выступил на этом заседании Зденек Неедлы. После выхода нескольких номеров в «Руде право» появилась рубрика «Нападки и комментарии», в которой также помещались и комментировались сообщения об антинацистских акциях.

В ноябре 1941 года Фучик подготовил специальный выпуск «Руде право», в котором была опубликована речь И. В. Сталина по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции с припиской: «Читатели! Никогда не забывайте слов товарища Сталина, что Красная Армия давно победила бы немецкую армию, если бы немецкая армия не вооружалась за счет всех стран Европы и особенно благодаря развитой военной промышленности Чехословакии. Работая на Гитлера,

мы только продлеваем дни своих страданий, и в каждый из этих дней нацистский мерзавец может настигнуть каждого из нас или из нашей семьи. Поэтому необходимо отдать все силы для дезорганизации тыла гитлеровских бандитов!

Граждане нашей страны!

Красная Армия сражается и за нашу свободу. Делайте все, чтобы она победила как можно скорее, ибо ее победа является и нашей победой», затем следуют призывы: «Работайте медленно! Организуйте саботаж! Будьте мужественны, но будьте осторожны!»

В 1942 году ЦК КПЧ выпустил ленинский номер «Руде право» с портретом В. И. Ленина на первой странице. В другом номере была опубликована подробная информация о втором Всеславянском съезде. Майский номер «Руде право» был последним, который подготовил Фучик: на рисунке художника Й. Лебеды — рука, сжатая в кулак, сокрушает фашистскую свастику. В этом номере, кроме стихотворения Франтишка Галаса и первомайских призывов ЦК КПЧ, особый интерес представляла рубрика «Советчик партизана», мобилизующая на «осуществление саботажа».

Следующий майский номер вышел без участия Фучика. Его редактором, вероятнее всего, был Станислав Брунцлик.

Но Юлиус Фучик не был бы Фучиком, если бы он ограничился только выпуском «Руде право». Когда Геббельс с целью опорочить советскую действительность организовал в Праге выставку «Советский рай», Ю. Фучик выпустил путеводитель по выставке, в котором рассказывал правду о советской действительности. Он написал и опубликовал открытое письмо министру Геббельсу, в котором страстно защищал честь и демократичность чешской культуры, написал нелегальную брошюру, посвященную Первому мая 1941 года, издавал такие журналы, как

сатирический «Трнавечек», «Чешская женщина», «Табор», а незадолго до ареста подготовил первый номер нелегальной «Творбы».

Двадцать третьего апреля 1942 года Фучик был арестован гестапо. На этом закончилась его деятельность в нелегальной коммунистической печати. Однако борьба Фучика против фашизма на этом не завершилась. Она приобрела лишь другую форму.

Л. МАГАРШАК

ВСТРЕЧА С ЮЛИУСОМ ФУЧИКОМ

Отмечаемый ежегодно восьмого сентября День международной солидарности журналистов, воскрешающий дату героической гибели Юлиуса Фучика,— лучший памятник этому замечательному человеку, пламенному борцу за мир, демократию и счастье человечества. В эти дни и мы, первые строители Великого Киргизского тракта, вспоминаем замечательную встречу с Юлиусом Фучиком в Киргизии.

Киргизия в то время была краем бездорожья, что в серьезной степени тормозило развитие ее экономики. Остро стоял вопрос о сооружении шоссейной магистрали, которая связала бы север республики с югом. Строительство дороги было одной из важнейших строек в Киргизии, где возникали новые отрасли промышленности.

Сооружение этой важной магистрали было поручено Памирстрою — ударной организации строителей Памирского тракта.

Нас, троих инженеров из Ленинграда, сразу же после защиты дипломных проектов в институте направили в январе 1934 года на работу в Памирстрой. Мне поручили изыскательские работы и подготовку проектной докумен-

тации головного отрезка Фрунзе — Рыбачье, а с февраля следующего года назначили начальником строительства этого участка. То был единственный выход к озеру Иссык-Куль, к богатейшим зерновым и животноводческим районам республики, к уже открытым тогда многим видам полезных ископаемых.

В первую очередь начались работы на труднейшем отрезке в Боамском ущелье, в районе так называемой «мертвой петли» или «поворота смерти».

Вот как описывает это место Юлиус Фучик, проезжавший здесь впервые в 1930 году, по пути из Фрунзе в Иссык-Кульскую котловину:

«Лошади медленно ступали по пыльным камням горной тропы. Глубоко под нами в стенах отвесных скал бежала река Чу... Напрасно я старался не смотреть вниз на реку Чу, которая казалась мне, ехавшему верхом, особенно глубокой и грозной. И вдруг я соскочил с лошади с такой быстротой и ловкостью, на которую способен только человек, охваченный страхом.

...Мой спутник (проводник) уже стоял на тропе, успокаивая своего коня. Лошади испуганно косились и дрожали. Мы тесно прижались к отвесной стене скалы. И вдруг из-за поворота навстречу нам медленно выехала грузовая машина. Она остановилась, и мы пошли мимо, с уважением посматривая на шофера, который со вздохом облегчения вытирал со лба капельки пота. Он имел право на наше уважение.

Пройдя несколько десятков метров, я понял, почему он вздыхал с таким облегчением: за его спиной остался самый опасный участок Боамского ущелья — «поворот смерти».

Фучик исключительно правдиво описал этот участок. Таким он был и перед началом строительства дороги. Нам предстояло в короткий срок, несмотря на огромные трудности и сложный рельеф, ликвидировать это опас-

ное место. И мы справились с поставленной задачей: участок дороги был досрочно закончен и открыт для движения.

Контора нашего строительного участка со всеми своими службами и хозяйствами размещалась в Рыбачьем. О ходе работ в ущелье частенько сообщали газеты всей страны, и к нам в Рыбачье нередко приезжали корреспонденты газет и даже писатели. И вот в один из октябрьских дней 1935 года из Фрунзе прибыл наш «голубой экспресс» — автобус Памирстроя, представляющий собой закрытый фанерой кузов трехтонного грузовика. По традиции строители вышли встречать этот автобус: он всегда привозил нам почту, свежие газеты и журналы. С ним же приезжали и новые люди. Из автобуса вышло несколько человек. Среди них были и незнакомые.

Я обратил внимание на вышедшего из машины молодого человека высокого роста с выразительными глазами. По всем признакам было видно, что он не из числа памирстроевцев. Поинтересовался, откуда он и куда направляется. Он представился: Юлиус Фучик, корреспондент газеты «Руде право» — органа Компартии Чехословакии. Все быстро перезнакомились. Я пригласил его к себе, в свою заваленную строительным снаряжением комнату, предложил отдохнуть с дороги.

Признаться, гость мне показался очень молодым, в сравнении со мной — просто юношей, хотя позже я узнал, что я старше его всего на три года. Мне понравились его скромность, простота, шутливый тон и задушевность в разговоре. Все это сразу располагало всех к нему, чувствовалось, что с ним можно быть откровенным. Мы скоро нашли общий язык и далеко за полночь, несмотря на усталость, продолжали беседу. Фучик рассказал о своей первой поездке по Киргизии в 1930 году, восхищался теми переменами, которые произошли у нас за прошедшие годы.

Я в свою очередь поведал о больших перспективах строительства нашей дороги, о замечательных людях, работающих на стройке. Фучика интересовало решительно все. На второй день в комнате для приезжих, куда непогода загнала многих наших прорабов, десятников, шоферов и бетонщиков, шли оживленные разговоры о цементе, о валенках, о соревновании. Нашлись охотники и поспорить. Фучик жадно прислушивался к людям, сам вступал в споры, тоже горячился, рассказывал, убеждал, доказывал. Было видно, что его трогает все, что касается Киргизии.

Кто-то из строителей рассказал, как одна наша изыскательская партия была захвачена басмачами. Изыскателей спасли вовремя подоспевшие красноармейцы. Фучик очень внимательно выслушал эту историю.

На следующий день Фучик побывал на трассе, и ему довелось присутствовать при передаче Красного знамени передовой бригаде.

На третий день нашему гостю надо было отправиться дальше, и, прощаясь с нами, он сказал:

— Вам можно позавидовать. Вы, строители, приходите в пустынный край, а уходя, оставляете его ожившим, как бы вливая новую струю в жизнь целого края...

Жаль было отпускать этого жизнерадостного, энергичного, молодого человека. Нам показалось, что пробыл он у нас долго, сжился, стал родным и близким всем нам.

Прошло больше четверти века с этой незабываемой встречи с Юлиусом Фучиком, но все мы до сих пор вспоминаем о нем как о большом, пламенном друге советского народа. Человек большой души, простой и скромный, он твердо верил в будущее нашего народа, в его неиссякаемую творческую силу, в победу нового, социалистического строя и вместе с нами радовался нашим успехам.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами. Ташкент, 1971, с. 87—90

А. ГЛУХОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕД КОТОРЫМ ОТСТУПИЛА СМЕРТЬ

Умные, живые, светящиеся покоряющей улыбкой глаза смотрят и сейчас на меня с портрета Юлиуса Фучика и напоминают о далеких теперь, но оставшихся близкими, незабываемых днях его пребывания в Таджикистане.

Эти дни особенно отчетливо вспыхнули в моей памяти, когда я пятнадцатого октября 1958 года сидел на торжественном заседании, посвященном 1100-летнему юбилею Рудаки, и с волнением слушал горячую, задушевную речь Густы Фучиковой — жены и самого близкого и верного друга Юлиуса.

— Я счастлива,— говорила она,— что мне пришлось побывать в вашей замечательной республике, в ее прекрасной столице, которую двадцать с лишним лет назад посетил незабвенный Юлиус Фучик. Он был здесь в те годы, когда республика только развертывала строительство. Ему не пришлось тогда увидеть то, что увидела я. Но он приехал сюда не как равнодушный созерцатель, а как большой и искренний друг. И он всем сердцем полюбил вашу республику, ее людей — строителей новой жизни.

Более четверти века отделяло нас от того времени. Но я живо вспомнил, как девятнадцатого ноября 1935 года поздно вечером в редакции республиканской газеты раздался звонок из ЦК Компартии Таджикистана. Нам сообщили, что ташкентским поездом прибывает чехословацкий писатель и журналист Юлиус Фучик.

В те годы иностранцы приезжали к нам сравнительно редко. Республика только незадолго перед этим покончила с последней вспышкой басмачества и бурными темпами

развертывала строительство в столице и в районах. Город Душанбе еще не был по-настоящему благоустроен. Убогим выглядело одноэтажное здание вокзала, скудно освещались улицы, не было, по существу, городского транспорта, не было гостиницы. И надо признаться, мы все чувствовали себя несколько неловко: как воспримет далекий гость отсутствие элементарных удобств и трудности передвижения по неустроенным еще дорогам республики.

Но стоило нам встретиться с Фучиком, который до Таджикистана побывал в других среднеазиатских республиках, как мы все сразу почувствовали, что перед нами не праздный турист, разъезжающий в свое удовольствие, и не падкий до экзотики буржуазный журналист, а коммунист, борец, подлинный друг, который умеет видеть за неустройством и неудобствами сегодняшнего дня замечательные, реальные и близкие перспективы могучего расцвета молодой республики, народ которой охвачен творческим энтузиазмом.

Поздно ночью с вокзала мы заехали прямо в редакцию, где в те годы приходилось работать по ночам, почти до рассвета. И, сидя в редакционной комнате, мы сразу забыли о неловкости. Юлиус Фучик забросал нас вопросами, которые касались всего — и жизни республики, и настроений людей, и работы нашей печати, и наших больших и малых планов, и нашего личного быта.

Нас, журналистов, было тогда еще сравнительно немного, да и сама печать республики еще находилась в младенческом возрасте. У нас еще не было достаточно накопленного опыта, мы еще не научились отбирать из кипучей, повседневной жизни наиболее значительные факты и давать им яркое обобщение.

И когда много лет спустя мы с захватывающим интересом читали в переводе на русский язык опубликованные в центральном органе Коммунистической партии Чехословакии «Руде право» очерки Фучика о Таджикистане —

«На Пяндже, когда стемнеет» и «Рассказ полковника Бобунова о затмении луны», мы еще раз почувствовали, как глубоко верил автор в наше будущее, в нашу жизнь, «сияние которой, по его словам, видно далеко за пределами страны социализма».

В интервью, которое Фучик давал для нашей печати, он сказал:

— Об Азии было очень много книг, но основной упор в них был взят на экзотику. Действительно, экзотика бросается в глаза, но не это основное. Нужно понять, видеть и показать внутреннюю жизнь республики. А этого-то и не было. Я за время своей поездки почувствовал это важное и нужное. Тот факт, что здесь необычайно быстро и всесторонне развиваются все национальности, сыграет большую роль...

Сразу же по приезде он отправился в горные районы Каратегина, посетил Вахшскую долину, которая переживала дни своего чудесного второго рождения, встречался и подробно беседовал со многими людьми, которые непосредственно участвовали в борьбе с басмачеством, за установление Советской власти в Таджикистане.

— Меня изумляет и от души радует все, что я увидел у вас,— заявил он.— Я не могу не восхищаться тем, как все здесь сказочно быстро развивается. Ведь это та самая страна, из которой еще двадцать лет назад доносился в Европу голос народного страдания.

В моей памяти сохранился вечер двадцать шестого ноября 1935 года в старом здании театра имени Лахути, где общественность республики отмечала тридцатилетие литературной и общественной деятельности основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни.

Старого Айни на этом вечере окружали его молодые ученики, ныне прославленные поэты и писатели Таджикистана.

В президиуме торжественного собрания сидел в качестве почетного и дорогого гостя Юлиус Фучик.

И его приветственная речь на незнакомом для нас чешском языке прозвучала с такой страстностью и внутренней теплотой, что, право же, она была понятна всем и без перевода.

Свое слово он начал со следующих строк Айни:

Ни даже имени Таджикистана
Не видел мир пятнадцать лет назад.
Был Кугистан — край скорби и обмана,
Затерянный меж каменных громад.

Свою речь Фучик закончил тогда по-русски. Мне хочется привести эти слова, потому что в них звучала не только любовь к молодым советским республикам Средней Азии и их людям, но и твердая вера в радостный день его собственной родины.

— Товарищ Айни! Все, выражая свою любовь, дарят подарки. Я, как человек приезжий, этого не могу сделать. Поэтому примите мое обещание приложить все силы к тому, чтобы вы смогли приехать в Чехословакию и получить тот подарок, который смог бы порадовать вас.

Садриддин Айни поднялся со своего места, снял с себя халат и набросил его на плечи Фучику. И оба писателя — старый Айни и молодой Фучик — крепко пожали друг другу руки и поцеловались.

Это была волнующая встреча людей, живущих и творивших в разных концах земли, но объединенных одними благородными стремлениями, одними и теми же бессмертными ленинскими идеями.

* * *

Помню еще одну встречу, у меня дома за чашкой чая. Вместе с группой журналистов участвовали в этой встрече Юлиус Фучик и гостившие тогда в Таджикистане ленин-

градские писатели А. Гитович, Н. Жданов и, кажется, Б. Лихарев.

Мне хочется об этом коротко рассказать потому, что в этой непринужденной обстановке Фучик предстал перед нами не только как коммунист и боевой журналист, но как человек предельно простой, скромный и жизнерадостный, блиставший веселым остроумием.

Завязался оживленный разговор о литературе. И чувствовалось, что Фучик перед своей поездкой в Среднюю Азию с присущей ему добросовестностью знакомился с историей этих бывших окраин царской России, с древней культурой их народов и с тем новым, что зародилось и расцвело в советские годы.

В это время появилось в русском переводе академическое издание бессмертных четверостиший Омара Хайяма, и многие присутствовавшие на вечере читали их наизусть, а писатели удачно импровизировали свои собственные переводы.

Фучик бурно аплодировал талантливым стихам этого замечательного мыслителя и поэта, жившего более восьми веков тому назад, чья вольнолюбивая мысль и глубокое презрение к ханжеству и лицемерию волнуют и восхищают и наших современников.

Я позволю себе привести два четверостишия Омара Хайяма, которые Фучик сам прочитал наизусть и которые, видно, его особенно поразили.

О небо, к подлецам щедра твоя рука:
Им — бани, мельница и влага родника;
А кто душою чист, тому лишь корка хлеба;
Такое небо, тьфу, не стоит и плевка.

И второе:

Когда б я властен был над этим небом злым,
Я б сокрушил его и заменил другим,
Чтоб не было преград стремленьям благородным,
И человек мог жить, тоскою не томим!

* * *

Уезжая из Таджикистана, Юлиус Фучик прощался с нами как со старыми друзьями. Он выразил надежду, что еще не раз посетит нашу землю, что недалеко время, когда и мы сможем побывать на его горячо любимой родине — такой же свободной и социалистической.

Он глубоко и твердо верил в это близкое будущее.

Это время пришло. Но Фучика нет среди нас — его прекрасную героическую жизнь оборвала кровавая рука фашистского палача.

Закрылись умные и веселые глаза этого мужественного борца, перед которым отступила сама смерть. Бессмертен человек, который так страстно любил жизнь.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами, Ташкент, 1971, с. 91—96

В. КОНОЧКИН

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Фучик любил Советский Союз, советских людей. Он дважды побывал в нашей стране. Во время его поездки в Таджикистан осенью 1935 года мне довелось встретиться и познакомиться с этим замечательным человеком. Знакомство было не очень продолжительным, по некоторым обстоятельствам записные книжки тех времен у меня не сохранились, поэтому я долгое время считал, что писать мне о Фучике неудобно. Однако товарищи доказывали, что даже небольшой эпизод из жизни этой героической личности может представить интерес и для советского читателя и для того, кто из отдельных деталей создает цельный образ выдающегося деятеля. Поэтому и я решился описать то, что уцелело в моей памяти о встречах

с Юлиусом Фучиком. Время этих встреч восстанавливается довольно точно по другим памятным событиям. Свежие юношеские впечатления вообще стойки и крепче удерживаются в памяти. Это помогает мне восстановить обстоятельства и события того времени.

В те годы я работал в аппарате Центрального Комитета комсомола Таджикистана. В первой половине декабря тридцать пятого года в кабинете секретаря ЦК проводилось довольно многолюдное совещание комсомольского актива с работниками «Таджиккино», на котором читалось и обсуждалось литературное либретто сценария заезжего московского драматурга, написанное на таджикские темы. Обсуждение проходило бурно, либретто, помнится, «разнесли». Среди присутствовавших был незнакомый мне и другим нашим работникам товарищ, который молча, но с явным интересом вслушивался в жаркие дебаты.

Когда участники этой творческой конференции начали расходиться, секретарь ЦК Вася Герасимов позвал меня и познакомил с этим человеком.

— Юлий,— отрекомендовался он.

Крепкое рукопожатие, приятное лицо, открытая улыбка, своеобразная манера дружелюбно присматриваться к собеседнику как-то сразу располагали к этому новому человеку.

Герасимов сказал, что это Фучик, журналист из чехословацкой коммунистической газеты, изучает жизнь Советского Союза, что некоторое время он пробудет в Таджикистане. Он поручил мне организовать поездку Фучика в дом и семью Мамлакат Нахангової.

В те дни имя юной таджикской пионерки Мамлакат было известно всей стране.

Как это случилось?

В 1935 году Таджикистан впервые и первым из союзных республик досрочно выполнил план хлопкозаготовок.

Представителей передовых хлопкоробов Таджикистана пригласили в Москву, в Кремль. По предложению секретаря Душанбинского горкома партии Агнессы Вайнштейн в состав делегации включили школьницу Мамлакат из пригородного колхоза имени Ворошилова, которая благодаря старанию и проворству собирала хлопка до девяноста килограммов в день, больше, чем многие взрослые.

Пионерку Мамлакат правительство наградило орденом Ленина, ее имя и популярная фотография моментально стали известны всей стране. Неудивительно, что любознательному Фучику захотелось посмотреть, где выросло это маленькое чудо. Сама Мамлакат, как и вся делегация хлопкоробов, еще находилась в Москве.

В колхоз поехали тут же. Фучика сопровождали я и один из работников газеты «Комсомоли Таджикистон», не помню точно: редактор Насур Абдуллаев или его заместитель Пауаджанов. Из любопытства к нам пристал оператор Саша Шехаботкин с ФЭДом через плечо.

Кишлак Шахмансур, где жила Мамлакат, по существу, составлял окраину Душанбе. За разговором доехали незаметно. Какой-то мальчишка указал нужный дом. В неказистом глинобитном жилище с плоской крышей из семьи пионерки дома оказалась только мать, хлопотавшая по хозяйству. Поздоровались, назвали себя. С помощью таджикского журналиста, служившего переводчиком, Фучик спрашивал, как росла, училась, работала Мамлакат. Помню, что разговор получался далеко не оживленный: мать не привыкла еще к громкой славе дочурки и, видимо, плохо понимала, что нужно от нее человеку, приехавшему из далекой страны, о которой она наверняка и не слыхала раньше. Всего содержания их беседы я не помню, а из подробностей в памяти уцелела одна. Фучик спросил у матери, что же любит Мамлакат, а та ответила:

— В ашички играть.

Узнав, что такое ашички (косточки из бараньих ножек), Фучик расхохотался:

— Девчонки — везде девчонки...

В заключение визита мы вместе фотографировались — хозяйка и гости. Сохранились ли где снимки или негативы?

В последующие дни Фучик не раз заходил в наш «комсомольский коридор», как называли правое крыло здания ЦК Компартии Таджикистана, где размещался Цекамол. Он быстро, как-то естественно и просто стал своим человеком, не чувствовалась десятилетняя разница в возрасте. На комсомольском «фордике» мы ездили на первую в Таджикистане, по тем временам крупную, Варзобскую ГЭС, которая еще достраивалась. Варзобское ущелье — одно из красивейших мест в Таджикистане. По дну его, с грохотом ворочая камни, прыгала зеленовато-прозрачная пенистая речка Варзоб, сбегавшая со снежных вершин Гиссарского хребта. Фучик любовался дикой красотой ущелья, величавыми вершинами горного хребта, небольшими селениями, уютно расположившимися в отрогах ущелья. Дорога вилась по карнизу, поднимаясь вверх по ущелью к Анзобскому перевалу.

После посещения ГЭС мы проехали в Оби-Джук — районный центр. Там Фучик обратил внимание на небольшой фанерный домик, стоявший у подножия невысокого горного отрога, полого спускавшегося к дороге. Рядом с домиком шумел небольшой белопенный водопад.

— Что это — водяная мельница?

— Нет, это Варзобская ГЭС номер два...— в шутку ответил я.

Выйдя из машины, Фучик осмотрел и эту маленькую гидрушку. Я знал, что станция неделями не отпиралась. Вечером электромонтер направлял воду в турбинку — станция давала свет, а поутру переключал ее на сброс — станция останавливалась.

— Почти автоматизация,— смеялся Фучик.

Когда на обратном пути дорога ушла от шумной, грохочущей речки, он сказал:

— Знаешь, я слышу тишину...

В Таджикистане его интересовало, кажется, все, он замечал мелочи, на которые мы по привычке не обращали внимания.

Как-то стоял у окна, и, присмотревшись к деревцу, посаженному во дворе, он обратил внимание на молодые ветви:

— Смотри, за год выросло метра на полтора! Здорово, а?! Здесь все так растет — и город, и люди, и деревья.

Надо сказать, что по-русски Фучик говорил довольно свободно, может быть, несколько старательно, с характерным чешским акцентом, не в ладах был с ударениями: чаще нажимал на первый слог, как в чешском языке. Так, в те дни у него и бытовало забавное «здóрово» вместо «здорóво». В первый раз, поняв по смеху собеседников свою ошибку, он потом по-прежнему употреблял это словечко, но уже в шутку...

Фучик говорил, что для него Таджикистан представлял особый интерес. Дело в том, что Советская власть там установилась на несколько лет позднее, чем в других республиках. Таджикистан — это бывшая Восточная Бухара, в недавнем прошлом край отсталый из отсталых. Минуло лишь четыре года, как были разгромлены басмаческие орды Ибрагим-бека, ставленника английского империализма, пытавшиеся сорвать первую колхозную весну республики, весну тридцать первого года. Прошло лишь два года после ликвидации басмачества в Джиргатале.

Тем более наглядны и убедительны были поразительные успехи ленинской национальной политики, на глазах превращавшей бывшую колонию эмира бухарского в образцовую советскую республику, которая, минуя мучительную стадию капиталистического развития, непосредст-

венно от феодализма перешла к социалистическому строительству.

В Душанбе Фучик быстро освоился, завел знакомства, без устали ездил, смотрел, расспрашивал, жадно впитывал факты из жизни стремительно растущей молодой национальной республики.

Узнав, что я выдвинут в ЦК с Вахшстроя, крупнейшей ирригационной стройки на юге Таджикистана, он с пристальным интересом слушал рассказы о комсомольском шефстве над этим строительством, о разных происшествиях на стройке, о людях Вахша.

Слушая, он умел ловко подметить смешное, умел своим заразительным смехом увлечь и собеседника.

В ноябре 1935 года, незадолго до приезда Юлия Фучика, в Душанбе проходил Первый республиканский съезд женской молодежи. Цекамол Таджикистана еще жил впечатлениями съезда, и Фучик проявил к этому событию живейшее внимание: интересовался составом делегаток, рассказами о судьбе некоторых участниц, которых мужья не пускали на съезд, фактами, приведенными в докладе, сделанном на съезде председателем Совнаркома республики.

* * *

Последний раз я, почти мимолетно, встречался с Фучиком в Москве десятого апреля 1936 года. Дата запомнилась потому, что встреча произошла перед самым открытием X съезда ВЛКСМ, а съезд, как известно, открылся одиннадцатого апреля 1936 года.

При выходе из гостиницы «Ново-Московская» в вестибюле меня кто-то окликнул. Обернувшись, я увидел, что ко мне шел темнобородый мужчина.

— Не узнаешь? — и улыбнулся.

Вполне серьезная борода совсем преобразила лицо, которое я знал лишь аккуратно выбритым, но эта неповторимая улыбка принадлежала только одному человеку.

— Юлий, что за маскарад?!

— Так надо.

Фучик собирался домой.

Мы поздоровались, вышли наружу и тихонько прошли на Москворецкий мост. Оттуда открывалась великолепная кремлевская панорама, всегда волнующая и нас, советских людей, и наших друзей. Полюбовавшись чудесным ансамблем и поговорив несколько минут, мы попрощались. Грустно было провожать Фучика.

Больше мне с Фучиком видеться не довелось. Я ничего не знал о его судьбе, пока пятнадцать лет спустя мне не встретился «Репортаж с петлей на шее», книга великого мужества, великой партийной доблести, большого литературного таланта и неиссякаемой любви к людям.

Он из тех, кто «жертвою пали в борьбе роковой, в любви беззаветной к народу».

Юлиус Фучик жив и будет жить в сердцах поколений.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами. Ташкент, 1971, с. 97—105

Р. МИРСАГАТОВА

В ТЕНИСТОМ САДУ БОЛЬНИЦЫ

С именем Юлиуса Фучика — национального героя Чехословакии — мы прежде всего связываем его книгу «Репортаж с петлей на шее». И это естественно. Книга Фучика, написанная им в ожидании казни, не только явление в мировой литературе, это потрясающий документ великой отваги и мужества коммуниста, его неугасимой любви к людям и готовности во имя их счастья принести себя в жертву. «Репортаж с петлей на шее» — это бессмертие Юлиуса Фучика. Это то, чем вправе гордиться не только

братская Чехословакия, но и все прогрессивное человечество.

Юлиус Фучик очень любил ездить. Вне бурного водоворота жизни он не мыслил себя. Он много ездил и много видел. Он неоднократно был гостем у нас в СССР, он был беспредельно влюблен в нашу страну. Особенно любил Фучик ездить по республикам Средней Азии. На примере этих республик, в недалеком прошлом колониальных, бедных окраин, наиболее ярко было видно то великое обновление, которое принесла им Октябрьская социалистическая революция и Советская власть. И здесь, в республиках Средней Азии, больше всего внимание Фучика привлекли судьбы женщин.

В то время, в 1935 году, после защиты диссертации я работала в Самарканде в акушерско-гинекологической клинике при республиканской больнице.

По возвращении из очередной поездки по кишлакам, где я консультировала больных, меня вызвали в кабинет главного врача больницы и сказали, что со мной хотят беседовать прибывшие иностранцы.

В кабинете главного врача кроме него было три или четыре гостя. Мне было задано много вопросов. Их интересовало прошлое и настоящее женщин Средней Азии. Особенно выделялся один из них, он был очень активен в расспросах. Его радовали наши достижения в такой степени, что он не мог спокойно вести расспрос и все время находился в движении.

Продолжая нашу беседу, мы вышли с ним в тенистый сад больницы, где непринужденно шел наш разговор. Он настолько умел расположить к себе, что хотелось рассказать ему все. Я не люблю много говорить, тем более о своем нерадостном детстве. А с ним было легко и просто разговаривать. Он почти ничего не записывал, только слушал и расспрашивал.

Это был Юлиус Фучик.

Много лет прошло с тех пор, как я встретилась с Юлиусом Фучиком, а день этот запомнился на всю жизнь. Тогда я, конечно, не предполагала, что разговариваю с человеком, жизнь которого впоследствии станет легендой. Но я очень хорошо помню его. Это был почти юноша, необычайно жизнерадостный, энергичный, и казалось, что он переполнен радостью жизни.

Прошло много лет. Меня потряс подвиг Фучика. Я с глубоким волнением читала его знаменитый «Репортаж с петлей на шее». Но я никак не предполагала, что автор книги, легендарный герой, и тот чудесный собеседник — одно и то же лицо.

Спустя много лет я также узнала, что в книге Фучика «В стране любимой», изданной в Чехословакии, имеется очерк, названный моим именем. А недавно я обнаружила у себя фотографию, на которой снят Фучик с работниками самаркандской больницы. Эта фотография, которую я считала утерянной во время эвакуации из Вильнюса в 1941 году, мне напомнила и еще некоторые черты характера Фучика.

Осматривая больницу, Фучик с товарищами особенно долго задержался в акушерско-гинекологической клинике, беседовал с больными. Выйдя из клиники, остановились возле крыльца и решили здесь же сфотографироваться. Фучик тогда обратился к профессору-окулисту Абдуллаеву с просьбой пригласить в группу для фотографирования весь персонал клиники, включая и обслуживающий. Я попросила Фучика, чтобы он стал в первом ряду группы, но он деликатно приглашал в первые ряды сотрудников клиники, а сам отошел во второй ряд. Помню, да это выдает и фотография, я нахмурилась недовольно и сказала Фучику, что у восточных людей, в том числе у узбеков, принято гостю давать лучшее место, а он в ответ только улыбался...

Надо ли говорить, что после войны и установления в Чехословакии социалистического строя сколь заветной была моя мечта — посетить родину Фучика, познакомиться с его женой и соратником по революционной борьбе Густой, с замечательными тружениками братской страны. И мечта осуществилась! В канун двадцатилетия освобождения Чехословакии от фашистского нашествия Харьковское отделение общества «Знание» в качестве премии за активную лекционную работу включило меня в группу членов Общества советско-чехословацкой дружбы электромеханического завода, которая была направлена в Чехословакию.

На всю жизнь запомнились сердечность, дружелюбие страны Фучика. В городах и селах, на заводах, фабриках, в клиниках — всюду дружеский прием, цветы, улыбки, рукопожатия друзей.

В Пльзене, где меня удостоили высокой чести — наградили Почетной грамотой и знаком за укрепление чехословацко-советской дружбы, мы посетили крупнейшее машиностроительное предприятие — завод имени В. И. Ленина.

А в Бероуне на текстильной фабрике «Тиба» я неожиданно повстречалась с Узбекистаном. В цехах «Тибы» работает много машин «Таштекстильмаша». Узнали, что я — дочь Узбекистана, стали от души хвалить узбекские текстильные машины. Перед отъездом из Бероуна передовая текстильщица Берта Ружичкова попросила: «Передайте обязательно в Ташкент, что мы получили оттуда прекрасные машины. На этом оборудовании получаем много высококачественной пряжи и хорошо зарабатываем. Большое спасибо друзьям из Узбекистана!»

Я с удовольствием выполняю поручение Берты Ружичковой.

Наша поездка продолжалась, я с нетерпением ждала встречи с Прагой. Ведь в ней многое связано с именем

незабвенного Фучика, там живет его боевая подруга Густа.

И вот мы в столице, в обкоме Союза чехословацко-советской дружбы. Вместе с другими там была женщина небольшого роста, моих лет. Она сразу же встала и направилась ко мне. Я приветствовала ее по узбекскому обычаю. Густа Фучикова искренне и непринужденно ответила мне, словно давно знакомой. Мы обнялись и расцеловались, как сестры. Я подарила ей журнал «Украина» с очерком о моей встрече с Фучиком и фотографией в самаркандской больнице, преподнесла узбекскую тюбетейку. А в ответ получила изданную в Чехословакии юбилейную книгу «На вечные времена» с дарственной надписью: «В память о незабываемой встрече в обкоме Союза чехословацко-советской дружбы. Пусть наша дружба, за которую боролся и отдал жизнь Юлиус Фучик, будет вечной!»

Мы с Густой быстро подружились. Она хорошо знает русский язык. С радостью рассматривала она снимок, сделанный тридцать лет назад в самаркандской больнице: молодой Фучик в группе врачей, среди которых была и я. Густа сказала, что никогда не видела этого снимка и что это для нее самый дорогой подарок.

— Я очень рада,— сказала мне Густа,— что Юлиус так прозорливо подметил вашу судьбу. Он хорошо умел разбираться в людях, видеть далеко-далеко!

— Кстати,— добавила Фучикова,— я ведь тоже побывала с Юлеком в прекрасном Советском Союзе. Мне так нравится ваша родина, и я шлю ей горячий привет!

— Густа, приезжайте к нам в гости, обязательно приезжайте.

И она обещала.

Поистине крепка и нерушима дружба, скрепленная кровью!

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами. Ташкент, 1971, с. 106—110

Н. ЖДАНОВ

ПОЕЗДКА НА ВАХШ

Осень 1935 года. Собственно, уже начало декабря. Но по нашим северным понятиям здесь еще лето. Сквозь узорчатую золотистую листву душанбинских платанов видны снежные вершины гор, подступивших к самому городу. По утрам и на закате солнца снег на горах сияет ослепительно, как пламя магния. Дни стоят ясные и жаркие. Все чаще, однако, разражаются теплые обильные ливни. Мутные глинистые потоки бегут по арыкам, а в молодом парке, окружающем дачу Совнаркома, пенясь, шумят ручьи.

Здесь, на даче, нечто вроде маленькой гостиницы — свой небольшой пансионат, несколько комнат для приезжих, столовая, где собираются к обеду человек десять — пятнадцать.

Мы только что вернулись с границы, побывали в одном из пограничных полков, и вот сидим в вестибюле.

Утро. На даче пусто и тихо.

С. Улуг-заде, посчитавший долгом гостеприимства сопровождать нас, трех ленинградцев-писателей, в нашей поездке к пограничникам, звонит куда-то по телефону. Пухлый том «Пармской обители» (он не расставался с ним и в дороге) торчит у него под мышкой. На юношески тонкие, красивые, словно с персидской миниатюры, черты лица ложится тень озабоченности: заняли наш номер в гостинице, где же отдохнуть с дороги?

— Да полно, успеется,— утешаем мы его.— Так ли уж это обязательно — отдыхать?

Открывается дверь, и входит Фучик — загорелый, с открытым лицом, густыми волнистыми волосами, суконный берет засунут в карман синего распахнутого плаща, из-под фланелевой куртки видна полоска матросской тельняшки.

Во всем его облике и в одежде какая-то своя, свободная нечопорная элегантность.

Мы познакомились еще в Ташкенте, встречались и здесь до нашего отъезда на Вахш и теперь, после первых приветствий, выясняем дальнейшие планы и маршруты каждого.

Саша Гитович собирается вылетать на самолете в горный Гарм; он замыслил поэму о Гарме и стремится туда. Боря Лихарев намерен снова отправиться в Самарканд и оттуда в Ташкент.

— А вы? — Фучик поворачивается ко мне, и я вижу перед собой его бархатисто-темные внимательные глаза.

— Если не прекратилось движение через перевал, постараюсь попасть на Вахшстрой.

— Вот и отлично. Не хотите ли вместе дня через три-четыре? На перевале не было еще ни одного снегопада.

...Через несколько дней мы выехали.

В совнаркомовском газике нас четверо: Юлиус сидит у окна, опустив ветровое стекло и подставив лицо мягкому потоку воздуха, пропитанного полынными запахами степи. С ним рядом смуглая, очень серьезная и молчаливая Керима, корреспондент газеты «Кзыл Таджикистан». Она хорошо владеет родным для нее таджикским языком и согласилась стать нашей переводчицей. Это очень важно, так как среди местного населения многие совсем не понимают по-русски.

На переднем сиденье — молодой, щуплый на вид, но старательный и рассудительный шофер Вася Некрасов и я.

Дорога чуть заметно идет на подъем, взбираясь на медленную гряду предгорий. С обеих сторон полукругом встают снежные хребты с крутыми фиолетовыми склонами.

В отличие от путешественников, предпочитающих отправляться в дорогу рано утром, мы покинули город под вечер и теперь любуемся художественными эффектами близящегося заката. Но вот Юлиус делает Васе знак, и

машина останавливается. Вокруг бугристая степь, тишина, подчеркнутая монотонным звоном кузнечиков. Солнце стоит низко над горизонтом и через всю степь простирает лучи к горным кряжам, заставляя снега пылать багряным огнем.

Мы все выходим из машины и молча глядим на это зрелище, захваченные спокойной и мощной его красотой.

Юлиус исчезает в кабине и появляется снова. В руках у него бутылка кагора с темно-золотистой этикеткой. Штопора ни у кого из нас нет, пробка протыкается карандашом внутрь бутылки. Стакана тоже нет.

— По-испански,— говорит Юлиус.— Доброго здоровья!

Запрокинув голову, он высоко подымает бутылку, ловко подставляет рот под струю и пьет, не касаясь горлышка губами. Затем он протягивает бутылку мне.

Я следую его примеру, не столь, однако, удачно. Несколько капель проливается мне на кожанку.

— Смелей наклоняйте,— подсказывает Юлиус.

Наконец мне удается сделать несколько хороших глотков.

Вот когда вино кажется воистину энергией солнца, вливающейся прямо в душу!

Вася наотрез отказывается, как и подобает в дороге хорошему шоферу. У Керимы свой девический страх перед вином. С трудом удается нам уговорить ее сделать крошечный глоток.

Проходит еще час или два. Дорога взбирается все дальше вверх, предгорья становятся круче, по сторонам пути на кремнистых уступах скал, сложив крылья и вобрав головы в угловатые плечи, неподвижно сидят орлы. Подъем продолжается еще долго. Затем Вася выключает мотор, и машина сама катится вниз: только подтормаживай на поворотах, а то сорвешься под откос!

Еще недавно, два-три года назад, здесь устраивали засады басмачи. Но теперь только свежие легенды витают

над темными провалами, в которых так рано укладываются вечерние тени, а по утрам долго сохраняется ночная мгла.

Спуск заканчивается в неширокой горной долине. Коричневые пологие склоны простираются вправо и влево, разделенные каменистым руслом потока, мутного после недавних дождей.

От одинокой постройки, уместившейся на небольшом плоском клочке земли, к нам подходит босой человек в ватнике и ситцевых штанах, подвязанных платком. Он прикладывает руку к груди в знак приветствия. С ним разговаривает Керима. Он подтверждает, что мы едем правильно, и показывает место переправы.

У меня веселое настроение, и я говорю Кериме:

— Спросите у этого человека, хорошо ли жить одному среди гор, только изредка встречая людей? Не посоветует ли он нам последовать его примеру?

Керима смотрит на меня озадаченно и начинает переводить мои слова, но Юлиус останавливает ее мягким прикосновением руки.

— Не надо зря смущать человека, он ведь не Диоген.— И, повернувшись ко мне, добавляет с доброй, примиряющей улыбкой: — Да и мы с вами не Александры Македонские, не правда ли?

Не раз затем я невольно отмечал в нем этот глубокий внутренний такт и серьезное, бережное внимание ко всякому, с кем нам приходилось встречаться во время нашей поездки.

Через некоторое время дорога вырвалась из горной гряды. Вдали вышагивали высокие столбы электрической линии. Наш путь пересекала караванная тропа. С полдюжины верблюдов, гордо выгнув шеи, стояли у обрыва. На них были навьючены ящики с каким-то оборудованием и огромные витки алюминиевых проводов. Но людей не было видно. Вдруг мы заметили погонщика в белой чалме. Рас-

стелив на вялой траве маленький коврик, он, с выражением покорного смирения на коленях совершал намаз.

Он не обратил никакого внимания на нашу машину, и долго еще мы видели его, склонившегося до самой земли. Этот человек, везший на своих верблюдах новую судьбу Востока, но все еще молившийся старым его богам, должно быть, особенно заинтересовал Юлиуса. Он то и дело оглядывался.

— Вот с кем я хотел бы поговорить по душам, если бы это мне удалось,— проговорил он наконец.

В Курган-Тюбе мы приехали в сумерках, только продолговатое облачко еще дотлевало в небе у потухших снежных хребтов.

Мы остановились перед маленьким домиком с тесовым крыльцом. Здесь помещался райком партии. За столом сидел человек в черной гимнастерке и разговаривал по телефону. Он глазами указал нам на скамью. Мы объяснили, кто мы и куда едем.

— Так я сейчас попробую связаться с начальником Вахшстроя,— сказал он и, сняв трубку, властно потребовал:

— Дайте головное сооружение!

Однако начальника строительства там не оказалось. Сказали, что он выехал на второй строительный участок.

Мы снова сели в запыленную машину. Товарищ из райкома проводил нас до глиняного дувала.

Шоссе кончилось. Дальше шла укатанная колесами, плотная грунтовая дорога. Низкорослые тутовые деревья стояли, как часовые, по краям убранных хлопковых полей.

Темнота быстро сгущалась, дали наполнились густой синью, и скоро над нашими головами выгнулось небо, щедро осыпанное крупными азиатскими звездами.

Нигде так, как в Азии, а особенно в пустыне, нельзя, вероятно, ощутить, именно ощутить, что земля наша — планета и что она существует в системе других небесных

тел. Когда стоишь на распростертой под небом выжженной пустынной равнине и видишь, как темная громада гор наплывает на звезды, это ощущение неотразимо. Вообще, по сравнению со скромной и более уютной природой среднерусской полосы, масштабность азиатского пейзажа поражает и, я бы сказал, даже подавляет.

Фучик испытывал особую тягу к природе Средней Азии и, пожалуй, больше, чем другие районы Советской страны, любил этот край и много бывал в нем.

В полутьме возник высокий земляной вал. Было похоже, что мы подъезжаем к какой-то крепости. Оказалось, что это песок и гравий, вынутые при рытье канала. По глубоким рытвинам и каменистым буграм машина перебралась на другую сторону будущего русла. Впереди замелькали огоньки строительного поселка. Невидимый в ночи, прогрохотал по узкоколейке железнодорожный состав. Одноэтажные глинобитные домики с побеленными стенами стали попадаться все чаще. Где-то близко гулко пыхтел двигатель электростанции. Мы въехали в небольшой поселок, раскинувшийся среди молодых акаций и голенастых платанов, еще не успевших развернуть свою могучую крону.

Начальника Вахшстроя мы нашли в строительной конторе. Несмотря на поздний час, у него шло совещание. За струганым, ничем не покрытым столом сидели несколько человек в плащах, загорелые и озабоченные. Начальник отправил нас на свою квартиру, которая находилась тут же невдалеке, на краю поселка, в одном из новых одноэтажных домов с противокомарными сетками на окнах. Домашние приняли нас радушно, предложили ужин и чай.

Затем вернулся домой и начальник. Разложив на столе карту долины, испещренную линиями каналов, он стал рассказывать нам о строительстве, которым руководил.

Работы на Вахше начались в 1931 году и в первый период налаживались с перебоями. Пустыня есть пустыня.

Навербованные с большими усилиями рабочие покидали стройку, удрученные бесконечными тяготами непривычного и неустроенного быта. В районах стройки не раз появлялись банды басмачей. Тракторный и экскаваторный парк находился в непрерывном ремонте. План, исчислявшийся многими миллионами кубометров грунта, был выполнен всего на несколько процентов.

Человек, с которым мы теперь говорили, был одним из организаторов коренного перелома в ходе строительных работ в Вахшской пустыне. Но, преодолев организационные трудности, люди натолкнулись на сопротивление природы. Орошение громадной площади в сто тридцать тысяч гектаров легких лёссовых грунтов пустыни таило в себе много опасностей. В этих грунтах трудно удерживать воду. Они легко поддаются размыву, вода просачивается внутрь, и почва разрушается и разваливается, как кусок сахара, пропитанный влагой.

Следует учесть, что в то время еще не было накоплено нужного опыта, не было обученных кадров, совершенной техники.

В конце августа 1933 года канал был готов к приему воды. Прорезавший пустыню, он был отделен от Вахша лишь естественной перемычкой из скального грунта. Взрыв перемычки явился серьезной проблемой для строителей. Обстановка создалась почти драматическая.

Рассказывая нам об этом, начальник Вахшстроя взволнованно заходил по комнате, заложив пальцы рук за широкий ремень гимнастерки.

— Что, если взрыв скальной перемычки повредит шлюз? Тогда бурный и сильный Вахш снесет его и устремится в долину. В несколько часов река может размыть все сооружения, не оставив никакого следа от долгого и упорного труда людей: созданного ими канала, дамб, сбросов, регуляторов. Вахш мог бы снести и районный центр Курган-Тюбе — древний городок, в который вы заезжали.

Расчеты, связанные со взрывом перемычки, были поручены итальянскому инженеру, специалисту по взрывным работам. Но местные работники и сам начальник строительства забраковали проект иностранца и взяли на себя всю ответс.венность и весь риск. Во время подготовительных работ пришло сообщение о прорыве воды через магистраль древнего канала Джайбор, включенного строителями в Вахшскую ирригационную систему. Предотвратить катастрофу надо было немедленно. Лучшие люди строительства создали добровольную группу в сто человек. Аварийные работы велись днем и ночью. Никто не вынуждал и не агитировал их. Лучшая на стройке бригада Бредуна, молодого рабочего из-под Москвы, работала по пояс в воде: сбрасывала в воду мешки с песком, делала габионы — проволочные сетки, набитые камнями. Работу направляли прораб Кахановский, инженер Калежнюк и другие руководители. Люди не спали трое суток подряд. На четвертый день вода была остановлена.

Двенадцатого сентября в десять часов пятнадцать минут утра перемычка взлетела на воздух. Взрывной удар был рассчитан точно. Вахш, рванувшись в пустыню, наткнулся на щиты и шандоры и, укрощенный людьми, понес свои присмиревшие воды на изнывающие от жажды плодородные почвы...

Мы слушали рассказ начальника до глубокой ночи.

Фучик сначала заносил что-то в свою записную книжку, потом отодвинул ее в сторону и только изредка отрывал глаза от рассказчика, чтобы сделать короткую запись.

Когда уже под утро мы укладывались спать на отведенных нам постелях, Юлиус говорил с раздумчивой мечтательностью в голосе:

— Каждая такая стройка — как глава большого романа, не производственного, нет,— технология не область литературы,— романа о времени и людях, о новом в человеческой истории.

— Вот возьмитесь за такой роман. Нельзя ведь полагаться на приход особых художников-титанов нового Возрождения.

Он долго молчал, затем серьезно и немного грустно заговорил в ответ:

— Я не раз думал о большом романе и кое-что уже написал. Но я прежде всего солдат. Пока моя родина не перешла историческую черту, это не может быть иначе. Каждую минуту я нахожусь в распоряжении партии...

Солнце было уже высоко, когда утром мы направились к Вахшу. Мы шли пешком. Ясный и теплый день «декабрьского лета», как назвал эту пору Фучик в одном из своих очерков той поры, сияющий, но не знойный, разгорался над долиной. После недавних дождей кое-где сквозь выжженную солнцем, бурую траву пробивалась зелень.

Юлиус в белой свежей рубашке с отложным воротником, без пиджака и плаща с увлечением шагал по береговым скалам, подставив лицо ветру и солнцу.

Головное сооружение и так называемая холостая часть канала, прорубленная в скалах, примыкают к самому берегу Вахша. В этом месте стесненная берегами мутная река не кажется широкой. Но глубокое и стремительное течение невольно внушает мысль о силе и многоводности Вахша. В переводе на русский слово «Вахш» означает «дикий». И это название дано реке неспроста.

Вахш зарождается на Алайском и Заилийском хребтах на высоте около четырех тысяч метров. С бешеной скоростью, размывая горные кряжи и волоча камни, низвергается он вниз и в одном из ущелий Гиссарского хребта вырывается в долину, простирающуюся сплошным массивом до самой границы.

Вахшская долина по своим климатическим особенностям напоминает Египет. Продолжительность растительного периода здесь 210 дней в году. Средняя годовая температура плюс 20 градусов. И климат и жирные лёссовые

почвы очень подходят для выращивания длинноволокнистого египетского хлопка. Но какой уж там хлопок без воды! А Вахш, будто в насмешку, проносил свои воды по самому краю долины, почва которой горела и трескалась от зноя.

Попытки обуздать Вахш известны с древних времен, но они не увенчивались успехом.

История покорения Вахша советскими людьми, рождение в нашей стране своего «советского Египта» живо волновали Фучика.

Сейчас Вахшская долина стала цветущим хлопководческим районом страны, краем субтропических насаждений и плодоносных садов. Тогда здесь делались только первые шаги в это будущее, ныне ставшее настоящим. И этот «завтрашний» день нашей страны, нашего народа вырисовывался перед нами с пленительной и влекущей силой.

* * *

Головное сооружение является началом сложной ирригационной системы. Уже тогда длина водных магистралей этой системы достигала ста километров. В зоне орошения уже поселились первые люди, развертывали свою деятельность первые переселившиеся сюда колхозы.

На другой день мы выехали в долину.

Осень все-таки сказывалась и здесь. С утра было пасмурно, и сыпался мелкий дождик, который вполне можно было бы назвать осенним, если бы он не был теплым.

Сначала мы ехали вдоль водоотводного канала, мимо регулировочных дамб и водозаборных сооружений. Но затем дорога ушла в сопки, даже, точнее говоря, не дорога, а слабый дорожный след. Вскоре и он потерялся, мы ехали между рядами сопок, бесконечной грядой простиравшихся все дальше и дальше. Кусты саксаула, истлевающие остатки черепашьих панцирей, клочья сухой колючей травы — вот все, что попадается у подножия сопок.

Но вот впереди из лощины вырывается целое стадо джейранов — диких горных коз. Некоторое время они бегут впереди машины, давая нам возможность наблюдать за их стремительными прыжками, исполненными удивительной легкости и грации.

Инженер Вахшстроя Казимир Михайлович, отправившийся с нами в эту поездку, захватил с собой двустволку и теперь выставил ее в ветровое стекло машины, готовясь выстрелить.

Но джейраны несутся очертя голову; кажется, что они просто летят по воздуху, распластываясь в прыжке и почти невидимо отталкиваясь от земли. К тому же почва отсырела на дожде, и это сказывается на скорости нашей машины. Нам так и не удается сократить дистанцию, отделяющую нас от животных, на расстояние, необходимое для выстрела. Джейраны, почуяв преследование, сворачивают в сторону и, обгоняя друг друга, исчезают.

Через несколько минут мы видим их пасущимися на гребне одной из сопок. Хорошо бы обогнуть сопку и подобраться сверху на расстояние выстрела.

Юлиус не проявляет интереса к этой идее,— у него, видимо, нет охотничьего азарта. Я беру ружье и карабкаюсь по крутому склону. Но всякий раз, когда я начинаю подходить к ближайшему от меня джейрану, он как бы между прочим прыгает под откос и исчезает из виду. Так повторяется трижды, наконец все стадо срывается и уносится вниз через долину на противоположную гряду сопок. Я успеваю выстрелить вслед, но безрезультатно.

Когда я возвращаюсь к машине, раздаются иронические возгласы.

— Где же добыча? Помочь донести?

На лице Юлиуса довольная улыбка: обошлось без крови!

— Признаться, я все это время был на стороне джейранов! — говорит он.

За сопками снова простирается плодородная лёссовая долина. Орошенные земли обозначаются красноватыми прямоугольниками уже убранных хлопковых полей. Начинают попадаться колхозные постройки, молодые посадки будущих садов. Изредка встречаются грузовики с горючим для тракторов и с кипами прессованного хлопка, наложенными в кузовах до самого неба.

Дорога теперь идет прямо через степь, но грунт так укатан и утрамбован колесами, что не уступает асфальту.

Машина берет влево, мы продвигаемся по ровному как стол плато. Опять вдали мы видим стадо джейранов. На сей раз их несколько сот. Они несутся наперерез нам от предгорий к реке, едва угадывающейся отсюда под крутым обрывом берега.

Впереди возникает, как на картине, небольшой, аккуратно оштукатуренный домик с деревянными пристройками. Шагах в пятидесяти от домика плато резко обрывается. Под обрывом — горная река. Большой плоскопалубный буксир с баржей с трудом продвигается против течения. Река тут довольно широка, примерно как Ока под Рязанью или Дон около Калача.

На той стороне — Афганистан.

Но расстояние между странами больше, чем ширина реки, так как пойма ее очень широкая. По обе стороны реки тянется труднопроходимая полоса топи, заросшей густым камышом. Летом, в пору наибольшего таяния горных снегов, река разливается и заполняет всю пойму. Здесь водятся кабаны и встречаются даже тигры.

На дороге появляется пограничник с винтовкой в руке. Машина, поравнявшись с ним, останавливается. Проверка документов.

Фучик беседует с пограничником. Его интересуют не вражеские, а дружеские «визиты». Говорят, афганские

крестьяне в трудных случаях жизни приходят к нашим пограничникам, как к своим друзьям, за помощью и советом. Он собирается написать об этом очерк для «Руде право».

Мы поджидаем Юлиуса у машины. Рядом на деревянной перекладине два бойца свежуют убитого утром джейрана. Пограничники охотились явно удачнее нашего: четыре джейраньих шкуры сохнут тут же, на бревнах. Огромные псы — коричневый и черный — лежат около, на земле, блаженно щурясь от света и спокойно поглядывая на нас.

Спустя некоторое время мы двигаемся дальше.

Спускаемся вниз к самой реке и долго сидим на берегу, слушая шум падающей воды и любуясь могучим каскадом, уже отдавшим свою живительную силу первым хлопковым полям Вахшской долины. Небо очистилось от туч, декабрьское солнце пригревает так, что впору хоть выкупаться. Юлиус сбросил плащ и засучил рукава рубашки. Он любит солнце и явно наслаждается им сейчас.

Напротив нас в синеватой дымке, за блистающей лентой реки, гряда пустынных Афганских гор. Знают ли там, как может быть щедра и богата земля?!

На обратном пути Казимир Михайлович показывает нам одну из «каверз», которые от времени до времени выкидывает магистральный канал: дно еще не успело утвердиться, заилиться, и вода просочилась в трещину, размыла ее и вышла из русла. У пикета 117 образовалось целое озеро, будто полые весенние воды затопили всю большую низину.

Боже, сколько здесь собралось перелетных птиц! Гуси и утки заполнили все озеро. По берегу и на землистых островках, выпирающих из воды, бродят взъерошенные грачи и длинноносые маленькие кулики.

— Так вот, оказывается, куда улетают птицы на зимовку! — восклицает Юлиус.

Это неожиданное открытие его явно занимает, радует.

Гуси и утки здесь были достаточно бдительными и не подпустили нас на выстрел. Потом, много спустя, мы наткнулись на притаившуюся среди сухой травы черно-бурую лису. Припав всем телом к земле, она напряженно смотрела на нас желтовато-зелеными испуганными глазами. Но встреча была слишком неожиданной, и мы прозевали момент. Лиса удрала, взмахнув роскошным хвостом.

После этого Казимир Михайлович взял ружье себе и опять выставил его наружу, чтобы в случае подобной встречи быть начеку.

Но стало уже темнеть, и никто не попался, кроме молодого орла, который и был им застрелен. Вася подобрал убитую птицу, полюбовался размахом крыльев и, приткнув ее на капот к фаре, поехал дальше.

Закат потух. В бледном свете фар впереди машины то и дело появлялись зайчата. Попадая в полосу света, они обычно замирают на месте, прижав уши. Потом начинают бестолково мчаться вперед, не догадываясь свернуть с дороги. Казимир Михайлович не вытерпел и выстрелил.

Зайчонок с перебитыми дробью задними ногами пищал отчаянно, на всю пустыню, жалобно и тоскливо. Всем стало как-то не по себе. Юлиус помрачнел.

Зайца пришлось добить. Вася пристроил его рядом с орлом на кузове.

— Орел и заяц! Это как герб! — пытался шутить инженер...

Юлиус, однако, не улыбнулся.

В поселок въехали уже затемно и молча.

* * *

Мы в колхозе «Коминтерн», одном из тех, что переселился в долину Вахша на новые земли.

Обширный четырехугольник двора, обнесенного глиняным побеленным дувалом. Под навесом белые сугробы

хлопка. Рядом окруженный молодыми платанами дом с высокой наружной галереей — балханой.

Раис колхоза Нигмат Файзыбаев и школьный учитель семнадцатилетний юноша Арчуев ведут нас на галерею.

— Дальних путников надо сначала накормить с дороги, а уж потом спрашивать, кто они и зачем,— таков наш обычай,— говорит раис улыбаясь. Ослепительной белизны зубы оттеняют его великолепный загар.

На полу постилают ковер. Горячий плов в бараньем жире, арбуз и зеленый чай появляются быстро, как на скатерти-самобранке.

Мы все садимся в кружок, подобрав под себя ноги.

Всегда видно опытного наездника по одному тому, как он держится в седле. Сидеть по-восточному на полу, есть плов палочками — это тоже своего рода искусство. Чувствуется, что у Юлиуса есть опыт. Он сидит спокойно и прочно, не ерзает, как неопытный северянин. Серьезная, солидная его медлительность, явно импонирующая нашим хозяевам, обличает в нем человека, знакомого с восточными обычаями.

— Мы приехали сюда из Ходжента,— рассказывает раис.— Видим: пустыня и один большой арык несет мутную воду. А теперь? Вот поглядите сами!

С галереи открывается вид на поселок, на аккуратные ряды домов европейского вида, на хлопковые поля и молодые сады, простиравшиеся далеко в степь.

— Трудно было поверить, что обживемся тут. Вы знаете, какие сады у нас в Ходженте? Не хуже, чем в Самарканде и Фергане. А тут, смотрим, пустыня и небо. Ни дерева, ни тени, не к чему привязать ишака! Но земля, когда ей дают воду, дает все. Мы привезли с собой прутья урюка и яблонь. Разрубили их на куски, воткнули в землю и дали воды. И вот у нас сад! На этой земле мы сеем пшеницу, ячмень и люцерну, собираем арбузы с наших бахчей. Но самое главное — хлопок. Он — наше богатство!

— Вот попробуйте дыню,— отрезав золотистый, как полумесяц, кусок дыни, он протягивает его Юлиусу, говорит еще что-то и смеется, должно быть довольный сказанным.

Керима тоже смеется и потом переводит его слова.

— Раис говорит: дыня такая прозрачная, что сквозь нее можно видеть ишака, которого гонит женщина вон там по дороге в степи!

Юлиус смеется тоже: он любит гиперболу и ценит шутку.

— Не уступает чарджоуской,— попробовав дыню, говорит он со знанием дела.

Раис польщен этой похвалой.

— А вы знаете, как здесь все растет? — Он приподымается, трогая рукой гибкую ветвь платана, протянувшуюся к самой крыше.

— Вот сколько, по-вашему, лет этому дереву? Всего полтора года! Удивительно, правда? Мы посадили его первой весной после нашего приезда. А видели вы гранатовые деревья, когда шли сюда? В прошлом году мы посадили зерна гранатового плода, нынче деревья уже цвели, на будущий год будут плоды.

Нигмат Файзыбаев долго рассказывал нам об удивительном плодородии новых вахшских земель. И видно было, что он и его друзья-колхозники обрели здесь свою новую родину.

По наружной лестнице на галерею поднялся рослый парень в поношенном джемпере, в белой чалме и в сандалиях на босу ногу. Он оказался секретарем комсомольской ячейки. Звали его Исмаил Сангалов. Он держал в руке свернутый в трубку газетный лист. Поклонившись нам, он спросил о чем-то учителя.

— Он спрашивает, куда повесить плакат,— перевела Керима.

— А ну, покажи,— сказал Арчуев.

Исмаил развернул два склеенных между собой газетных листа. На них фиолетовыми чернилами были крупно написаны какие-то слова по-таджикски.

«Привет трудовому народу Абиссинии, мужественно защищающему свою независимость!» — перевел нам учитель, и юное лицо его зарделось от внутреннего волнения.

В том году фашистская Италия без объявления войны вторглась в Эфиопию (Абиссинию), весь советский народ был охвачен горячим сочувствием к героическим эфиопам, восставшим против колонизаторов.

— Повесь в чайхане! — сказал раис и, обращаясь к нам, заметил: — Вот приходится на газете писать: с бумагой у нас плохо.

— Зато с международной солидарностью трудящихся очень хорошо,— сказал Фучик. Он поднялся и крепко пожал руку секретарю комсомольской ячейки.

Мы все спустились в сад.

Декабрь делал свое дело. Вяли цветы на клумбах. Лучшая в колхозе бригада Дадобая Султанова уже убирала с полей гузапаю — голые стебли хлопчатника — топливо в зимние дни. Два молодых электротехника заканчивали приемку электролинии, подведенной к колхозу от главной магистрали. На краю сада, высокий старик в белой накидке вырывал кетменем тонкие прутья саженцев урюка и аккуратно складывал их в грудку. Их отправят в соседние колхозы: пусть растет больше садов вокруг!

— Он знает язык урюка и инжира, язык миндаля и винограда,— сказал о старике Нигмат Файзыбаев.

Затем он подошел вплотную к старику и закричал ему на ухо, показывая на нас:

— Гости из Ленинграда, из Праги!

Старик посмотрел на нас с удивлением и закивал головой, кладя руку на сердце.

— Скажи им, что ты думаешь, когда сажаешь деревья,— опять прокричал раис.

— А что думать? Хорошо будут жить люди — лучше нашего! — Старик снова взмахнул кетменем и, потянув из разрыхленной земли молодые побеги, бережно отряхнул корни.— Сад будет вокруг, не пустыня — сад! — убежденно добавил он.

Не раз затем, уже после того как мы простились с колхозниками и двинулись дальше, вспоминал этого старика Юлиус.

— Сколько глубокой уверенности в будущем рождает у самых простых людей осуществление великих строительных планов социализма! — говорил он.

Должно быть, эти мысли занимали его во время всей поездки, потому что он несколько раз возвращался к ним.

На восьмой или девятый день мы решили ехать обратно в Душанбе. Было уже темно, когда мы вновь приблизились к глиняным оградам Курган-Тюбе. Здесь нам предстояло заночевать. Юлиус был застенчив и предпочитал без особой нужды не беспокоить людей. Мы остановились в школе, два больших класса которой пустовали в это время суток. Керима устроилась у сторожихи, Вася — в машине. Мы же сдвинули вместе два черных классных стола и стали укладываться на них. У Юлиуса был только легкий габардиновый плащ. У меня же под кожанкой была еще овчинная безрукавка. Юлиус постелил ее поперек стола и улегся, заложив сильные руки за голову, с видом человека, не желающего больших удобств.

Я последовал его примеру. Но мы долго еще лежали без сна. На стене напротив нас висела чуть различимая в полутьме карта земных полушарий. Глядя на нее, Юлиус заговорил вдруг о долине реки Ориноко, где, по словам Бебеля, можно было бы взрастить такое количество продуктов питания, что хватит прокормить все человечество.

— Тут на Вахше,— продолжал он,— видишь на практике, что мечты социалистов отнюдь не утопия, видишь,

как реален может быть выход из нищеты для миллионов людей Азии, Африки и всего колониального Востока...

Проснулись мы от холода. Только еще занимался рассвет. На вялой траве в палисаднике лежал иней. Вася, оказывается, уже не спал и возился у машины.

Мы отправились в путь. И когда выехали на шоссе, прямой лентой уходящее в степь к Душанбе, снежные хребты гор уже пылали в первых лучах солнца.

Вася разогнал машину так, что она вся трепетала, казалось, готовая оторваться от земли.

И вдруг мы увидели, что впереди поперек дороги стоит осел. Вася стал яростно сигналить, а затем еще и кричать и махать рукой. Но напрасно. Ему пришлось нажать на тормоза и выбраться из машины. Но осел все равно не уходил. Это всех нас рассмешило, и мы, оставив машину, начали шутя уговаривать осла посторониться и пытались отманить его в сторону кусочком копченой колбасы. Но осел был равнодушен к этой пище, а больше у нас ничего не было. Пришлось всем нам вместе оттаскивать его в сторону.

— Когда осел не сходит с дороги добром, его сталкивают силой! — провозгласил Юлиус.— Вот вам и новый восточный афоризм,— добавил он и весело расхохотался.

Через несколько часов мы были уже в Душанбе, а дня через четыре вместе выехали в Ташкент. С нами в купе находилась немолодая уже женщина с красивой седой прядью в волосах.

— Обычно, когда знакомишься с новым человеком, довольно легко угадываешь его профессию,— сказала она Фучику на второй день пути.— Но, глядя на вас, я не могу остановиться ни на чем определенном. Кто вы такой?

— Ну а все-таки, к чему вы все же больше склоняетесь? — спрашивал Юлиус.

Он проявил какой-то особый, хотя и шутливый интерес к этой теме.

Женщина, как оказалось, больше всего склонялась к мысли, что он является комсомольским работником республиканского или, может быть, союзного аппарата.

Разумеется, мы не стали разуверять ее в этом.

* * *

Прошло еще около четырех месяцев. Наша бригада давно уже вернулась в Ленинград. В писательском особняке на набережной Невы шло собрание на какую-то программную тогда тему. Однако народу собралось немного, широкий разговор не получался.

Я вышел в маленькую круглую комнату, примыкающую к главному залу, закурил и о чем-то задумался. Вдруг кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся — передо мной стоял довольно плотный человек в сером костюме и жилете, с густой черной бородой. Волосы на его голове были расчесаны на пробор.

— Не узнаете? — спрашивал он и улыбался одними глазами.

— Юлиус? Да, вас действительно трудно узнать...

Мы прошли в боковую гостиную, чтобы не мешать собранию. Комната была залита солнцем, заходившим где-то за невскими мостами. Нева уже вскрылась, был апрель, и только редкие подтаявшие льдины плыли по синему полю реки.

— Что значит эта метаморфоза? — спросил я, все еще разглядывая его с удивлением.— Вот уже теперь никто бы не сказал, что вы похожи на комсомольского работника. На улице я, наверное, не узнал бы вас, прошел мимо.

Он засмеялся, но сразу же стал серьезным.

— Готовлюсь вернуться на родину,— сказал он.— Осталось всего несколько недель. Время, проведенное в вашей стране,— счастливая пора моей жизни. Но это не может длиться без предела.— В голосе его сквозили озабоченность и грусть.

Я припомнил, как однажды в Таджикистане он говорил о Праге, о вечерней голубоватой дымке над Градчанами, о том, как приятно идти, затерявшись в толпе, ощущая вокруг шумное многолюдье города.

— Зато опять увидите Прагу! — сказал я.

Юлиус мечтательно улыбнулся.

— Да, да, ради одного этого стоит идти на многое.

Он опять стал задумчив, как бывают задумчивы люди перед опасным и длительным боем, в котором многие неизбежно должны будут пасть.

Разумеется, тогда никто из нас не мог предполагать, что трагедия новой мировой войны уже так близка и черная тень свастики скоро надвинется на Чехословакию.

Его пожатие, когда мы прощались, было твердым и казалось полным безмолвного значения. Грустная дымка рассеялась, и взгляд его был, как всегда, ясен, взгляд человека, отчетливо знающего, что в мире надо любить и что ненавидеть. Он не изменил себе ни в чем, ни в чем не отступил от своих убеждений. Через все мучения фашистских застенков он пронес свою спокойную и чистую любовь к людям, ни разу не поколебавшись ни в своем жизнелюбии, ни в своей вере в будущее, к которому он считал себя приобщившимся в нашей стране.

В своей бессмертной книге «Репортаж с петлей на шее» он сказал о себе с точностью, которая не далась бы другому: «Я любил жизнь и за ее красоту шел в бой. Я любил вас, люди, был счастлив, когда вы платили мне взаимностью, и страдал, когда вы меня не понимали... Я жил для радости, умираю за радость, и было бы несправедливо поставить на моей могиле ангела скорби».

Недаром к его книге, как к живому источнику мужества, прикасаются сердца людей, идущих на борьбу против войны и фашизма, за мир в солнечном мире.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами. Ташкент, 1971, с. 111—134

З. ФАТХУЛЛИН

ФУЧИК С НАМИ!

Нет большей радости, чем встреча с другом.

Я почувствовал это, когда увидел человека рослого, смуглого, с умным взглядом и мягкой улыбкой. Это был чехословацкий журналист Юлиус Фучик, который пришел в редакцию журнала «Литературный Узбекистан» побеседовать с группой узбекских писателей.

На встрече за чашкой чая состоялся оживленный разговор об узбекской литературе, в котором приняли участие писатели, журналисты, работники театра, кино и наши гости. Помнится, с каким вниманием Фучик слушал рассказ заместителя редактора журнала «Литературный Узбекистан» Бродского о состоянии узбекской литературы.

Умарджан Исмаилов и я рассказали нашим гостям об узбекском театре, молодой узбекской драматургии и о своей работе над новыми пьесами.

Фучик вел себя необычайно просто и непринужденно, благодаря чему встреча сразу же превратилась в откровенную беседу друзей. Фучик задавал много вопросов, сам отвечал на встречные, вступал в полемику с выступавшими, охотно высказывал свои соображения, что-то одобрял, что-то оспаривал, в чем-то сомневался. Но все — откровенно.

Поделился Фучик и своими творческими планами и впечатлениями от знакомства с Узбекистаном. Свою третью поездку в нашу республику Фучик связывал со сбором материалов для книги очерков о социалистическом строительстве в республиках Средней Азии — бывших царских колониях и для романа о чехословацком кооперативе «Интергельпо», работающем в Киргизии.

Касаясь впечатлений об Узбекистане, Фучик с большим удовлетворением отметил, что республика растет необычайно быстро, ее облик меняется не по дням, а по часам.

— Последний раз я был здесь десять месяцев тому назад,— сказал Фучик.— Срок, в сущности, незначительный. Но и за этот короткий срок произошли замечательные и огромные изменения. В декабре 1934 года, на текстильном комбинате в Ташкенте я познакомился с комсомолкой. Это была очень застенчивая, робкая девушка. А вот теперь на съезде девушек Узбекистана мне представили одну из лучших парашютисток республики. Это была живая, энергичная, остроумная девушка с большой широтой взглядов на жизнь. А оказалось, что это одна и та же девушка — комсомолка Бибиниса Балтабаева. Вот как духовно вырос, неузнаваемо изменился человек за десять месяцев!

Фучик рассказал, какое неотразимое впечатление произвели на него изменения в размахе работ на Чирчикстрое и все расширяющаяся забота о советском человеке.

За свою долгую жизнь я встречался со многими людьми необычайных судеб и биографий, которые до сих пор хранятся в моей памяти и сердце. И одной из самых ярких и незабываемых встреч осталась эта встреча с Юлиусом Фучиком.

Кто мог подумать тогда, что в этом скромном человеке кроется безграничная воля, побеждающая смерть, что в груди его бьется большое мужественное сердце, выдержавшее все муки и страдания, какие только могли придумать враги света и свободы!

Но и тогда с глубоким волнением мы слушали слова дорогого гостя и запомнили их навсегда.

— Будет время,— говорил Юлиус Фучик,— когда высокие горы Чехословакии и Узбекистана будут приветствовать друг друга — «Салам алейкум!» Придет время, когда наши народы крепко обнимутся, как братья, идущие по пути, озаренному светом марксизма-ленинизма. Радостная дружба между ними будет нерушима вовеки.

В 1935 году Фучик приезжал в Ташкент уже в третий раз, и встретили его здесь, как близкого своего человека.

Он бывал всюду — на заводах, в парках, шагал по цветущим хлопковым полям, отдыхал в тени густых карагачей, взбирался на горы. И всюду он искал встреч с людьми, заводил с ними разговоры, слушал песни и тоже напевал: «Сам я хожу повсюду, а сердце мое с тобой». Часто Фучик пил зеленый чай в чайхане, беседовал с мудрыми стариками, которые разговаривали с ним без стеснения, как с давно знакомым человеком.

— Мы рады, что вы опять здесь,— сказал один из стариков.

— Ведь есть пословица,— улыбнулся Фучик,— кто выпьет воды горного Чирчика, тот снова приедет в Ташкент! И я верю: придет время, если уже не вы, дорогие отцы, то ваши дети обязательно навестят и мой родной край. Наши люди гостеприимны, как вы. Никакие горы, никакая бесконечная даль не помешает нам поделиться счастьем и печалью, сказать: «Приезжай, друг, жду. До свидания, но не прощай...»

В первые дни после приезда Фучик побывал на чирчикском строительстве — не только как наблюдатель. Одевшись в рабочий костюм, он принимал горячее участие в строительстве электрохимкомбината.

— Не затрудняйте себя, товарищ Фучик! — сказал один из рабочих.

— Это же наше общее дело,— возразил Фучик.— Придет время, и мой народ будет пользоваться продукцией этого комбината!

После этих незабываемых встреч прошло не больше двадцати лет, и мечты Юлиуса Фучика сбылись.

Когда Фучик находился в фашистском застенке, истязаемый гестаповцами, миллионы его советских друзей сражались с фашистской ордой и вместе с сияющим солнцем шли к Судетским горам.

В составе многонациональной Советской Армии были и лучшие сыны узбекского народа — танкист Нугман Гуля-

мов, артиллеристы Тагиров и Маматкул Мустафаев, минометчик Худайкулов, летчик Ишанкулов, пулеметчик Мамедов, связист Бабаджанов и многие другие. Они стремились к столице Чехословакии — Златой Праге.

...Шли ожесточенные бои у небольшой железнодорожной станции. В этом бою пал смертью храбрых гвардии лейтенант Георгий Самохвалов, гвардии сержант Борис Бродов, сгорел в танке мой земляк гвардии младший лейтенант Джура Султанов.

Советские воины погибли за великую Советскую отчизну, за свободу Карпатских гор, за свободу братской Чехословакии. Этой борьбе посвятил всю свою жизнь Юлиус Фучик.

Горячая схватка на берегу реки Влтавы к утру 9 мая 1945 г. закончилась очищением многострадальной Праги от фашистских захватчиков. Бои постепенно удалялись, доносились только отдельные выстрелы и взрывы.

Вот наконец непокоренная Злата Прага — родина Юлиуса Фучика. После тяжких боев она, облегченно вздохнув, затихла. На улицах города подул свежий ветер — как бы для того, чтобы проветрить его после фашистской мрази. Вот уже над высокими зданиями Праги свободно развеваются чехословацкие национальные флаги. Их озаряет своими золотыми лучами восходящее солнце. Улицы одеты в праздничный наряд. То там, то тут загремели боевые песни — песни борьбы и свободы. Улицы начали наполняться празднично одетыми людьми. Их становилось все больше и больше, и наконец улицы, площади и бульвары не могли вместить в себя весь этот людской поток. Они стремились на главную магистраль, чтобы достойно встретить советских воинов-победителей, бойцов Чехословацкого корпуса и местных боевых партизанских отрядов. Словно дрожала земля от людского потока, не было предела их восторгам и радости. Прага в эту минуту стала действительно подлинным источником народной радости и счастья.

Шли танки, броня которых еще не успела остыть, накаленная в ожесточенных боях с противником. Шли самоходные орудия, «катюши», машины с минометами, затем пехотинцы и партизанские отряды. Они двигались словно по людской волне. Встречающие пражане махали руками, вырываясь из толпы, бросались к советским бойцам, обнимали их, целовали, забрасывали цветами так, что танки стали похожи на движущиеся клумбы.

Но среди них не было Фучика. Он не смог встретить у себя на родине бойцов, освободителей его родины, но их встретил весь народ Чехословакии, верным сыном которой был Юлиус Фучик.

О, если бы тогда рядом со мной стоял мой друг Юлиус Фучик и увидел, как в первый раз и навсегда над его родной Прагой засияло солнце свободы, за которую он отдал свою жизнь, заслужив бессмертие в памяти народной...

Прошли годы... Но Фучик жив. Его большое сердце бьется в сердце каждого, кто борется за светлый мир, за счастливое будущее человечества. Живы высокие мысли героя. Он твердо шагает в нашем строю, как солдат революции, как победитель.

После войны наш Узбекистан посетило немало делегаций из Чехословакии. Наши гости ходили по следам героя, восхищаясь тем, что создано в Узбекистане при Советской власти.

Когда я вижу вереницы вагонов, груженных сельхозмашинами, приборами,— продукцией промышленного Чирчика, направляющиеся в Чехословакию, вижу электровозы в Алмалыке, изготовленные руками чехословацких рабочих, я снова вспоминаю нашего дорогого Фучика и его слова: «Никакие горы, никакая бесконечная даль не помешает нам поделиться счастьем и печалью, сказать: «Приезжай, друг, жду. До свидания, но не прощай!»

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами. Ташкент, 1971, с. 135—140

А. БОЧКАРЕВ

ЮЛИУС ФУЧИК НА ЧИРЧИКСТРОЕ

Первая встреча и мое знакомство с Юлиусом Фучиком состоялись в декабре 1934 года в вагоне скорого поезда Москва — Ташкент. Пять дней пути нас сблизили, и по приезде в Ташкент мы отправились на мою квартиру и в течение всего месяца его пребывания в Узбекистане были почти неразлучны.

Осенью 1935 года, после завершения работы VII Конгресса Коминтерна, Юлек снова приехал в Среднюю Азию и пробыл у нас до января 1936 года. Наша дружба еще больше окрепла. Встречались мы с ним и в Москве, когда доводилось там бывать в командировках.

Здесь, в Средней Азии, мне посчастливилось вместе с этим крепким молодым человеком, пытливым и любознательным журналистом-коммунистом, побывать во многих интересовавших его районах нашего края, на предприятиях, в колхозах, совхозах, в научных и культурно-просветительных учреждениях. Спали с ним на одной койке, укрывались моей старой шинелью, по очереди ели из одной тарелки, пили чай из одной пиалы. Колесили пешком, ездили на попутных грузовиках, тряслись на арбе, покачивались верхом на верблюде, семенили на ишаках, карабкались по головокружительным и труднодоступным, почти непроходимым кручам горных хребтов, скакали на лихих киргизских скакунах по широким просторам лугов Алайской долины, слушали устрашающее завывание ветра — улана — в Боамском ущелье, проезжали по самой кромке бездонного провала на «повороте смерти» тракта Ош — Хорог, закрыв глаза переползали по ветхим раскачивающимся веревочным «мостикам» через горные пропасти.

Фучик хотел быть везде, где свершались трудовые подвиги, где решались судьбы строительства социализма, где проявлялись воля, энергия, талант свободного народа.

Все время он был в работе, в движении, в поиске. Вставал рано утром, до поздней ночи не знал покоя, казалось, не испытывал усталости. Склонившись над книгой, зачитывался за полночь. Вел задушевные разговоры с рабочими, колхозниками, строителями, журналистами, красноармейцами, писателями, парашютистками, деятелями искусства и школьниками, с ветеранами революции и учеными.

Переполненный впечатлениями дня, утомленный, запыленный, нередко заляпанный грязью, он поздно вечером садился заполнять блокноты, ходил по комнате, курил одну за другой папиросы «Пушка», расчесывал пятерней густые курчавые волосы, перебирал записные книжки, перелистывал их, на чем-то задерживался, делал пометки, записи. Его почти всегда принимали за вездесущего советского журналиста, а не за иностранца. Да и сам он никогда не считал себя иностранцем в нашей стране. Он жил нашими планами, нашими радостями и огорчениями. Не переставал поражаться большим изменениям, которые так быстро происходили в СССР.

— Главное в этих изменениях,— отмечал Фучик,— заключается не только в асфальте новых улиц, в новых домах — хотя все это грандиозно, важно и хорошо! — но это лишь внешняя сторона тех перемен, которые затронули самые основы жизни и уже сегодня ощутимы на каждом шагу. Главное все-таки в том, что изменяется положение человека, изменяются человеческие отношения, вырастает Человек с большой буквы.

Фучик ничем не отделял себя от советских людей. Приехав в колхоз с тюбетейкой на голове, он подвязывал фартук сборщика хлопка и отправлялся в поле, с аппетитом маленькими глотками пил зеленый чай и целый день, не раз-

гибая спины, под палящими лучами солнца вместе с колхозниками собирал хлопок. Смуглый, загорелый, он даже внешне был похож на местного жителя, чем неизменно гордился. В короткие перерывы вместе со сборщиками садился в тени деревьев и с наслаждением ел узбекские блюда, которые очень любил, отвечал охотно на вопросы колхозников о жизни в капиталистических условиях, о перспективах революционной борьбы мирового пролетариата.

Очень ясно запомнилась наша первая встреча.

...Раннее морозное утро. Поезд Москва — Ташкент. В вагоне наглухо закрыты все двери купе. Но одному из пассажиров, видимо, не спится. Он стоит в проходе вагона и смотрит в покрытое изморозью окно. Высокий, широкий в плечах, с темными вьющимися волосами, открытым и приветливым лицом, с папиросой в зубах, он весь находится во власти радостного созерцания. Большие, лучистые, мечтательно-задумчивые глаза пассажира привлекают; примечательны и его спокойная пластичность движений, ласковая, веселая улыбка...

— Откуда — это я догадываюсь. Но куда и надолго ли из Москвы? — с мягким акцентом, медленно выговаривая русские слова, обращается он ко мне.— В Ташкент?! И житель ташкентский? Хорошо! Значит, мы попутчики, как говорят, от старта до финиша.

Пассажир представляется: корреспондент газеты чехословацких коммунистов «Руде право» Юлиус Фучик.

Узнав, что я тоже журналист, работник комсомольской газеты, мой собеседник еще больше оживился.

— Да мы не просто попутчики. Мы соратники по профессии. Ведь журналистика, пожалуй, самая беспокойная профессия на свете. Эта неугомонная особа и увлекла меня в такое далекое и, надо полагать, интересное путешествие. Кстати,— продолжает собеседник,— я ведь не первый раз езжу по вашим краям. Я у вас был четыре года назад с чехословацкой рабочей делегацией. Поездка произвела на

всех нас огромное впечатление. Не буду скрывать, я влюбился в Среднюю Азию, в ваших людей, в ваше благодатное солнце. И теперь еду.

С дотошностью настоящего журналиста расспрашивал Фучик об урожае хлопка, о внедрении современной сельскохозяйственной техники и распространении агротехнических знаний среди колхозной молодежи, о строительстве новых гидростанций и заводов, об издании книг для малограмотных, об открытии новых общеобразовательных школ, техникумов, внедрении новых способов полива хлопчатника, повышающих его урожай и экономящих воду.

Полный огромных впечатлений о республиках Средней Азии, Фучик поздно вечером начинал подробнейшим образом обсуждать и записывать наиболее значительное из увиденного им в течение дня.

Пожалуй, трудно найти такую область деятельности советских людей, которая бы не привлекала внимания пытливого Юлиуса Фучика. Особенно он интересовался переменами, происшедшими в Узбекистане после его первого приезда сюда.

— На Чирчикстрое возводится азотно-туковый комбинат, который будет вырабатывать в день сорок вагонов удобрений. Началось сооружение гидростанции, головной плотины, которая перекроет русло реки Чирчик, заложен социалистический город! Нам, журналистам-коммунистам, надо это пропагандировать, поэтому от слов — к делу, скорей на площадку Чирчикстроя — флагмана социализма на Советском Востоке!

...Нам повезло. Через полчаса нашего пути мы уже сидели на заиндевевшем арматурном железе в кузове грузовой автомашины. Железные прутья с грохотом подпрыгивали на ухабах разбитого тракта, а из-под колес разлетались грязные брызги.

Фучика не смущает такой способ передвижения. Он продолжает шутить.

— Ты знаешь, нам надо попасть на Чирчикстрой. Мы едем на автомашине, а это лучше, чем шлепать по грязи пешком. А уж если говорить о пользе, то не будь на дороге этих ухабов, мы бы вконец замерзли.

...Нам предстоит осмотреть всю стройку, раскинувшуюся более чем на двадцать пять километров по правому берегу реки Чирчик.

Во всей красе трудовая панорама стройки открылась, когда мы приблизились к головному узлу, расположенному в пустынной котловине реки, недалеко от кишлака Газалкент.

Стройка Фучика поглотила всерьез и надолго. Он быстро сходился с людьми, ничем не выделяя себя, не отвлекая их внимания расспросами. Галстук и блокнот — в карман, ворот рубахи расстегнут. Внимательно прислушивается к разговорам строителей, возникавшим между ними спорам, запоминает, примечает интересных людей. Некоторые десятники и рабочие нередко принимали его за представителя управления строительством, обращались с вопросами и предложениями, с требованиями.

Он всех внимательно выслушивает, а затем сам переходит к вопросам. По обыкновению, в конце такой беседы все весело улыбались друг другу.

— Я это все мотаю на ус,— говорил в таких случаях довольный Фучик,— учусь искусству вгрызания в дела стройки, в курс ее повседневных дел, нужд, радостей, учусь понимать созидательные порывы строителей, мир их чаяний и сокровенных устремлений.

Почти никого не смущал легкий иностранный акцент этого завсегдатая стройки. Да это и неудивительно. Ведь на стройке работали люди самых различных национальностей. В многоязычном говоре тысяч строителей не приходило никому в голову принимать его за иностранца.

Наш график знакомств с Узбекистаном, который мы с такой тщательностью и спорами составили, полетел к чер-

тям, как шутя заявил Фучик. В первый же день знакомства с Чирчикстроем, в конце дня, он заявил, что ни сегодня, ни завтра отсюда он не уедет, пробудет здесь столько, сколько потребуется, чтобы хорошо узнать всю стройку, внимательно познакомиться со строителями. Даже если для этого придется кое-что вычеркнуть из его графика. Ведь наш приезд — это всего только первое знакомство с этим уникальным гигантом индустрии на Советском Востоке.

...Стройку Фучик знал хорошо. Об этом можно судить хотя бы по такому факту. Однажды, случайно встретившись на стройплощадке с приехавшим из Москвы представителем организации, которой подчинялся Чирчикстрой, Фучик терпеливо и подробно ознакомил его со всеми объектами. В конце беседы представитель поинтересовался должностью, которую занимает его осведомленный собеседник, и, растерявшись, долго не мог поверить, что имел дело с иностранным корреспондентом.

Для многих строителей Фучик быстро стал своим человеком, своим парнем, с которым они встречались запросто и на строительной площадке, и во время перекура, в обеденный перерыв, в общежитии молодежи, где вместе мечтали о будущем.

Вспоминается такой интересный случай. Как-то вечером Фучик пешком направился с площадки строительства в комсомольский поселок.

Ребята с нескрываемой радостью и гордостью показывали построенное ими в нерабочее время здание, в котором разместилось общежитие, а главное — первый и пока единственный на стройке молодежный клуб имени Маркина, гордость чирчикстроевской комсомолии.

...В большой светлой комнате, которую занимали юноши, они показали гостю предмет своей гордости — тридцать

железных коек и пятнадцать выкрашенных в голубой цвет тумбочек с зеркалами.

В наше время это показалось бы странным. Нашли, мол, чем хвалиться! Но вспомните те дни. С трудом налаживали свой быт тогда чиркикстроевцы. Койки, тумбочки, зеркала ребята получили как премию за строительство жилья. Ну как им было не гордиться!

На столе появились алюминиевые кружки с горячим чаем, ломти черного хлеба, соль, соленые помидоры с только что отваренной, излучающей клубы аппетитного пара картошкой.

— Это все свое, комсомольское,— поясняют ребята.— Ведь мы завели свой огород и сами выращиваем картофель и овощи.

Фучик внимательно слушает рассказы сбившихся вокруг него строителей, чистит обжигающую руки картошку, макает ее в соль, берет ломоть хлеба и с аппетитом ест.

Юлиус оживлен, счастлив. Он шутит, его заразительный звонкий смех весело подхватывают окружающие, не чувствуется никакой скованности, взаимные вопросы следуют один за другим. Идет дружеская беседа...

Кто-то предлагает пригласить на беседу и девчат. Принимается решение перейти за перегородку, в клуб. Шумной гурьбой появляются девушки. Но прежде чем продолжить беседу, девушки настаивают, чтобы гость посетил ту часть барака, которую занимают они, и как беспристрастный арбитр решил, какая из соревнующихся сторон лучше и опрятнее организует свой быт.

Завязывается непринужденный разговор о быте и морали строителей социализма, о красоте жизни и труда, о социалистической свободе и капиталистическом рабстве, о положении молодежи и перспективах ее жизни в нашей стране и в мире капитала.

Фучик долго не мог уснуть.

— Знаешь,— шепчет он на ухо, чтобы не потревожить быстро уснувших ребят,— как бы я хотел, чтобы наши чехословацкие парни и девушки имели возможность услышать весь этот разговор и споры, быть участниками подобной встречи с советской молодежью.

Фучик любил, очень любил людей. Он знал в лицо многих строителей, их скромные биографии, интересы.

Случалось так, что Фучик и сам становился строителем. Затормозилась подвозка гравия — поставлен под угрозу основной фронт строительства, бетонные работы. Узнав об этом, Фучик спрятал блокнот в карман, взял в руки молоток и вместе с комсомольцами стройки стал сколачивать тачки для доставки гравия. Он и себе сработал тачку, а затем отправился с ней в карьер.

Вечером Юлиус учил новичков делать тачки. И здесь не обошлось без шуток. Добровольный инструктор показывал, как лучше бить молотком по гвоздю, чтобы он быстрее вошел в древесину и не согнулся, а затем демонстрировал свои до крови избитые утром пальцы (ведь он только утром научился плотничать) и со смехом показывал, как ему удалось достичь такого «результата».

— Смотрите на мои ладони,— посмеивался Фучик.— Это от неумения. Теперь я знаю, как катить тачку, чтобы экономить силы. Вот смотрите...

И показал нехитрые, но нужные людям приемы работы.

Как-то Фучик узнал, что молодежная бригада штукатуров комсомольца Сайфи Сахатова за ударную работу премирована патефоном. Их настроение, видимо, Фучик хорошо понимал.

— Из ребят этой бригады выйдет толк. Они говорили, что надо бы для них организовать вечерний рабфак. Я верю, что пройдет немного времени и многие из них получат образование, станут прорабами, техниками, инженерами на других, вот таких же стройках.

Затем он подходит к столу, садится, берет карандаш и блокнот и, прежде чем сделать запись, как бы про себя формулирует мысль: «Рабочие, особенно молодежь, рвутся не только к труду, но и к знаниям. Страна Советов все больше и больше вооружается техникой. Следовательно, нужны все новые и новые кадры знатоков техники, большевики должны овладеть техникой, а без специальных знаний с техникой не управиться. Надо упорно и настойчиво учиться, приобретать специальности. И советские люди хорошо это понимают».

— После сахатовцев,— продолжает рассказ Фучик,— я зашел в бригаду экскаваторщиков. Там тот же разговор: надо учиться. Бригадир говорит, что он освоил экскаватор практически еще на строительстве Днепрогэса. Но его — коммуниста, рабочего человека, выведшего бригаду в число передовых, всех его товарищей не устраивает достигнутое. Эти люди смотрят в завтра.

Торжественно и взволнованно прошло прощание с Фучиком перед его отъездом на родину. Растроганный теплыми проводами, Фучик подошел к бригадиру землекопов, по-братски, крепко обнял его.

— Позвольте, дорогие друзья, на прощание сказать несколько слов, которые рвутся из самой глубины моего сердца... Я имел возможность своими глазами увидеть колоссальный политический и экономический рост вашего солнечного края, возрожденного Октябрем 1917 года. Я искренне завидую вам. Завидую тому, что вам выпало первым в мире проложить дорогу в социализм. Как это прекрасно, какое это великое счастье быть первым строителем первого в мире свободного государства рабочих и крестьян! Новых успехов вам, дорогие чирчикстроевцы, все советские люди.

...Чирчикстрой Фучик не отделял и не выделял среди других крупнейших строек страны, которые тогда осуществлялись по планам первых советских пятилеток. Он от-

мечал, что именно эти и им подобные советские стройки определяют бурные темпы роста нашей страны, что невиданные темпы выражают жизненную потребность каждого советского человека, который осознал, что настоящая счастливая жизнь может быть только делом его собственных рук, поэтому только пролетариат, строящий социализм, рождает массовый трудовой героизм.

— Величие и простота,— замечал Фучик,— на первый взгляд кажутся полярными, отстоящими друг от друга на несмыкаемом расстоянии. Но применительно к советским людям они не только соседствуют, а даже органически сливаются, дополняют друг друга, вытекают один из другого. Советский человек мне представляется великим прежде всего пониманием высокого назначения дела — строительства социализма, которым он занят, и сознанием того, что его деятельность имеет прямое отношение к тому, что происходит во всем мире. Поэтому он так смело смотрит на жизнь, на самого себя. В нем нет чувства беспомощности, затерянности, приниженности. Простота же советского человека, я бы сказал точнее: величественная простота, как мне кажется, состоит именно в том, что любовь, которую он вкладывает в свой сознательный труд, труд свободных народов, является самой могучей силой на земле, которая способна подчинить себе все силы природы, использовать ее богатства, утвердить во всем мире Свободу, Равенство, Братство, Счастье.

Н. БОБКОВА

ОН ЛЮБИЛ ВАС!

На заре, когда восходит солнце, возвещая людям начало нового дня, новые радости жизни, они его убили.

Но мы помним завет Юлиуса Фучика о том, что «обя-

занность быть человеком не кончается вместе с теперешней войной, и для выполнения этой обязанности потребуется героическое сердце, пока все люди станут людьми».

С особым чувством вспоминают о Фучике труженики Узбекистана. Много дней провел он в нашей республике, со многими подружился, написал много теплых волнующих страниц об Узбекистане и его людях.

...Октябрь 1935 года. В зале заседаний Центрального Исполнительного Комитета Узбекской ССР проходит первый съезд женской молодежи республики. Делегатки съехались со всех концов солнечного Узбекистана. Среди них была и наша группа первых девушек-парашютисток республики.

Были на съезде представители других братских республик и даже из-за рубежа.

Мое внимание привлек высокий, стройный и очень подвижный молодой иностранец, который все время о чем-то разговаривал с работником нашей комсомольской газеты А. Бочкаревым. Мои подруги-парашютистки спросили его об этом иностранце.

— Это чехословацкий коммунист. Познакомьтесь, девушки, с Юлиусом Фучиком — корреспондентом газеты «Руде право».

Фучик пожал нам руки и сказал, что рад познакомиться с воздушными смельчаками в голубых комбинезонах. Он весело и приветливо улыбался, задавал вопросы, шутил, и мы уже не испытывали стеснения.

Я тогда работала в пионерском отделе горкома комсомола, и Фучик очень интересовался, как проводят пионерские сборы. Он хотел знать все подробности нашей жизни и работы.

— Товарищ Фучик,— обратился к нему югославский журналист,— ты не забыл, что запланировал на сегодня поездку на Чирчикстрой?

— О, в долину чудес Узбекистана! — улыбнулся Фучик.— Ты знаешь, если ты напишешь об этих парашютистках в своем журнале, тираж его сразу удвоится. Стоит ради этого задержаться еще на полчаса.

В 1935 году Фучик долго жил в Узбекистане. Мне довелось с ним много раз встречаться.

Я не раз замечала, как после очередной беседы Фучик садился за машинку и быстро писал. Память у него была исключительная. Имена, названия улиц, районов, события и факты — все умещалось в его голове.

Как только у Фучика появлялось свободное время, он просил поехать с ним по Ташкенту, чтобы лучше познакомиться с полюбившимся ему городом. Особенно влек его Октябрьский район.

Помню, в один из выходных дней рано утром Фучик пришел ко мне на квартиру, чтобы вместе поехать купить тюбетейку для Густы — его жены. Я охотно согласилась, и мы очень интересно провели день. Фучик потом часто смеялся, что ему нужно только в Узбекистане прожить не менее трех жизней, чтобы приобрести по одному образцу чудесных изделий народных узбекских умельцев. «Ведь на покупку только одной тюбетейки едва хватило дня»,— шутил он, вспоминая эту поездку.

А однажды мне в шутку досталось от него. Случилось это так. Мой муж в одну из поездок с Фучиком купил чудесный парчовый золотошвейный халат работы узбекских мастеров. Я наотрез отказалась от подарка, поссорилась с мужем, обвинив его в «измене классовому чутью». Когда об этом узнал Фучик, он мгновенно превратил этот инцидент в веселую шутку. Спустя более двадцати лет после этого случая, в 1958 году, в Ташкент впервые приехала Густина Фучикова. Я ей рассказала этот эпизод и попросила принять халат как памятный дар.

Помнится мне тактичная настойчивость Фучика, приучавшего своего друга А. Бочкарева носить сорочки вместо

гимнастерки защитного цвета и галстук, не относя его к «категории буржуазного перерождения». Собираясь в Таджикистан, Фучик пригласил нас в гостиницу, чтобы помочь собрать его вещи и попрощаться. Уложен чемодан, собраны блокноты, записные книжки. Но вот беда, заявляет Фучик: в чемодан не вмещается все его белье. Он просит Бочкарева взять его сорочки.

А спустя несколько минут Фучик вдруг заявляет об исчезновении его галстука, да еще самого любимого. Мы все приступаем к розыскам, которые, увы, не дают результатов. Фучик делает вид, что серьезно озабочен поисками исчезнувшего галстука, и даже обращается к пришедшей официантке с просьбой проверить, не поджарил ли по ошибке повар галстук вместо языка. И только на вокзале, когда поезд тронулся, все разъяснилось. Высунувшись из окна, Фучик крикнул, что мы позабыли обыскать карманы шинели Бочкарева.

— Вполне может быть,— смеясь, кричит Фучик,— что это не просто акт кражи, но и принципиальный пересмотр позиции в отношении к галстуку вообще в период строительства социализма.

Бочкарев достает из кармана галстук и грозит вслед удаляющемуся Фучику, а тот хохочет.

Всегда с волнением вспоминаю я дни, проведенные с Юлиусом Фучиком, имя которого стало символом мужества, стойкости, подвига во имя счастья всех людей земли. Нет его сегодня среди нас. Но отрадно сознавать, что советские люди, которых он так любил, верны его любви.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами, Ташкент, 1971, с. 141—144

Р. МАРЕЧЕК

ПИК ИМЕНИ ЮЛИУСА ФУЧИКА

Впервые я встретился с Юлиусом Фучиком в редакции газеты «Руде право» в 1925 году в Праге. Он был тогда еще совсем молодым человеком — ему исполнилось двадцать два года, но он уже активно сотрудничал в этой газете и одновременно учился в Пражском университете.

В газете «Руде право» была напечатана статья о предстоящем отъезде из Чехословакии в далекую Киргизию первого транспорта промышленного кооператива чехословацких рабочих «Интергельпо». Этот кооператив организовался в ответ на призыв Владимира Ильича Ленина к пролетариату всех стран о международной рабочей и технической помощи молодой Советской России. Фучик проявил огромный интерес к этому отъезду и откровенно высказывал зависть к счастью тех, кто едет в страну строящегося социализма.

— Я с радостью поехал бы с вами,— сказал он,— но сейчас не имею такой возможности.

Узнав, что мне приходилось уже бывать в советской Средней Азии, он попросил рассказать подробно про Киргизию. Я показал ему на карте СССР Среднюю Азию, озеро Иссык-Куль, города Ташкент, Алма-Ату и Пишпек, ныне город Фрунзе, куда ехали наши соотечественники.

Я подробно рассказал Фучику про горную Киргизию, про ее прекрасный теплый климат, о ее орошаемых долинах, о ее реках, берущих начало в снегах и ледниках, о несметных природных богатствах этой страны. Я рассказал ему о том, как приехал в Среднюю Азию еще в 1917 году, о своем участии в гражданской войне за установление там Советской власти.

— Я обязательно приеду в эту страну,— сказал он тогда.

Двадцать девятого марта 1925 года, под звуки духового оркестра, игравшего «Интернационал», при стечении огромного количества провожающих, поезд с первым транспортом рабочих, с машинами и фабричным оборудованием промысловой кооперации «Интергельпо» тронулся со станции Жилина в Словакии в дальний путь — в Советскую Киргизию.

Юлиус Фучик был в числе провожавших. Он пожелал отъезжающим самых добрых успехов и заверил, что непременно посетит их на новом месте жительства и работы, в стране, освободившейся от эксплуатации.

Двадцать четвертого апреля эшелон прибыл на станцию Пишпек, украшенную красными флагами.

За первым транспортом вскоре последовали еще четыре. Всего приехало свыше тысячи человек. Прибывшие чехословацкие рабочие построили в голой степи близ Пишпека жилые дома, а затем механический, ныне машиностроительный, завод имени Фрунзе, моторемонтный завод, литейный и кожевенный заводы, суконную, текстильную и мебельную фабрики. Они создали также артель, преобразованную в дальнейшем в швейную, а затем в трикотажную фабрику.

Прошло пять лет. Юлиус Фучик сдержал слово. Он приехал в 1930 году во главе чехословацкой рабочей делегации в город Фрунзе, чтобы удостовериться в том, как его земляки сдержали слово, данное ими Коммунистической партии Чехословакии.

Во Фрунзе делегацию радушно встретили рабочие «Интергельпо». Фучик вместе с членами делегации подробно знакомился не только с жизнью коллектива «Интергельпо», но и трудящихся Советской Киргизии. Все увиденное произвело на него огромное впечатление. Об этом он взволнованно и ярко рассказал в написанной им после

поездки книге «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем», посвятив ее товарищам из коммуны «Интергельпо» и городу Фрунзе.

В апреле 1935 года чехословацкая промысловая артель «Интергельпо» готовилась торжественно отметить десятилетний юбилей своей трудовой деятельности в городе Фрунзе.

Коммунистическая партия Чехословакии направила в Киргизию своим представителем Юлиуса Фучика для участия в торжествах. Рабочие «Интергельпо» и трудящиеся Фрунзе встретили его как своего старого друга.

В статье, написанной в те дни для коммунистической прессы Чехословакии, Фучик отмечал: «Я видел воочию, что на месте голой степи, где в 1925 году паслись верблюды, теперь, спустя десять лет, в 1935 году, дымят заводы и фабрики, стоят окутанные зеленью садов улицы, состоящие из четырехквартирных электрифицированных, радиофицированных и снабженных отличным водопроводом коттеджей, культурного рабочего городка «Интергельпо».

В «Интергельпо», в котором представлено семнадцать различных наций, я не встретил шовинистических и местнонационалистических настроений. Здесь культивируется настоящий пролетарский интернационализм.

Я горжусь тем, что чехословацкие рабочие создали здесь в миниатюре прототип будущей социалистической Чехословакии».

В то время я занимал должность начальника сектора эксплуатации ирригационных систем Кирводхоза. Юлиус Фучик заинтересовался оросительными системами Средней Азии, которые превращали пустыни и сухостепи в зеленые хлопковые поля, приносящие богатые урожаи. Он восхищался тем, что его земляки чехи и словаки занялись в Киргизии не только строительством промышленных предприятий, но и сельским хозяйством и стали выращивать сахарную свеклу из семян, привезенных с полей родной Моравии.

Я ездил с Юлиусом Фучиком на Краснореченскую ирригационную систему, на знаменитую Чумышскую плотину на реке Чу, на Чуйский оросительный канал. Фучик побывал также на полях многих колхозов Фрунзенской области и у пастухов в горах Тянь-Шаня. Мы были с Фучиком и в Боамском ущелье, где прокладывалась шоссейная дорога в глубь Тянь-Шаня.

Юлиус Фучик гостил в нашей семье. Он с удовольствием ел «настоящие чешские бухты», за которые щедро награждал похвалами мою супругу.

В интервалах между работой, за стаканом чая, пели наши чешские и словацкие народные песни, которые мы оба очень любили. Затем он принимался подробнейшим образом расспрашивать меня о гражданской войне в Средней Азии, о моем участии в ней. Его особенно заинтересовала оборона города Верного (ныне город Алма-Ата), который в апреле — мае 1918 года находился в белоказачьей блокаде. Я ему даже составил схему этой обороны, которую он взял с собой. В 1956 году, когда я был в Праге, Густа Фучикова показала мне эту схему, которую ей удалось сохранить. Фучик все время подчеркивал, что работа «Интергельпо» достойна того, чтобы о ней узнали все трудящиеся, и поэтому он хочет написать о нем роман.

Трудящиеся Киргизии, как и все народы нашей страны, глубоко чтут память своего искреннего друга и брата, почетного члена Фрунзенского городского Совета и почетного воина киргизской кавалерийской дивизии — Юлиуса Фучика. Его имя присвоено улицам и паркам, его имя сияет с горной вершины высотой 4010 метров, носящей его имя. Об этом мне хочется рассказать подробнее, поскольку здесь больше всего раскрывается глубокая и беспредельная любовь нашей молодежи к имени Юлиуса Фучика.

В 1948 году Густа Фучикова прислала в город Пржевальск книгу Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее». Киргизская молодежь решила увековечить память

Фучика и под моим руководством совершила восхождение на одну из безымянных вершин хребта Терске-Алатоо, которая маячит на южном горизонте неба над городом Пржевальском. Двадцать третьего июля 1948 года мы штурмовали эту вершину, назвали ее пиком имени Юлиуса Фучика, а на макушке, на высоте 4010 метров, установили вымпел с его бессмертными словами: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

С тех пор на этой вершине побывало много альпинистов, в том числе и земляков Юлиуса Фучика. Побывала у нас в Пржевальске в 1958 году и Густина Фучикова.

Восхождение на пик имени Юлиуса Фучика, ставшее традиционным, нельзя рассматривать как увеселительную прогулку. Каждое восхождение испытывает и закаляет характер молодежи, участвующей в таких восхождениях. Приведу один пример.

Пржевальская секция альпинистов Киргизского спортивного общества «Алга» решила совершить восхождение на пик имени Фучика в ознаменование 17-й годовщины со дня гибели национального героя чехословацкого народа.

Участники похода несли на вершину мемориальную доску из железобетона с барельефом Юлиуса Фучика.

В полдень мы забрались на вершину. В туре нашли жестяную банку, из которой извлекли аккуратно свернутый красный вымпел и записку. На вымпеле на чешском языке написано: «Союз чехословацко-советской дружбы. Прага — Жижков. К 15-й годовщине казни Юлиуса Фучика. Никогда не забудем!»

Этот вымпел в 1958 году привезла из Праги секретарь Жижковского отделения чехословацко-советской дружбы, которая тогда вместе с группой альпинистов Челябинского политехнического института под руководством В. Перетятько поднималась на вершину.

Отдохнув, мы принялись за установление мемориальной доски, которую примуровали к скале. Закончив эту

работу, я собирался написать торжественную записку. И вдруг загремел гром. С запада от берегов Иссык-Куля с невероятной быстротой на нас надвигалась черная туча, из которой тут же посыпал снег. Засверкала молния. Казалось, что вся вершина горы охвачена огнем. Стоявшая выше всех К. Суворова неожиданно вскрикнула от боли и сорвала с головы свою белую войлочную шляпу. И мы все почувствовали, будто чья-то сильная рука пребольно теребит нас за волосы. Было ясно, что наша группа находилась в зоне электрического поля!

— Спокойно! Бросайте ледорубы! Лечь каждому врозь! — подал я команду. И уже лежа стал писать записку.

Электрические явления продолжались минут десять. Настороженность быстро сменилась чувством любопытства. Мы даже сожалели, что воздушное течение быстро унесло от нас эту магическую тучу на восток к пику Н. М. Пржевальского.

Показалось солнце, а на общем фоне черной тучи появились две красивые яркие радуги. Художники К. Суворова и В. Самсон не упустили это красивейшее явление природы.

Соорудив на вершине новый тур, вложив в него банку с вымпелом и запиской, мы стали спускаться вниз.

Вечером в штурмовом лагере все оживленно обсуждали итоги этого замечательного дня. На следующий день вся группа поднялась еще на вершины имени Александра Матросова и имени Пальмиро Тольятти. На последней вершине также установили памятную доску.

Так имя Юлиуса Фучика, высеченное на высоте 4010 метров, привлекает своими немеркнущими лучами современную молодежь и помогает воспитывать в ней мужество и стойкость.

Печ. по кн.: Юлиус Фучик с нами, Ташкент, 1971, с. 145—151

А. ЖАРОВ

ВСПОМИНАЯ ЮЛИУСА ФУЧИКА

Вспоминаю о далеком 1928 годе, когда я вместе с двумя товарищами — И. Уткиным и А. Безыменским — оказался в Праге. Прекрасно встретили там нас рабочие, студенты. Но социал-предателям, находившимся тогда у власти, мы не понравились.

Мы были арестованы по обвинению в коммунистической агитации и под конвоем отправлены на вокзал. Перед самым отходом поезда к нашему вагону, растолкав конвойных, прорвался молодой смельчак, красивый парень. Он успел пожать нам руки и сказать по-русски:

— Дорогие! Знайте, что выдворяет вас из Праги не чешский народ, а «палач-демократ», министр по фамилии Черный... Но черных людей у нас не так много. Народ Чехословакии всей душой с вами, советские братья!

— А кто вы такой? — крикнул кто-то из нас.

— Я журналист из газеты «Руде право». Меня зовут Юлиус Фучик!..

Я с волнением вспоминаю сегодня Юлиуса Фучика, чье имя стало символом доверия, дружбы и братства между коммунистами Советского Союза и Чехословакии. Мне слышится завет легендарного героя о любви к людям труда, о бдительности.

Не словами, а кровью присягали мы в верности советско-чехословацкому братству в борьбе с фашистским зверьем. В 1945 году я с радостью писал песню о спасении Праги:

Жаркой ночью в самый тяжкий час
Братья чехи в Праге ждали нас...
Наши танки мчались в эту ночь,
Чтоб народу братскому помочь.

Слова, подобные тем, что были услышаны мной в юности от Юлиуса Фучика, я обращаю ко всем честным людям, ко всем истинным патриотам Чехословацкой Социалистической Республики:

— Народы Советской страны всей душой с вами.

И добавляю:

Знаю, что на свете силы нет,
Чтобы погасила добрый свет
Нашей дружбы верной, боевой —
Дружбы между Прагой и Москвой!

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

МЫ НАРУШАЕМ ГРАНИЦУ И ЗАКОН (перевод *Ю. Молочковского)* 3

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСА ФУЧИКА (перевод *О. Малевича*) 7

ПРИВЕТСТВИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КИРГИЗИИ (перевод *О. Малевича)* 8

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА ВОСТОКА» (перевод *О. Малевича*) 9

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСА ФУЧИКА ГУСТЕ ФУЧИКОВОЙ (перевод *О. Малевича*) —

ДЕЛЕГАЦИЯ, КОТОРАЯ ВОЗВРАТИЛАСЬ (перевод *О. Малевича*) 10

ПЕСНЯ О ВЕЛИКОМ ДЕЛЕ (перевод *О. Безбородовой*) 17

С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ (перевод *Ю. Молочковского*) 55

ФЛАКОН ОДЕКОЛОНА (перевод *Н. Николаевой*) 59

ТОВАРИЩ ДОГНАЛ (перевод *Н. Роговой*) 68

«АБХАЗИЯ» НА СТАПЕЛЯХ (перевод *Ю. Молочковского*) 72

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ (перевод *В. Чешихиной*) 77

ТОВАРИЩАМ ИЗ КОММУНЫ «ИНТЕРГЕЛЬПО» И ГОРОДУ ФРУНЗЕ В КИРГИЗСКОЙ АССР (перевод *Ю. Молочковского*) 82

О ГЕРОЯХ И ГЕРОИЗМЕ (перевод *Н. Николаевой*) 92

* ЗАВОД ЗАВОДОВ (перевод *Т. Николаевой*) 100

В МОСКВЕ НАЧАЛСЯ ПРИЗЫВ В КРАСНУЮ АРМИЮ (перевод *Ю. Молочковского*) 107

ТАМАРА ЦЕРЕТЕЛИ ЕДЕТ В САМАРУ (перевод *О. Малевича*) 110

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА И НОВЫЕ ЛЮДИ (перевод *О. Малевича*) 116

---

* Материалы, отмеченные звездочкой, публикуются на русском языке впервые.

ПО КОЛХОЗАМ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ (перевод *О. Малевича*) 121

ФОМА МАТВЕЕВИЧ ГОЛОСУЕТ ЗА «ВОЛГУ — МОСКВУ» (перевод *Н. Николаевой*) 128

МИСТЕР ТВИСТЕР, СТЕПЬ И ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА (перевод *О. Малевича*) 138

ЛЮДИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ (перевод *Н. Николаевой*) 142

* СОВЕТСКИЙ ПЕРВОМАЙ (перевод *В. Кузьмина*) 152

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО МЕТРО (перевод *Н. Николаевой*) 157

АСТРОНОМЫ В СТЕПИ (перевод *О. Малевича*) 186

* КОГДА УСНУВШИЙ ПРОБУДИТСЯ (перевод *Т. Мироновой*) 190

*О ШКОЛАХ, ИГРУШКАХ И ИЗОБРЕТЕНИЯХ ИЛИ О «ВОЛШЕБНОМ СРЕДСТВЕ», КОТОРОЕ ДАЕТ ВЛАСТЬ (перевод *Г. Азанчеевой*) 195

«ИНТЕРГЕЛЬПО» РАПОРТУЕТ (перевод *О. Малевича*) 202

ЧЕХИ ЕДУТ НА БАЛХАШ (перевод *О. Малевича*) 205

МИЛЛИОНЫ ШАРИКОПОДШИПНИКОВ (перевод *О. Малевича*) 208

* МАТЧ ПРАГА — МОСКВА (перевод *Г. Азанчеевой*) 212

ДВА ЧАСА НА ПАРОВОЗЕ (перевод *О. Малевича*) 215

БОЛЬШОЙ КИРГИЗСКИЙ ТРАКТ (перевод *О. Малевича*) 223

О СВОБОДНОЙ УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЕ (перевод *О. Малевича*) 230

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭКЗОТИКА (перевод *Н. Николаевой*) 239

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСТРЕЧЕ С ДЕЯТЕЛЯМИ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА (перевод *О. Малевича*) 243

«МЫ КОЛХОЗНИКИ-МИЛЛИОНЕРЫ...» (перевод *О. Малевича*) 244

ДОЛИНА ЧУДЕС В УЗБЕКИСТАНЕ (перевод *О. Малевича*) 253

* СССР — ВЕЛИКОЕ ТВОРЕНИЕ ЛЕНИНА (перевод *Г. Азанчеевой*) 256

* ИНТЕРВЬЮ С НОВЫМ ГОДОМ (перевод *Г. Азанчеевой*) 269

НАД ГРОБОМ И. П. ПАВЛОВА (перевод *Т. Аксель*) 272

НА ПЯНДЖЕ, КОГДА СТЕМНЕЕТ (перевод *Н. Николаевой*) 275

РАССКАЗ ПОЛКОВНИКА БОБУНОВА О ЗАТМЕНИИ ЛУНЫ (перевод *Н. Николаевой*) 284

НУРИНИСА ГУЛЯМ ЕДЕТ НА ОСЛЕ (перевод *Н. Николаевой*) 292

ИЗ ОЧЕРКА «СОВЕТСКАЯ ШКОЛА И СОВЕТСКИЙ УЧИТЕЛЬ» (перевод *О. Малевича*) 294

О ЗАПРЕЩЕННОЙ «ДУБИНУШКЕ», О РАДИО И ДРУГИЕ ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ (перевод *О. Малевича*) 298

МАКСИМ ГОРЬКИЙ (перевод *С. Никольского*) 302

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ТАДЖИХОН ШАДИЕВОЙ (перевод *О. Малевича*) 306
РОЗИЯХОН МИРЗАГАТОВА (перевод *О. Малевича*) 309
ДО СВИДАНЬЯ, СССР (перевод *Т. Аксель*) 312
ЖИВОЕ ДЕЛО (перевод *Н. Роговой*) 314

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮЛИУСЕ ФУЧИКЕ 318

Ладислав Штолл. ГЕРОЙ БОРЬБЫ ЗА МИР (перевод *Т. Николаевой*) —
Густа Фучикова. ЖИЗНЬ И БОРЬБА ЮЛИУСА ФУЧИКА (перевод *О. Лушникова*) 329
Мария Пуйманова. ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ 345
Пабло Неруда. ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ ЖИЗНИ 347
* Йозеф Рыбак. ОН БУДЕТ ЖИТЬ В СЕРДЦАХ ПОКОЛЕНИЙ (перевод *Т. Мироновой*) 349
* Гана Грзалова. ЖУРНАЛИСТ И РЕДАКТОР (перевод *П. Турпитько*) 365
Л. Магаршак. ВСТРЕЧА С ЮЛИУСОМ ФУЧИКОМ 373
А. Глуховский. ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕД КОТОРЫМ ОТСТУПИЛА СМЕРТЬ 382
В. Коночкин. ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ 387
Р. Мирсагатова. В ТЕНИСТОМ САДУ БОЛЬНИЦЫ 393
Н. Жданов. ПОЕЗДКА НА ВАХШ 398
З. Фатхуллин. ФУЧИК С НАМИ! 419
* А. Бочкарев. ЮЛИУС ФУЧИК НА ЧИРЧИКСТРОЕ 424
Н. Бобкова. ОН ЛЮБИЛ ВАС! 433
Р. Маречек. ПИК ИМЕНИ ЮЛИУСА ФУЧИКА 437
А. Жаров. ВСПОМИНАЯ ЮЛИУСА ФУЧИКА 443

ЮЛИУС ФУЧИК

ИЗБРАННОЕ

Книга 2

Составитель *С. И. КОЛЕСНИКОВ*

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Т. Г. Климова*
Младший редактор *К. О. Меликян*
Художник *Е. А. Андрусенко*
Художественный редактор *В. И. Терещенко*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 4104

Сдано в набор 21.09.82. Подписано в печать 14.12.82. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 20,30. Условн. кр.-отт. 21,35, в суперобложке 21,61. Учетно-изд. л. 20,63. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 2727. Цена 95 коп., в суперобложке 1 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ДЕРЕВО ПОСАЖЕНО
ЮЛИУСОМ
ФУЧИКОМ
1930г.

95 коп.

2
Юлиус
Фучик